ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1969

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО, ТРУДОВОГО И ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
Томск — 1969

Редакторы — доктор юридических наук В. Н. Щеглов и кандидат юридических наук Б. Л. Хаскельберг

РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ

Проф. А. П. Бычков (председатель, ректор университета), проф. М. П. Кортусов (зам. председателя), доц. Ю. В. Чистяков (зам. председателя), доц. В. Е. Томилов (ученый секретарь), директор издательства М. С. Змазнев. проф. Р. Н. Щербаков, проф. И. А. Александров, проф. В. Н. Кесенних, проф. К. В. Савицкий, доц. М. А. Кривов, ст. научн. сотр. В. П. Тарасенко, проф. А. В. Положий, проф. Н. В. Прикладов, проф. В. А. Хахлов, доц. В. В. Хахлов, проф. Тронов М. В., ст. преподаватель Ф. И. Терпугов, проф. В. В. Серебренников, проф. А. И. Ким, доц. С. М. Лисовик, проф. И. М. Разгон, доц. А. А. Говорков, проф. Н. Ф. Бабушкин, проф. В. С. Флеров, проф. К. П. Ярошевский, директор научной библиотеки М. Р. Филимонов. секретарь парткома докт. юрид. наук В. Н. Щеглов.

Индекс 10-1

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЕ ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

И. В. ФЕДОРОВ

Термин «имущественные отношения» используется в практике советского законодательства и в юридической науке для обозначения определенной области общественных отношений, регулируемых социалистическим правом. Имущественные отношения включаются в состав предмета таких важнейших правовых отраслей как государственное, административное, финансовое, гражданское, семейное, трудовое, земельное, колхозное право[1]).

Юристы, занимающиеся исследованием вопросов правового регулирования, неизбежно сталкиваются с необходимостью выявления природы и сущности имущественных отношений. Чтобы воздействовать на то или иное общественное явление, надо знать не только его общие черты, но и его специфические особенности. Лишь глубокое познание данного явления во всех его связях и опосредствованиях позволит правильно решить вопрос о средствах и способах содействия его развитию. От познания сущности социалистических имущественных отношений, следовательно, зависит научный поиск путей повышения эффективности правового воздействия на развитие экономической жизни нашего общества. Поэтому, естественно, проблема имущественных отношений вызывает у правоведов большой интерес.

За последние годы в юридической литературе появился целый ряд работ, посвященных в той или иной степени рассмотрению указанной проблемы[2]). В этих работах содержится немало существенных теорети-

---

[1]) См. ст. 2 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик.

[2]) См. Н. Г. Александров. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1957, № 1; его же. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1961; С. Н. Братусь. О правовом регулировании имущественных отношений в СССР. Сб. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., Изд-во АН СССР, 1959; его же. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР. Сб. «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960; его же. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат, 1963; С. С. Алексеев. Предмет советского социалистического гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института, т. 1. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1959; В. П. Грибанов. К вопросу о понятии права собственности. «Вестник Московского университета», Серия экономики, философии, права. 1959, № 3; Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. Сб. «Проблемы гражданского и административного права». Изд. ЛГУ, 1962; В. А. Тархов. О понятии имущественных отношений. «Правоведение», 1962, № 3; О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967.

ческих положений, объясняющих природу и характер имущественных отношений, как предмета правового регулирования.

Однако мы не можем сказать, что проблема имущественных отношений уже решена. По ряду принципиальных вопросов среди ученых нет единства мнений; с некоторыми концепциями, выдвинутыми в литературе, нельзя согласиться. Продолжают оставаться спорными вопросы: о понятии и природе имущественных отношений, о их соотношении с производственными и правовыми отношениями, о механизме воздействия юридических норм на имущественные отношения. Правильное решение этих вопросов имеет методологическое значение: оно позволит глубже познать процессы взаимодействия экономического базиса и надстройки. Актуальность проблемы имущественных отношений и совершенствования их правового регулирования еще больше возросла в связи с решениями XXIII съезда КПСС о необходимости улучшения руководства экономикой страны[3]). Претворение в жизнь хозяйственной реформы поставило перед советской наукой неотложную задачу по разработке теоретических основ научного управления общественным производством. Все это обусловливает надобность дальнейшего исследования социалистических имущественных отношений, складывающихся в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ.

Имущественные отношения представляют собой сложное общественное явление. По своей социальной сущности они относятся к сфере экономики и в то же время (в условиях классового общества) тесно связаны с правовой сферой. Ввиду этого проблема имущественных отношений является комплексной: она должна изучаться в трех аспектах — философском, экономическом и правовом. Только совместными усилиями философов, экономистов и правоведов возможно с достаточной полнотой раскрыть многочисленные стороны, связи и проявления существующей в СССР системы имущественных отношений.

Юридический аспект проблемы заключается в исследовании составных элементов и структуры имущественных отношений с точки зрения выявления в них таких моментов, которые объективно дают государству возможность воздействовать на эти отношения правовыми средствами, а также в раскрытии того, каким образом юридические нормы в конечном счете оказывают влияние на развитие материальных производственных отношений социалистического общества. Такое исследование может быть плодотворным на основе использования теоретических положений и выводов марксистско-ленинской философии и политической экономии о сущности, системе и внутренней структуре социалистических производственных отношений, о природе собственности как экономической категории, о критериях разграничения общественных отношений на материальные и идеологические, о механизме действия объективных экономических законов.

Автор настоящей статьи, разумеется, не ставит задачу осветить в ней все стороны поставленной проблемы; он ограничивается попыткой рассмотреть только некоторые спорные вопросы, касающиеся понятия, природы и сущности социалистических имущественных отношений.

Исходным моментом исследования этой проблемы является, по нашему мнению, теоретическое обоснование понятия имущественных отношений как социально-экономической категории. Если обратиться к философской и экономической литературе, то нетрудно заметить, что в системе философских (социологических) и экономических категорий, раз-

[3]) См. Материалы XXIII съезда КПСС. М., Госполитиздат, 1966, стр. 232.

работанных наукой, логического понятия «имущественные отношения» нет. Термин «имущественные отношения» философами-социологами и экономистами почти не применяется, а если иногда и используется, то как равнозначный понятию «собственность» или «производственные отношения». В правовой науке этот термин получил признание, но и здесь понятию «имущественные отношения» не всегда придается значение социально-экономической категории. Создается впечатление, что указанное понятие используется только юристами для выражения определенного правового явления[4]). Такое положение следует рассматривать как пробел в теории общественных отношений.

Партия и правительство придают огромное значение упорядочению и развитию хозяйственных отношений, складывающихся между конкретными социалистическими организациями в процессе их деятельности. Разрабатываются и проводятся в жизнь важнейшие экономические мероприятия по улучшению организации хозяйственных связей. Постоянное совершенствование этих отношений является одним из необходимых моментов содержания экономической политики Советского государства. Руководствуясь этой политикой, законодательные органы разрабатывают систему нормативных актов, направленных на регулирование имущественных отношений, возникающих в сфере социалистического народного хозяйства между организациями, а также между гражданами или с участием граждан. Следовательно, имущественные отношения признаются Советским государством как реально существующие в общественной жизни. А если так, то имеет право на существование и научное логическое понятие, которое бы в обобщенном (абстрактном) виде отражало данные общественные отношения как объективную действительность. Поэтому мы полагаем, что научное понятие «имущественные отношения» должно рассматриваться в качестве социально-экономической категории[5]).

Непризнание за понятием «имущественные отношения» значения социально-экономической категории ведет к недооценке всестороннего и углубленного исследования большого круга экономических отношений, имеющих специфические особенности. В работах некоторых ученых нередко обнаруживается тенденция исследовать определенные общественные отношения вообще, без анализа отдельных форм их проявления. Вряд ли такой путь в науке может быть эффективным. Широкое использование в научном обороте социально-экономической категории «имущественные отношения», по нашему мнению, будет способствовать концентрации внимания философов-социологов, экономистов и юристов на более обстоятельное, более конкретное изучение столь важных в жизни общества экономических явлений. Вот почему нам представляется, что социально-экономическая категория «имущественные отношения» должна получить права гражданства и занять соответствующее место в системе категорий марксистско-ленинской философии, политической экономии и юриспруденции.

[4]) Недооценка значимости научного понятия имущественных отношений проявляется даже в таком факте, что в советских справочных изданиях последних лет («БСЭ», «МСЭ», «Философская энциклопедия», «Политэкономический словарь») не содержится объяснения термина «имущественные отношения». Не нашлось места для статьи об имущественных отношениях и в специальных юридических справочниках («Юридический словарь» в 2-х томах. М., Госюриздат, 1956; «Энциклопедический словарь правовых знаний». М., «Советская энциклопедия», 1965).

[5]) О понятии и методологическом значении категорий в науке см. «Философская энциклопедия», т. 2, М., 1962, стр. 472—475; А. М. Румянцев. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., «Мысль», 1966, стр. 69 и сл.

Разумеется, эти утверждения нуждаются в теоретическом обосновании. То или иное логическое понятие может быть признано научной категорией только в случае, если оно отражает такие существенные связи и отношения действительности, которые имеют самостоятельное значение, не растворяются в иных отношениях, отражаемых другими научными категориями. Как уже отмечалось, философы и экономисты в свих работах почти не пользуются термином «имущественные отношения», полагая, что обозначаемые им социально-экономические явления с неменьшей полнотой и точностью выражаются такими общепризнанными научными категориями, как «производственные отношения», «собственность» и даже «юридические отношения». Суждения об отождествлении или «растворении» имущественных отношений в других социально-экономических отношениях высказываются иногда и в правовой науке[6]). Советские юристы предпринимают настойчивые попытки выработать научное понятие имущественных отношений и, по нашему убеждению, немало в этом достигли. Однако общепризнанного определения данного понятия пока еще нет. Отмеченными обстоятельствами в определенной мере объясняется почему категория «имущественные отношения» все еще не получила принадлежащего ей места в науке.

Следовательно, обоснование категории «имущественные отношения» должно сводиться к доказательству того, что эти отношения обладают особой природой и что по своей сущности они не тождественны ни производственным отношениям, ни отношениям собственности, ни, тем более, правовым отношениям.

Большинство ученых исходит из того, что имущественные отношения — это общественные отношения, которые возникают в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ, необходимых для жизни общества. Такой подход к решению проблемы нам представляется методологически правильным. Но приведенное определение носит слишком общий характер, оно не раскрывает специфику имущественных отношений и не дает ответа на вопрос, все ли экономические отношения являются имущественными.

Наряду с тем, есть ученые, которые подходят к определению имущественных отношений с совершенно других позиций. Они рассматривают эти отношения как идеологические, как правовые отношения.

Мысль о том, что имущественные отношения социалистического общества представляют собой производственные отношения, «взятые в юридическом выражении», была высказана Г. Н. Амфитеатровым[7]). Поддержку и дальнейшее развитие она получила в работах В. Г. Вердникова, по мнению которого имущественные отношения возникают в нашем обществе в качестве результата правового регулирования экономических отношений и, «будучи правовыми отношениями, входят не в базис, а в надстройку над социалистическим базисом»[8]).

Такой взгляд на природу имущественных отношений справедливо был подвергнут критике в юридической литературе[9]). В необоснованнос-

[6]) См., например, Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. Сб. «Проблемы гражданского и административного права». Изд. ЛГУ, 1962, стр. 147.

[7]) См. Г. Н. Амфитеатров. К вопросу о понятии советского гражданского права. «Советское государство и право», 1940, № 11, стр. 94.

[8]) См. В. Г. Вердников. Предмет советского социалистического гражданского права. Лекции для студентов ВЮЗИ. М., 1954, стр. 7; его же, гл. 1 в кн. «Советское гражданское право», ч. 1. Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. Отв. редактор проф. В. А. Рясенцев. М., 1955, стр. 9.

[9]) См. В. П. Грибанов. К вопросу о понятии права собственности. «Вестник Московского университета». Серия экономики, философии, права. 1959, № 3, стр. 183.

ти своей точки зрения убедился и В. Г. Вердников, занявший впоследствии по данному вопросу другую позицию[10]).

Было бы, однако, неправильным считать, что несостоятельность этой концепции является общепризнанной. В последнее время в экономической и юридической литературе снова предпринимаются попытки трактовать имущественные отношения как правоотношения[11]). Таким образом, вопрос о критической оценке изложенной точки зрения не снимается. Рассматриваемая концепция имущественных отношений неприемлема по ряду оснований методологического характера.

Во-первых, если под имущественными отношениями понимать определенную совокупность общественных отношений, урегулированных нормами права, то необходимо признать, что имущественные отношения — р е з у л ь т а т, а не предмет правового регулирования. Право, как известно, воздействует на фактические (реальные) общественные отношения с целью их упорядочения[12]). Правовая форма выражает лишь фактические отношения и «не создает ни своего содержания, ... ни с у щ е с т в у ю щ и х в ней о т н о ш е н и й л и ц д р у г к д р у г у...»[13]). Суть правового регулирования заключается в том, чтобы с помощью юридических норм установить права и обязанности участников фактического общественного отношения, то есть облечь последнее в форму правового отношения и тем самым обеспечить его определенность и устойчивость. Как результат урегулирования реального общественного отношения и как его юридическая форма, правоотношение само по себе не нуждается в дополнительном юридическом одеянии: нет надобности регулировать то, что уже урегулировано. Идея повторного урегулирования теряет здесь всякий смысл. Правоотношения в процессе их осуществления нуждаются не в урегулировании, а в правовой охране. Поэтому они не могут быть предметом правового регулирования. Отсюда вывод: позиция сторонников критикуемой точки зрения объективно приводит к отрицанию никем не оспариваемого положения о том, что имущественные отношения являются предметом правового регулирования.

---

[10]) См. В. Г. В е р д н и к о в. Гл. 1 в кн. «Советское гражданское право», т. 1, Учебник для юридических вузов. Отв. редактор проф. В. А. Рясенцев. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 3—4.

[11]) Так, например, В. П. Шкредов утверждает, что имущественными отношениями следует называть «фактические отношения собственности вместе с юридической их оболочкой». (См. В. П. Ш к р е д о в. Экономика и право. М., «Экономика», 1967, стр. 36).

В. И. Корецкий предлагает следующее определение: «Имущественными отношениями называются такие общественные отношения, которые возникают в результате владения, пользования, распоряжения вещами и другими продуктами труда, либо вследствие наступления иных юридических фактов и, как правило, влекут за собой признание или закрепление прав на указанные объекты за определенными лицами, либо переход этих объектов от одних лиц к другим». (В. И. К о р е ц к и й. Гражданское право и гражданские правоотношения в СССР. Душанбе, Изд. «Ирфон», 1967, стр. 15). Иначе говоря, по мнению В. И. Корецкого, имущественные отношения — это возникающие на основе юридических фактов правовые отношения.

[12]) См. М. А р ж а н о в. Предмет и метод правового регулирования в связи с вопросом о системе советского права. «Советское государство и право», 1940, № 8—9, стр. 14; О. А. К р а с а в ч и к о в. Советская наука гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института, т. VI. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1961, стр. 184; Общая теория советского права. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 15—17.

Термин «фактические (реальные) общественные отношения» употребляется в литературе для обозначения отношений, составляющих предмет правового регулирования. По своему смыслу он противопоставляется термину «юридические (правовые) отношения».

[13]) К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 19, стр. 393.

Во-вторых, если допустить, что имущественные отношения являются в одно и то же время и правоотношениями и предметом правового регулирования, то в составе отраслей социалистического права должны, видимо, существовать и две различные совокупности правовых норм: нормы, регулирующие фактические общественные отношения (нормы «первичного» регулирования), и нормы, регулирующие имущественные правоотношения (нормы «вторичного» регулирования). В действительности же наше законодательство не знает такого разграничения правовых норм: все регулятивные нормы имеют своим предметом только фактические общественные (в том числе и имущественные) отношения.

В-третьих, признание имущественных отношений правовыми должно означать, что они суть идеологические отношения и входят в надстройку над экономическим базисом. С точки зрения этой позиции выходит, что право как составная часть надстройки воздействует главным образом на другую ее составную часть — имущественные отношения. В таком случае правовые нормы, регулирующие надстроечные явления не могут играть роль фактора, активно воздействующего на экономический базис. В итоге, разбираемая нами конструкция имущественных отношений не только ведет к принижению роли советского права в регулировании экономических отношений, но и создает искаженное представление о характере взаимосвязи базиса и надстройки, не позволяет раскрыть механизм их взаимодействия.

Таким образом, с методологических позиций это концепция не выдерживает критики и должна быть отвергнута как несостоятельная.

Мы считаем, что имущественные отношения по своей природе являются материальными экономическими отношениями, они входят в состав экономического базиса. Это положение следует принять в качестве отправного при исследовании социально-экономической сущности имущественных отношений.

В экономической и правовой литературе получила распространение точка зрения, согласно которой имущественные отношения рассматриваются как общественно-производственные или экономические отношения, складывающиеся в процессе производства, обмена и распределения[14]). Некоторые авторы прямо утверждают, что понятия производственные, экономические и имущественные отношения должны употребляться как тождественные[15]). Следовательно, сторонники данной точки зрения не усматривают различий между указанными отношениями, полагая, что всякое экономическое отношение есть в то же время и производственное и имущественное отношение.

Представляется, что такой взгляд на существо проблемы не может быть плодотворным. Конечно, экономические, производственные и имущественные отношения как социально-экономические сущности нераз-

---

[14]) См. М. М. Агарков. Предмет и система советского гражданского права. «Советское государство и право», 1940, № 8—9, стр. 54; М. В. Колганов. Собственность в социалистическом обществе. М., Изд. АН СССР, 1953, стр. 7—8; Г. Дорнбергер, Г. Клейне, Г. Клингер, М. Пош. Гражданское право Германской Демократической Республики. Общая часть. (Перевод с нем.). М., Изд-во иностранной литературы, 1957, стр. 34; С. И. Вильнянский. Лекции по советскому гражданскому праву. Изд. Харьковского университета, 1958, стр. 9; Д. М. Генкин. Право собственности в СССР. М., Госюриздат, 1961, стр. 20; О. А. Красавчиков. Советская наука гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института, т. VI. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1961, стр. 179; Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. Сб. «Проблемы гражданского и административного права». Изд. ЛГУ, 1962, стр. 147.

[15]) Ю. К. Толстой. Там же.

рывно связаны между собой. Но вряд ли можно согласиться с утверждением, что это — идентичные общественные отношения. Отождествление перечисленных отношений было бы возможным, если бы весь обширнейший круг экономических отношений состоял из однопорядковых, сходных по характеру общественных отношений, одинаково поддающихся воздействию социальных норм. В действительности же дело обстоит не так. Существующие экономические отношения по их субъектному составу и структуре крайне разнообразны. Одни из них выступают на поверхности как конкретные отношения между определенными лицами. Другие являются глубинными, сущностными отношениями между классами, социальными прослойками и тому подобными общностями. Поскольку такого рода экономические отношения вовне не выступают, то они объективно не могут быть предметом непосредственного нормативного воздействия, а следовательно их нельзя и отождествлять с имущественными отношениями.

Изложенная концепция нам кажется неприемлемой также и потому, что она не ориентирует исследователя на всестороннее конкретное изучение тех экономических отношений, которые в качестве имущественных составляют предмет правового регулирования. Признание имущественных, производственных и экономических отношений однозначными снимает необходимость выявлять характерные черты и особенности имущественных отношений, определять их место и роль в системе экономических отношений, рассматривать вопрос о их взаимодействии с производственными отношениями.

Далее, если экономические, производственные и имущественные отношения — тождественные понятия, то, очевидно, не было бы практической надобности использовать различные термины для обозначения одинаковых общественных явлений. В научных целях, по-видимому, не должно допускаться такое положение, чтобы одно и то же общественное отношение обозначалось различными терминами, имеющими значение основных понятий, отражающих наиболее общие и существенные свойства данного явления.

Следует подчеркнуть, что не все ученые, рассматривающие имущественные отношения как производственные, отождествляют их. Некоторые авторы считают, что наряду с имущественными, являющимися одновременно и производственными отношениями, имеются имущественные отношения непроизводственного характера[16]), равным образом и «производственные отношения не всегда являются имущественными»[17]).

Мы присоединяемся к высказанным в литературе критическим замечаниям относительно имущественных отношений непроизводственного характера[18]). Как известно, производственные отношения складываются не только в самом процессе производства материальных благ, но и в сферах распределения, обмена и потребления. Экономические отношения, в том числе и имущественные, не могут возникать и существовать за пре-

---

[16]) См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право (курс лекций). Изд. ЛГУ, 1958, стр. 7; А. Г. Певзнер. Понятие и виды субъективных гражданских прав. Ученые записки ВЮЗИ, вып. X «Вопросы гражданского права», М., 1960, стр. 26; В. А. Тархов. О понятии имущественных отношений. «Правоведение», 1962, № 3, стр. 34.

[17]) В. А. Тархов. Там же.

[18]) См. Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. Сб. «Проблемы гражданского и административного права». Изд. ЛГУ, 1962, стр. 147.

делами этих сфер общественного воспроизводства. Поэтому имущественных отношений непроизводственного характера не может быть[19]).

Особую позицию по проблеме имущественных отношений занял О. С. Иоффе. В одной из своих последних работ он уточнил ранее сформулированное им определение имущественных отношений. Теперь под имущественными отношениями он понимает «такие общественные отношения, которые, будучи волевым опосредствованием производственных отношений, обладают определенной экономической ценностью ввиду их связи со средствами производства, предметами потребления или иными продуктами труда человека»[20]). В данном определении заслуживает внимания мысль о том, что имущественные отношения по своей сущности не равнозначны понятию производственных отношений. К сожалению, эту мысль автор не проводит в своих последующих суждениях. Если в определении подчеркивается, что имущественные отношения — это не сами производственные отношения, а лишь их волевое опосредствование, то в другом месте той же работы О. С. Иоффе пишет: «имущественные отношения... представляют собой не что иное, как общественно-производственные отношения, взятые в пределах их волевого опосредствования»[21]). Здесь имущественное отношение истолковывается автором уже как самое производственное отношение, но только взятое в определенных рамках. А если взять собственно производственное отношение в целом, без ограничения его рамками волевого опосредствования, то разве будет оно тождественным общественному отношению, находящемуся в пределах этих рамок?

Вызывает замечание и сама формула: «имущественные отношения — волевое опосредствование производственных отношений». Она не отличается определенностью и довольно эластична, в нее можно вложить различное содержание. В частности, из данной формулы вытекает, что имущественные отношения, будучи волевым опосредствованием производственных отношений, — это, по всей видимости, не сами производственные отношения в обычном понимании, а нечто иное. Что же это за отношения, какова их природа, к какому типу или виду они принадлежат, каковы их особенности? Чем, собственно, отличается общественное отношение, как волевое опосредствование, от того отношения, которое им опосредствуется? В каком соотношении они находятся? На эти вопросы концепция О. С. Иоффе ответа не дает.

В качестве отличительного признака имущественных отношений О. С. Иоффе указывает то, что они обладают определенной экономической ценностью ввиду их связи с материальными благами (средствами производства, предметами потребления и др.). Конечно, то обстоятельство, что имущественные отношения складываются всегда по поводу средств производства, предметов потребления или иных продуктов труда человека, несомненно является характерной чертой данных отноше-

---

[19]) Примечательно то, что О. С. Иоффе в 1967 году признал ошибочным ранее выдвинутое им утверждение по поводу возможности существования имущественных отношений непроизводственного характера. (См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 237).

[20]) О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 9.

[21]) О. С. Иоффе. Там же, стр. 8. Аналогичную мысль О. С. Иоффе высказывает также в работе «Советское гражданское право и социалистическая экономика» (См. сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 235—236).

ний. Но из этого вовсе не следует, что сами имущественные отношения обладают экономической ценностью.

Обычно, под экономической ценностью понимается стоимость чего-нибудь, выраженная в деньгах, цена[22]). Имущественные отношения по своей сущности представляют собой определенного рода социальную связь между отдельными лицами[23]). И хотя в рамках этой связи субъекты совершают действия по поводу материальных благ, имеющих экономическую ценность, имущественные отношения сами по себе, как общественная форма поведения людей, носителями стоимости не являются, а следовательно, и не подлежат денежной оценке[24]).

Не меняет положения и дополнительный довод, приведенный О. С. Иоффе в другой работе, что понятие ценности им употребляется не в натуралистическом, а политико-экономическом плане, что категория экономической ценности «вне общественных отношений, в которых она воплощается, не может быть истолкована»[25]). Думается, что во всех случаях, когда идет речь об экономической ценности вещей или иных продуктов труда человека, понятие это может употребляться только в социально-экономическом плане. Эти объекты именно потому и обладают ценностью, что они выступают в качестве носителей общественных отношений. Значит, нет оснований говорить о каком-то особом понятии ценности объекта в так называемом натуралистическом плане: такого понятия вообще не существует. Совершенно верно, понятие ценности объекта не может быть истолковано вне общественных отношений, в которых она проявляется. Однако означает ли это, что экономической ценностью обладает само общественное отношение, а не объект, по поводу которого оно возникло? По-видимому, нет. Выразить в денежной оценке можно лишь то, что является носителем стоимости. А носителем стоимости, как неопровержимо доказал К. Маркс, могут быть только вещи, выступающие в качестве товара, или иные продукты труда человека (например услуги), обладающие потребительной стоимостью и обмениваемые на деньги[26]). Цена как раз и выражает стоимость товара[27]).

Если же под экономической ценностью понимать важность, значимость в экономике того или иного явления, то в этом случае получится, что ценностью обладают не только имущественные, но и все другие общественные отношения, так или иначе опосредствующие производственные отношения, например, организационные отношения, соревнование и т. п. Следовательно, экономическая ценность в указанном смысле не может служить отличительным признаком имущественных отношений.

Принципиально иной характер носит понимание имущественных отношений как конкретных волевых отношений собственности, как общественных отношений, выражающих материальные производственные

---

[22]) См. «Философский словарь». Под ред. М. М. Розенталя, П. Ф. Юдина. М., Политиздат, 1968, стр. 392.

[23]) См. А. В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Изд. ЛГУ, 1966, стр. 23 и сл.

[24]) См. С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат, 1963, стр. 34; В. И. Корецкий. Предмет, метод и определение советского гражданского права в период развернутого строительства коммунизма. Душанбе, 1963, стр. 12.

[25]) См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 237.

[26]) См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 56; т. 26, ч. 1, стр. 414.

[27]) См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 113.

отношения в волевой деятельности людей. Наиболее полное изложение и обоснование эта концепция получила в работах С. Н. Братуся, С. С. Алексеева, В. П. Грибанова[28]).

В основу рассматриваемой конструкции положен утвердившийся в теории права взгляд, согласно которому производственные отношения представляют собой объективно необходимую, не зависимую от сознания людей цепь событий, складывающуюся из бесчисленных волевых отношений между конкретными лицами в сфере производства, распределения и обмена. Эти волевые отношения составляют субъективную сторону общественного производства, которая в конечном счете определяется объективной стороной (существующей общественной формой производства) и в то же время оказывает на нее обратное воздействие. Конкретные экономические (в том числе и имущественные) отношения между отдельными лицами выступают как волевое выражение объективных производственных отношений данного общества, как «неразрывное единство материального содержания и волевого опосредствования»[29]).

Сторонники такого взгляда на имущественные отношения исходят из необходимости отличать их от производственных отношений. Они считают, что первые не тождественны вторым, ибо «имущественные отношения как отношения волевые представляют собой общественные связи иного порядка, чем производственные отношения. ... Имущественные отношения — это область внешних процессов в производстве, обмене, распределении, потреблении»[30]. В то же время подчеркивается, что имущественные отношения не должны противопоставляться производственным, поскольку «они — формы проявления последних, необходимая их сторона, их элемент, момент их становления и вместе с тем их результат»[31]).

Изложенная теория имущественных отношений имеет немало сторонников, но общего признания она также не получила. Многие положе-

---

[28]) См. С. Н. Братусь. О правовом регулировании имущественных отношений в СССР. Сб. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 406—408; его же. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат, 1963, стр. 26—28; С. С. Алексеев. Предмет советского социалистического гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института, т. 1. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1959, стр. 19, 27; В. П. Грибанов. К вопросу о понятии права собственности. «Вестник Московского университета». Серия экономики, философии, права. 1959, № 3, стр. 185—186. Изложенных взглядов придерживается также М. И. Козырь в монографии «Имущественные правоотношения колхозов СССР». М., «Наука», 1966, стр. 16—18.

Эта концепция нашла отражение в учебной литературе. См. «Советское гражданское право», т. 1. Учебник для юридических вузов. М., Госюриздат, 1959, стр. 7 (автор соответствующей главы В. П. Грибанов); «Советское гражданское право», т. 1. Учебник для юридических вузов. М., «Юридическая литература», 1965, стр. 3—4 (автор соответствующей главы В. Г. Вердников).

[29]) См. Н. Г. Александров. Право и производственные отношения в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1957, № 1, стр. 45—46; его же. Право и законность в период развернутого строительства коммунизма. М., Госюриздат, 1961, стр. 184—185.

Термин «конкретные экономические отношения» употребляется здесь и в последующем изложении для обозначения той категории экономических отношений, которые выступают на поверхности общественной жизни как единичные социальные связи между отдельными лицами (гражданами и организациями).

[30]) С. С. Алексеев. Указанная работа, стр. 26.

[31]) С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат, 1963, стр. 27.

ния ее подвергаются критике. Некоторые ученые считают ее вообще неприемлемой[32]).

На наш взгляд, данная концепция имущественных отношений заслуживает внимания. Несмотря на отдельные недостатки, она содержит ряд весьма ценных положений, могущих служить отправными для дальнейших исследований проблемы. Поэтому мы не согласны с утверждениями, полностью отвергающими всю концепцию.

Одно из достоинств этой теории заключается в том, что она выдвигает в качестве самостоятельного предмета исследования проблему соотношения имущественных и производственных отношений и в основном правильно определяет исходные позиции для ее решения. С этих позиций производственные отношения рассматриваются как объективно существующая система внутренних социально-экономических связей между людьми — участниками общественного воспроизводства, а имущественные отношения понимаются как форма проявления данных производственных отношений в целесообразной деятельности конкретных лиц. Обоснование такого понимания производственных и имущественных отношений — несомненно шаг вперед в развитии теорий социалистических общественных отношений. Вывод авторов о том, что имущественные отношения не тождественны производственным, по нашему мнению, имеет методологическое значение.

Положительным моментом анализируемой концепции является ее направленность на решение теоретических и практических задач правового регулирования. Авторы ее правильно исходят из необходимости выявить специфику, элементы, структуру имущественных отношений, определить их место в экономической структуре нашего общества, выяснить характер связи с производственными отношениями и на этой основе раскрыть механизм воздействия правовых норм на имущественные отношения. Мы считаем также весьма существенным утверждение о том, что производственные отношения по своей природе и характеру не могут быть объектом непосредственного воздействия норм права. Однако, отправляясь от этой верной в основном посылки, авторы данной концепции выдвинули ряд неправильных положений, ослабивших их теоретическую позицию.

Они не привели необходимых доказательств в обосновании невозможности непосредственного правового регулирования производственных отношений. В этом — слабое место их концепций. Тот факт, что указанные отношения являются материальными, возникающими независимо от воли и сознания людей, сам по себе не может служить достаточным аргументом. Противники этой конструкции, критикуя такой довод, утверждают, что производственные отношения, несмотря на объективный характер, опосредствуются волей их участников, и в границах волевого опосредствования они способны быть предметом прямого правового воздействия[33]). Не выдвигая сколько-нибудь убедительных доказательств

---

[32]) См. О. А. Красавчиков. Указанная работа, стр. 175—179; В. А. Тархов, указанная работа, стр. 30—34; Ю. К. Толстой, указанная работа, стр. 143—147; В. В. Малькевич. Об одной правовой конструкции. Письмо в редакцию. «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 139—141; О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы Советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 232—237.

[33]) См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма. Изд. ЛГУ, 1967, стр. 235—236.

несостоятельности подобных утверждений, авторы концепции противопоставили им в качестве основополагающего свой тезис, что право может непосредственно воздействовать лишь на волевые общественные отношения[34]). Но приведенный тезис отнюдь не вытекает из их отправной посылки и не обусловливает ее, потому, что не доказана его истинность. Как известно, по законам логики несоответствующая действительности посылка в суждении необходимо ведет к неправильному заключению. Приняв данный тезис за основу своих дальнейших выводов, авторы оказались вынужденными рассуждать следующим образом. Поскольку непосредственным предметом правового регулирования могут быть лишь волевые отношения, а имущественные отношения — предмет правого регулирования, то они, следовательно — волевые отношения. Такой ход суждений привел авторов к необходимости из всей совокупности неволевых экономических отношений выделить в особый круг имущественные отношения и включить их в разряд волевых. С таким выводом невозможно согласиться. Поэтому, естественно, он вызвал в литературе критику в целом всей концепции имущественных отношений, предложенной авторами.

Неприемлемыми, с нашей точки зрения, являются также положения об отождествлении производственных и экономических отношений, о противопоставлении имущественных отношений, как волевых, материальным (неволевым) отношениям, о сведении имущественных отношений только к волевым отношениям собственности.

Таким образом, обзор существующих в литературе взглядов, концепций, теорий по поводу имущественных отношений свидетельствует о необходимости дальнейшей теоретической разработки поставленной проблемы. Продолжение исследований должно начинаться не с голого места; нужно использовать при этом все то ценное, что уже достигнуто наукой по данному вопросу.

Мы присоединились к мнению С.Н.Братуся и его сторонников о том, что имущественные отношения не должны отождествляться с производственными. Поскольку это положение оспаривается, надо остановиться на нем. Решение спора, как нам кажется, возможно только на путях выявления сущности социалистических производственных отношений. Без этого невозможно уяснить природу и сущность неразрывно связанных с ними имущественных отношений.

Основы учения о производственных отношениях разработаны классиками марксизма-ленинизма. К. Маркс писал: «В общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания[35]). Отсюда следует, что производственные отношения — это, прежде всего, материальные, объективные по своему характеру общественные отношения: они порождаются самой материальной жизнью и не зависят от воли

---

[34]) См. И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., «Юридическая литература», 1963, стр. 117—118. Такого же взгляда по этому вопросу придерживается авторский коллектив монографии «Общая теория советского права», М., «Юридическая литература», 1966, стр. 16—17.

[35]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 6—7.

и сознания людей [36]). Чтобы жить, люди должны производить средства, необходимые для своего существования. «Они не могут производить не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью»[37]). Иначе говоря, члены общества не могут не вступать в производственные отношения[38]). Объективный характер этих отношений предопределяется уровнем развития производительных сил данного общества, а также действием объективных экономических законов[39]). Далее, производственные отношения — это экономические общественные отношения: они охватывают все сферы экономической жизни (производство, распределение, обмен и потребление материальных благ)[40]).

Но всякое ли экономическое отношение есть производственное отношение? Вопрос этот трактуется по-разному. Одни авторы считают указанные отношения тождественными, другие полагают, что круг экономических отношений не ограничивается только производственными отношениями. Второе мнение представляется более правильным.

Исследования показывают, что экономические отношения, возникающие в сфере общественного воспроизводства, неодинаковы. Они разделяются на две категории отношений, различающихся по их месту в составе экономического базиса, по субъектному составу, структуре, содержанию и социально-экономическим функциям.

Сердцевину всей совокупности экономических отношений составляют внутренние социально-экономические связи и зависимости между различными социальными общностями (классами, социальными слоями, профессиональными и иными обширными группами людей). Характер указанных связей определяется существующей в данном обществе формой собственности на средства производства. Эти связи представляют собой сложную разветвленную систему экономических отношений, охватывающих всех членов общества как участников воспроизводственного процесса. В своей совокупности они как раз и составляют ту общественную форму, внутри которой функционируют и развиваются производительные силы. Данная система экономических связей несомненно есть производственные отношения.

---

[36]) Критерием материальности общественных отношений марксизм считает то, что они «...складываются, не проходя через сознание людей». (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137).

[37]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6, стр. 441.

[38]) В литературе правильно отмечается, что понятия материальные и производственные отношения по своему объему не совпадают. Первое понятие шире второго: оно охватывает не только производственные, но и иные объективные общественные отношения, например, отношения по воспроизводству людей, возникающие в производстве чужой жизни посредством рождения. (См. А. В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Изд. ЛГУ, 1966, стр. 79).

[39]) См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, стр. 402. По вопросу обоснования объективности производственных отношений ст. также Д. И. Чесноков. Исторический материализм. М., «Мысль», 1965, стр. 72; Марксистско-ленинская философия. Учебное пособие. М., Политиздат, 1966, стр. 312.

[40]) Имеется и другое мнение. Некоторые авторы под производственными понимают только те общественные отношения, которые возникают в сфере соединения рабочей силы со средствами производства. «Вне этого соединения нет производства, а следовательно и производственного отношения». (См. С. С. Дзарасов. О методологии изучения социалистической собственности. Сб. «Методологические вопросы общественных наук». Изд. Московского университета, 1966, стр. 160). Столь узкое понимание производственных отношений едва ли можно обосновать. Классики марксизма рассматривали общественное производство в широком смысле слова, охватывая этим понятием также распределение, обмен и потребление как необходимые моменты производства материальных благ. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 716, 721, 725).

Особенностью этих общественных отношений является то, что они, будучи глубинными, сущностными экономическими связями, как таковые на поверхности жизни не выступают. Они незримы, их невозможно ощущать и осязать, но они существуют, они — реальная действительность. И эта действительность определенным образом проявляет свою сущность вовне. Одним из таких проявлений представляются конкретные экономические отношения, складывающиеся в обществе между отдельными лицами, как гражданами, так и организациями, обладающими организационным единством и имущественной обособленностью. Названные отношения выступают на поверхности жизни как единичные, отдельные явления. Они в неисчислимом множестве постоянно и непрерывно возникают, изменяются и прекращаются во всех сферах общественного воспроизводства. Социально-экономическая функция конкретного (единичного) отношения состоит в том, что оно выступает в качестве общественной формы деятельности отдельных лиц. Совокупность всех конкретных экономических отношений, существующих в данный момент в обществе, составляет внешнюю сторону экономического базиса. Конкретные экономические отношения неразрывно связаны с производственными отношениями, они соотносятся с последними как сущность и явление. В своем единстве они составляют экономическую структуру общества. Диалектический материализм исходит из того, что сущность и явление — понятия не тождественные[41]). Поэтому нет оснований отождествлять конкретные экономические отношения с производственными. Нельзя согласиться с авторами, рассматривающими отдельные экономические отношения между конкретными лицами как единичные общественно-производственные отношения[42]).

Сторонники указанного взгляда ссылаются обычно на то, что классики марксизма-ленинизма не проводили различия между конкретными экономическими отношениями и отношениями производственными. Так, например, Ю.К.Толстой в качестве такого довода приводит цитату из работы В. И. Ленина, где сказано: «...обмениваясь продуктами, люди вступают в производственные отношения даже не подозревая, что тут имеется общественное производственное отношение»[43]). По мнению автора, конкретное экономическое отношение В.И.Лениным рассматривается здесь как производственное[44]). На наш взгляд, приведенная цитата не дает оснований для подобного умозаключения. Во-первых, В.И.Ленин говорит не о производственном, а о производственных отношениях, в которые вступают люди. Речь идет не о конкретном акте обмена, а о всей системе отношений, существующих в сфере обмена. Иначе говоря, В.И.Ленин отмечает, что, совершая отдельные акты обмена продуктами, люди тем самым вступают в уже существующую в сфере обмена систему производственных отношений, проявлением которых и являются указанные акты. Во-вторых, подчеркивая момент неосознания участниками этих актов того, что в результате своих действий они включаются в об-

---

[41]) К. Маркс указывал: «... если бы форма проявления и сущности вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишня...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 25, ч. II, стр. 384).

О соотношении категорий сущности и явления см. «Основы марксистской философии». Учебник. М., Политиздат, 1964, стр. 281—282; А. П. Шептулин. Система категорий диалектики. М., «Наука», 1967, стр. 294.

[42]) См. Ю. К. Толстой. Указан. работа, стр. 145—146; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 15.

[43]) В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 1, стр. 137.

[44]) См. Ю. К. Толстой. Понятие права собственности. Сб. «Проблемы гражданского и административного права». Изд. ЛГУ, 1962, стр. 145.

щественное производственное отношение, В. И. Ленин имеет в виду не единичное экономическое отношение, а общественное производственное отношение как систему внутренних экономических связей в сфере обмена.

У основоположников марксизма-ленинизма есть высказывания, свидетельствующие о том, что они отличали конкретные экономические отношения от производственных. Ф. Энгельс, например, писал, что экономическими или производственными отношениями определяются государство и право, в том числе «... и гражданское право, роль, которого в сущности сводится к тому, что оно санкционирует существующие при данных обстоятельствах нормальные экономические отношения между отдельными лицами»[45]). Нам представляется, Ф. Энгельс здесь различает систему производственных отношений как сущностных экономических связей, определяющих правовую отрасль, и отдельные конкретные экономические отношения, на которые право воздействует (закрепляет и охраняет их) и тем самым способствует развитию производственных отношений в целом.

Мы полагаем, что идея о необходимости различать производственные отношения и конкретные экономические отношения между отдельными лицами не противоречит методологическим положениям марксистского учения о производственных отношениях. Следует иметь в виду, что К. Маркс, Ф. Энгельс и В. И. Ленин рассматривали производственные отношения как объективно существующую с и с т е м у материальных связей между членами общества во всех фазах общественного воспроизводства, как особый социальный организм. В таком же смысле понятие производственных отношений употребляется и в современной философской и экономической литературе[46]).

К. Маркс указывал на необходимость различать конкретные экономические отношения и отношения между социальными общностями. Он писал: «...так как купли-продажи совершаются лишь между отдельными индивидумами, то недопустимо искать в них отношений между целыми общественными классами»[47]).

В работах советских философов и экономистов неоднократно подчеркивалось, что в качестве субъектов социалистических производственных отношений выступают не отдельные лица, а социальные общности — классы, социальные слои, профессиональные и иные коллективы[48]). Это положение следует признать характерным признаком общественно-производственных отношений, отличающим их от конкретного экономического отношения, возникающего между отдельными лицами.

Существует мнение, что каждая категория производственных отношений складывается из множества единичных или конкретных отноше-

---

[45]) К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 311.

[46]) См. «Философская энциклопедия», т. 4. М., 1967, стр. 385—387; Б. А. Ч а г и н, А. Г. Х а р ч е в. О категориях «производительные силы» и «производственные отношения». «Вопросы философии», 1958, № 2, стр. 12—14; «Политическая экономия», т. 1. М., Изд. ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1963, стр. 7; А. М. Р у м я н ц е в. О категориях и законах политической экономии коммунистической формации. М., «Мысль», 1966, стр. 74—75.

[47]) К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 23, стр. 600.

[48]) См. П. Н. Ф е д о с е е в. Развитие производственных отношений при переходе от социализма к коммунизму. Сб. «Вопросы строительства коммунизма в СССР». М., Изд. АН СССР, 1959, стр. 70 и сл.; А. П. М а ш к о в. Развитие общественных отношений в период перехода от социализма к коммунизму. Изд. ЛГУ, 1965, стр. 8; А. В. Д р о з д о в. Человек и общественные отношения. Изд. ЛГУ, 1966, стр. 115—117; В. Ж. К е л л е. Роль субъективного фактора в совершенствовании общественных отношений. Научные доклады высшей школы. «Философские науки», 1968, № 1, стр. 15.

ний[49]). Вряд ли допустимо многогранный функционирующий организм общественно-производственных отношений сводить к простой сумме отдельных экономических отношений. Не будет ли это упрощенчеством? На наш взгляд, дело обстоит гораздо сложнее.

Производственые отношения, как уже отмечалось, всегда есть система внутренних сущностных экономических связей того или иного порядка. И хотя на поверхности их нельзя видеть, они — такая же объективная реальность, какой является существование магнитного поля земли, в свое время неведомого человеку. Эти глубинные общественные связи, разумеется, невозможно исчерпать каким-либо количеством конкретных экономических отношений, постоянно возникающих, изменяющихся и прекращающихся на поверхности жизни. Не надо забывать, что производственные отношения проявляются вовне не только в форме конкретных экономических связей, но и в других формах, в частности, в материальных интересах людей[50]).

Несомненно прав С. С. Алексеев, считая конкретные экономические отношения общественными связями «иного порядка, чем производственные отношения». Однако нельзя согласиться с последующим его утверждением, что отдельные акты экономического характера «дают производственное отношение лишь в итоге, в сумме, в конечном счете[51]). Равным образом, представляется неточным суждение, согласно которому производственные отношения — «это определенный результат общественно-производственной деятельности людей», складывающийся из их волевых актов[52]).

Верно, конечно, что производственные отношения складываются и развиваются в процессе целенаправленной деятельности людей в сфере общественного воспроизводства.

Но это отнюдь не значит, что они суть сумма отдельных волевых актов экономического характера. В. И. Ленин рассматривал производственные отношения не только как результат, но и как общественную форму деятельности людей, направленной на поддержание их существования[53]). Следовательно, указанная деятельность членов общества необходимо протекает в рамках уже существующей системы производственных отношений. Значит, вся совокупность конкретных экономических отношений, возникших и осуществляющихся в обществе в данный момент, сама по себе еще не составляет системы производственных отношений: первые — лишь проявление сущности вторых и поэтому не равнозначны им. Разумеется, из этого не следует, что конкретные экономические связи не взаимодействуют с производственными отношениями; они способствуют развитию и изменению последних. И потому только

---

[49]) См. В. А. Тархов. О понятии имущественных отношений. «Правоведение», 1962, № 3, стр. 31; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. М., «Юридическая литература», 1967, стр. 15; его же. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 234—236.

[50]) По этому поводу Ф. Энгельс писал: «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, стр. 271).

[51]) С. С. Алексеев. Предмет советского социалистического гражданского права. Ученые труды Свердловского юридического института, т. 1. Серия «Гражданское право». Свердловск, 1959, стр. 26.

[52]) См. С. Н. Братусь. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР. Сб. «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 70.

[53]) См. В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 1, стр. 149.

в определенном историческом разрезе, видимо, можно говорить, что производственные отношения есть результат общественно-производственной деятельности людей, протекавшей в течение более или менее продолжительного периода времени.

Обосновывая концепцию единичного производственного отношения, О. С. Иоффе выдвигает такой довод: если базис — «совокупность производственных отношений, а всякая совокупность предполагает и единичное», то, следовательно, существуют и конкретные (единичные) производственные отношения как слагаемые данной совокупности[54]). Совершенно правильно, совокупность производственных отношений предполагает наличие составляющих ее частей. Но разве отсюда вытекает, что составными частями ее являются именно единичные производственные отношения? Думается, не вытекает. Конкретное экономическое отношение, как мы уже показали, не есть единичное производственное отношение. Поскольку производственные отношения — это внутренние, глубинные связи между социальными общностями, являющиеся общественной формой деятельности многих людей (социальных общностей или групп, а не конкретных лиц), постольку указанные отношения могут существовать лишь в виде определенной системы экономических связей. Системы связей имеются и внутри социальных общностей, где всякий индивид уже в силу факта принадлежности к общности незримо связан с нею, а равно и с другими ее членами. Эти системы внутренних экономических связей таковы по своей природе, что не позволяют вычленить какую-либо единичную связь, так как лица, входящие в состав социальных общностей, не индивидуализируются. Индивидуализация (выявление) членов социальных общностей — акт внешнего порядка. Она совершается в случаях, когда отдельные участники социальных общностей (групп), действуя целесообразно, вступают между собой в конкретное экономическое отношение. Но это отношение, будучи одной из форм, проявления внутренних экономических связей, не есть то единичное, из множества которых слагается совокупность производственных отношений.

Составными частями рассматриваемой совокупности глубинных экономических связей, по нашему мнению, являются не единичные производственные отношения, а нерасчленимые системы таких отношений.

Социалистические производственные отношения представляются как цельный, развивающийся социальный организм. Хотя в литературе до сих пор нет единства мнений по поводу их структуры и классификации, нам кажется бесспорным то положение, что совокупность производственных отношений складывается из большого количества связанных между собою элементов. Составными частями данной совокупности являются многочисленные разнопорядковые системы производственных отношений, существующих в различных сферах общественного воспроизводства и между различными социальными общностями. Можно выявить главные линии, по которым складываются отдельные системы экономических связей, и соответственно этому определить виды производственных отношений.

---

[54]) См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 234.

Мы считаем правильным предложение выделить прежде всего систему отношений собственности на средства производства. Это — основной вид производственных отношений, определяющий все их иные виды[55]).

Особый вид составляют производственные отношения, возникающие в связи с разделением и кооперацией труда, а именно: организационно-хозяйственные отношения по управлению производством, а также отношения экономического соревнования[56]).

Следующее деление производственных отношений проводится по сферам их возникновения. На основе этого критерия различают: отношения по непосредственному производству материальных благ; производственные отношения по распределению, обмену и потреблению[57]).

С точки зрения субъектного состава производственные отношения можно подразделить на отношения между классами, между обществом в целом и отдельными социальными общностями, между городом и деревней, между работниками умственного и физического труда, между профессиональными коллективами и т. п.[58]).

Приведенная классификация производственных отношений, конечно, не является исчерпывающей. Однако и названные здесь виды отношений могут дать определенное представление о составных частях и структуре экономического базиса в социалистическом обществе. Классификация этих отношений, кроме того, необходима для определения природы и характера конкретных экономических связей, возникающих в рамках данного вида производственных отношений.

Следует подчеркнуть, что все указанные виды систем производственных отношений развиваются и действуют не изолированно, а в тесной взаимосвязи. В своей совокупности они составляют сложный общественный организм — высший тип органической целостности[59]). Каждая система производственных отношений, являясь составной частью базиса, функционирует как структурное целое, обладающее относительной самостоятельностью.

Основой социалистических производственных отношений большинство ученых считает общественную собственность на средства производства[60]). Но было бы неправильным рассматривать производственные

---

[55]) См. Основы марксистской философии. Учебник. М., Госполитиздат, 1963, стр. 352; Я. А. Кронрод. Законы политической экономии социализма. М., «Мысль», 1966, стр. 275 и сл.; Н. Д. Колесов. Общественная собственность на средства производства — основное производственное отношение социализма. Изд. ЛГУ, 1967, стр. 27.

[56]) Мы придерживаемся того взгляда, что отношения, возникающие в связи с разделением и кооперацией труда, в частности, организационно-хозяйственные отношения по управлению производством и отношения экономического соревнования — это не технические, а общественно-производственные отношения. (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 110, т. 27, стр. 406; Курс лекций по политической экономии. Изд. МГУ, 1963, стр. 13; А. В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Изд. ЛГУ, 1966, стр. 73; И. Сигов. Производственные отношения и их классификация. Научные доклады высшей школы. «Экономические науки», 1967, № 5, стр. 18—20.

[57]) См. А. В. Дроздов. Указанная работа, стр. 72—73; В. Н. Черковец. Совершенствование социалистических производственных отношений на современном этапе. «Вестник Московского университета». Экономика, 1967, № 1, стр. 6—7.

[58]) См. П. Н. Федосеев. Указан. статья, стр. 70; Д. И. Чесноков. Исторический материализм. М., «Мысль», 1965, стр. 68; В. Н. Черковец. Указан. статья, стр. 7.

[59]) О структуре органической целостности см. Г. А. Югай. Диалектика части и целого. Алма-Ата. Изд. «Наука», 1965, стр. 96—99; А. Г. Спиркин. Курс марксистской философии. М., «Мысль», 1966, стр. 162—163.

[60]) См. Д. М. Генкин. Право собственности в СССР. М., Госюриздат, 1961, стр. 13; В. А. Рясенцев. Глава 11 учебника «Советское гражданское право», т. 1, М., «Юридическая литература», 1965, стр. 253; А. Я. Кронрод. Законы политической экономии социализма. М., «Мысль», 1966, стр. 300—303.

отношения, составляющие экономический базис, как некое сооружение, возведенное на фундаменте отношений собственности, где различные виды производственных отношений расположены отдельными слоями. В действительности же экономический базис социалистического общества представляет собой не простое соединение различных видов производственных отношений, а такую их совокупность, где они тесно между собою переплетаются, взаимопроникают и взаимодействуют. Что касается отношений собственности на средства производства, то они пронизывают все виды производственных отношений и составляют их костяк[61]).

Выделение конкретных экономических отношений в особую категорию не означает искусственного конструирования особых общественных отношений, параллельных производственным, как это считают некоторые авторы[62]). Необоснованным представляется также и упрек в том, что такое разграничение ведет к противопоставлению конкретных экономических (имущественых) отношений производственным[63]).

Мы уже отмечали, что системы производственных отношений и существующая в обществе совокупность конкретных экономических отношений неразрывно взаимосвязаны как сущность и явление; первые составляют сердцевину экономического базиса, вторые — его внешнюю сторону. Указанные категории общественных отношений не могут быть одинаковыми, поэтому, естественно, их необходимо различать. Если возникающие в общественной жизни конкретные экономические отношения по своей природе и характеру таковы, что они в научных или иных целях должны быть отграничены от других отношений и абстрактно обособлены в виде самостоятельной категории, то в этом нельзя усматривать искусственного конструирования отношений, параллельных производственным и, тем более, противопоставления первых вторым. Различать общественные отношения — не значит противопоставлять их. Нам кажется, исходить следует из того, что конкретные экономические связи и производственные отношения, хотя они и не тождественны, имеют много общего: во-первых, они — материальные экономические отношения; во-вторых, они входят в состав экономического базиса; в-третьих,

---

[61]) См. Философская энциклопедия, т. 4, М., 1967, стр. 386; Н. Д. Колесов. Указанная работа, стр. 30, 158—159; М. Саков. Общественная собственность — экономическая основа социализма. «Коммунист», 1968, № 2, стр. 72.

В экономической литературе, однако, высказывается и другая точка зрения, согласно которой собственность отождествляется со всей совокупностью производственных отношений. Так например, А. К. Покрытан, В. И. Касаткина и В. Н. Мазур утверждают, что «собственность — это совокупность данных производственных отношений, взятая в их наиболее общей форме...» (А. К. Покрытан, В. И. Касаткина, В. Н. Мазур. Социалистическая собственность при переходе к коммунизму. М., «Мысль», 1964, стр. 30). Такого же взгляда по этому вопросу придерживается и В. П. Шкредов. (См. его книгу «Экономика и право», М., «Экономика, 1967, стр. 31). Мы не присоединяемся к этой концепции и считаем, что она правильно была подвергнута критике. (См. А. Я. Кронрод. Законы политической экономии социализма. М., «Мысль», 1966, стр. 276 и сл.). По нашему мнению, правы те авторы, которые рассматривают собственность как «... общественно-производственное отношение... между людьми по поводу средств и продуктов производства». (А. В. Венедиктов. Государственная социалистическая собственность. Изд. АН СССР. М.—Л., 1948, стр. 36). Круг производственных отношений более широкий: кроме отношений собственности он включает в себя организационно-хозяйственные отношения и отношения экономического соревнования.

[62]) См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма». Изд. ЛГУ, 1967, стр. 234.

[63]) См. В. А. Тархов. О понятии имущественных отношений, «Правоведение», 1962, № 3, стр. 31.

они соотносятся между собой как сущность и явление. Известно, что сущность и явление — понятия различные, но разорвать их, поставить параллельно или противопоставить друг другу нельзя[64]). Говоря, что эти отношения не однопорядковые, мы имеем в виду различия внутри их единства как материальных отношений базисного характера.

С изложенных позиций становится очевидной неприемлемость конструкции имущественных отношений как волевых общественных отношений. С. Н. Братусь и его сторонники правильно отмечают, что производственные отношения не могут быть непосредственным предметом правового регулирования. Но обосновывают они это положение исключительно неволевым характером производственных отношений. С таким обоснованием невозможно согласиться: оно не только не объясняет выдвинутого положения, но и приводит авторов данной конструкции к неверному выводу, что имущественные отношения, поскольку они в отличие от производственных поддаются непосредственному воздействию правовых норм, не могут не быть волевыми, ибо право может регулировать только волевое поведение людей[65]).

То, что право регулирует волевое поведение людей — это верно; однако не надо забывать, что волевые акты являются предметом правового регулирования лишь в конечном счете. Деятельность конкретных лиц, как известно, протекает внутри определенной общественной формы. Такой формой выступают единичные или конкретные общественные отношения, которые предопределяют и направляют волевые действия их участников. Регламентируя содержание данных общественных отношений, нормы права тем самым регулируют (в конечном счете) поведение людей, точнее, их волевые акты[66]).

Но волевые акты еще не есть волевые отношения. Волевые акты людей могут быть основанием возникновения общественного отношения, они могут быть также и его содержанием. Именно в результате совершения тех или иных волевых действий, предопределенных экономическими потребностями и направленных на их удовлетворение, между лицами складывается конкретное экономическое отношение (связь). Последующие действия указанные лица осуществляют уже в рамках данного отношения. В этом случае их волевые акты составляют содержание возникшего экономического отношения. Следовательно, волевые акты поведения людей и общественные отношения — не одно и то же. Было бы неправильно утверждать, что из волевых актов всегда складываются волевые общественные отношения, и наоборот, что отношение, возникшее помимо воли его участников, всегда носит неволевой, материальный характер. Не вызывает сомнения, что производственные отношения — неволевые, материальные отношения, но они развиваются в результате целесообразной производственной деятельности людей, складывающейся из множества волевых актов[67]). Правовые отноше-

---

[64]) См. «Философский словарь». Под ред. М. М. Розенталя и П. Ф. Юдина. М., Политиздат, 1963, стр. 443; «Марксистско-ленинская философия». Учебное пособие. М., Политиздат, 1965, стр. 194—196.

[65]) См. С. Н. Братусь. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР. Сб. «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 94; И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., «Юридическая литература», 1963, стр. 117—118.

[66]) См. С. С. Алексеев. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., Госюриздат, 1961, стр. 39—40; Общая теория Советского права. Под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самощенко. М., «Юридическая литература», 1966, стр. 16—17.

[67]) Содержанием всякой производственной деятельности является процесс труда, а последний, говоря словами К. Маркса, «...есть целесообразная (суть волевая — И. Ф.)

ния — бесспорно отношения волевые, но они могут возникать на основе неволевых юридических фактов (событий) иногда даже вопреки желаниям их участников (например, правоотношения наследования по закону, обязательства по возмещению вреда, случайно причиненного источником повышенной опасности и т. п.)[68].

Таким образом, волевые акты поведения людей составляют содержание не только волевых, но и неволевых материальных общественных отношений. Отсюда следует, что индивидуальная воля участников общественного отношения не может служить критерием деления отношений на материальные и волевые.

Конкретные экономические отношения между отдельными лицами, будучи внешним выражением сущности производственных отношений, являются по своей природе материальными общественными отношениями. Можно привести следующие доводы в обоснование этого положения.

Вследствие разделения труда члены социалистического общества объективно распределяются по различным социальным группам или общностям, связанным между собою системой производственных отношений. Эта система общественных связей по отношению к любому индивиду выступает как объективная реальность. От воли и желания человека не зависит решение вопроса: быть или не быть участником производственных отношений. Он объективно не может не состоять в них[69]. Уже с момента своего рождения человек оказывается в составе той или иной социальной общности — класса, социальной прослойкой, группы и т. п. В силу этого факта он независимо от своего сознания становится участником всей системы производственных отношений, в которых состоит общность в соответствии с занимаемым ею местом в общественном производстве. И только в рамках указанных общественных связей индивидуум может совершать свою целесообразную деятельность, в частности, вступать в конкретные экономические отношения с другими лицами.

Характером существующих в данном обществе производственных отношений определяются не только границы, внутри которых индивидуумы могут совершать волевые акты, но и структура конкретных экономических связей между отдельными субъектами. Установившаяся в обществе система производственных отношений как бы заранее предопределяет необходимость структурных схем, по которым объективно должны складываться единичные экономические отношения между конкретными лицами. Так например, в обществе, где осуществляется товарное производство, обмен продуктов между отдельными лицами должен производиться в форме купли-продажи по схеме: Т—Д (товар—деньги). Иной формы отношений между товаропроизводителями по обмену продуктами их труда (хотят этого или не хотят участники отноше-

---

деятельность для создания потребительных стоимостей...» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 195).

По этому вопросу см. также Н. Д. Колесов. Указ. работа, стр. 23.

[68]) См. О. С. Иоффе. Советское гражданское право. (Курс лекций). Изд. ЛГУ, 1958, стр. 69.

[69]) Правильно отмечает В. П. Шкредов: «...каждый отдельный член общества посредством участия в совместном труде на отдельном предприятии втягивается (разрядка моя — И. Ф.) в систему экономических отношений, существующих во всем обществе в целом». (В. П. Шкредов. Экономика и право. М., «Экономика», 1967, стр. 55).

ния) не может быть, ибо товар — это «...предмет, предназначенный для продажи...»[70]).

При социализме объективно предопределяются также и пределы, в которых могут складываться различные типы конкретных экономических отношений между отдельными видами лиц. Например, в условиях существующей в СССР социалистической системы хозяйства граждане могут приобретать в личную собственность предметы потребления, но они не могут быть участниками экономических отношений по приобретению промышленных и иных предприятий потому, что характер системы социалистических производственных отношений объективно исключает возможность существования отношений частной собственности на средства производства. Следовательно, сфера возникновения, характер и структура конкретных экономических отношений между отдельными лицами объективно предопределяются существующей системой производственных отношений.

При исследовании природы конкретных экономических отношений, конечно, нельзя не учитывать значения индивидуальной воли их участников. В процессе производства средств своего существования, распределения, обмена и потребления люди действуют сознательно. Под влиянием материальных потребностей они ставят перед собой конкретные цели, определяют пути и средства их достижения, затем совершают волевые действия по реализации намеченной цели. Однако акты выражения индивидуальной воли участниками конкретного экономического отношения сами по себе не дают основания считать отношение волевым. Во-первых, возникновение этих отношений, как уже было показано, определяется не только и не столько волей их участников, сколько объективными условиями материальной жизни: уровнем развития производительных сил и существующими в данном обществе производственными отношениями. Во-вторых, марксистско-ленинская теория исходит из того, что волевые это суть идеологические отношения. Общественные отношения могут быть либо материальными (неволевыми), либо идеологическими (волевыми). Третьего не дано. Идеологические — это такие общественные отношения, «...которые прежде чем им сложиться проходят через сознание людей»[71]). Имеется в виду не индивидуальное сознание участников данного конкретного отношения, а «общественное сознание людей»[72]). Такой взгляд выражается и в современной философской литературе[73]). Характерным для идеологических отношений является то, что они складываются в соответствии с определенной общественной идеологией, отражающей существующую систему материальных отношений[74]). Иначе говоря, идеологические (волевые) отношения являются результатом отражения в общественном сознании материального бытия, они возникают под воздействием социальных норм, выражающих общественную волю. Содержание идеологических отношений определяется экономическими отношениями.

С точки зрения этих отправных положений марксистско-ленинской науки конкретные экономические отношения нельзя рассматривать как идеологические (волевые), поскольку их возникновение и существование

---

[70]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 197.
[71]) В. И. Ленин. Полное собрание соч., т. 1, стр. 137.
[72]) В. И. Ленин. Полное собр. соч., т. 18, стр. 345.
[73]) См. Г. Е. Глезерман. Диалектика объективных условий и субъективного фактора в строительстве коммунизма. «Вопросы философии», 1965, № 6, стр. 9—10.
[74]) См. В. Келле, М. Ковальзон. Исторический материализм. Курс лекций. М., «Высшая школа», 1962, стр. 68—69.

не зависит от общественного сознания: они являются непосредственным выражением материального бытия. Так, например, в обществе, где существует разделение труда, невозможно посредством социальных норм запретить действия людей по обмену взаимной деятельностью или ее продуктами. Поэтому каждый конкретный акт обмена, совершенный определенными лицами (например, купля — продажа) в этом смысле не зависит от идеологических факторов. И хотя в действиях участников обмена проявляется их индивидуальная воля, возникшее между ними отношение не приобретает идеологического характера. По своей природе оно остается материальным экономическим отношением, оно является первичным по отношению к идеологическим отношениям, которые характеризуются как вторичные, производные[75]).

Сторонники конструкции имущественных отношений как конкретных волевых экономических отношений в обоснование своей позиции ссылаются на положение, высказанное К. Марксом в 1 томе «Капитала»: «Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, закреплен ли он законом или нет, — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение. Содержание этого юридического, или волевого, отношения дано самим экономическим отношением»[76]). Указанное положение толкуется в том смысле, что К. Маркс будто бы различает «производственные отношения в их реальной форме и те волевые отношения, в форме которых они проявляются в отношениях между людьми...»; причем в отношении договора якобы «совершенно отчетливо выступает мысль о том, что договор, не урегулированный законом, есть волевое отношение, но не юридическое отношение». Из этого делается вывод, «что право регулирует не производственные отношения в их реальной форме, а те волевые отношения, в которые вступают люди в процессе своей деятельности и которые являются выражением этих материальных, производственных отношений»[77]).

Представляется, что приведенная цитата из работы К. Маркса не дает оснований для такого вывода: в ней речь идет не о фактических волевых отношениях, а о юридических. На наш взгляд, под договором, даже если он не закреплен законом, К. Маркс понимает форму идеологического отношения, то есть такого отношения, которое так или иначе опосредствуется общественной (государственной) волей.

Примечательно, что авторы критикуемой конструкции, отделив конкретные волевые экономические отношения от материальных экономических отношений, в то же время не считают их идеологическими[78]). Следовательно, эти отношения являются некоей «промежуточной» категорией, занимающей место между материальными и идеологическими общественными отношениями. Но такая конструкция никак не согла-

---

[75]) См. Д. И. Чесноков. Общественный интерес и механизм действия социальных законов. «Вопросы философии», 1966, № 9, стр. 9.

[76]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 94.

[77]) В. П. Грибанов. К вопросу о понятии права собственности. «Вестник Московского университета». Серия экономики, философии, права, 1959, № 3, стр. 185—186.

[78]) Утверждая, что имущественные отношения как конкретные волевые отношения «...являются необходимым моментом или формой проявления материальных отношений», С. Н. Братусь сразу же подчеркивает: «Вместе с тем волевые отношения как экономические акты нельзя считать идеологическими, если исходить из того, что идеологические явления отражают и выражают различные виды коллективного, общественного сознания». (С. Н. Братусь. Имущественные и организационные отношения и их правовое регулирование в СССР. Сб. «Вопросы общей теории советского права. М., Госюриздат, 1960, стр. 71). Аналогичного взгляда придерживается и С. С. Алексеев. (См. С. С. Алексеев. Уточним предмет и содержание спора. «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 175).

суется с методологическим положением марксистско-ленинской науки что все общественные отношения с точки зрения их волевого опосредствования подразделяются только на материальные и идеологические Если признается, что конкретные экономические отношения, как неотъемлемая сторона, элемент материальных производственных отношений не являются идеологическими, то не логичнее ли было рассматривать их в качестве материальных отношений. То, что является неотъемлемым элементом, очевидно, не может обладать иной природой чем органическое целое, в состав которого оно входит.

В своем письме в редакцию журнала «Вопросы философии» один из авторов концепции имущественных отношений как волевых отношений С. С. Алексеев признал, что термин «конкретные волевые экономические отношения» неудачен. По его мнению, при освещении предмета правового регулирования не следует применять выражение «волевые отношения», а «лучше говорить только о «волевой стороне» общественно-производственных отношений и волевом характере конкретных экономических отношений между отдельными лицами»[79]). Думается, что это — шаг в должном направлении. Конечно, не надо сводить дело только к терминологии. Суть заключается не в терминологическом обозначении того или иного общественного явления,а в самой природе этого явления. Поскольку данные отношения признаются экономическими по своему характеру и не относятся к идеологическим, то нет никаких препятствий обозначать их термином «конкретные экономические отношения» в отличие от производственных отношений. Термин «конкретные отношения», как уже отмечалось, применяется здесь в узком смысле — для обозначения такого выступающего на поверхности жизни отношения, которое возникло между определенными (конкретными) лицами[80]). Тем самым подчеркивается субъективная сторона отношения, заключающая в себе известный волевой момент.

Итак, будучи едиными по своей природе и сфере возникновения, общественно-производственные отношения и конкретные экономические отношения в рамках этого единства имеют существенные различия. В частности, они различаются по субъектному составу и структуре. Если общественно-производственные отношения складываются между социальными общностями с неопределенным людским составом и представляют собой нерасчленимую систему внутренних, сущностных экономических связей, то конкретные экономические отношения возникают между определенными лицами и представляют собой единичные конкретные связи, складывающиеся на поверхности экономической жизни; первые соотносятся со вторыми как сущность и явление. Они различаются, далее, по содержанию и социально-экономическим функциям. Если содержанием общественно-производственных отношений является деятельность больших групп людей (социальных общностей), осуществляемая в сферах производства, распределения, обмена и потребления, то содержание конкретного экономического отношения составляют действия определенных лиц, как участников воспроизводственного процесса. Если производственные отношения в своей совокупности представ-

---

[79]) См. «Вопросы философии», 1967, № 3, стр. 175.

[80]) К числу конкретных, по нашему мнению, относятся и такие экономические отношения, в которых конкретизирована (определена) только одна сторона, а на другой стороне выступает неопределенный круг лиц. Например, конкретное отношение собственности, в котором собственник находится в экономической связи со всеми другими лицами.

ляют собой общественную форму функционирования и развития производительных сил данного общества, то социально-экономическая функция конкретных экономических отношений выражается в том, что они служат общественной формой деятельности отдельных лиц. Общественно-производственные отношения обладают относительно устойчивым характером. Конкретные экономические отношения преходящи: они постоянно и в неисчислимом множестве возникают, изменяются и прекращаются во всех сферах общественного воспроизводства. Данные отношения различаются, наконец, и по месту, занимаемому ими в составе экономического базиса: общественно-производственные отношения составляют его сердцевину, а конкретные экономические отношения — его внешнюю сторону. Общественно-производственные отношения — это остов, костяк функционирующего общественного организма, а конкретные экономические отношения — его плоть и кровь. Каждое единичное экономическое отношение, по нашему мнению, должно рассматриваться как элементарная клеточка в живой ткани развивающегося общественного организма[81]).

Иногда спрашивают, есть ли необходимость разграничивать конкретные экономические отношения и отношения общественно-производственные? Вряд ли можно сомневаться в такой необходимости. Различия в характере этих отношений существуют объективно. Задача науки — выявить их. Разграничение указанных отношений имеет большое теоретическое и практическое значение: во-первых, оно позволяет иметь более конкретное и четкое представление об экономической структуре общества; во-вторых, оно позволяет уяснить диалектическую взаимосвязь и взаимодействие отдельных составных частей (элементов) экономического базиса; в-третьих, оно дает отправные положения для раскрытия механизма взаимодействия экономического базиса и надстройки и, в частности, механизма воздействия социальных норм на экономику общества.

Здесь мы снова подходим к вопросу: почему общественно-производственные отношения не могут быть непосредственным предметом нормативного регулирования, в то время как конкретные экономические отношения (тоже материальные по своей природе) вполне поддаются прямому воздействию социальных норм?

Цель нормативного регулирования общественных отношений, как известно, состоит в том, чтобы обеспечить согласованность индивидуальных интересов членов общества с общественными интересами посредством подчинения первых вторым[82]). В результате нормативной регламентации фактические общественные отношения приобретают идеологическую форму и с этой точки зрения становятся идеологическими отношениями: их развитие охватывается общественным сознанием и направляется общественной волей. Участники этих отношений становятся перед

---

[81]) Употребляя термин «элементарная клеточка», мы не отождествляем его с выдвинутым К. Марксом понятием «экономическая клеточка». (См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 6). Под экономической клеточкой К. Маркс понимает не конкретное экономическое отношение между отдельными лицами, а простейшую общественную форму данного способа производства. В качестве такой формы («экономической клеточки») капиталистического производства выступает товар. К. Маркс показал, что именно товарное отношение при капитализме содержит в себе все его основные черты и противоречия. (См. Н. Хесин. Понятие «экономическая клеточка» и его методологическое значение для политической экономии социализма, «Вопросы экономики», 1964, № 7, стр. 121—123).

[82]) См. Н. Г. Александров. Правовые и производственные отношения в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1957, № 1, стр. 57.

необходимостью сообразовывать свои волевые действия с теми или иными правилами поведения (социальными нормами), выражающими волю и интересы общества (или отдельного класса). При возникновении ситуации, предусмотренной социальной нормой, субъекты возникшего общественного отношения должны избрать такой вариант взаимного поведения, который соответствует (не противоречит) данной норме. Должное поведение участников идеологического отношения обеспечивается возможностью наступления для нарушителя социальной нормы неблагоприятных последствий в виде применения к нему мер общественного воздействия или государственного принуждения. Вследствие этого фактическая связь между конкретными лицами — участниками отношения приобретает устойчивый характер. Действуя строго в рамках идеологического отношения, они тем самым подчиняют свою индивидуальную волю общественной (или государственной) воле в интересах всего общества или отдельного класса. Таким способом достигается цель нормативного регулирования.

Как вытекает из сказанного, социальные нормы (в том числе и правовые) могут воздействовать лишь на индивидуальную волю отдельных лиц, как участников конкретных общественных отношений, то есть таких отношений, которые складываются на поверхности жизни. Что же касается общественно-производственных отношений, то они, представляя собой сложную систему глубинных экономических связей, охватывающих большие социальные группы (общности) людей, как таковые на поверхности экономической жизни не выступают. Субъектный состав данных отношений (классы, социальные прослойки, профессиональные и иные коллективы) организационно не закреплен. Людской субстрат социальной общности подвижен, изменчив; лица, входящие в нее не индивидуализированы. Поэтому внутренние, сущностные экономические связи нельзя расчленить на единичные связи между конкретными индивидуумами. При таком положении исключается возможность непосредственной нормативной регламентации общественно-производственных отношений. Иначе говоря, эти отношения нельзя облечь в форму правового отношения[83]). Предопределять в нормативном порядке возникновение и развитие, то есть регулировать можно только такие связи, которые складываются между отдельными индивидуумами (или их организованными коллективами, выступающими в качестве единого лица), и которые охватываются их сознанием. Поскольку внутренние экономические связи не отражаются органами чувств, то их участники могут и не осознавать. «...что тут имеется общественное производственное отношение...»[84]).

В отличие от общественно-производственных конкретные экономические отношения объективно поддаются нормативной регламентации. Чтобы обосновать возможность воздействия социальных норм на эти

---

[83]) На наш взгляд, правильно отмечается в экономической литературе, что «...прямо и непосредственно право не может ни закреплять, ни изменять, ни регулировать отношения производства». (В. П. Шкредов. Экономика и право. М., «Экономика», 1967, стр. 48).

Из этого однако не следует, что социальные в том числе и правовые нормы не оказывают воздействия на общественно-производственные отношения. Закрепляя определенную систему конкретных экономических отношений, воздействуя непосредственно на волю и сознание их субъектов, являющихся одновременно участниками системы общественно-производственных отношений, социальные нормы тем самым закрепляют и способствуют дальнейшему развитию этих отношений.

[84]) В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 137.

отношения и раскрыть механизм их регулирования, нужно выявить состав и структурное построение данных отношений.

Конкретные экономические отношения, как уже отмечалось, это — материальные отношения, но это такие отношения, которые складываются между определенными лицами — участниками общественного воспроизводства, обладающими сознанием, волей и совершающими целесообразные действия. Поэтому в составе конкретного экономического отношения обнаруживаются элементы объективного и субъективного характера, образующие в своей совокупности объективную и субъективную стороны[85]). В целом же оно выступает как диалектическое единство объективного и субъективного[86]).

Объективная сторона состава конкретного экономического отношения непосредственно связана с тем видом производственных отношений, выражением которого данное отношение является. Она определяется действием экономических закономерностей и включает в себя: объективные потребности и материальные интересы участников отношения, их поведение (деятельность) и предмет (объект), на который направлена эта деятельность.

В качестве элементов субъективной стороны выступают: члены общества (субъекты) — участники данного отношения; намечаемые ими цели деятельности, мотивы и иные внутренние волевые акты[87]).

Определяющее значение имеет объективная сторона состава конкретного экономического отношения. Экономические потребности и материальные интересы участников конкретного общественного отношения формируются объективно в зависимости от занимаемого ими места в системе общественного воспроизводства и соответственно в системе производственных отношений. Под влиянием объективных материальных потребностей и интересов определяется и объект их деятельности. Объективная сторона состава конкретного экономического отношения обуславливает его субъективную сторону. Побуждаемые материальными потребностями участники отношения, руководствуясь осознанными экономическими интересами, намечают конкретные цели своей деятельности, определяют возможные пути и средства их достижения, то есть они совершают внутренние психологические акты. Иначе говоря, объективные элементы состава образуют собой те рамки, в пределах которых субъекты отношения могут реализовать эти волевые акты. Таким образом, именно объективная сторона конкретного экономического отно-

---

[85]) По нашему мнению, правильной является мысль о том, что при анализе конкретных общественных отношений, являющихся предметом правового регулирования, необходимо выяснять элементы, входящие в состав этих отношений. (См. В. Кнапп. По поводу дискуссии о системе права. «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 116; С. С. Алексеев. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., Госюриздат, 1961, стр. 38 и сл.).

[86]) Вряд ли можно согласиться с В. Ж. Келле, что «материальные отношения не содержат субъективного момента» (См. «Вопросы философии», 1967, № 11, стр. 137).

[87]) Мы вполне согласны с мнением, что нельзя искусственно отрывать волю субъектов отношения от их поведения, ибо «поведение человека — всегда есть волевой акт, проявление его воли вовне» (См. В. П. Грибанов. Рецензия на кн. О. С. Иоффе «Советское гражданское право». (Курс лекций). Изд. ЛГУ, 1958. — «Советское государство и право», 1960, № 3, стр. 148). Но в то же время полагаем, что следует различать внутренние волевые акты участников общественного отношения (внутренние действия) и внешнее поведение (деятельность) как проявление их внутренних психологических актов. (См. С. Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1946, стр. 542). Внешние действия людей, будучи результатом реализации их внутренних волевых актов, имеют объективный характер и составляют содержание общественного отношения.

шения представляет собой основу общественной формы деятельности отдельных членов общества. Это служит еще одним доказательством материальности данных отношений.

Объективные материальные факторы предопределяют поведение субъектов конкретного экономического отношения. Но было бы неправильным представлять, что эта предопределенность является фатальной. Экономические закономерности общественного развития детерминируют поведение людей лишь до известного предела. «Детерминизм — писал В. И. Ленин,— не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действования»[88]). Будучи поставленными в определенные рамки, очерченные действием объективных факторов, участники конкретного экономического отношения в процессе своей деятельности не могут выходить за их пределы, однако внутри этих рамок они имеют возможность совершать разнообразные волевые акты, намечать цели своей деятельности, пути и средства их достижения, то есть в границах допустимого избирать различные варианты целесообразного поведения[89]). Значит, в развитии общественной жизни важная роль принадлежит также и субъективной стороне конкретных экономических отношений. Способность человека силой своего разума выявить действующие в обществе закономерности и сообразуясь с ними в пределах возможного находить оптимальные решения задач практической деятельности как раз и служит тем основанием, которым определяется значение субъективного фактора в системе объективных условий общественного развития[90]).

Субъективная сторона конкретного экономического отношения обладает свойством реагировать на воздействие социальных норм. Она имеет непосредственное соприкосновение с надстроечными элементами и является тем каналом, через который осуществляется взаимодействие базиса и надстройки. Как мы уже отмечали, конкретные экономические отношения в своей совокупности составляют живую ткань экономического базиса. Причем каждое из них функционирует в качестве элементарной клеточки общественного организма и соотносится с ним как часть с органическим целым[91]). Воздействуя на субъективную сторону этих клеточек, социальные нормы в конечном счете оказывают влияние и на целое — на всю совокупность экономических отношений, способствуя их развитию в соответствии с действующими закономерностями.

Конкретные экономические отношения не только способны реагировать на воздействие социальных норм, но и объективно нуждаются в нормативном регулировании. Существующие в обществе производственные отношения и связанная с ними объективная сторона данного конкретного экономического отношения предоставляют его участникам

---

[88]) В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 440.

[89]) Совершенно правильно отмечается в литературе, что именно способность людей совершать сознательные волевые действия, избирать тот или иной вариант поведения, возможного в данных конкретных условиях, объективно позволяет оказывать правовое воздействие на экономические отношения. Если бы люди такой способностью не обладали, то правовое регулирование общественных отношений было бы невозможным. (См. Н. Г. Александров. Законность и правоотношения в советском обществе. М., Госюриздат, 1955, стр. 81; И. Е. Фарбер. О сущности права. Изд. Саратовского университета, 1959, стр. 24—25).

[90]) В условиях социалистического общества роль субъективного фактора в развитии экономики особенно возрастает. (См. Г. Е. Глезерман. Исторический материализм и развитие социалистического общества. М., Политиздат, 1967, стр. 33 и сл.).

[91]) О диалектике части и целого в системе органического целого см. Г. А. Югай. Диалектика части и целого. Алма-Ата .Изд. «Наука», 1965, стр. 111—112, 142, и сл.

довольно широкий круг, в пределах которого они могут совершать волевые акты. Однако в границах этого круга возможно совершение действий как соответствующих интересам общества (или отдельного класса), так и противоречащих им. Отсюда для общества (или государства) вытекает необходимость посредством нормативной регламентации конкретных экономических отношений побудить их участников к должному поведению. При этом следует иметь в виду, что такая регламентация возможна лишь в пределах, очерченных объективными материальными факторами, составляющими объективную сторону этих отношений[92]).

Итак, характерные особенности состава и структуры конкретных экономических отношений объективно выделяют их в качестве предмета нормативного регулирования[93]). Посредством регламентации указанных отношений социальные нормы способствуют укреплению и развитию экономического базиса.

Круг конкретных экономических отношений чрезвычайно широк. Они возникают во всех сферах общественного воспроизводства. Поскольку конкретные экономические отношения есть проявление производственных отношений, то соответственно характеру последних их также можно подразделить на отношения, выражающие производственные отношения собственности во всех формах ее существования, на отношения по обмену взаимной деятельностью (оказание услуг и т. п.) и на отношения, выражающие глубинные экономические связи в сфере кооперации труда (управление производством, экономическое соревнование).

Понятием имущественных отношений охватываются только первые два вида конкретных экономических связей. Что касается организационно-хозяйственных отношений по управлению производством и отношений экономического соревнования, то их нельзя считать имущественными, так как они складываются между лицами не по поводу имущественных благ, а по поводу самой организации общественно-производственной деятельности людей.

Характерная черта имущественных отношений состоит в том, что предметом деятельности субъектов всегда выступает то или иное имущество; их деятельность всегда связана с производством, распределением, обменом или потреблением имущественных благ. Под имущественными благами, являющимися объектом конкретных экономических отношений, следует понимать не только вещи (средства производства и предметы потребления), но и иные результаты труда человека, пред-

---

92) О пределах правового регулирования см. Н. Г. Александров. Указан. работа, стр. 81—82; Л. С. Явич. К вопросу о предмете и методе правового регулирования. Сб. «Вопросы общей теории советского права». М., Госюриздат, 1960, стр. 52—53.

93) Мысль о том, что предметом нормативного регулирования могут быть лишь конкретные общественные отношения между отдельными лицами в последнее время все настойчивее прокладывает себе дорогу в юридической и экономической науке (См. Л. С. Явич. Проблемы правового регулирования советских общественных отношений. М., Госюриздат, 1961, стр. 75—76; В. П. Шкредов. Экономика и право. М., «Экономика», 1967, стр. 48.

Интересные соображения по этому вопросу высказаны А. М. Ереминым, который считает, что сущность производственных отношений проявляется в повседневной жизни социалистического общества в виде конкретных производственных связей. Эти связи как раз и представляют сферу действия субъективного фактора. (См. А. М. Еремин. Производственные связи в социалистическом обществе. «Вопросы философии», 1956, № 7, стр. 29—30). Под производственными связями автор здесь понимает не что иное, как конкретные экономические отношения, составляющие предмет нормативного регулирования.

назначенные для удовлетворения материальных и духовных потребн стей людей[94]).

Социалистические имущественные отношения выражают обществе но-производственные отношения собственности, но это не значит, что по ледние тождественны первым, как об этом нередко утверждают в литер туре[95]). Представляется правильной позиция С. С. Алексеева, которы считает необходимым различать собственность и конкретные экономиче кие отношения между отдельными лицами по поводу тех или иных в щественных объектов, поскольку эти конкретные отношения, будучи «пр мым выражением отношений собственности» отнюдь не исчерпывают п следних[96]). Но мы не можем согласиться с ним в том, что по своем содержанию имущественные отношения могут быть определены как о ношения собственности, имеющие волевой характер[97]).

Экономические отношения собственности — это вещные отношени они всегда так или иначе связаны с определенными предметами, вещ ми[98]). Можно согласиться с тем, что имущественные отношения выраж ют не только статику собственности, но и ее динамику, то есть не толь принадлежность вещественных материальных благ (собственность в у ком экономическом смысле), но и их перемещение в сфере экономич ского оборота[99]). Однако сводить имущественные отношения лишь к ко кретным отношениям собственности значило бы ограничивать их кр только теми экономическими отношениями, которые складываются ме ду людьми по поводу вещей. Фактически же в сфере производства, ра пределения, обмена и потребления возникает немало и таких конкретны экономических отношений, которые имеют своим предметом не вещ а иные продукты труда человека (например, выполнение работы, оказ ние услуг, конкретно-исполнительская деятельность и т. п.). Так ка предметом этих экономических отношений является имущественно благо, то они, несомненно, — имущественные отношения, но это — отношения собственности[100]).

Таким образом, круг социалистических имущественных отношений совпадает с кругом отношений собственности, складывающихся в СССР Понятием имущественных отношений охватываются не все отношени собственности, а только те, которые выступают на поверхности как кон ретные экономические связи, выражающие глубинные отношения обще

---

[94]) Термин «имущество» в литературе и в законодательстве употребляется в ра личном смысле. Часто он используется для обозначения вещи или совокупности веще являющихся объектом права собственности. (См. «Словарь современного русского л тературного языка», т. 5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 319; ч. 1, ст. 36 Осн гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик; ст. 219 ГК РСФСР Термин «имущество» употребляется и в более широком смысле — в смысле всех мат риальных благ, являющихся объектом права. (См. «БСЭ», изд. 2-е, т. 17, стр. 607 Иногда этим термином обозначают и права и обязанности конкретного лица, то ес его актив и пассив. (См., например, ч. 2, ст. 37, ст. 553 ГК РСФСР).

[95]) См. «Краткий философский словарь», М., Госполитиздат, 1952, стр. 151; «Ку политической экономии», т. 1, М., Изд. экономической литературы, 1963, стр. XLV И. Сигов. Указ. статья, стр. 18.

По мнению В. А. Тархова, «отношения собственности — это, бесспорно имущес венные отношения». (В. А. Тархов. Указ. статья, стр. 34).

[96]) См. С. С. Алексеев. Предмет советского социалистического гражданско права. Ученые труды Свердловского юридического института, т. 1. Серия «Гражда ское право». Свердловск, 1959, стр. 33.

[97]) См. С. С. Алексеев. Там же, стр. 19, 27—28, 46.

[98]) См. Н. Д. Колесов. Указанная работа, стр. 7.

[99]) См. С. С. Алексеев. Там же, стр. 37; С. М. Корнеев. Право государс венной социалистической собственности в СССР. Изд. МГУ, 1964, стр. 10—11.

[100]) Сравн. В. А. Тархов. Указ. статья, стр. 29.

енной собственности; последние же не являются имущественными отношениями, они составляют костяк производственных отношений. В круг имущественных отношений входят также и те конкретные экономические отношения, которые складываются между отдельными лицами по поводу имущественных благ, не имеющих вещественной формы, и потому не могущих быть объектом отношений собственности.

Организационные отношения по своей природе — тоже материальные экономические отношения, но в отличие от имущественных они имеют своим объектом организацию деятельности людей в сфере производства, распределения, обмена и потребления материальных благ. Сами же имущественные блага к их объекту не относятся. Следовательно, разграничение имущественных и организационных отношений должно производиться по их объекту.

С точки зрения данного положения нельзя согласиться с концепцией организационных отношений, выдвинутой С. Н. Братусем. По его мнению, понятием организационных отношений охватываются все конкретные экономические отношения, складывающиеся в процессе деятельности органов государственного управления[101]). Это означает, что и отношения, возникающие в сфере планового распределения компетентными госорганами государственных имуществ между хозяйственными организациями, должны рассматриваться как организационные. В действительности же указанные отношения являются имущественными. Их предметом выступает государственное имущество, по поводу которого управомоченные государством органы в процессе их управленческой деятельности вступают в экономические отношения с соответствующими хозяйственными организациями. Поэтому позиция С. Н. Братуся по данному вопросу полне обоснованно была подвернута критике[102]).

Итак, в результате проведенного исследования мы приходим к выводам. Во-первых, социалистические имущественные отношения по природе своей есть разновидность материальных экономических отношений. Во-вторых, имущественные отношения выступают на поверхности общественной жизни как конкретные (единичные) экономические связи между отдельными лицами и представляют собой одну из форм проявления системы внутренних экономических связей — социалистических производственных отношений. В-третьих, имущественные отношения складываются в сфере производства, распределения, обмена и потребления имущественных благ, выраженных как в вещественной, так и в невещественной формах. Следовательно, имущественные отношения — это особый вид общественных отношений, который нельзя отождествлять ни с материальными, ни с экономическими, ни с производственными отношениями и ни с отношениями собственности.

Исходя из этого, можно сформулировать определение: социалистические имущественные отношения — это конкретные экономические связи, складывающиеся в сфере социалистического воспроизводства между отдельными лицами по поводу обладания, использования и передачи имущественных благ — средств производства, предметов потребления и иных результатов труда человека.

---

[101]) См. С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат, 1963, стр. 44—46.

[102]) См. В. П. Грибанов. Указ. статья, стр. 187—188; О. С. Иоффе. Советское гражданское право и социалистическая экономика. Сб. «Актуальные проблемы советского государства и права в период строительства коммунизма», Изд. ЛГУ, 1967, стр. 237—239; В. И. Корецкий. Гражданское право и гражданские правоотношения СССР. Душанбе. Изд. «Ирфон», 1967, стр. 12—14.

В системе конкретных экономических отношений, социалистически имущественные отношения, являясь выражением глубинных отношени общественной собственности на средства производства, занимают цент ральное место. Они предопределяют характер и направление развити социалистических организационных отношений. Последние по отношени к первым выполняют служебную роль. Их диалектическая взаимосвяз и взаимодействие проявляются в том, что материальные организацион ные отношения, будучи необходимым результатом развития внутренни экономических связей, а также и имущественных отношений, объективно способствуют возникновению и осуществлению последних в соответст вии с действием экономических законов социализма.

Как мы уже отмечали, характерной чертой и ценным свойством кон кретных экономических отношений является их способность реагироват на воздействие социальных норм, выражающих волю всего обществ или отдельного класса. В социалистическом обществе имущественны и организационные отношения объективно нуждаются в правовой рег ламентации. Их соотношением и местом в системе экономического бази са определяется весьма важная особенность правового регулирования Дело в том, что социалистические имущественные отношения оказываю ся предметом двойного воздействия правовых норм: во-первых, они — непосредственный предмет правового регулирования; во-вторых, нормы права, регламентируя организационные отношения и тем самым усили вая их служебную роль, в конечном счете также оказывают воздействи на имущественные отношения, способствуя их развитию в интересах со циалистического общества.

Таковы пути воздействия норм социалистического права на матери альные имущественные отношения, складывающиеся в нашей экономи ческой жизни. С этих позиций, по нашему мнению, и надо подходит к исследованию вопроса о механизме правового регулирования социалис тических имущественных отношений.

В результате урегулирования нормами права конкретные имущест венные отношения приобретают характер правовых. В условиях сущест вования государства и права данные отношения возникают и осуществ ляются в форме правоотношений. Это, конечно, не означает, чт имущественные отношения вне юридической формы вообще не могу существовать. Было бы неправильным материальные имущественны отношения связывать с существованием в обществе государства и пра ва[103]). В то же время следует иметь в виду, что практически в обществе где используются средства правового регулирования, нельзя ни противо поставить, ни отделить фактические имущественные отношения от и юридической формы: они здесь проявляются как имущественные право отношения. Когда же говорим о социалистических имущественных отно шениях, как совокупности фактических общественных отношений, сос тавляющих предмет правового регулирования, то мы в научно- исследо

---

[103]) Мы не можем присоединиться также и к мнению С. Н. Братуся, который с ществование имущественных отношений связывает с использованием товарно-денеж ной формы, полагая, что при полном коммунизме, когда эта форма отомрет, имущест венные отношения трансформируются в иной вид хозяйственных связей. (С. С. Н. Братусь. Предмет и система советского гражданского права. М., Госюриздат 1963, стр. 47). Поскольку имущественные отношения — это материальные конкретны экономические связи, возникающие в сфере общественного воспроизводства по повод обладания, использования и передачи материальных благ, необходимых для жизн людей, то представляется, что и при коммунизме такие отношения будут возникат независимо от общественного сознания и общественной воли.

вательских целях абстрагируемся от юридической формы, которую они приобретают вследствие их урегулирования нормами права и вне которой при данных условиях они не проявляются.

Однако имущественные отношения не должны растворяться в правоотношениях. Как мы уже отмечали, это — не однозначные общественные явления и отождествлять их нельзя, хотя бы потому, что первые из них как составная часть экономического базиса имеют материальный характер, а вторые — идеологический: они входят в состав надстройки. Имущественное отношение, урегулированное нормами права, выступает, как единство двух противоположных начал: материального содержания и идеологической формы. Налицо определенное противоречие содержания и формы, но это противоречие диалектическое, оно служит одним из источников развития экономических отношений[104]).

Социалистические имущественные отношения, как проявление внутренних сущностных экономических связей, складываются во всех сферах общественной жизни и поэтому, естественно, они не одинаковы по своему характеру.

В условиях социалистической системы хозяйства возникновение и развитие имущественных отношений предопределяется действием объективных экономических законов и прежде всего таких как основной экономический закон социализма и закон планомерного, пропорционального развития народного хозяйства. Товарное производство при социализме и необходимость использования в коммунистическом строительстве товарно-денежной формы, кроме того, вызывают к жизни весьма широкий круг имущественных отношений товарно-денежного характера. Таким образом, с точки зрения объективных закономерностей, определяющих возникновение и развитие имущественных отношений, их можно подразделить на два вида: а) имущественные отношения планомерного характера, складывающиеся вне сферы действия закона стоимости и б) имущественные отношения товарно-денежного характера[105]).

С точки зрения субъектного состава различаются: а) имущественные отношения между социалистическими организациями; б) имущественные отношения между организациями и гражданами и в) имущественные отношения между гражданами.

С точки зрения сферы возникновения социалистических имущественных отношений можно выделить: а) имущественные отношения, возникающие в сфере планомерного управления общественным производством и обществом в целом; б) имущественные отношения, складывающиеся между социалистическими организациями в сфере их оперативно-хозяйственной деятельности (оперативно-хозяйственные отношения); в) имущественные отношения, возникающие в сфере приложения труда работников социалистического общества; г) имущественные отношения, складывающиеся в сфере удовлетворения материальных и культурных потребностей граждан; д) имущественные отношения, возникающие в брачно-семейной сфере.

---

[104]) О диалектике взаимодействия формы и содержания см. А. Г. Спиркин. Курс марксистской философии. М., «Мысль», 1966, стр. 166—168; А. П. Шептулин. Система категорий диалектики. М., «Наука», 1967, стр. 275—276.

[105]) Следует иметь в виду, что имущественные отношения товарно-денежного (стоимостного) характера в условиях социалистического способа производства возникают на основе закона стоимости, действующего в неразрывной связи с основным экономическим законом социализма, законом планомерного, пропорционального развития народного хозяйства и в рамках, определяемых этими законами.

В зависимости от характера различных видов социалистических имущественных отношений определяются и способы их правового регулирования. Так, например, имущественные отношения планомерного характера, складывающиеся вне сферы действия закона стоимости, для которых присуще начало подчиненности одной стороны другой, объективно нуждаются в методах правового регулирования, свойственных таким отраслям, как административное, финансовое и земельное право. Имущественные отношения товарно-денежного (стоимостного) характера, для которых присуще начало равенства сторон, объективно требуют гражданскоправового метода регулирования. А имущественные отношения, складывающиеся в сфере приложения труда рабочих, служащих и членов колхозов, по своей специфике таковы, что оказалось необходимым включить их в состав предмета регулирования трудового и соответственно колхозного права. Особый характер имущественных отношений, неразрывно связанных с личными отношениями, возникающими из брака, родства, усыновления, принятия детей в семью на воспитание, предопределил необходимость регулирования их нормами семейного права.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что отдельные положения, выдвинутые в настоящей статье, очевидно, имеют дискуссионный характер, но автор был бы рад, если бы они в какой-то мере могли способствовать дальнейшим исследованиям этой актуальной и сложной проблемы.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

СОЦИАЛЬНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ НЕСООТВЕТСТВИЯ СДЕЛКИ ТРЕБОВАНИЯМ НОРМ ПРАВА

В. П. ШАХМАТОВ

1. Воздействие недействительных сделок на общественные отношения

Общественная вредность противоправной сделки находит свое воплощение не только во внешней стороне деятельности ее субъекта (субъектов), но и в его особом внутреннем, психическом отношении к своему поведению. Противоправными являются такие сделки, которые нарушают правовые запреты. Они могут быть подразделены на противоправные по содержанию (ст. ст. 48 и 49 ГК РСФСР) и противоправные вследствие недопустимого воздействия на волю субъекта или недопустимого использования стечения тяжелых обстоятельств (ст. 58 ГК)[1]).

Выяснение социальной значимости несоответствия сделки требованиям норм права предполагает выяснение воздействия недействительных сделок на общественные отношения. На что же посягают, если можно так выразиться, недействительные и прежде всего противоправные сделки?

Этот вопрос до сих пор не привлекал к себе внимания, хотя имеется довольно обширная литература об объекте правонарушения вообще. Иногда считают, что правонарушение посягает не только на социалистические общественные отношения, но и на те правовые нормы, которые регулируют эти отношения. Представителями этого мнения в науке советского гражданского права являются О. С. Иоффе и С. С. Алексеев[2]). О. С. Иоффе, резюмируя свои соображения по этому вопросу, приходит к следующему выводу: «Норма и правоотношение представляют собой единый объект посягательства при совершении гражданского правонарушения, однако в пределах этого единства сохраняется различие между нормой и правоотношением»[3]). Рассматриваемая позиция вызвала различную реакцию в нашей литературе. Одни ученые считают, что «такое понимание объекта правонарушения по существу применимо не только в области гражданского права, но и в любых других областях права»[4]). Другие авторы решительно возражают против указанной точки зрения.

---

[1]) Здесь и в дальнейшем ссылки на статьи ГК будут означать ссылки на статьи ГК РСФСР.

[2]) См.: О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 80, 90; С. С. Алексеев. О составе гражданского правонарушения. «Правоведение», 1958, № 1, стр. 49.

[3]) О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 80.

[4]) А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, стр. 144.

Неправомерные действия причиняют вред социалистическим общественным отношениям, однако причинение вреда норме не является очевидным. Напротив, применение, например, ст. 49 ГК к противоправной сделке лишь подтверждает торжество закона над правонарушением. Правовой норме в результате совершения противоправной сделки ущерб не наносится. И если исходить из того, что объектом любого противоправного посягательства является то, чему оно наносит или пытается нанести вред, то норма права не может быть отнесена к объекту противоправного действия[5]).

Классики марксизма за юридической формой видели определенное общественное отношение. Правонарушения и причиняют вред этим общественным отношениям.

Недействительные сделки нарушают именно такие общественные интересы, на страже которых стоят нормы, требованиям которых не соответствуют такие сделки. В защите этих общественных отношений от посягательств (при совершении противоправных сделок) и в регулировании их в направлении наиболее желательного развития (при совершении прочих недействительных сделок) и заключается социальный смысл норм гражданского права о недействительных сделках.

Каждая сделка, несоответствующая требованиям норм права, причиняет определенный ущерб социалистическим общественным отношениям, но так как речь в этих случаях идет об урегулированных правом общественных отношениях, то недействительная сделка нарушает и правопорядок. Иначе и быть не может: недействительными являются только такие сделки, которые не соответствуют требованиям правовых норм.

Нарушая государственные и общественные интересы, выраженные в правовых нормах, недействительные сделки нередко причиняют непосредственный ущерб субъектам права. Это имеет место, например, при совершении сделок под влиянием обмана, угроз, насилия и т. д., при совершении сделок с недееспособными.

Сделки, не соответствующие требованиям закона, нарушают не только нормальное развитие социалистических общественных отношений, но в определенных случаях наносят ущерб и тем несоциалистическим общественным отношениям, которые пользуются в советском обществе охраной закона. Например, не имеют социалистического характера отношения, вытекающие из ведения мелкого частного хозяйства кустарей (ст. 115 ГК) и единоличного крестьянского двора (ст. 134 ГК), которые при условиях, указанных в законе, допускаются и охраняются советским правопорядком. Сделки, связанные с извлечением нетрудовых доходов в результате деятельности отдельных кустарей, являясь противоправными, имеют своим объектом именно те общественные отношения, которые для кустарей являются дозволенными.

Характеризуя социальную значимость отдельных недействительных сделок (предусматривавшихся ст. ст. 30—34 ГК РСФСР 1922 года), И. С. Самощенко отмечал, что они вредны (хотя и не опасны) прежде всего для имущественных отношений социалистического общества, а поскольку имущественные отношения основаны на социалистической собственности, на орудия и средства производства, то такие сделки в своей массе вредны для развития и функционирования социалистической собственности. Такие сделки, по мнению И. С. Самощенко, с объ-

[5]) См.: А. Н. Трайнин. Состав преступления по советскому уголовному праву. М., 1951, стр. 175; И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, стр. 93—95.

ективной стороны характеризуются причинением, как правило, имущественного ущерба. Для субъективной стороны этих сделок свойственно умышленное, а чаще неосторожное пренебрежение прежде всего имущественнымы правами и охраняемыми законом интересами организаций или отдельных граждан[6]).

Приведенные соображения, несомненно, представляют серьезный научный интерес, но полностью согласиться с ними, по нашему мнению, нельзя по следующим основаниям. Во первых, потому, что И. С. Самощенко в рассматриваемом им аспекте, не проводит различия между противоправными и иными недействительными сделками. Во-вторых, занимаемая И. С. Самощенко позиция при ее логическом продолжении может привести к выводу о том, что каждая недействительная сделка, взятая в отдельности, посягает на всю совокупность социалистических общественных отношений собственности. Это же вызывает серьезные возражения, так как не учитывает специфики гражданскоправовых отношений и значительно примыкает к обоснованному для науки уголовного права положению о том, что любое преступление в конечном счете, посягая на всю совокупность социалистических общественных отношений, наносит ущерб поэтому всей системе общественных отношений[7]).

Преступление отличается в рассматриваемом плане от сделки, несоответствующей требованиям закона, своей общественной опасностью. Можно было бы рассуждать примерно следующим образом, например, в отношении сделок, связанных с извлечением нетрудовых доходов: такие сделки посягают не только на имущественные права потерпевших, но и на принцип распределения материальных благ по труду, базирующийся на социалистической системе хозяйства и социалистической собственности. Но как далеко «проникают» вглубь общественных отношений правонарушения, зависит от их социальной значимости. Преступления обладают общественной опасностью, на это прямо указывает уголовный закон[8]). Противоправные сделки общественной опасностью не обладают, поэтому они не могут посягать на всю систему социалистических общественных отношений или на ее основу — отношения собственности. Сказанное не касается, разумеется, таких случаев, когда само преступление совершается в виде сделки.

Важно подчеркнуть и другое обстоятельство. Недействительные сделки оказывают отрицательное воздействие именно на те общественные отношения, на регулирование которых рассчитаны нормы права о действительных сделках данного вида (нормы, регулирующие отношения купли-продажи, поручения и т. п.). Иначе говоря, нормы права о недействительных сделках носят правоохранительный характер: они рассчитаны на охрану тех общественных отношений, которые нарушаются совершением и исполнением сделок, несоответствующих требованиям закона.

Воля в действительной сделке направляется на установление, изменение или прекращение фактического общественного отношения путем воздействия на него правоотношения, установившегося, изменившегося или прекратившегося в результате ее совершения. Значит эти фактические общественные отношения являются предметом правового регулирования.

---

[6]) См. И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, стр. 184—185.

[7]) См.: М. А. Гельфер. Гл. 5 учебника «Советское уголовное право», часть общая, М., 1964.

[8]) См. ст. 7 УК РСФСР.

Напротив, воздействие недействительных сделок на общественные отношения происходит иным образом: недействительная сделка развитие конкретного общественного отношения направляет по пути, не соответствующему интересам государства, выраженным и закрепленным в правовой норме, требованиям которой данная сделка не соответствует. Это одна сторона вопроса. Другая — заключается в том, что в результате совершения недействительной сделки не возникает то фактическое общественное отношение, на которое воздействовало бы правовое отношение, возникшее, изменившееся или прекратившееся в результате совершения сделки, если бы она не являлась недействительной. Поэтому-то **это** общественное отношение не может являться (оно не существует) предметом правового регулирования нормы права, несоответствие требованиям которой обусловило недействительность сделки.

Обратимся к примеру. Павлову в установленном законом порядке был выделен земельный участок для строительства дома. Не имея средств на строительство, он заключил с Крабовым договор, по которому переуступил ему половину земельного участка, за что Крабов обязался возвести домовладение за свой счет и своими силами, а половину его безвозмездно передать Павлову. Эта сделка отвечает признаком ст. 49 ГК. Предметом правового регулирования ст. 49 ГК являются в этом примере отношения между Павловым и Крабовым, а в части взыскания в доход государства — между ними и государством.

Приведенная в качестве примера сделка посягает на те общественные отношения, которые складываются в процессе правомерного отвода исполкомом местного Совета земельного участка Павлову и осуществления такого строительства дома, которое не было бы связано с правонарушением.

Исследование тех общественных отношений, на которые отрицательно воздействуют недействительные сделки, имеет весьма серьезное значение как для выявления социальной сущности правовых норм, регулирующих отношения, которые вытекают из фактов совершения и исполнения недействительных сделок, так и для признания их недействительными: несоответствие общественных отношений, возникших в результате совершения недействительной сделки тем общественным отношениям, которые являются единственно допустимыми или желательными, обусловливают правовое решение вопроса о признании сделки недействительной.

2. Общественная вредность и общественная нежелательность — объективные качества различных видов недействительных сделок

Вопрос о социальной значимости несоответствия сделки норме права остался незамеченным в работах цивилистов. Встречаются лишь высказывания, относящиеся к характеристике противоправности в целом.

Так, О. С. Иоффе, отмечая, что в отличие от цивилистов криминалисты ставят перед собой более широкую проблему, стремясь раскрыть социальную сущность противоправного поведения, констатирует: «...определение противоправности в гражданском праве не может исходить из понятия общественной опасности в смысле уголовного права, но это не дает оснований в цивилистической трактовке данного вопроса ограничиваться указанием только на то, что противоправность есть наруше-

ние нормы права»[9]). Г. К. Матвеев, не касаясь «проблемы соотношения противоправности и общественной опасности в целом», приходит к выводу о том, «что в социалистических условиях противоправность едва ли может означать что-либо другое, чем правовое выражение общественной опасности», так как «всякие нарушения социалистического правопорядка представляют определенную (большую или меньшую) опасность для общества»[10]). Гражданское и уголовное противоправные действия, резюмирует Г. К. Матвеев, являются «общественно опасными действиями»[11]). С этим соглашается и М. Я. Ефимов. «Общественная опасность,— заявляет он,— присуща также гражданским правонарушениям, административным или дисциплинарным проступкам, но в значительно меньшей степени, чем преступлениям»[12]).

Обратимся к вопросам общетеоретического плана. Еще в 1948 году Н. Д. Дурманов на вопрос об отличиях различных видов противоправных действий ответил следующим образом: «...преступление всегда является общественно опасным. Для других видов правонарушений, являющихся, конечно, деяниями вредными и порицаемыми, наличие момента общественной опасности необязательно»[13]).

В настоящее время по этому вопросу существуют три различных мнения. Одни авторы разделяют точку зрения, предложенную Н. Д. Дурмановым, считая, что только преступлениям свойственна общественная опасность, прочие же правонарушения лишь общественно вредны[14]). Другие полагают, что каждому правонарушению присуща общественная опасность и отличают уголовные правонарушения от гражданских правонарушений, административных и дисциплинарных проступков только по степени опасности[15]). Наконец, третьи усматривают в этом разногласия лишь терминологического характера[16]).

Советский уголовный закон при характеристике социальной значимости преступления использует понятие «общественной опасности» как не равнозначное понятию «общественной вредности». Действительно, содержание ч. 2 ст. 7 УК показывает, что при отсутствии общественной опасности может быть налицо общественная вредность правонарушения. Такой вывод подтверждается также и содержанием ст. 113 УПК: материал на лиц, виновных в совершении правонарушения, не являющегося преступлением, направляется на рассмотрение общественной организации, товарищеского суда, коллектива трудящихся или передается на разрешение в административном или дисциплинарном по-

---

[9]) И. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 78, сн. 1.

[10]) Г. К. Матвеев. Вина в советском гражданском праве. Киев, 1955, стр. 33.

[11]) Г. К. Матвеев. О вине как основании гражданско-правовой ответственности по советскому гражданскому праву. Киевский государственный институт. Юридический сборник, 1952, № 5, стр. 91.

[12]) М. Я. Ефимов. Комментарий к ст. 7 УК РСФСР. Уголовный кодекс РСФСР. Научно-практический комментарий, т. 1, общая часть, Свердловск, 1961, стр. 19—20.

[13]) Н. Д. Дурманов. Понятие преступления. М.-Л., 1948, стр. 136.

[14]) См.: О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. М., 1962, стр. 70.

[15]) См.: П. И. Гришаев. Гл. 2 учебника «Советское уголовное право». Часть общая, М., 1964; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права, стр. 248; См., выступления Н. А. Беляева, В. Д. Сорокина, Ю. К. Толстого, Н. А. Чечиной на конференции по вопросам методологии правовых исследований. «Правоведение», 1965, № 3, стр. 171.

[16]) См.: Д. Шуберт. Об общественной опасности преступного деяния. М., 1960, стр. 24.

рядке именно потому, что такое правонарушение, не являясь общественно опасным, представляет собой общественную вредность[17]).

Характеризуя только преступления, как общественно опасные действия, закон тем самым подчеркивает не просто «общественную вредность преступлений, а их особую вредность для общества»[18]). Преступления, «будучи правонарушениями, представляют собой тем не менее особое качество внутри этого единства. В отличие от иных правонарушений они вредны для условий существования общества, то есть опасны для него»[19]).

Качественное отличие преступлений от других правонарушений следует усматривать в качественных отличиях объектов противоправных посягательств. Нельзя считать общественно опасными правонарушения, не являющиеся преступлениями еще и потому, что в противном случае определяющий признак преступления, каковым является общественная опасность, потеряет свой исключительный характер, а наделение им каждого правонарушения может в отдельных случаях повлечь за собой необоснованное привлечение к уголовной ответственности в тех случаях, когда должны были быть применены меры иного воздействия.

Практике такие случаи известны. В качестве примера можно сослаться на следующее дело. Толкунов был осужден по ч. 1 ст. 170 УК РСФСР за то, что он, работая старшим инженером-строителем лесного хозяйства, составил сметы на строительство ряда объектов, в результате чего получил 479 рублей.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РСФСР отменила приговор и дело о нем производством прекратила за отсутствием состава преступления.

Отношения, в которых участвовал Толкунов, не были общественно опасными, хотя и представляли определенную общественную вредность: они нарушали запрещение, установленное постановлением СНК СССР от 10 мая 1939 года. К ним надлежало применить не норму УК, а правило, сформулированное в п. 2 постановления пленума Верховного Суда СССР от 24 марта 1959 года «О судебной практике по искам о взыскании вознаграждения за составление проектов и смет по капитальному строительству»[20]).

Таким образом, там, где есть гражданское правонарушение, налицо и общественная вредность действий правонарушителя. С другой стороны, общественная вредность не всегда связывается с совершением правонарушения. Поступки людей, нарушающие правила социалистического общежития, принципы морального кодекса строителя коммунизма также нарушают интересы общества, причиняют ему определенный вред. Для правонарушения характерна не только общественная вредность, но и противоправность.

Противоправность сделки — это юридическое выражение ее общественной вредности. Известно, что система правоотношений, как правовая надстройка, опосредствует реальные, фактические отношения, охраняет их от нарушений, обеспечивает предусмотренное нормами права поведение их участников. Например, экономические отношения по поставке какой-либо продукции опосредствуются правовыми отношениями, возникшими в результате совершения договора поставки. Правоотношения

---

[17]) См.: И. С. Самощенко. Понятие правонарушения по советскому законодательству. М., 1963, стр. 54 и посл.

[18]) И. С. Самощенко, цит. соч., стр. 60.

[19]) И. С. Самощенко, цит. соч., стр. 62.

[20]) См.: «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1962, № 12, стр. 8—9.

являются формои экономических и иных общественных отношений, которые отражаются в правоотношениях как их содержание. Поэтому Б. С. Никифоров образно называет правовые отношения «правовой оболочкой» фактических отношений»[21]).

Наступление общественно вредных последствий, вытекающих из факта исполнения противоправной сделки, не является конститутивным признаком противоправной сделки. Неисполненная противоправная сделка также обладает общественной вредностью, хотя степень ее и различна. Действительно, к правонарушениям следует отнести не только такие виновные действия, которые наносят так сказать «осязаемый» вред общественным отношениям. Неисполненная противоправная сделка вносит дезорганизацию в общественные отношения, причиняет им ущерб уже потому, что совершается в разрез с нормами социалистического права, закрепляющими, как говорит О. Э. Лейст, общественную дисциплину, необходимую для построения коммунизма[22]).

В последнее время в нашей правовой науке получает признание существования, наряду с регулятивными, охранительных правоотношений. Посредством правоохранительных отношений оказывается воздействие на регулятивные правоотношения, обеспечивая их закрепление и защиту правовосстановительными мерами и применением наказания[23]).

Между тем отдельные авторы, не учитывая социального значения правоохранительных отношений, делают выводы, достоверность которых вызывает сомнения. Так, О. Э. Лейст, рассматривая сделки, клонящиеся к ограничению правоспособности или дееспособности, соглашения между супругами, направленные к умалению имущественных прав жены или мужа, отказ от права обращения к суду, соглашение родителей о принадлежности детей к той или иной религии, считает, что «эти сделки не порождают никаких реальных последствий, вредных для общества», потому что они не порождают юридических последствий и беспрепятственно опровергаются действиями самих лиц, их совершивших, а роль государственных органов, обнаруживших такие сделки, может сводиться разве только к разъяснению заинтересованным лицам, что подобные сделки юридически ничтожны»[24]).

С выдвинутыми О. Э. Лейстом соображениями трудно согласиться. Такие сделки общественно вредны, а «реальные последствия, вредные для общества», заключаются не только в фактах нарушения конкретных субъективных прав, в ущемлении, следовательно, интересов конкретных граждан, но и одновременно в грубом посягательстве на социалистические правоохранительные отношения.

Противоправная сделка всегда, независимо от того, исполнена она или нет, посягает на систему охранительных правоотношений, как бы разрывает их, причиняя реальный вред или создавая угрозу его возникновения тем фактическим общественным отношениям, ради регулирования и охраны которых существует правовая надстройка.

Имея в виду, что некоторые преступления могут облекаться в форму противоправных сделок (например, сделки с землей, валютными ценностями и т. п.), можно констатировать, что социальная значимость

---

[21]) Б. С. Никифоров. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960, стр. 9.

[22]) См.: О. Э. Лейст. О природе и путях преобразования санкций социалистического права. «Советское государство и право», 1963, № 1, стр. 46.

[23]) См.: В. Н. Щеглов. К вопросу о соотношении материальных и процессуальных правоотношений. Доклады итоговой научной конференции юридических факультетов. Изд. Томского государственного университета, Томск, 1966, стр. 90—95.

[24]) См.: О. Э. Лейст. Санкции в советском праве. М., 1962, стр. 74.

противоправных сделок заключается в: а) общественной опасности (в отношении сделок, нарушающих запреты уголовного закона); б) общественной вредности (в отношении прочих противоправных сделок).

Круг сделок, которые государство признает противоправными, и степень их общественной вредности не остаются неизменными. Это зависит от социально-политической обстановки в нашем государстве. Так, в предвоенные годы была запрещена продажа, обмен и иной «отпуск» на сторону оборудования и материалов, принадлежавших социалистическим предприятиям[25]). В настоящее время это запрещение не действует[26]). Можно указать и на запрещение учреждениям, предприятиям и организациям передавать по договорам отдельным гражданам составление проектов и смет по всем видам капитального строительства, установленное постановлением СНК СССР от 10 мая 1939 года № 651, круг исключений из которого к настоящему времени значительно увеличился.

Общественная вредность противоправных сделок — это их социально-политическая характеристика. Иногда закон, описывая в гипотезе правовой нормы те или иные признаки недействительной сделки, вводит в них указанные на противоправность. Например, в упоминавшемся Указе Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 года запрещенные им сделки квалифицировались как «незаконные действия». В других случаях указание на противоправность определенного вида сделок дается в руководящих указаниях пленумов Верховных Судов. Так, в п. 4 постановления пленума Верховного Суда СССР от 24 марта 1959 года «О судебной практике по искам о взыскании вознаграждения за составление проектов и смет по капитальному строительству»[27]) подчеркивается, что сделки, нарушающие постановление СНК СССР от 10 мая 1939 года, являются «незаконными». Этим подчеркивается общественная вредность подобных сделок.

Судебная и арбитражная практика также нередко путем указания на противозаконный, противоправный характер той или иной сделки подчеркивает ее общественно вредные свойства. Так, например, в одном деле указание Президиума Калужского областного суда на то, что материалы «приобретались явно незаконным путем», послужило социально-политическим обоснованием для применения ч. 6 ст. 14 Основ[28]). Такое же значение имел и вывод судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР о том, что сделки, направленные на прикрытие колхозами невыполнения своих обязательств перед государством, являются «антигосударственными, направленными на обман государства»[29]).

Что же касается не противоправных, а иных недействительных сделок, то их социальная значимость очерчивается рамками общественной нежелательности. Признание сделок недействительными в таких

---

[25]) См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 февраля 1941 года. «Ведомости Верховного Совета СССР», 1941, № 8.

Причины издания этого Указа детально освещены в работе А. В. Венедиктова «Государственная социалистическая собственность», АН СССР, 1948, стр. 422—442.

[26]) См.: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 13 мая 1955 года «Об отмене Указа Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия». «Ведомости Верховного Совета СССР», 1955, № 8, ст. 193.

[27]) См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1959, № 3, стр. 6.

[28]) См.: «Бюллетень Верховного Суда РСФСР», 1963, № 8, стр. 15.

[29]) См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 1, стр. 18—19.

случаях является средством не принуждения, а побуждения к соблюдению соответствующих правовых норм.

Содержание терминов «общественная нежелательность», «общественная вредность» и «общественная опасность» применительно к недействительным сделкам включает в себя не только качественную характеристику, но и указание на степень отрицательного отношения к соответствующим сделкам[30]).

Из того положения, что противоправность сделки представляет собой юридическое выражение ее общественной вредности, следует, что характер установленных на случай ее совершения и исполнения санкций выражает степень общественной вредности той или иной сделки. О степени общественной нежелательности непротивоправных недействительных сделок также свидетельствует характер тех последствий, которые связываются правом с их совершением и исполнением.

Степень общественной вредности противоправных сделок зависит от важности тех общественных отношений, которым причиняется ущерб, от отсутствия или наличия вины, а в последнем случае и от ее характера (умысел или неосторожность). Она зависит и от предмета недействительной сделки: сдача собственником части комнаты в наем с целью извлечения нетрудового дохода имеет меньшую степень общественной вредности, чем продажа огнестрельного оружия, совершенная с нарушением установленных правил. В некоторых случаях на степень общественной вредности противоправной сделки оказывают влияние обстоятельства, характеризующие личность ее субъекта. Различна степень общественной вредности той же покупки с нарушением действующих правил огнестрельного оружия преступником, готовящем преступление, и промысловиком охотником.

Категории «общественная вредность» и «общественная нежелательность» имеют значение и для нормотворческой деятельности государственных органов. Имеющаяся еще у отдельных должностных лиц тенденция к искоренению нежелательных или даже вредных, по их мнению, сделок только путем установления юридических запретов порой приводит к принятию незаконных нормативных актов, ограничивающих правоспособность советских граждан.

Вопросы, по которым принимаются незаконные решения, бывают довольно разнообразными. Например, исполком Мичуринского городского Совета депутатов трудящихся в одном из своих решений предусмотрел административную ответственность родителей, у которых есть дети в возрасте до 16 лет, за появление этих детей на улице без родителей и за игру в биллиард и другие «вредные игры»[31]). Приведенное решение интересно тем, что оно показывает, как неправильно понимаемая «категория вредности» привела к вынесению незаконного правового акта.

Среди сделок, совершение которых было неправомерно запрещено, можно указать на незаконное запрещение некоторых органов государственной власти и управления производить в рабочие дни недели

---

[30]) По указанным соображениям нельзя согласиться с Д. Шубертом, который, отождествив общественную опасность с общественной вредностью и нежелательностью для общества, проводит отграничение аморальных поступков от правонарушений, а также различных видов правонарушений друг от друга, прибегнув к понятию «степень общественной опасности». См.: Д. Шуберт. Об общественной опасности преступного деяния. М., 1960, стр. 43—45.

[31]) Приведено в работе В. В. Копейчикова «Правовые акты местных органов государственной власти и управления». М., 1956, стр. 87.

продажу сельскохозяйственных продуктов на рынках[32]); незаконное запрещение не только отдельным гражданам, но даже колхозам и совхозам вывоза овощей и фруктов для продажи их в других областях и краях[33]); на незаконное запрещение отправки на судах морского и воздушного флота за пределы области легковых автомашин, мотоциклов, холодильников, стиральных машин и строительных материалов, если их владельцы не выезжают в другую местность на постоянное жительство[34]); незаконное запрещение продавать гражданам пианино и холодильники, если отсутствуют об этом ходатайства музыкальных заведений или профсоюзных организаций[35]); на незаконное запрещение гражданам продавать части принадлежащих им домов[36]); незаконное запрещение сельским Советам удостоверять доверенности на получение страхового возмещения за павший скот[37]); на незаконную Инструкцию Министра торговли Казахской ССР о порядке продажи товаров повышенного спроса, согласно которой такие товары могли продаваться только лицам, живущим в данном населенном пункте[38]).

В таких случаях соответствующие прокуроры путем принесения протестов в порядке общего надзора добиваются отмены незаконных правовых актов. Для судов они необязательны в силу ч. 1 ст. 10 ГПК РСФСР.

Нельзя не признать, что имеются некоторые объективные причины, способствующие в некоторой степени принятию незаконных правовых актов. Недостаточное производство сельскохозяйственной продукции в отдельных местностях, например, влияет на принятие решений, незаконно запрещающих ее вывоз за пределы района, области. Нечеткость в формулировании законодательных положений, несогласованность и противоречивость отдельных постановлений могут также влиять на принятие местными органами власти решений, не соответствующих действующему законодательству.

Главными же причинами, обусловливающими принятие незаконных правовых актов, являются причины субъективного плана. Они коренятся в слабом знании законодательства и иногда в сознательном нарушении норм права в угоду местничеству[39]), исходя из неправильного понимания категорий «общественная вредность» и «общественная нежелательность».

Категории общественной вредности и общественной нежелательности недействительных сделок являются их объективным качеством, характеризующим в целом такие сделки. Нечего и говорить, что ни общественная вредность, ни общественная нежелательность не поддаются непосредственному восприятию органами чувств человека, но, существуя объективно, тем не менее они познаются сознанием тогда, когда

---

[32]) См.: «Социалистическая законность», 1962, № 9, стр. 85; И. Ч а е в с к и й. Прокурорский надзор за соблюдением законности при закупках сельскохозяйственных продуктов. «Социалистическая законность», 1966, № 5, стр. 71.

[33]) См.: «Социалистическая законность», 1962, № 12, стр. 66.

[34]) См.: «Социалистическая законность», 1963, № 3, стр. 87.

[35]) См.: «Социалистическая законность», 1962, № 5, стр. 89.

[36]) См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1965, № 3, стр. 4.

[37]) См.: «Социалистическая законность», 1965, № 10, стр. 85.

[38]) См.: М. А. М а л я р о в. Проблемы совершенствования прокурорского надзора. «Советское государство и право», 1966, № 12, стр. 21.

[39]) См.: Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 12 октября 1965 года, принятое по докладу Прокурора РСФСР «О соблюдении социалистической законности в правовых актах местных Советов депутатов трудящихся, республиканских и местных органах управления» («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965, № 43, стр. 915—918).

устанавливается отрицательное влияние недействительных сделок или же конкретной недействительной сделки на социалистические общественные отношения[40]).

3. Понятие недействительной сделки

Нормативное указание на то, что «недействительная сделка, не соответствующая требованиям закона» (ч. 1 ст. 48 ГК), часто принято рассматривать в качестве определения недействительной сделки. Так, В. К. Райхер считает его «общим определением» недействительной сделки[41]), а О. А. Красавчиков — «легальным определением родового (генетического) понятия недействительной сделки»[42]). Определение какого-нибудь явления должно выражать его сущность. В то время как содержание закона в этом вопросе не дает оснований для того, чтобы считать, что сущность недействительных сделок заключается только в их несоответствии требованиям норм права. Рассматриваемое законоположение содержит лишь указание на **основание** недействительности любой сделки, которое и заключается в ее несоответствии требованиям закона.

Определение недействительной сделки в нашей литературе не предлагалось. Исследование в этом направлении шло по пути выявления сущности недействительности, но не определения недействительной сделки. Хотя эти положения неразрывно и связаны между собой, они не являются тождественными. Поэтому нельзя согласиться с С. А. Оганесяном, который не приводит между ними различия[43]).

Под недействительностью сделки О. А. Красавчиков понимает ненаступление в силу закона тех юридических последствий, которые стороны желали вызвать своими действиями при совершении сделки[44]).

В этом определении неудачно раскрывается природа недействительных сделок, так как ненаступление последствий, на которые направлена сделка, — это результат недействительности сделки, а не ее существо[45]). С этой точки зрения более удачным представляется аналогичное определение, предложенное В. А. Рясенцевым, в котором подчеркивается, что недействительность сделки — это ее дефектность, обусловленная нарушением ею требований закона[46]).

Вместе с тем нельзя не отметить, что нежелательные для сторон последствия наступают при совершении недействительных сделок далеко не всегда. И если формулировка О. А. Красавчикова в этой части

---

[40]) Аналогично в науке советского уголовного права дается качественная характеристика общественной опасности преступления. См.: А. А. Пионтковский. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. М., 1961, стр. 156, 157.

[41]) В. К. Райхер. Об особом виде противозаконных сделок. Сб. «Актуальные вопросы советского гражданского права», М., 1964, стр. 52.

[42]) О. А. Красавчиков. Характерные особенности правового регулирования недействительных сделок по новому советскому гражданскому законодательству. «Советское государство и право», 1965, № 10, стр. 36.

[43]) С. А. Оганесян. Недействительность сделок по статьям 32 и 33 Гражданского кодекса. Автореферат кандидатской диссертации. Ереван, 1955, стр. 8.

[44]) О. А. Красавчиков. Пояснения к ст. 48 ГК. Гражданский кодекс РСФСР. Учебно-практическое пособие. Свердловск, 1965, стр. 123.

[45]) См.: О. С. Иоффе, Б. Б. Черепахин, Н. В. Рабинович, Е. А. Поссе, А. Г. Потюков, В. Т. Смирнов, Ю. К. Толстой, А. К. Юрченко, В. Ф. Яковлева. Рецензия на учебное пособие ВЮЗИ. «Советское гражданское право», ч. 1, М., 1960; «Правоведение», 1962, № 4, стр. 163.

[46]) В. А. Рясенцев. Гл. 8 учебника «Советское гражданское право», т. 1, М., 1965, стр. 196.

соответствует положению, складывающемуся, например, при совершении сделок, подпадающих под действие ст. ст. 48 и 49 ГК, то потерпевшая сторона, совершая сделку, квалифицируемую по ст. 58 ГК, напротив, желает наступления «отрицательного» результата»[47]).

Поэтому, следуя избранному О. А. Красавчиковым направлению, следовало бы говорить о ненаступлении не «тех юридических последствий, которые стороны желали вызвать своими действиями при совершении сделки», а о ненаступлении тех юридических последствий, которые соответствуют содержанию сделки[48]).

Недействительные сделки нарушают нормальное развитие социалистических общественных отношений. В этом заключается причина признания сделок недействительными. Определение недействительной сделки должно, как нам представляется, подчеркнуть, что недействительными сделки являются именно в силу своей вредности или нежелательности для социалистического общества.

Соответствие сделки требованиям норм права имеет место тогда, когда признаки состава конкретной сделки совпадают с описанными в законе признаками состава сделок данного вида. И, напротив, несоответствие сделки требованиям норм права означает ее несоответствие признакам состава сделок данного вида.

Недействительная сделка — это сделка, состав которой не соответствует описанным в нормах права признакам состава сделок данного вида в силу своих общественно вредных или общественно нежелательных свойств.

---

[47]) См.: С. А. Оганесян. Недействительность сделок по ст. ст. 32 и 33 Гражданского кодекса. Автореферат кандидатской диссертации, Ереван, 1955, стр. 8.

[48]) См.: И. Б. Новицкий. Сделки. Исковая давность. М., 1954, стр. 68.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ПОНЯТИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗА

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ

Согласно господствующему в советской цивилистической литературе взгляду, отношения железнодорожной перевозки грузов (а также плановой перевозки другими видами транспорта) опосредствуются двумя самостоятельными обязательствами[1]), каждое из которых возникает на основании определенного юридического факта: одно непосредственно из месячного плана перевозок груза, другое — на основании договора грузовой перевозки. Согласно указанной точке зрения, отношения, опосредствуемые этими обязательствами, регулируются различными по содержанию правовыми нормами, которые предусматривают различные права и обязанности их участников[2]).

[1]) В учебниках и учебных пособиях по советскому гражданскому праву, изданных до принятия Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, материал о правоотношениях грузовой перевозки, как правило, излагался в соответствующих главах под названием «Договор перевозки». Под аналогичными названиями опубликовано и большинство монографических исследований, посвященных перевозочным правоотношениям. Между тем их содержание охватывает не только договорное обязательство перевозки, но и обязательство, возникающее до заключения договора на основании плана перевозок. См.: Гражданское право, учебник для вузов, ч. II, 1938, гл. 29; Советское гражданское право, т. II, под ред. проф. С. Н. Братуся, М., 1951, гл. XI; Советское гражданское право, ч. II, отв. ред. — проф. В. А. Рясенцев, М., 1961, гл. XIV; М. А. Тарасов. Договор перевозки по советскому праву. Водтрансиздат, М., 1954; К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву. Изд-во АН СССР, М., 1958; М. А. Тарасов. Договор перевозки. Изд-во Ростовского университета, 1965.

В учебнике для вузов под ред. проф. М. М. Агаркова и проф. Д. М. Генкина (изд. 1944 г.) соответствующая глава названа «Обязательства перевозки». В курсе лекций по советскому гражданскому праву О. С. Иоффе (т. II, 1961 г.) соответствующий раздел также назван «Обязательства по перевозкам». При этом автор дает и соответствующее обоснование данного названия (стр. 292—293).

[2]) См.: З. И. Шкундин. Договоры перевозки, гл. XI в учебнике «Советское гражданское право» под ред. проф. С. Н. Братуся, т. 2, 1951, стр. 184—189; В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. М., Трансжелдориздат, 1951, стр. 19 и 39; 1955, стр. 23, 40—41; Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом праве, 1954, стр. 145—146; М. А. Тарасов. Договор перевозки по советскому праву. М., 1954. Его же. Договор перевозки грузов по советскому гражданскому праву. Автореферат докторской диссертации. М., 1957; Его же. Договор перевозки. Изд-во Ростовского университета, 1965, стр. 65 и сл. К. Ф. Егоров. Гражданскоправовая ответственность за невыполнение плана грузовых перевозок. Автореферат кандидатской диссертации, Л., 1955; В. П. Грибанов. Плановый характер договора железнодорожной перевозки. Вопросы советского транспортного права, 1957; А. М. Белякова. Транспортные договоры. Гл. XI в учебнике «Советское гражданское право». Т. II, М., 1961, стр. 246.

М. А. Тарасов относит эти обязательства к различной отраслевой принадлежности: к области административного и гражданского права (см. указ. автореферат докторской диссертации, стр. 10; Договор перевозки, 1965, стр. 57, 68).

Наряду с этой точкой зрения высказывалась мысль о единстве грузоперевозочных правоотношений, мысль о том, что правоотношения, опосредствующие железнодорожную перевозку грузов, образуют единое сложное обязательство, возникающее на основе не только плана перевозок и договора, но и других юридических фактов, в состав которого входят относительно самостоятельные обязательства, возникающие по мере наступления соответствующих юридических фактов[3]).

Существует также мнение, согласно которому правоотношения грузовой перевозки должны рассматриваться в качестве единого обязательства договорного характера, возникающего на основе плана и договора в их совокупности[4]).

Анализ отношений железнодорожной перевозки грузов и правовых норм, регулирующих эти отношения, приводит к выводу о необоснованности как расчленения правоотношений перевозки на два самостоятельных обязательства, так и утверждения о едином обязательстве перевозки, имеющем с момента возникновения договорный характер.

Перевозка грузов представляет собой организационно и технически сложный процесс, состоящий из ряда последовательных, органически связанных между собой технологических операций, целью которого является перемещение продукции в соответствии (в условиях социализма) с потребностями социалистического и коммунистического строительства.

Транспортная промышленность, как указывал Маркс, с одной стороны, составляет самостоятельную отрасль производства. «Но, с другой стороны, она отличается тем, что является продолжением процесса производства в пределах процесса обращения и для процесса обращения»[5]). Функции, выполняемые транспортом, оказывают определенное влияние на самый производственный процесс транспортной промышленности и отношения, которые складываются при его осуществлении. Так как участником процесса обращения является не только изготовитель транспортируемой продукции, но и ее потребитель, оба они неизбежно становятся участниками перевозочных отношений и должны выполнять ряд действий, получающих правовое закрепление в обязательстве перевозки. Без их совершения не может начаться, а равно закончиться перевозка. В связи с этим перевозочные отношения осложняются с точки зрения их субъектного состава, а осуществление перевозки в определенной мере оказывается зависящим от надлежащего выполнения отправителем и получателем продукции соответствующих действий. В целях обеспечения нормального перевозочного процесса и сохранности груза правовые нормы, регулирующие транспортные отношения, определяют права и обязанности перевозчика, отправителя и получателя груза, предусматривают средства, обеспечивающие их надлежащее осуществление.

---

[3]) См.: Я. И. Рапопорт. Об основаниях возникновения обязательства из железнодорожной перевозки грузов. Научные записки Харьковского института советской торговли, вып. III (V), 1952, стр. 188; Д. М. Генкин. Предмет советского гражданского права. «Советское государство и право», 1955, № 1, стр. 103; С. С. Алексеев. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов, 1959, стр. 27—37; З. М. Фрейдман, Г. И. Чирков. Рецензия на книгу Х. И. Шварца «Договор автомобильной перевозки». «Советское государство и право», 1956, № 9, стр. 138—139.

[4]) См.: Г. С. Гуревич. К вопросу о правовой природе договора перевозки грузов. Ученые записки Кишиневского госуниверситета, т. 67, Кишинев, 1964, стр. 4.

[5]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 171.

Сложность транспортного процесса, множественность субъектов-участников и широкий круг прав и обязанностей последних, необходимость наиболее полного исследования и четкого определения содержания, обусловливают изучение транспортных правоотношений в их расчлененном виде. Такой метод изучения правоотношений перевозки позволяет наиболее полно установить юридические факты, лежащие в основе их возникновения, юридическую природу, содержание и меры, обеспечивающие исполнение участниками их обязанностей.

Этим, как представляется, можно объяснить то, что ученые, несомненно, видевшие неразрывную связь между правоотношениями, возникающими на основании плана перевозок, и обязательством, возникающим из договора перевозки, рассматривали эти правоотношения в качестве самостоятельных обязательств. Так, З. И. Шкундин признавал, что соотношение обязательства, основанного на плане перевозок, с обязательством из договора перевозки состоит в том, что «первое из них предшествует второму. Если первое обязательство не выполнено (безразлично — транспортным предприятием или грузоотправителем), второе обязательство не возникает. Выполнение же первого обязательства (т. е. подача запланированных перевозочных средств и их загрузка), прекращая его действие, вместе с тем является предпосылкой заключения договора перевозки, т. е. возникновения второго обязательства»[6]. Отмечая далее, что оба эти обязательства совпадают по субъектам и по цели, автор подчеркивает, что «...они различаются по ряду других существенных признаков: а) они возникают из разных оснований; б) они различны по содержанию; в) они регулируются разными нормами; г) каждое из них обеспечено особыми гражданскоправовыми санкциями; д) лишь с момента заключения договора, т. е. возникновения второго обязательства, в отношение по перевозке включается грузополучатель, приобретающий определенные права и несущий определенные обязанности»[7]).

Дальнейшее исследование перевозочных правоотношений показало, что так же как процесс перевозки, несмотря на его сложность и многообразие операций, из которых он состоит, представляет собой единое целое, направлен на достижение единой цели, так и опосредствующие его правоотношения образуют единое сложное обязательство перевозки.

Я. И. Рапопорт, изучая основания возникновения обязательств железнодорожной перевозки грузов, пришел к выводу, что «железнодорожная перевозка грузов является единым гражданским правоотношением, основной целью которого является выполнение государственного плана перевозок»[8]). Единое гражданское правоотношение перевозки грузов рассматривается автором в качестве сложного, образуемого из правоотношений, имеющих некоторое самостоятельное значение.

---

[6]) З. И. Шкундин. Указ. соч., стр. 187.

[7]) З. И. Шкундин. Указ. соч., стр. 188. М. А. Тарасов, в принципе признающий самостоятельными обязательства, возникающие из месячного плана перевозок и договора, подчеркивает и тесную связь между ними. «Планирование массовых перевозок составляет первую и притом важную стадию транспортной операции, а разовый договор сторон на конкретные отправки грузов является второй частью операции по перевозкам». См.: М. А. Тарасов. Годовой (навигационный) договор перевозки грузов по советскому гражданскому праву. Ученые записки Ростовского государственного университета, т. XVII. Труды юридического факультета, вып. 2, 1958, стр. 54. Его же. Договор перевозки по советскому праву. М., 1954, стр. 174—175. В автореферате докторской диссертации М. А. Тарасов говорит о перевозке в целом как обязательственном правоотношении (стр. 10).

[8]) Я. И. Рапопорт. Об основаниях возникновения обязательств из железнодорожной перевозки грузов, стр. 192.

«Железнодорожная перевозка грузов должна быть отнесена к числу тех обязательственных правоотношений, по которым конечный результат (доставка груза по назначению) наступает в итоге выполнения сторонами не одного, а нескольких обязательств, из которых промежуточные, то есть выполняемые до наступления конечного результата (в железнодорожной перевозке такими обязательствами являются обязательства по подаче вагонов согласно плану, предъявление груза грузоотправителем на станции отправления), имеют некоторое самостоятельное правовое значение»[9]).

Конструкцию единого обязательства железнодорожной грузовой перевозки, выдвинутую Я. И. Рапопортом, а затем и Д. М. Генкиным, поддержал С. С. Алексеев, предложивший четкую и развернутую аргументацию ее, основные моменты которой состоят в следующем. В области перевозочных отношений правообразующую роль играют помимо месячного плана и договора перевозки и другие юридические факты: властные административноправовые акты железной дороги (задания на пятидневки), односторонние акты грузоотправителя, имеющие гражданскоправовое значение (пятидневные заявки), заключенные железной дорогой и грузоотправителем разовые гражданскоправовые соглашения (соглашения о сгущении погрузки[10]), принятие грузополучателем груза в свое ведение, принятие грузоотправителем и грузополучателем подвижного состава под погрузку и выгрузку. Между этими юридическими фактами имеется теснейшая последовательная связь, которая свидетельствует о единстве обязательства грузовой перевозки. Следовательно, отсутствует необходимое условие обособления обязательств перевозки — обособленность правообразующих юридических фактов. Подлежащие выполнению сторонами действия настолько тесно связаны между собой, что могут рассматриваться лишь как содержание единого обязательства[11]).

Не дают оснований для обособления двух самостоятельных обязательств и другие признаки — содержание, нормы, регулирующие данные отношения, гражданскоправовые санкции. Эти признаки могут с равным успехом отражать самостоятельность обязательства и «... особенности правоотношений в рамках единого, но сложного по своей структуре обязательства»[12]). Автор не исключает возможности обособления внутри единого обязательства грузовой перевозки относительно самостоятельных обязательственных правоотношений, «...выполняющих роль части структурносложного обязательства — обязательства железнодорожной перевозки в целом»[13]). Рассматривая обязательство железнодорожной перевозки груза в динамическом состоянии, С. С. Алексеев отмечает, что «для перевозочного обязательства характерны, как правило, последовательное изменение его содержания, постепенная (по мере развития процесса перевозки и накапливания правообразующих фактов) замена одних обязанностей другими»[14]).

Мысль о единстве обязательства грузовой перевозки получила отражение в курсе лекций по советскому гражданскому праву О. С. Иоф-

[9]) Я. И. Рапопорт. См. там же, стр. 188.
[10]) По Уставу железных дорог 1964 г. сгущение подачи вагонов и контейнеров под погрузку допускается только по согласованию с грузоотправителем (ст. 31).
[11]) См.: С. С. Алексеев. Указ. соч., стр. 28—31.
[12]) Там же, стр. 32.
[13]) Там же, стр. 32.
[14]) Там же, стр. 34.

фе, где он пишет: «...договор грузовой перевозки... оформляет дальнейшее движение обязательства, порожденного планом...[15]) (разрядка моя. — *Б. Х.*).

Конструкция единого «структурносложного» обязательства железнодорожной грузовой перевозки представляется вполне соответствующей единству экономических отношений перевозки, которые это обязательство опосредствует. Признание единого обязательства перевозки груза не снимает обязанности исследовать стадии его развития и комплекс правоотношений, из которых оно состоит, а также юридические факты, на основании которых последние возникают, правильно оценить роль каждого из них.

Единство обязательства грузовой перевозки признается и в конструкции, согласно которой план перевозок и договор перевозки рассматриваются в качестве взаимосвязанных и взаимообусловленных звеньев, а само обязательство перевозки — возникающим на основании плана и договора в их совокупности[16]). Однако с этой точки зрения обязательство перевозки груза имеет договорный характер с самого начала его возникновения и до заключения договора перевозки не существует. Заключение же договора происходит в момент подачи (перевозчику) и приема заявки на транспортные средства.

Отсюда следует, во-первых, что в случае неподачи заявки обязательство перевозки не возникает, и, во-вторых, что вопреки ст. 72 Основ, договор перевозки груза порождает не только обязанности дороги доставить вверенный ей груз в пункт назначения и выдать его получателю и отправителя—уплатить установленную плату, но и обязанности по предоставлению перевозочных средств и предъявлению груза для перевозки[17]).

Рассматриваемая характеристика обязательства перевозки не отражает его действительного движения и, по существу, переносит сложившуюся в теории социалистического гражданского права конструкцию обязательств поставки, подряда на капитальное строительство и некоторых других в область транспортных правоотношений без учета специфики последних.

Отрицание правосозидающего значения плана перевозок до присоединения других юридических фактов представляется столь же неправильным, как и утверждение, что лишь план и договор перевозки—элементы фактического состава, на основании которого возникает обязательство перевозки.

Конструкция единого сложного обязательства железнодорожной грузовой перевозки в известной мере связана с учением о фактическом составе как основании возникновения правоотношения, поскольку существование названного обязательства со всем объемом прав и обязанностей его участников обусловлено наступлением совокупности юридических фактов, сложного фактического состава. Образующие этот состав факты наступают последовательно и постепенно, по мере развития процесса перевозки, вызывая юридические последствия в виде субъективных прав и обязанностей, до накопления всех юридических фактов и завершения фактического состава.

---

[15]) См.: О. С. Иоффе. Указ. соч., стр. 288.

[16]) См.: Г. С. Гуревич. Указ. соч., стр. 39—40.

[17]) Г. С. Гуревич пишет, что «... подача и загрузка подвижного состава являются начальной стадией исполнения обязательств из уже заключенного договора...» См. там же, стр. 40.

Как известно, движение правоотношения может вызываться наступлением одного юридического факта. Для возникновения, изменения и прекращения других правоотношений необходима определенная совокупность юридических фактов—фактический состав[18]). В большинстве случаев движение гражданских правоотношений обусловлено не отдельными юридическими фактами, а их совокупностью. Означает ли это, что до тех пор, пока не завершилось накопление всех предусмотренных правовой нормой элементов фактического состава, не возникает никаких правовых последствий, а наступившие отдельные факты не являются юридическими? Некоторые ученые придерживаются именно такого мнения[19]).

Во всем объеме правовые последствия, связываемые с данным фактическим составом, возникают с наступлением всех юридических фактов, его образующих. Но уже появление отдельных или некоторых элементов фактического состава порождает определенные юридические последствия, на что справедливо указывается в литературе[20]). Характеризуя существо этих последствий, одни ученые определяют их как «...возможность породить своим действием правоотношения не для всех, а лишь для данного лица»[21]), другие считают, что «в ходе накопления элементов состава уже наступают известные (незавершенные, «промежуточные») правовые последствия»[22]).

Третьи исходят из недопустимости общего ответа на данный вопрос, указывая, что в отдельных случаях наступившие факты непосредственно «порождают некоторые «предварительные» юридические последствия, в том числе субъективные права и обязанности[23]).

Имеющиеся в приведенных высказываниях различия в деталях не должны заслонять содержащегося в них общего, а именно, что часть фактического состава может порождать известные правовые последствия.

Необходимо подчеркнуть, что спор касается элементарных или таких сложных правоотношений, которые состоят из элементарных. Применительно же к сложным правоотношениям, состоящим из относительно самостоятельных правоотношений, нет оснований различно определять значение наступившей части фактического состава: с наступлением предусмотренного правовой нормой юридического факта (совокупности фактов), являющегося частью фактического состава, необходимого для возникновения всех прав и обязанностей, охватываемых структурно сложным правоотношением, возникает относительно самостоятельное правоотношение и, следовательно, — определенные субъективные права и обязанности, как элементы структурно сложного правоотношения. Так, утверждение месячного плана перевозок грузов и доведение его до исполнителей порождает определенные субъективные права и юридические

---

[18]) О. А. Красавчиков назвал совокупность фактов юридическим составом. См.: О. А. Красавчиков. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958, стр. 53 и далее. А. В. Мицкевич считает эту замену термина необоснованной. См.: Общая теория советского права. Изд-во «Юридическая литература», 1966, стр. 306. О характере этих терминов см.: С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 172.

[19]) См.: О. А. Красавчиков. Юридические факты в советском гражданском праве. М., 1958, стр. 62.

[20]) См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. М., 1961, стр. 258; С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права. вып. 2, стр. 172—174.

[21]) См.: О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Указ. соч., стр. 258.

[22]) См.: С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права. Вып. 2, стр. 173.

[23]) См.: Общая теория советского права, 1966, стр. 308.

обязанности у железной дороги и отправителя, включаемые в содержание обязательства перевозки.

Для возникновения всей совокупности прав и обязанностей участников обязательства перевозки, включая доставку груза в пункт назначения и выдачу его получателю, к указанному факту должны последовательно присоединиться такие юридические факты, как представление отправителем развернутого месячного плана, декадных заявок (заявок на более длительный период—ст. 28 Устава железных дорог), подача вагонов и принятие их отправителем, погрузка груза и предъявление его вместе с накладной к перевозке. Но наступление каждого из этих фактов влечет за собой определенные правовые последствия, возникновение или конкретизацию прав и обязанностей у участников обязательства перевозки. Так, в развернутом месячном плане перевозок отправитель указывает дороги назначения. Это обязывает его направлять грузы на указанные им дороги. Предъявление к перевозке продукции в количестве, установленном планом, но с нарушением дорог назначения, — основание для применения санкции.

Основными составными частями единого структурно сложного обязательства железнодорожной грузовой перевозки являются обязательства, возникающие на основе месячного плана перевозок и договора перевозки, из которых первое предшествует второму, его исполнение выступает в качестве юридического факта, обусловливающего возникновение второго. Если первое обязательство не выполнено, второе не возникает, наступает ответственность одной из сторон за невыполнение плана перевозок.

По мере наступления предусмотренных правовыми нормами юридических фактов возникают различные образующие единое перевозочное обязательство простые и сложные правоотношения. Последовательное их исполнение является движущей силой, питающей развитие обязательства перевозки груза, выступающего в качестве правовой формы, опосредствующей развитие процесса перевозки.

Характеристика обязательства железнодорожной грузовой перевозки как сложного по своей структуре не является каким-то исключением в советском гражданском праве.

В большинстве случаев гражданские обязательства являются сложными в том смысле, что они состоят не из одной обязанности и соответствующего ей права требования, а обязанность одной стороны обусловлена встречной обязанностью другой стороны. Наряду с этим обязательства могут быть осложнены различными дополнительными обязанностями сторон, неразрывно связанными с основными, возникающими из того же юридического факта, что и основное обязательство, а их исполнение не обеспечивается какими-либо особыми санкциями[24]). В качестве примера такой дополнительной обязанности можно указать на обязанность продавца сохранять вещь, не допуская ее ухудшения, когда право собственности или право оперативного управления переходит к покупателю до передачи вещи. Обязательство железнодорожной грузовой перевозки является сложным не только в этом смысле. Оно состоит из ряда обязательств, возникновение которых обусловлено наступлением предусмотренных нормами права для каждого из них юридических фактов, обеспечиваемых санкциями. Например, обязанность осуществлять погрузку и разгрузку средствами дороги или соответственно отправите-

[24]) См.: С. С. Алексеев. Общая теория социалистического права. Вып. 2. стр. 130.

лем и получателем закон связывает с местом выполнения погрузочно-разгрузочных работ, с применением централизованного ввоза и вывоза грузов со станций и некоторыми другими фактами (ст. 45 УЖД). Обязанность выполнения отправителем и получателем погрузочно-разгрузочных работ возникает не только из плана перевозок или договора перевозки, но и из факта принятия вагонов для погрузки или разгрузки на подъездной путь.

Цель обязательства железнодорожной грузовой перевозки — обеспечение правовыми средствами выполнения государственного плана перевозок, перемещение материальных ценностей в соответствии с потребностями народного хозяйства, юридически закрепленными в государственном плане перевозок. Этой целью все многочисленные оперативно-технические и технологические операции объединяются в единый процесс перевозки. Эта цель цементирует и те правоотношения, которыми оформляются перевозочные операции в единое грузоперевозочное обязательство[25]). Названные правоотношения, будучи составными частями обязательства перевозки в целом, сами часто являются сложными обязательствами, включая не одну обязанность и соответствующее ей право, а обязанности одной стороны и встречные обязанности другой стороны.

Конструкция единого структурно сложного обязательства железнодорожной перевозки груза ориентирует на выявление всего комплекса правоотношений, из которых оно состоит, юридических фактов, являющихся основаниями их движения, участников, прав и обязанностей, а также санкций, обеспечивающих их осуществление.

Сторонники конструкции двух самостоятельных обязательств перевозки указывали на различие между ними по основаниям возникновения, по их содержанию, по регулирующим отношения перевозки правовым нормам, по санкциям, обеспечивающим их исполнение, а также по участникам[26]). Но, как справедливо указывает С. С. Алексеев, эти признаки могут отражать не только обособленность обязательства, но и его самостоятельность и особенности в рамках единого структурно сложного обязательства[27]). Если бы обязательства, составляющие единое структурно сложное правоотношение, не были связаны с наступлением различных юридических фактов, их невозможно было бы квалифицировать в качестве относительно самостоятельных. Обусловленность движения последних различными юридическими фактами как раз характерна для структурно сложных правоотношений. Вполне естественно, что сложное правоотношение характеризуется богатством содержания. В зависимости от важности прав и обязанностей и других обстоятельств могут быть установлены и различные обеспечивающие их санкции. Но это не дает оснований отрицать единство данного правоотношения. Не служит препятствием для этого и включение в процессе развития правоотношения новых субъектов. Изменение содержания и субъектного состава в процессе движения характерно и для процессуального правоотношения[28]).

Различие содержания обязательств, правовых норм, которыми регулируются соответствующие отношения, как и санкций, свойственно даже таким сложным правоотношениям, в содержание которых наряду с

---

[25]) Термин «Грузоперевозочное обязательство» включен в обиход С. С. Алексеевым.

[26]) См.: З. И. Шкундин. Указ. работа, стр. 188.

[27]) См.: С. С. Алексеев. Гражданскоправовая ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки груза, стр. 32.

[28]) См.: Б. А. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, М., 1962, стр. 82.

основными правами и обязанностями входит ряд дополнительных прав и обязанностей, например, правоотношениям поставки, подряда на капитальное строительство.

Конструкция единого сложного по структуре обязательства железнодорожной перевозки грузов должна быть проверена также с позиций отраслевой принадлежности образующих его относительно самостоятельных обязательств. Этот вопрос имеет принципиальное и практическое значение независимо от отстаиваемой конструкции обязательства перевозки. Но если указанные обязательства принадлежат к различным отраслям права, то конструкция единого сложного правоотношения неизбежно приводила бы к недопустимому смешению правоотношений, относящихся к различным отраслям советского права.

По господствующему мнению, обязательство грузовой перевозки включая и правоотношения, которые возникают на основании месячного плана перевозок грузов, является гражданскоправовым. Существует и другая точка зрения. Так, по утверждению М. А. Тарасова, «План перевозок создает самостоятельное двустороннее административно-правовое обязательство»[29]). С этой точки зрения, сложное обязательство грузовой перевозки включает внедоговорные правоотношения административно-правового характера между перевозчиком и отправителем и договорные гражданские правоотношения между перевозчиком, отправителем и получателем. К сожалению, М. А. Тарасов не аргументирует свое мнение. Автор отмечает лишь, что взыскание штрафа за невыполнение обязательства, возникающего на основании плана перевозок, в судебном порядке и в пользу другой стороны, а не в госбюджет является спецификой этих отношений[30]).

Характеристика правоотношений, возникающих между перевозчиком и грузоотправителем на основании месячного плана перевозок, как двустороннего административноправового обязательства не соответствует реальным взаимоотношениям сторон.

Можно предположить, что, квалифицируя названные правоотношения в качестве административных, М. А. Тарасов исходит из того, что основанием их возникновения является административноправовой акт. Но, как известно, категория юридических фактов, на основании которых возникают, изменяются и прекращаются данные правоотношения, не является решающим критерием для определения их юридической природы.

Односторонние властные акты органов государственного управления являются типическими юридическими фактами в области административного права. Но административноправовые акты, как властные акты по самой своей природе, способны порождать, безусловно, обязательные последствия в иных сферах правового регулирования — последствия, обязательные для всех лиц, в каком бы «качестве» они ни выступали; в том числе способны вызывать к жизни правоотношение между несоподчиненными лицами, гражданское правоотношение[31]).

---

[29]) М. А. Тарасов. Договор перевозки, 1965, стр. 68; См. также стр. 57, 65; Его же. Договор перевозки грузов по советскому гражданскому праву. Автореферат докторской диссертации. М., 1957, стр. 10.

[30]) См.: М. А. Тарасов. Указ. автореферат докторской диссертации. Стр. 10; Его же. Договор перевозки, 1965, стр. 65—66.

[31]) См.: С. С. Алексеев. О взаимодействии административноправового и гражданскоправового регулирования в социалистическом обществе. «Правоведение», 1959, № 3, стр. 40. Я. И. Рапопорт правильно указывает на недопустимость смешивать правовую природу административных актов с правовой природой возникающих на их основе правоотношений. (См.: Ответственность в обязательствах, возникающих на ос-

В социалистическом обществе, где государство является собственником важнейших средств производства и осуществляет хозяйственное руководство в стране, плановые административные акты выступают в качестве важнейших оснований движения гражданских правоотношений, что получило закрепление в ст. 4 Основ. Итак, по правовой природе юридического факта, на основании которого возникло обязательство по предъявлению груза к перевозке и предъявлению перевозочных средств, нельзя определить природу этого обязательства. По своей правовой природе оно является гражданскоправовым обязательством, участники которого обладают взаимными правами и обязанностями.

Подача перевозочных средств и предъявление груза к перевозке — оперативно-хозяйственные действия имущественно-стоимостного характера, направленные на выполнение планового задания. Ни для перевозчика, ни для грузоотправителя эти действия не выражают исполнительную или распорядительную деятельность, опосредствуемую административно-правовыми отношениями. В правоотношении, возникающем на основании плана перевозок, ни одна из сторон не выступает в качестве носителя властных полномочий по отношению к другой стороне и не обладает возможностью односторонне в пределах закона определять содержание отношений с другой стороной, что характерно для административных правоотношений. Обязательство, возникающее из плана перевозок, является двусторонним, обеспечивается гражданскоправовой санкцией.

Нельзя смешивать правоотношения, возникающие в процессе планирования железнодорожных перевозок грузов с правоотношениями, которые возникают на основании плана перевозок между железной дорогой и отправителем груза. В ходе составления и утверждения плана перевозок железной дороге, сочетающей хозяйственные функции с функциями государственного управления в области распределения транспортной продукции, принадлежат властные полномочия и отношения по планированию перевозок, регулируемые административноправовыми нормами, являются административными. В сфере же исполнения обязательства, возникшего на основе утвержденного плана, она не обладает властными полномочиями. Могущее показаться таким полномочием право железной дороги определять род подвижного состава (ст. ст. 22, 35 УЖД) есть не что иное, как предоставленное должнику право выбора по альтернативному обязательству. Нет никаких оснований признавать обязательство, возникающее из плана перевозок, административноправовым. В этом обязательстве железная дорога и грузоотправитель выступают в качестве субъектов отношений, регулируемых нормами гражданского права, признающими их равноправными участниками правоотношения.

Гражданскоправовое отношение, хотя и возникшее из административного акта, «...не теряет своей гражданскоправовой принадлежности, поскольку правовые последствия с указанным актом связывают именно нормы гражданского права»[32]).

В итоге проделанного анализа мы приходим к выводу, что неразрывная связь между операциями, из которых состоит перевозочный процесс, и правоотношений его опосредствующих и направленных на обеспечение достижения единой цели перевозки — перемещения материальных ценностей, — дает все основания конструировать единое сложное по

новании государственного плана грузовых железнодорожных перевозок. Научные записки Харьковского института советской торговли. Вып. IX, 1959, стр. 187).

[32]) О. А. Красавчиков. Юридические факты в советском гражданском праве, 1958, стр. 179.

структуре обязательство железнодорожной перевозки грузов, в состав которого входят относительно самостоятельные обязательства.

В нашем законодательстве нет легального определения обязательства перевозки груза. В ст. 72 Основ дано лишь общее для всех видов транспорта определение договора грузовой перевозки, которое, разумеется, не охватывает даже основных перевозочных правоотношений. Оно характеризует лишь одно из входящих в состав сложного обязательства перевозки груза правоотношений — договорное обязательство. Но правовые нормы, регулирующие транспортные отношения, позволяют выработать понятие обязательства перевозки как структурно сложного правоотношения, включающее указание на его субъектов и их важнейшие права и обязанности. В будущем определение обязательства перевозки груза желательно включить в законодательство.

Обязательство железнодорожной перевозки груза может быть определено как гражданское правоотношение, в силу которого: а) железная дорога обязана предоставить в соответствии с планом перевозок (принятой к исполнению заявкой грузоотправителя) перевозочные средства (принять груз к перевозке), доставить вверенный ей груз согласно договору перевозки в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (грузополучателю); б) грузоотправитель обязан предъявить предусмотренный планом перевозок (заявкой, принятой железной дорогой к исполнению) груз к перевозке и уплатить установленное вознаграждение; в) грузополучатель (как правило, третье лицо) обязан принять груз, прибывший в его адрес[33]).

[33]) В настоящей статье не рассматривается дискуссионный вопрос о правовом положении грузополучателя. Мы исходим из того, что он — участник обязательства со стадии заключения договора перевозки, выступающий, как правило, в качестве третьего лица.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ СУБЪЕКТОВ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОЙ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ

Б. Л. ХАСКЕЛЬБЕРГ

Успешное выполнение промышленностью, сельским хозяйством другими отраслями народного хозяйства задач, поставленных Директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы, во многом зависит от работы транспорта, всех его видов, в том числе железнодорожного, на долю которого приходится большая часть грузовых перевозок в стране.

Внедрение новой системы планирования и экономического стимулирования промышленного производства, осуществляемое на основе решений сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС, предъявляет к транспорту повышенные требования четкости и ритмичности обслуживания народного хозяйства: своевременного вывоза продукции, доставки грузов в целости и сохранности в установленные сроки.

Реализация этих требований обеспечивается дальнейшим развитием железных дорог и их материально-техническим оснащением.

Важная роль принадлежит правовым нормам, регулирующим отношения перевозки грузов. Предусматривая субъективные права и юридические обязанности участников перевозочных отношений, нормы права определяют требуемое поведение. Неуклонное соблюдение правовых предписаний является необходимым условием достижения хозяйственных результатов, к которым законодатель стремится, устанавливая соответствующие правовые нормы. Однако это не единственное условие. Необходимо, чтобы правовые нормы адекватно отражали общественные потребности в области правового регулирования грузоперевозочных отношений. Поэтому при исследовании правоотношений перевозки грузов необходимо, выявлять насколько правильно в нормах права эти потребности выражены, насколько закрепленное в качестве требуемого поведение участников перевозочных правоотношений соответствует этим потребностям.

Исследуя права и обязанности субъектов перевозочных правоотношений, установленные юридическими нормами, и практику их применения, необходимо выяснять эффективность закрепленного варианта правового регулирования, целесообразность действующих норм, а также необходимость их совершенствования применительно к возможностям, открываемым успешно внедряемыми новыми условиями планирования и экономического стимулирования производства.

При нормативном определении содержания правового регулирования перевозочных отношений объективно возможен выбор определенного варианта регулирования некоторых сторон этих отношений, выбор

распределения между их участниками некоторых обязанностей.

Транспортная промышленность является, по указанию Маркса, продолжением процесса производства в пределах процесса обращения и для процесса обращения[1]). Участниками процесса обращения являются как изготовитель транспортируемой продукции, так и ее потребитель. Оба должны выполнять некоторые действия, влияющие на перевозочный процесс и обеспечение сохранности грузов. Это расширяет в известном смысле простор законодателя при распределении между железной дорогой, грузоотправителем и грузополучателем тех обязанностей, которые объективно может исполнять либо тот, либо другой субъект. При выборе того или иного варианта определяющее значение должны иметь принципы экономичности выполнения данной операции, наиболее эффективного использования перевозочных средств и передовых методов работы.

С учетом этих положений анализируются права и обязанности участников обязательства перевозки.

Правоотношения железнодорожной перевозки груза образуют единое обязательство. Его участниками являются не только отправитель и железная дорога, но и, как правило, третье лицо — грузополучатель, а в исполнении обязательства при перевозке в прямом и прямом смешанном сообщениях участвует еще больший круг лиц, правовое положение которых в настоящей статье не рассматривается. Соответственно сложности процесса перевозки субъекты обязательства имеют ряд взаимных прав и обязанностей, реализация которых является источником развития перевозочного процесса.

В двустороннем обязательстве перевозки обязанностям одного из участников соответствуют права других субъектов. В соответствии с этим, анализируя обязанности участников перевозочных правоотношений, мы тем самым раскрываем и содержание соответствующих им прав.

Права и обязанности субъектов обязательства железнодорожной перевозки груза излагаются в последовательности, соответствующей в основном движению перевозочного процесса.

1. Обязанность железной дороги предоставить перевозочные средства (принять груз к перевозке)

Железная дорога обязана предоставлять перевозочные средства в количестве, обеспечивающем перевозку предусмотренного планом груза. Погрузка основной массы грузов на путях, примыкающих к местам хранения продукции, средствами отправителя обусловливает необходимость подачи вагонов на эти пути (подъездные пути) и оправдывает формулирование данной обязанности как обязанности подачи вагонов.

Обязанность предоставить перевозочные средства в определенные дни и в определенном количестве возникает на основании юридических фактов: 1) месячного плана перевозок в совокупности с актами, конкретизирующими плановое задание и определяющими порядок его выполнения; 2) дополнительных заданий на перевозку; 3) распоряжения начальника отделения дороги на основании представляемых за пять дней до начала погрузки заявок на перевозку овощей, картофеля, фруктов и других сельскохозяйственных продуктов, отгружаемых заготовительными организациями и организациями потребительской кооперации

[1]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 171.

(ст. 21 УЖД); 4) аналогичных распоряжений начальника железной дороги и начальника отделения дороги о предоставлении вагонов для погрузки грузов сверх плана или вне плана (ст. 33 УЖД).

На железных дорогах СССР эксплуатируются вагоны различных типов и назначений. Правильный выбор подвижного состава для перевозки данного груза имеет важное значение с точки зрения обеспечения его сохранности и наиболее целесообразного использования вагонов с учетом их технико-конструктивных особенностей. Требование сочетания обоих указанных целей диктует необходимость объективного определения рода подвижного состава. Ст. 22 Устава предусматривает, что род подвижного состава определяется в соответствии с Правилами перевозок отдельных видов грузов. На основании заявок грузоотправителей, с учетом вида груза, железная дорога определяет род подвижного состава. Начальнику отделения дороги предоставлено право заменять крытый подвижной состав открытым при условии, что Правилами допускается перевозка данного груза на открытом подвижном составе, а также один род открытого подвижного состава — другим (ст. 35 УЖД). Норма ст. 35 не подлежит расширительному толкованию. Независимо от конкретных обстоятельств, при которых дано разрешение на замену крытого открытым подвижным составом, в том числе и от согласия грузоотправителя на такую замену, если Правила не предусматривают перевозку данного груза на открытом подвижном составе, железная дорога должна нести ответственность за его сохранность.

Железная дорога обязана подавать вагоны и контейнеры исправные в техническом и коммерческом отношении, очищенные от остатков груза и мусора, а в необходимых случаях — промытые и продезинфицированные.

Наряду с возложением на дорогу обязанности подавать вагоны и контейнеры, «годные для перевозки данного груза», УЖД устанавливает, что пригодность подвижного состава для перевозки данного груза в коммерческом отношении определяется дорогой или грузоотправителем в зависимости от того, чьими средствами осуществляется погрузка: грузоотправителя или железной дороги. Устав 1954 г. (ст. 62) не возлагал на грузоотправителя аналогичной обязанности. Ему вменялось определение пригодности лишь цистерн под налив жидких грузов.

В связи с введением правила ст. 46 Устава 1964 г. о распределении обязанности по определению пригодности в коммерческом отношении вагонов между железной дорогой и грузоотправителем приобретает важное практическое значение вопрос о правовых последствиях доставки груза с повреждениями в неисправном вагоне, так как, признавая отправителя обязанным определять пригодность вагона для транспортировки груза, Устав одновременно обязывает железную дорогу подавать под погрузку вагоны и контейнеры, «годные для перевозки данного груза»[2]). В целях выполнения этой обязанности железная дорога должна содержать надлежащим образом подвижной состав и перед подачей вагонов под погрузку определять их пригодность для перевозки данного груза) Зная из заявки отправителя, какой груз предполагается погрузить, железная дорога не лишена возможности определить, обеспе-

[2]) Такой вопрос возникал в период действия устава 1954 г. применительно к перевозкам грузов в технически неисправных контейнерах, по которому Госарбитраж при Совете Министров СССР дал указания в Инструктивном письме от 29 июня 196 № И-1-34. См. Инструктивные указания Государственного арбитража при Совет Министров СССР (систематизированный сборник). «Юридическая литература», 1964 стр. 234—235.

чит ли подаваемый вагон его сохранность при перевозке. Вменяя грузоотправителю в обязанность определять пригодность вагона в коммерческом отношении для перевозки данного груза, закон не снимает с железной дороги обязанности подавать исправные и годные для перевозки данного груза вагоны, а лишь повышает гарантию сохранности груза при перевозке.

В ряде случаев железные дороги плохо выполняют указанную обязанность, что приводит к задержкам в продвижении грузов (в связи с необходимостью отцеплять вагоны в пути) и к частичной утрате или повреждению грузов[3]). Качественный ремонт подвижного состава, надлежащий технический осмотр вагонов не обеспечивались необходимыми правовыми средствами.

Парк грузовых вагонов распределен по дорогам и принят ими на свои балансы, но эксплуатируется в масштабе всей сети железных дорог, не будучи, в отличие от пассажирских вагонов, приписан к определенным депо. После выгрузки грузовые вагоны, как правило, не возвращаются на те дороги, где производилась погрузка. Отсутствие ответственности за техническое состояние вагона создавало возможность направлять на соседнее отделение или дорогу в поездах даже явно неисправные вагоны, что отрицательно сказывалось на эксплуатационной работе и не обеспечивало необходимых условий борьбы за бережное отношение к подвижному составу. Приказ Министра путей сообщения СССР № 10 Ц от 24 февраля 1965 г. «О дальнейшем улучшении содержания и ремонта грузовых вагонов и повышении ответственности железных дорог за сохранность вагонного парка» предусматривает имущественную ответственность: 1) погрузочных отделений за случаи отцепки вагонов в пути следования; 2) дорог и отделений, производивших последний технический осмотр транзитных поездов, — за случаи отцепки вагонов в связи с выявленными определенными дефектами и 3) отделений дорог выгрузки — за ремонт поврежденных при выгрузке внутреннего оборудования изотермических вагонов и сливных приборов цистерн. Этим устраняется существовавшее положение безответственности отдельных звеньев сети железных дорог за состояние подвижного состава и стимулируется надлежащий контроль железных дорог за исправностью вагонов.

Грузоотправитель, обязанный перед своим контрагентом по обязательству поставки принимать все зависящие от него меры, обеспечивающие сохранность продукции при ее перевозке, под страхом наступления невыгодных последствий всякого рода упущений, не вправе, конечно, грузить в любой поданный ему подвижной состав, не заботясь о сохранности груза в пути. В целях охраны социалистической собственности и надлежащего выполнения обязательства поставки (купли-продажи и др.) отправитель должен отказаться от погрузки в непригодные для перевозки данного груза вагоны, которые в таком случае считаются неподанными в счет суточной плановой нормы. Никакие стремления отправителя не оправдывают погрузку в вагон, не приспособленный для перевозки данного груза, создающий угрозу его утраты или повреждения.

Вопрос о субъекте ответственности за наступившую несохранность груза вследствие коммерческой неисправности вагона или контейнера не является бесспорным.

---

[3]) См.: например, «Гудок» за 20 июня 1964 г. (заметка «Скоропортящиеся»); «Известия» за 3 сентября 1963 г. (заметка «Странные утруски»).

Еще во время действия Устава 1954 г. высказывалось мнение, что если отправитель не потребовал замены поданного ему в неисправном состоянии вагона и перевозка в таком вагоне вызвала утрату или порчу груза, то ответственность должен нести отправитель, если дефекты вагона можно было обнаружить по наружному осмотру. За скрытые недостатки вагона, согласно этой точке зрения, ответственность должна возлагаться на железную дорогу[4]). Госарбитраж при Совете Министров СССР предложил руководствоваться этим принципом при разрешении споров об ответственности за несохранность груза вследствие перевозки в технически неисправном контейнере[5]). Указания Госарбитража вызвали различное отношение в литературе. Одни, согласившись в главном, отметили отдельные неточности инструктивного письма[6]). Другие подвергли критике самый подход к решению этих споров и внесли свои предложения о распределении ответственности между железными дорогами и грузоотправителями[7]).

Арбитражная практика, как правило, руководствовалась указаниями Госарбитража от 29 июня 1960 г. не только при разрешении споров о порче груза при перевозке в неисправных контейнерах, но и (после введения в действие УЖД 1964 г.) — по делам о несохранности груза при перевозке в неисправных вагонах. Эта практика вызывала справедливую, по нашему мнению, критику, так как существенно ослабляет ответственность железных дорог за надлежащее содержание подвижного состава и сохранность груза. Едва ли можно ее обосновать с точки зрения действующего принципа ответственности железных дорог за несохранность груза. Она не содействует преодолению фактов повреждения груза из-за неисправности подвижного состава.

Как отмечалось, на грузоотправителя возлагается обязанность определять пригодность подвижного состава в коммерческом отношении для перевозки данного груза, если погрузка производится его средствами. В связи с этим необходимо остановиться на вопросе о понятиях пригодности подвижного состава в коммерческом отношении и технической исправности вагонов (контейнеров). Ни в УЖД, ни в Правилах перевозок грузов содержание этих понятий не раскрывается. Не содержало никаких указаний на этот счет и инструктивное письмо Госарбитража от 29 июня 1960 г. Определение пригодности подвижного состава в коммерческом отношении имеется в инструктивном письме Госарбитража при Совете Министров СССР от 29 марта 1968 г. И-1-9[8]).

Под пригодностью подвижного состава в коммерческом отношении для перевозки данного груза, читаем в письме, «...следует понимать такое техническое и физическое состояние подвижного состава, от которого зависит обеспечение сохранности груза при перевозке».

---

[4]) См.: В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок, М. 1955, стр. 67.

[5]) См.: Инструктивные указания Росарбитража при Совете Министров СССР (систематизированный сборник), стр. 234—235.

[6]) См.: Г. Астановский. Ответственность за порчу груза при перевозке в контейнерах. «Советская юстиция», 1961 г., № 12.

[7]) См.: И. Тайц. Четко разграничивать ответственность. «Советская юстиция», 1961 г., № 22; Д. Ткачев, Э. Житомирский. Пора перейти от слов к делу. «Советская юстиция», 1961 г., № 23; Н. Алексеев. Основание ответственности за порчу груза при перевозке в контейнерах. «Советская юстиция», 1965 г., № 3; О. В. Овчинникова. Гражданскоправовые вопросы перевозки грузов в контейнерах на железнодорожном транспорте. Автореферат канд. дисс., Кишинев, 1965.

[8]) Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР, вып. 27, М., 1968.

В этом определении, на наш взгляд, правильно указывается на связь и соотношение между понятиями «техническая исправность» и «пригодность подвижного состава в коммерческом отношении», последнее рассматривается как более широкое понятие, включающее и первое. Техническая исправность подвижного состава, несомненно, является необходимым условием обеспечения сохранности груза.

Отсюда следует, что полное раскрытие содержания пригодности подвижного состава в коммерческом отношении предполагает определение и технической исправности его, чего в инструктивном письме Госарбитража не дано.

Под технической исправностью подвижного состава следует понимать его соответствие требованиям Правил технической эксплуатации железных дорог СССР. В этом смысле техническая исправность вагонов включает как исправность грузового помещения, в том числе устройств для вентиляции, для поддержания необходимой температуры и др., так и належащее состояние ходовых частей. В содержание понятия пригодности вагонов в коммерческом отношении для перевозки данного груза не следует, по-видимому, включать надлежащее состояние ходовых частей. Такой вывод мы делаем, исходя из того, что на отправителя нельзя возлагать обязанность определения технической исправности подвижного состава с этой стороны.

Пригодность подвижного состава в коммерческом отношении означает не только техническую исправность грузового помещения и специальных устройств, но и соответствие иным требованиям, дифференцированным в зависимости от вида груза, подлежащего погрузке, и условий перевозки, в совокупности обеспечивающие сохранность груза в процессе транспортировки[9]).

Решая вопрос о субъекте ответственности за несохранность груза, наступившую вследствие дефектов подвижного состава, Госарбитраж в инструктивном письме от 29 марта 1968 г. исходит из тех же принципов, на которых было основано его разъяснение от 29 июня 1960 г.: 1) грузоотправитель обязан отказываться от погрузки в подвижной состав, «по своему техническому состоянию или в коммерческом отношении» не обеспечивающий сохранность груза при перевозке. При несоблюдении этого требования ответственность за несохранность, возникшую по причине «неисправности подвижного состава или непригодности его в коммерческом отношении», должна возлагаться на отправителя; 2) ответственность за утрату, недостачу, порчу или повреждение груза, происшедших только вследствие неисправности подвижного состава, имеющей скрытый характер или возникшей при перевозке, должна возлагаться на железную дорогу; 3) ответственность следует возлагать на железную дорогу и грузоотправителя, если несохранность наступила вследствие неисправностей вагона или контейнера скрытого характера или возникших при перевозке и иных неисправностей, которые могли быть выявлены до погрузки; 4) в случаях, когда погрузка производилась железной дорогой, ответственность за ущерб, возникший вследствие неисправностей подвижного состава, должна нести дорога.

Представляется, что ни Устав, ни другие нормативные акты не дают оснований для освобождения железных дорог от возмещения ущерба, возникшего вследствие явных неисправностей подвижного состава.

[9]) Железные дороги, обязанные подавать вагоны и контейнеры, годные для перевозки данного груза, и грузоотправители, в случаях возложения на них определения пригодности подвижного состава в коммерческом отношении, должны руководствоваться едиными требованиями.

Нельзя согласиться ни с теми, кто считает, что основная забота железных дорог — обеспечивать техническую исправность подвижного состава[10]), ни с теми, кто полагает, что последующий недосмотр грузоотправителя парализует предшествующую небрежность железной дороги. Между тем, практика освобождения железных дорог от ответственности за явную неисправность вагонов и контейнеров порождает такое представление независимо от субъективных жиланий. Она не поощряет строгий контроль органов железнодорожного транспорта за состоянием подвижного состава, подаваемого под погрузку.

Решение рассматриваемой проблемы должно обеспечить установление такого порядка подачи подвижного состава и осмотра его перед погрузкой, который исключал бы использование вагонов и контейнеров, не гарантирующих сохранность груза при перевозке.

Ответственность за утрату, недостачу и повреждение груза, возникшие вследствие непригодности подвижного состава в коммерческом отношении, с учетом действующих норм ст.ст. 46 и 148 УЖД должны, по нашему, мнению, нести:

1) железная дорога и грузоотправитель совместно, если недостатки по своему характеру таковы, что могли быть обнаружены отправителем при погрузке. Обязанность доказывания, что отправитель мог обнаружить дефекты, следует возлагать на дорогу, исходя из действия презумпции вины должника, нарушившего обязательство.

2) грузоотправитель, которому вагоны и контейнеры подавались под сдвоенные операции.

3) железная дорога в остальных случаях, кроме тех, когда недостатки вагона или контейнера не могли быть ею обнаружены при использовании специальных методов, приемов и приспособлений для определения пригодности[11]), которые она обязана и могла применять. При этом следует учитывать возможность выявления дефектов дорогой не только при подаче вагона или контейнера под погрузку, но и на стадиях, предшествующих данной операции. Это вытекает из сложившегося понимания вины юридического лица.

Предлагаемое решение вопроса в условиях проведения полного хозрасчета в деятельности социалистических предприятий и организаций в сочетании с мерами, установленными приказом Министра путей сообщения от 24 февраля 1965 г. № 10 Ц, призвано способствовать преодолению еще встречающихся случаев безответственного отношения как работников железных дорог, так и грузоотправителей к техническому осмотру подвижного состава.

Основной состав вагонного парка является неспециализированным, предназначен и используется для перевозки различных грузов. Как правило, обеспечение использования грузов по их назначению требует очистки вагонов от остатков других перевозившихся в них грузов, а также мусора. В ряде случаев необходимо промыть вагоны и продезинфицировать. Эта обязанность возлагается на железную дорогу. Ее осуществление железной дорогой создает возможность применять механизацию и специальные приспособления, облегчающие труд, повышающие его производительность, снижать себестоимость. При приеме вагонов и

---

[10]) Следует отметить, что обычно дефекты подвижного состава, явившиеся причиной утраты, недостачи или повреждения груза, и представляют собой различного рода технические неисправности.

[11]) Ср. О. В. Овчинникова. Гражданскоправовые вопросы перевозки грузов в контейнерах на железнодорожном транспорте. Кишинев, 1965, стр. 15—17.

контейнеров после выгрузки дорога должна проверять, нет ли в них остатков груза и мусора, и применять в соответствующих случаях установленные меры воздействия (ст. 51 Устава). Зачет вины грузополучателей, ненадлежаще выполняющих установленную ст. 51 УЖД обязанность, не применима по принципиальным соображениям, вытекающим из задачи обеспечения сохранности грузов, социалистического имущества, а также юридически, поскольку грузополучатель и грузоотправитель не совпадают в одном лице. Если же отправитель производит погрузку в вагоны, поданные ему под сдвоенные операции, вся ответственность за очистку вагонов от остатков груза и мусора лежит на нем[12]).

Устав 1964 г. в отличие от Устава 1954 г. допускает подачу под погрузку неочищенного подвижного состава только с согласия грузоотправителя. В этом случае железная дорога уплачивает штраф в пользу отправителя (ст. 161). Ст. 205 Устава 1954 г. обязывала грузоотправителя в случае подачи неочищенных вагонов очистить их и загрузить. Это правило объективно ставило в неравное и порой трудное положение одного из участников гражданского обязательства — грузоотправителя, которому железная дорога могла подавать неочищенный подвижной состав без его согласия, а он обязан был его использовать. Упраздненная ныне норма находилась в противоречии с общим положением участников двусторонних обязательств. Правило ст. 161 действующего Устава является более удачным.

Подача железной дорогой неочищенных вагонов и контейнеров — следствие нарушения получателями (железной дорогой) их обязанностей (ст. 51 УЖД) по очистке после выгрузки и неосуществления дорогой предоставленного ей права не принимать неочищенные вагоны и контейнеры. Приняв неочищенный подвижной состав и подавая его с согласия отправителя под погрузку, дорога принимает на себя невыгодные последствия (ст. 161 УЖД) в виде подлежащего уплате штрафа, представляющего собой санкцию за ненадлежащее исполнение обязанности. Условие о согласии отправителя на подачу неочищенных вагонов не устраняет противоправности действия железной дороги и указанного юридического характера наступающего последствия. Основное назначение этого штрафа — возмещение отправителю расходов на очистку принятых под погрузку перевозочных средств.

С грузополучателя, не очистившего вагоны или контейнеры, дорога вправе взыскать штраф, предусмотренный ст. 161, а также штраф за простой. Таким образом, за нарушение своей обязанности железная дорога уплачивает штраф грузоотправителям и взыскивает штраф с грузополучателей, возвративших вагоны неочищенными. Такое положение воспринимается как безответственность дороги за нарушение обязанности (ст. 46 УЖД) и подвергается критике[13]). Предлагается запретить железным дорогам подавать неочищенный подвижной состав и в целях стимулирования подачи вагонов и контейнеров в надлежащем состоянии установить ответственность за нарушение запрета[14]).

Вывод о безответственности дороги за подачу неочищенных вагонов — несомненная натяжка. Во-первых, разгружаемые дорогой вагоны она сама обязана очищать и взыскивать в этих случаях штраф не мо-

[12]) О последствиях ненадлежащего контроля за очисткой вагонов клиентурой сообщается, например, в заметке А. Останкина «Почем чай, почем гречка?» («Гудок» за 3 июля 1964 г.).

[13]) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки. Изд-во Ростовского университета, 1965, стр. 227—228.

[14]) Там же.

жет. Во-вторых, вследствие недостаточного контроля за очисткой вагонов получателями дорога практически лишается возможности взыскивать штраф за каждое нарушение, допущенное получателями.

Предлагаемое запрещение железным дорогам подавать неочищенные вагоны предусмотрено ст. 46 УЖД. Однако принятия запрещающей нормы еще недостаточно для достижения преследуемой цели. Ее реализацию, на наш взгляд, более обеспечивает действующее правило ст. 161 УЖД, достоинство которого состоит в том, что, устанавливая право подачи неочищенных вагонов только с согласия отправителя, оно способствует реальному исполнению обязанности дорогой. Вместе с тем отправителю предоставляется возможность с учетом конкретной обстановки (возможности своими средствами подготовить перевозочные средства и необходимости получения в данный момент подвижного состава) решать о принятии и неочищенных вагонов. Однако в целях усиления ответственности железнодорожного транспорта и более полной защиты интересов грузоотправителей было бы правильно признать за ними право требовать возмещения доказанных расходов на очистку в части, не покрытой штрафом.

Подача железной дорогой неисправного подвижного состава под погрузку создает в ряде случаев угрозу утраты или порчи груза уже в самый момент погрузки, когда груз еще не принят перевозчиком к перевозке, в связи с чем возникает вопрос об ответственности за утраченный или поврежденный груз. Интерес представляет следующее дело, рассмотренное арбитражем.

Железная дорога подала под налив спирта цистерну с отметкой «исправна». Во время наполнения спиртом котел цистерны дал течь, вследствие чего утрачено 88,49 декалитров спирта. Спиртозавод предъявил иск о взыскании 10 618 руб. стоимости утраченного спирта по розничным ценам. Дорога возражала против уплаты по розничным ценам, возместив стоимость утраченного груза по оптовым ценам (495 руб. 54 коп). Между Львовским и Винницким Госарбитражами возник спор о подсудности данного дела. Считая, что спор возник из договора перевозки, Винницкий межобластной Госарбитраж направил иск Львовскому Госарбитражу, по месту нахождения управления железной дороги. Напротив, Львовский Госарбитраж, считая, что исковые требования вытекают не из договора перевозки, а из хозяйственной деятельности железной дороги, направил исковой материал в Госарбитраж при Совете Министров УССР с просьбой дать указания Винницкому Госарбитражу о рассмотрении дела по существу. Госарбитраж при Совете Министров УССР возвратил исковой материал Львовскому Госарбитражу для разрешения спора по существу, указав, что исковые требования, возникающие не из договора перевозки, а из хозяйственной деятельности ответчика и регулирующиеся Уставом железных дорог и планом перевозок в соответствии со ст. 177 УЖД 1954 г., подлежат рассмотрению по месту нахожения управления дороги[15]).

Представляется, что интересующий нас вопрос решен Госарбитражем при Совете Министров УССР правильно: ответственность железной дороги в данном случае возникает из обязательства перевозки на стадии до возникновения договорных правоотношений. Ненадлежащим исполнением обязательства (подачей неисправной цистерны) железная дорога причинила отправителю ущерб, который и обязана возместить. Особенностью в данном споре является то, что за нарушение обязатель-

[15]) «Радянське право», 1966, № 1, стр. 106 на укр. яз.).

ства перевозки груза до заключения договора перевозки закон предусматривает уплату неустойки, носящей исключительный характер. К тому же неустойка установлена за определенные нарушения. За подачу неисправного подвижного состава, вызвавшего возникновение ущерба до заключения договора перевозки, санкции, в виде неустойки, не предусмотрены. Следовательно, возможно взыскание убытков, размер которых должен определяться в случаях утраты или повреждений груза аналогично тому, как он определяется за несохранность принятой к перевозке продукции.

2. Предъявление груза к перевозке

В двустороннем обязательстве, возникающем на основании плана перевозок, наряду с обязанностью железной дороги предоставлять подвижной состав существует обязанность грузоотправителя предъявлять груз к перевозке. Отправитель обязан предъявить к перевозке груз, предусмотренный месячным планом перевозок, дополнительным заданием на перевозку, распоряжением начальника дороги, начальника отделения дороги в соответствии со ст. ст. 21 и 33 УЖД. Сроки предъявления груза определяются актами, устанавливающими порядок его выполнения: заявками грузоотправителя на погрузку с календарным расписанием размеров погрузки по дням декады, соответствующими Правилам составления учетной карточки выполнения плана перевозок (заявками на более длительный срок) и заданиями начальника отделения дороги, а также соглашением начальника отделения дороги и грузоотправителя о сгущении погрузки (ст. 31 Устава). Количество груза, которое отправитель обязан предъявить к определенному сроку, фиксируется в учетной карточке на основании задания начальника отделения дороги, устанавливаемого в соответствии с месячным планом перевозок, с учетом заявок грузоотправителя.

При определении, выполнил ли отправитель рассматриваемую обязанность, практически важно обратить внимание на случаи несовпадения декадного задания начальника отделения дороги и заявки отправителя по количеству подлежащего погрузке груза в отдельные дни декады. Согласно § 4 Правил составления учетной карточки выполнения плана перевозок, грузоотправитель обязан указать в заявке не менее такого количества вагонов, которое приходится на данную декаду, исходя из среднесуточной нормы погрузки по плану. В этих пределах и с учетом условий работы предприятия — грузоотправителя, а также его обязательства перед покупателями продукции, отправитель вправе заявлять на отдельные дни декады количество груза выше или ниже среднесуточной нормы, либо не предусматривать погрузку вовсе. Ни устав, ни Правила перевозок не обязывают отправителя заявлять и грузить ежедневно такое количество груза, которое соответствует среднесуточному количеству по месячному плану. Но закон не признает за отправителем права односторонне определять порядок выполнения плана. Поэтому календарное расписание погрузки по дням декады, указанное в заявке, не является обязательным для дороги. Норма погрузки на каждый день указывается в учетной карточке выполнения плана перевозок согласно заданию начальника отделения дороги. Задания начальника отделения не обязательно должны соответ-

[16]) См.: Сборник правил перевозок и тарифов железнодорожного транспорта Союза ССР 1965 г., № 9. В дальнейшем именуется «Сборник правил перевозок».

ствовать заявкам грузоотправителей, так как отделение дороги планирует работу с учетом сложившейся на дороге обстановки и заданий по регулированию вагонного парка. Грузоотправитель должен обеспечить погрузку в точном соответствии с заданием начальника отделения. Означает ли это, что начальник отделения вправе односторонне определять норму погрузки на отдельные дни декады? Согласно ст. 28 УЖД, начальник отделения устанавливает по согласованию с грузоотправителями порядок выполнения плана, обеспечивающий равномерность и ритмичность погрузки по отделению дороги. «По согласованию» неравнозначно «по соглашению». Норма погрузки на отдельные дни устанавливается в административном порядке на основе месячного плана и декадных заявок. При определении количества груза, подлежащего предъявлению к перевозке в отдельные дни декады, грузоотправитель должен руководствоваться установленным начальником отделения заданием, о котором начальник станции обязан его уведомить за сутки до наступления декады (ст. 28 УЖД). Если отправитель не поставлен в известность, было бы неправильно при определении ответственности за невыполнение плана исходить из задания начальника отделения. В этом случае следует исходить из декадной заявки при условии, что отправитель указал не менее такого количества вагонов, которое приходится на данную декаду. Интерес представляет следующее дело, рассмотренное арбитражем.

Исходя из плана перевозок на январь 1964 г., предприятие должно было заявить на первую пятидневку не менее 30 вагонов. Заявка подана на 30 вагонов со следующим календарным расписанием погрузки: на 2-е — 10, 3-е — 10 и 4-е — 10 вагонов. На 1-е и 5-е января погрузка не намечалась отправителем. Железная дорога подала 2-го января 8 вагонов и 4-го — 11. Отправитель считал, что недогруз 11 вагонов следует отнести на железную дорогу. Арбитраж признал ответственными отправителя за недогруз 6 вагонов и железную дорогу, недодавшую 5 вагонов. Но так как отправитель не требовал вагонов на 1-е и 5-е января, арбитраж, признав это недозаявкой и одновременно предупреждением об отказе от вагонов, снизил размер штрафа на $^1/_3$ согласно ст. 182 Устава 1954 г.[17]).

Арбитраж неправильно определил количество вагонов, подлежавших подаче и погрузке в отдельные дни пятидневки, в связи с чем и решение о взыскании штрафа за недогруз нельзя признать обоснованным. Ошибка заключается в том, что приняв в качестве нормы погрузки, задание начальника отделения, определявшее ежедневную погрузку, арбитраж одновременно считал, что железная дорога не обязана была подавать вагоны 1-го и 5-го, так как на эти дни вагоны не запрашивались. Но это неправильно, так как установленная заданием норма обязательна и для железной дороги. Ответственность следовало возложить на последнюю, недодавшую 11 вагонов.

Отправитель обязан предъявлять к перевозке груз, указанный в плане. Планирование перевозок осуществляется по родам грузов в соответствии с утвержденной номенклатурой. План перевозок отражает потребность народного хозяйства в перемещении определенных грузов, необходимых для производственных, потребительских и иных целей. С народнохозяйственной точки зрения не безразлично, какой груз предъявляется к перевозке во исполнение плана. В плане выражены и государством признаны определенные потребности, на удовлетворение

[17]) Дело № 500 1964 г. Госарбитража при Томском Облисполкоме.

которых направлена многогранная деятельность всех отраслей народного хозяйства. Плановым показателем является и род груза, подлежащего перевозке. Поэтому предъявление и перевозка груза, не предусмотренного планом, не могут признаваться исполнением обязанности, возникающей на основе плана. Предъявление другого груза вместо планового является нарушением государственного плана перевозок, но не договорных обязательств, как пишет М. А. Тарасов[18]). Договорное обязательство возникает с момента заключения договора, иначе говоря с момента предъявления и принятия груза, а обязанность предъявления определенного груза — до заключения договора перевозки.

В процессе выполнения плана перевозок по различным причинам может возникнуть необходимость замены одного рода груза другим. Такая замена допускается с разрешения начальника станции отправления только в пределах отдельных групп грузов, предусмотренных планово-оперативной номенклатурой грузов.

Обязанность отправителя предъявлять груз к перевозке возникает на основании тех же юридических фактов, что и обязанность железной дороги предоставлять перевозочные средства. Эти обязанности железной дороги и грузоотправителя, входят в содержание единого относительно самостоятельного правоотношения и поэтому возникают одновременно с наступлением определенных юридических фактов.

Одним из показателей плана перевозок является направление груза по дорогам назначения. Включение в план этого показателя позволяет в процессе планирования выявлять и исключать нерациональные перевозки и в интересах народного хозяйства предотвращать излишние транспортные издержки. План перевозок создает обязанность отправителя предъявлять и направлять груз на дороги назначения, указанные в задании.

По действующему порядку квартального планирования железнодорожных перевозок планирование по дорогам назначения осуществляется со стадии представления отправителем управлению железной дороги развернутого плана перевозок. Дороги назначения определяются грузоотправителями с учетом хозяйственных связей с их контрагентами по обязательствам поставки и др. В развернутых планах указывается, какой груз, в каких количеотвах и на какие дороги назначения отправитель будет направлять в планируемом месяце. В декадных заявках конкретизируется и определяется порядок выполнения плана по дням декады, в том числе указываются дороги назначения. На основании месячного плана с учетом декадной заявки составляется декадное задание начальника отделения, являющееся актом, конкретизирующим обязанность отправителя направлять груз на определенные дороги назначения. Определяя выполнение этой обязанности, сопоставляют данные о фактической погрузке по дорогам назначения с декадным заданием. По его результатам начисляется штраф за допущенные нарушения.

Указанный порядок определения обязанности отправителя предъявлять груз на определенные дороги назначения и ответственности за ее нарушение в период действия Устава 1954 г. подвергался рядом авторов критике. Вносилось предложение, согласно которому отправителю должно быть предоставлено право варьировать погрузку по дорогам назначения в пределах месяца, а выполнение плана по дорогам назна-

---

[18]) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки, стр. 225.

чения должно определяться по итогам за месяц[19]). Представители железных дорог, обосновывая необходимость выполнения отправителями представляемых заявок на погрузку по дорогам назначения, ссылаются на учет заявок при разработке технического плана железными дорогами, на то, что в соответствии с содержащимися в них данными составляются планы регулирования вагонопотоков на отдельные дороги. Установление ответственности отправителей за невыполнение плана перевозок по дорогам назначения по итогам за месяц «... на деле привело бы к хаотическому распределению вагонного парка по сети дорог в течение месяца, а это в свою очередь привело бы к дезорганизации работы»[20]).

Новые правила составления учетной карточки выполнения плана перевозок, утвержденные 9 января 1965 г.[21]), исходят из обязанности отправителей предъявлять в течение декады груз по дорогам назначения в соответствии с декадным заданием начальника отделения дороги и определяют ответственность отправителя по итогам за декаду. Учитывая значение выполнения плана перевозок по дорогам назначения для обеспечения подвижным составом плана погрузки на этих дорогах, следует признать эту норму соответствующей действительным потребностям. Грузоотправитель имеет возможность по своему усмотрению определить в декадной заявке, на какие дороги назначения в данной декаде он намерен направлять груз (в пределах дорог назначения, указанных им в развернутом плане). При предъявлении груза к перевозке он обязан придерживаться тех направлений, которые указаны им в декадной заявке и в соответствии с ней в декадном задании начальника отделения. Всякие отступления от задания способны вызывать отрицательные результаты в деятельности железнодорожного транспорта — необходимость направлять порожняк на предполагавшиеся дороги выгрузки в целях обеспечения плана погрузки и др.

Нередко возникает необходимость внесения изменений в план перевозок по дорогам назначения в связи с изменениями плана материально-технического снабжения, плана производства и др. Правила планирования перевозок грузов по железным дорогам СССР устанавливают пределы, в которых допускаются такие изменения. По ходатайствам грузоотправителей право изменять предусмотренные планом перевозок дороги назначения предоставлено начальникам станций (ст. 36 Устава).

Необходимость изменения декадного задания по дорогам назначения предусматривается Правилами как следствие невыполнения установленных заданием норм погрузки по дорогам назначения из-за неподачи дорогой вагонов, а также если поданные под погрузку вагоны не могут быть направлены на дороги назначения, предусмотренные заданием начальника отделения, в связи с возникновением на этих дорогах препятствий для следования данного подвижного состава.

Во всех случаях внесения в установленном порядке изменений в план перевозок или в декадные задания обязанность грузоотправителя по направлению груза на дороги назначения определяется в соответствии с этими изменениями.

---

[19]) См.: Практика применения Устава железных дорог СССР и предложения по его дальнейшему совершенствованию. Донецк, 1959, стр. 16, 31, 49, 68; И. Полищук, И. Якубович. Необходимо пересмотреть Устав железных дорог. «Народное хозяйство Казахстана», 1962, № 9, стр. 65; Правовые вопросы планирования промышленности в СССР. Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 223—224.

[20]) См.: Практика применения Устава железных дорог СССР и предложения по его дальнейшему совершенствованию. Донецк, 1959, стр. 36. См. также стр. 101.

[21]) Сборник правил перевозок 1965 г., № 9.

Чаще всего направление груза на дороги назначения, не предусмотренные планом или в количествах, превышающих плановые, вызывалось частыми изменениями в производственных планах и в планах распределения продукции, вносившимися вышестоящими планово-регулирующими органами. Реализация требования сентябрьского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС о научной обоснованности планов, несомненно, благотворно скажется и на этом участке деятельности социалистических предприятий и железнодорожного транспорта, будет содействовать стабильности планов и в том числе планов перевозок, органически связанных с планами производства, материально-технического снабжения и др.

Предъявляемый к перевозке груз должен быть транспортабельным, то есть находиться в состоянии, позволяющем осуществить предполагающуюся перевозку в данных условиях с сохранением его количества и качества. Эта обязанность отправителя является элементом обязательства поставки (купли — продажи или др.), связывающего его с иногородним покупателем, во исполнение которого ему отправляется продукция. По этому обязательству поставщик (отправитель) обязан передать доброкачественную продукцию, отвечающую требованиям стандарта, технических условий или договору (ст. 47 Основ). Предоставляя исполнение иногороднему контрагенту, отправитель обязан обеспечить соответствие отгружаемой продукции установленным требованиям при передаче перевозчику для доставки покупателю, включая способность ее «выдержать» транспортировку без ухудшения качества. Он обязан также принять зависящие от него меры, обеспечивающие сохранность естественных свойств продукции при перевозке и предотвращение потерь в пути, в том числе — в соответствующих случаях — подготовить продукцию к транспортировке, руководствуясь как требованиями договора поставки (купли — продажи или др.), так и Правилами перевозок, например, применить средства профилактики при отгрузке смерзающихся грузов[22]) и др.

Инструкции о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству и по качеству[23]) обязывают отправителя в целях обеспечения сохранности продукции и товаров строго соблюдать действующие на транспорте правила сдачи грузов к перевозке, их погрузки и крепления, а также специальные правила погрузки, установленные ГОСТами и техническими условиями. Эта правовая норма (имеющая бланкетную диспозицию), несомненно, относится к институту поставки. Следовательно, обязанность отправителя по отношению к грузополучателю обеспечить целость и сохранность груза в пути установлена обязательством поставки. Ссылка инструкций на транспортное законодательство, определяющее, какие действия должны быть совершены отправителем, и их содержание, не меняет природы этой обязанности. Поэтому едва ли можно говорить даже о кажущемся противоречии, создающемся тем, что якобы «... обязанность совершения определенных действий, направленных на обеспечение сохранности грузов, предусмотрена в нормах железнодорожного законодательства, а ответственность за последствия ее неисполнения, в частности, порчу или повреждение груза, регулируется

---

[22]) См.: Правила перевозок смерзающихся грузов. Сборник правил перевозок 1966 г., № 45.

[23]) Утверждены постановлениями Госарбитража при Совете Министров СССР соответственно от 15 июня 1965 г. и 25 апреля 1966 г.

не этим законодательством»[24]). Значение норм транспортного права для регулирования взаимоотношений отправителя и получателя состоит в том, что они определяют содержание установленной институтом поставки обязанности обеспечить сохранность груза в пути.

Регулируя отношения между перевозчиком и его клиентурой, эти нормы устанавливают права и обязанности субъектов перевозочных правоотношений и определяют их содержание. Отсюда следует, что обязанность предъявления груза в транспортабельном состоянии существует и в отношении железной дороги. Ее соблюдение важно как необходимое условие доставки груза в сохранности. Обеспечение сохранности груза — важнейшая обязанность дороги. Поэтому она вправе требовать от отправителя выполнения установленных Правилами перевозок предписаний. Однако, если вследствие их нарушения возникла утрата или повреждение груза, отправитель не несет ответственность перед дорогой[25]), но и она освобождается от возмещения ущерба. Ответственность несет отправитель перед получателем по нормам об обязательстве поставки.

При приеме груза железная дорога в общенародных интересах осуществляет функцию контроля за соблюдением соответствующих требований Правил перевозок.

Недопустимо противопоставление хозрасчетного интереса дороги общенародным интересам, как и игнорирование последних. Между тем, такие факты имеют место. Это приводит к ослаблению контроля со стороны перевозчика, либеральному отношению к нарушениям Правил отдельными отправителями, возникновению потерь[26]). Так, принимая в нарушение Правил к перевозке подверженные в зимнее время смерзанию грузы без применения отправителем средств профилактики, железная дорога нарушает запрещение принимать груз к перевозке, если в накладной не будет указано о принятых мерах профилактики или о согласии грузополучателя на перевозку без применения профилактических средств (§ 11 Правил перевозок смерзающихся грузов). Возмещение дополнительных расходов, связанных с разгрузкой смерзшихся грузов[27]), возлагаются на отправителя по принципу вины. На грузоотправителя следует возлагать возмещение расходов в случаях применения недостаточных мер профилактики против смерзания, а также в случаях неприменения таких мер и указания в накладной, что профилактические меры были проведены[28]). Необходимо иметь в виду, как это

---

[24]) А. Н. Романович. Гражданскоправовые средства обеспечения сохранности качества грузов при перевозке по железной дороге, в кн. Качество продукции и строительных работ (гражданскоправовые средства обеспечения), Минск, 1966, стр. 122.

[25]) За верд, причиненный другим грузам или подвижному составу, отправитель должен нести ответственность перед железной дорогой.

[26]) См., например, «Гудок» за 21 ноября 1965, № 275. В статье «Чтобы не смерзались грузы» сообщается о ненадлежащем контроле со стороны железнодорожников за действиями грузоотправителей, в связи с чем на ряде дорог скопилось несколько тысяч вагонов со смерзшимися грузами.

[27]) Выгрузка смерзшихся грузов является одной из наиболее трудоемких работ. Затраты труда здесь в 5—10 раз больше, чем при выгрузке обычных грузов. См. В. Н. Коротков. Механизация и передовая технология — основа дальнейшего повышения производительности труда в грузовом хозяйстве. «Железнодорожный транспорт» 1963 г., № 5, стр. 27. Потери народного хозяйства, вызванные смерзанием грузов, достигают 160—170 млн. рублей в год. См. С. Маталасов. Холода, грузы, профилактика. «Гудок» за 25 ноября 1964 г.

[28]) См. Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 16 августа 1966 г. № И-1-32 (Сборник инструктивных указаний Госарбитража при

указано в § 16 Правил перевозок смерзающихся грузов, что применяемые средства профилактики не гарантируют полного сохранения сыпучести грузов, особенно при продолжительных перевозках в условиях сильных морозов, а также при переменных метеорологических условиях и в переходные периоды года. Поэтому самого факта доставки груза в смерзшемся состоянии еще недостаточно для возложения на отправителя обязанности по возмещению дополнительных расходов, связанных с выгрузкой, необходимо установить, что он не принял необходимых мер предохранения груза от смерзания. Если будет установлено, что отправитель не совершил правонарушения, или, что размер ущерба увеличен по вине получателя, грузоотправитель полностью освобождается от возмещения дополнительных расходов по разгрузке или же возмещает их частично.

Причиной смерзания груза могут быть неправомерные действия железной дороги, например, просрочка доставки груза. В этом случае согласно § 14 Правил перевозок смерзающихся грузов железная дорога предоставляет дополнительное время для выгрузки такого груза. Кроме того, дорога должна нести ответственность за просрочку доставки по ст. 153 УЖД. Возмещение грузополучателю дополнительных расходов на выгрузку Устав железных дорог не предусматривает.

Предоставление дополнительного времени для разгрузки смерзшегося по вине дороги груза — проявление принципа реального исполнения, а не мера ответственности. Убытки же, понесенные грузополучателем, остаются невозмещенными. Такое положение нельзя признать нормальным, особенно в новых условиях хозяйствования. Необходимо установить, что железная дорога, по вине которой груз прибыл в смерзшемся состоянии, обязана не только предоставить дополнительное время для разгрузки, но и возместить дополнительные расходы грузополучателя, связанные с разгрузкой такого груза.

В целях предотвращения утраты, сохранения качества и естественных свойств, многие грузы должны предъявляться к перевозке затаренными и в упакованном виде. Как и соблюдение требования о транспортабельности груза, соблюдение этого требования составляет обязанность отправителя перед железной дорогой и одновременно перед получателем (покупателем) по обязательству поставки[29]) или другому правоотношению. В отношении дороги эту обязанность нельзя считать договорной: ее соблюдение — необходимое условие заключения договора перевозки. Критика К. К. Яичковым утверждения противоположного характера правильна. Но указание, что эта обязанность имеет своим основанием требование Устава[30]), нельзя признать достаточным.

Предъявление груза в соответствующей таре и упаковке, а равно в транспортабельном состоянии непосредственно связано с сохранностью груза, обеспечение которой составляет одну из важных

Совете Министров СССР, вып. 26, изд-во «Юридическая литература», М., 1967, стр. 109—111).

[29]) См. п. 42 Положения о поставках продукции производственно-технического назначения и п. 40 Положения о поставках товаров народного потребления. Госарбитраж при Совете Министров СССР разъяснил, что споры, связанные с повреждением или порчей продукции при транспортировке, если повреждение или порча произошли вследствие ненадлежащей тары или упаковки или неправильной укладки продукции поставщиком, должны рассматриваться как споры, вытекающие из поставки недоброкачественной и некомплектной продукции (Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР, вып. 7, Госюриздат, 1959, стр. 7).

[30]) См.: К. К. Яичков. Договор перевозки и его виды в советском праве. Вопросы советского транспортного права. Госюриздат, 1957, стр. 289.

обязанностей железной дороги. Этим объясняется включение в законодательство, регулирующее перевозки, правил, обязывающих отправителей предъявлять грузы с соблюдением указанных требований, которые нужно рассматривать (по отношению к дороге) в качестве требований, относящихся к категории надлежащего исполнения обязанности по предъявлению груза к перевозке.

Тара и упаковка должны быть надлежащими, отвечать своему назначению в конкретных условиях.

Исчерпывающего перечня грузов, подлежащих затариванию при перевозке не существует. Указания на необходимость тары, а также требования, которым она должна отвечать, содержатся в стандартах и технических условиях. В связи с этим нельзя согласиться с утверждением, что право определять, требуется ли упаковка груза, принадлежит железной дороге[31]). Лишь в отношении продукции (товаров), на которую не утверждены стандарты или технические условия, железная дорога вправе определять, должна ли она быть затарена и упакована.

Пригодность тары определяется в Уставе посредством указания на ее исправность и соответствие государственным стандартам, а продукция, на тару и упаковку которой стандарты не установлены, должна быть предъявлена к перевозке в исправной таре, обеспечивающей ее полную сохранность. Согласно положениям о поставках, тара должна соответствовать требованиям ГОСТов или технических условий (в отношении товаров народного потребления — также договору). Эта формулировка не противоречит ст. 42 Устава. Содержание обязанности отправителя, касающееся характера тары и упаковки, не может быть различным в отношении получателя, с одной стороны, и перевозчика — с другой.

Из общего правила о соответствии тары ГОСТУ (техническим условиям) Устав предусматривает следующее исключение: сельскохозяйственные продукты, отправляемые колхозами и автономными секциями по сбыту сельскохозяйственных продуктов при союзах потребительских обществ, могут приниматься к перевозке в нестандартной таре. Однако и в этом случае тара должна быть исправной, обеспечивающей сохранность груза при перевозке. Указанное исключение объясняется тем, что названные организации еще не обеспечиваются в централизованном порядке стандартной тарой, вследствие чего могут испытывать затруднения в ее приобретении. В то же время сельскохозяйственные продукты во избежание их порчи должны быть доведены до потребителя хотя бы и в нестандартной таре, если она обеспечивает сохранность их при транспортировке.

Железная дорога имеет право и обязана проверять, соответствует ли тара установленным требованиям, и определять ее исправность. Возложение на дорогу этой обязанности обосновывается как заинтересованностью народного хозяйства в обеспечении сохранности груза, так и хозрасчетными интересами дороги, обязанной доставить груз в сохранности и несущей ответственность за утрату и повреждение груза вследствие недостатков тары в случаях, указанных в законе (ст. 148 Устава). Именно интересы всего социалистического общества исключают допустимость соглашений между дорогой и отправителем о приеме груза в ненадлежащей таре с оговоркой об освобождении ее от ответственности за несохранность груза.

---

[31]) См. В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1955, стр. 57; А. Г. Гусаков. Железнодорожное право по законодательству СССР. 1929, стр. 72.

По условиям технологического процесса приема груза к перевозке железная дорога практически не всегда имеет возможность проверять состояние тары и упаковки, например, при погрузке средствами отправителя на подъездных путях. В таких случаях последствия перевозки в ненадлежащей таре не должны возлагаться на железную дорогу.

Установив наличие дефектов тары, не обеспечивающей в связи с этим сохранность груза, железная дорога обязана отказать в приеме груза к перевозке и потребовать от отправителя устранения недостатков. Прямого указания на это Устав не содержит[32]) (в отличие от ст. 95 Воздушного кодекса СССР), но такой вывод должен быть сделан из систематического толкования ст. ст. 42 и 148[33]). Такая трактовка соответствует и требованиям ст. 131 Конституции СССР. Небрежное выполнение обязанностей работниками железных дорог при приеме грузов наносит ущерб народному хозяйству[34]). Утрата или повреждение груза вследствие недостатков тары или упаковки, которые железная дорога могла заметить по наружному виду при приеме груза, может быть основанием возложения на нее имущественной ответственности. В других случаях последствия предъявления груза в таре и упаковке, не обеспечивающих его сохранность, практика относит на отправителя. Приведем пример.

Отгруженная азотная кислота особой чистоты была уничтожена в пути вследствие пожара, возникшего от действия кислоты на упаковочный материал и пол вагона. По заключению экспертизы упаковочный материал подлежал обработке огнезащитным составом. Признав виновным в гибели груза отправителя, не выполнившего требований, относящихся к упаковке груза, арбитраж взыскал с него причиненные убытки[35]).

3. Выполнение работ по погрузке и выгрузке

Погрузка и выгрузка необходимо сопутствуют перевозке грузов в качестве самостоятельных и обособленных операций, связанных с перевозкой, и оказывают на нее существенное технико-экономическое влияние. Погрузочно-разгрузочными операциями начинается и заканчивается процесс перевозки в широком смысле этого понятия. От своевременности и качества их выполнения, надлежащей организации зависит оборот вагона и, следовательно, его производительность, а также сохранность грузов и безопасность движения.

Правовые нормы, определяющие организацию погрузочно-разгрузочных работ, обязанности участников обязательства перевозки выполняют важную служебную роль. Задача этих норм состоит в обеспечении реализации поставленной Директивами XXIII съезда КПСС задачи

---

[32]) Может быть поэтому некоторые авторы считают, что перевозчик имеет **право** не принять к перевозке груз в таре, не соответствующей его свойствам и не обеспечивающей сохранность продукции. (См. М. Е. Ходунов. Правовое регулирование деятельности транспорта. Изд. «Юридическая литература», М., 1965, стр. 76).

[33]) Ст. 95 Воздушного Кодекса СССР обязывает перевозчика отказывать в приеме груза, предъявленного в ненадлежащей таре. Можно сожалеть, что в Устав железных дорог не включено аналогичное указание.

[34]) В заметке «Почем чай, почем гречка?» А. Останкин сообщает о вопиющем факте безответственности, проявленной при приеме и отправке груза. Принятый на ст. Уфа в дырявых ящиках чайный лист погрузили в неочищенный из под живности вагон. Чайный лист в количестве свыше 6 тонн пришел в негодность, чем причинен убыток в сумме 50 тыс. рублей. На ту же станцию доставили в мешках гречиху. На мешки оказались погруженными ящики с ядохимикатом «крысид», просыпавшимся на продукт. Врачи предложили уничтожить гречиху. См. «Гудок» за 3 июля 1964 г.

[35]) Дело Новосибирского Госарбитража № 7/109 1965 г.

повышения уровня комплексной механизации грузовых работ, внедрен прогрессивных методов погрузочно-разгрузочных работ, максимальн экономичности грузовых операций.

Погрузочно-разгрузочные работы выполняются как железн дорогой, так и средствами грузоотправителей и грузополучателей. Осн вания возникновения этой обязанности различны в зависимости того, на кого — железную дорогу или предприятие-отправителя (пол чателя) — она возлагается.

Обязанность железной дороги произвести грузовые работы возн кает на основании договора перевозки: она обязана погрузить ух принятый груз и выгрузить до выдачи его, то есть до прекращения дог вора.

Погрузка средствами отправителя предшествует заключени договора перевозки. Поэтому обязанность ее совершения не может о новываться на этом договоре. Выгрузка получателем, хотя и производи ся после или в ходе принятия им груза от железной дороги, но в качест обязанности возникает из договора перевозки.

Из сказанного следует, что нельзя согласиться с теми, кто призна погрузку и выгрузку бесспорными элементами договорного обязател ства[36]).

Договорная природа обязанности погрузки подвергнута критик К. К. Яичков отмечает, что эти операции, предшествуя заключени договора перевозки, не могут быть выведены из последнего[37]). Одна это, как заметил В. Т. Смирнов, правильно лишь в отношении случае когда погрузка производится до заключения договора перевозки, а гру предъявляется к перевозке погруженным в вагоны[38]). Как показан выше, обязанность выполнения дорогой погрузочно-разгрузочных оп раций имеет своим основанием договор перевозки.

Позитивное решение, предложенное К. К. Яичковым, вызыва возражения. Автор считает основанием обязанности по погрузке и вы грузке либо непосредственно нормы УЖД, либо заключенный сторона ми договор о производстве погрузочно-разгрузочных работ. Однако, ка следует из дальнейшего изложения, К. К. Яичков по существу признае значение плана перевозок в качестве юридического факта, обосновыва ющего обязанность по погрузке[39]).

УЖД непосредственно, до наступления указанных в нормах прав юридических фактов не порождает обязательств, а договор, по котором дорога принимает на себя производство не обязательных грузовых ра бот, не является юридическим основанием изменения нормативно уста новленного распределения между дорогой и отправителями (получа телями) обязанности по выполнению грузовых работ.

Обязанность грузоотправителя и грузополучател по производству погрузочно-разгрузочных работ возникает из сложног фактического состава: обязанность погрузки — на основании плана пе ревозок и факта принятия подвижного состава отправителем под по грузку; обязанность выгрузки — из договора перевозки и фактов при бытия груза в адрес грузополучателя и принятия вагонов под выгрузку

---

[36]) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки, стр. 162, 163—164. Аналогичная точ ка зрения высказывалась ранее А. Г. Гусаковым (См. Железнодорожное право по за конодательству СССР. М., 1929, стр. 82—83).

[37]) См.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по совет скому праву, стр. 179—180.

[38]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 367.

[39]) См.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по совет скому праву, стр. 63—64.

Наряду с нормативным распределением обязанностей по погрузке и выгрузке между участниками перевозочного обязательства ст. 45 УЖД предусматривает возможность принятия дорогой на себя по договору необязательных грузовых работ. Правильное определение правовой природы этого договора имеет важное значение.

На наш взгляд, соглашение, по которому дорога принимает на себя выполнение грузовых работ, не имеет, как считают некоторые авторы[40]), значения юридического основания перераспределения между железной дорогой и клиентом обязанностей по выполнению грузовых работ как элемента перевозочного обязательства[41]). Этим соглашением определяется лишь фактический исполнитель грузовых операций, что само по себе не оказывает влияния на содержание правоотношений перевозки. Юридически исполнителем погрузки или выгрузки признается не дорога, а клиент. Поэтому он обязан обеспечить соблюдение установленных правил, например, погрузки, в накладной указывается, что погрузка производилась средствами отправителя, груз следует за его пломбами[42]).

Норма ст. 45 УЖД, предусматривая возможность принятия железной дорогой на себя по соглашению выполнение грузовых работ, имеет значение правила, разрешающего ей выполнять по договорам такие операции, правила, важного с точки зрения характеристики содержания ее правоспособности как юридического лица.

Договор железной дороги и отправителя или получателя груза является основанием возникновения особого правоотношения подряда[43]), и потому не может рассматриваться, как полагают отдельные авторы[44]), в качестве элемента фактического состава, являющегося основанием движения правоотношений перевозки[45]).

Практическое значение правильной оценки сущности и значения договора о выполнении дорогой грузовых работ состоит в том, что от этого зависит решение, какими правовыми нормами (института грузовой перевозки или института подряда) регулируются отношения

---

[40]) См.: Советское гражданское право, учебник для юридических факультетов и институтов, издательство «Юридическая литература», т. 2, 1965, стр. 184.

[41]) Такого же мнения, по-видимому, и В. Т. Смирнов. См. Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 369—370.

[42]) См. Комментарий к Уставу железных дорог СССР, под ред. Г. Б. Астановского, изд-во «Юридическая литература», М., 1966, стр. 70.

[43]) М. А. Тарасов также характеризует договор, заключаемый дорогой с клиентурой на выполнение грузовых работ в качестве договора подряда. См. М. А. Тарасов. Договор перевозки. 1965, стр. 168—169, 222, 234—235.

[44]) См.: Я. И. Рапопорт. Указ. соч. Научные записки Харьковского института советской торговли, вып. 3 (V), 1952, стр. 190—191.

[45]) При определении значения договора дороги с клиентом о выполнении грузовых работ В. Т. Смирнов высказывает противоречивые суждения. Он правильно утверждает, что обязанности по погрузке и выгрузке, как элементы транспортного правоотношения, порождаются не этим договором. Но этому утверждению противоречит вывод, что «Договор лишь изменяет правило диспозитивной нормы закона и определяет порядок и условия исполнения этих обязанностей» (Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 369).

Прежде всего, едва ли можно говорить, что «договор изменяет правило диспозитивной нормы закона». Норма диспозитивного характера, как известно, предоставляет сторонам регулируемого отношения возможность по соглашению определить свое поведение отлично от закрепляемого поведения в диспозитивной норме. Следовательно, договор не изменяет диспозитивную норму. Последняя является основанием для определения договором должного поведения сторон по их усмотрению.

Если быть последовательным, то, утверждая, что договор «изменяет правило диспозитивной нормы закона», необходимо признать, что договор определяет обязанности по выполнению грузовых работ (как элемент перевозочных правоотношений), а не порядок и условия исполнения этих обязанностей, как пишет В. Т. Смирнов.

между дорогой и клиентурой, в частности, по каким нормам должна наступить ответственность в случае возникновения убытков вследствие ненадлежащего выполнения дорогой грузовых операций. По нашему мнению, ответственность должна наступать по нормам о договоре подряда.

Погрузочно-разгрузочные работы выполняются железными дорогами и предприятиями-грузоотправителями и грузополучателями. Распределение обязанностей по погрузке и разгрузке между участниками обязательства перевозки закреплено в нормативном порядке (ст. 45 УЖД) и исходит в принципе из критерия места выполнения этих операций: в местах общего пользования погрузочно-разгрузочные работы обязана выполнять железная дорога, на местах необщего пользования— грузоотправители и грузополучатели. Из этого общего правила установлены следующие исключения:

а) железные дороги обязаны производить разгрузку и погрузку в случаях, устанавливаемых отдельными постановлениями Совета Министров СССР. Возлагая такую обязанность на железные дороги, Правительство СССР учитывает, разумеется, как реальные возможности соответствующих отправителей и получателей, так и экономическую целесообразность концентрации этих работ на станциях железных дорог[46]);

б) погрузка и разгрузка ряда грузов независимо от места выполнения этих операций возложена на отправителей и получателей. Это исключение основано на специфике относящихся сюда грузов (п. «б» ст. 45 Устава);

в) при организации на станциях централизованного завоза и вывоза грузов автомобильным транспортом общего пользования погрузка и выгрузка на этих станциях всех грузов (кроме опасных и перевозимых наливом) производятся железной дорогой. Принятие этой нормы, не известной Уставу 1954 г., вызвано передачей за последние годы мелких автохозяйств в ведение автотрестов и автоуправлений и широким внедрением централизованных автомобильных перевозок грузов. Централизованный завоз и вывоз грузов автомобильным транспортом является наиболее прогрессивной формой транспортного обслуживания социалистических предприятий и организаций, позволяющей более эффективно использовать как автомашины, так и вагоны и существенно рационализировать погрузочно-разгрузочные работы, в том числе посредством применения заслуживающего широкого внедрения прямого варианта «вагон — автомобиль», «автомобиль — вагон». Сосредоточение погрузочно-разгрузочных операций при централизованном ввозе и вывозе на станции делает возможным и необходимым применение механизации, повышающей производительность труда. В результате сокращается про-

---

[46]) Постановлением от 10 декабря 1956 г. № 1569 Совет Министров СССР обязал Министерство путей сообщения обеспечить на станциях разгрузку грузов, поступающих в адрес совхозов, колхозов и сельскохозяйственных организаций.

Порядок производства погрузочно-разгрузочных работ с грузами, поступающими на железнодорожные станции для сельского хозяйства установлен МПС СССР и Всесоюзным объединением «Союзсельхозтехника» (См. Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 12 сентября 1966 г. № И-2-18).

Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 6 августа 1960 г. № 851 обязывает производить все погрузочно-разгрузочные работы, связанные с перевозкой по железным дорогам товаров народного потребления (кроме скоропортящихся грузов), силами и средствами Министерства путей сообщения (См. СП СССР 1960, № 14, ст. 114).

стой автотранспортных средств и подвижного состава, достигается значительный экономический эффект[47]).

Расширение объема централизованных погрузочно-разгрузочных работ удешевляет их стоимость в два с лишним раза[48]). Несмотря на это, лишь 50% грузов, которые грузятся и выгружаются из вагонов и автомобилей на грузовых дворах станций, перерабатывается средствами железных дорог[49]).

В целях увеличения объема выполняемых средствами железных дорог работ по погрузке и разгрузке созданы механизированные дистанции погрузочно-разгрузочных работ с соответствующими производственными участками, основными задачами которых являются: выполнение грузовых операций на станциях в соответствии с Уставом железных дорог; совершенствование системы организации погрузочно-разгрузочных работ и широкое внедрение комплексной механизации их выполнения; сокращение времени нахождения вагонов под грузовыми операциями[50]). Закрытие малодеятельных станций для грузовых операций и концентрация последних на опорных станциях также направлены на улучшение организации грузовых работ[51]).

Целесообразно, чтобы всю грузовую работу на местах общего пользования выполняли железные дороги своими средствами. Реализация этого предложения, как показывают расчеты, при условии внедрения централизованного завоза и вывоза грузов и комплексной механизации, транспортные расходы в народном хозяйстве могли бы быть сокращены на 220 млн. руб. в год[52]). Для того, чтобы железные дороги могли принять на себя переработку всех грузов на грузовых дворах станций, необходимо прежде всего обеспечить их материально-техническими средствами. Экономическая выгодность такой организации погрузочно-разгрузочных работ будет в новых условиях хозяйствования самым важным стимулом для клиентуры транспорта передавать эти работы перевозчику. Однако, поскольку централизованная погрузка и выгрузка экономически выгодна всему народному хозяйству, необходимо законодательно закрепить обязанность железных дорог выполнять все погрузочно-разгрузочные работы в местах общего пользования, отменив ныне действующие исключения. Именно потому, что централизация погрузочно-разгрузочных работ на станциях обеспечивает экономию общественно необходимого труда, она должна стать правилом в отношениях между транспортом и клиентурой. Правовые нормы, регулирующие хозяйственные отношения, выполняют свою активную роль, придавая нормативный характер правилам, которые экономически целесообразны и направлены на максимальный хозяйственный эффект.

Большая часть погрузочно-разгрузочных работ выполняется на подъездных путях отправителями и получателями. В научном исследовании нуждается регулирование отношений по выполнению грузовых

[47]) См., в частности, С. М. Резер, А. В. Лахт. Координация работы железнодорожного и автомобильного транспорта (опыт станции Свердловск-Товарный и Свердловского облавтоуправления). «Транспорт», М., 1965.

[48]) См.: А. В. Басов. Важные требования к организации перевозок. «Железнодорожный транспорт», 1965, № 1, стр. 10.

[49]) См.: В. В. Голубков. Задачи механизированных дистанций погрузочно-разгрузочных работ. «Железнодорожный транспорт», 1965, № 9, стр. 33.

[50]) См.: Приказ МПС СССР № 10 Ц от 24 февраля 1965 г. «Об улучшении организации погрузочно-разгрузочных работ, выполняемых средствами железных дорог».

[51]) Постановление Совета Министров СССР от 4 декабря 1963 г. «Об улучшении сохранности и доставки народнохозяйственных грузов потребителям». СП СССР 1963 г., № 21 ст. 210. См. также: Г. К. Наумов, Г. В. Ферапонтов и др. Экономика грузового хозяйства железных дорог. Изд-во «Транспорт», 1965, стр. 17.

[52]) А. Басов. Это может дать 220 млн. рублей. «Гудок», 11 марта 1966 г., № 58.

работ клиентурой транспорта на подъездных путях и в местах общего пользования. Выполнение же этих работ железной дорогой во исполнение ее договорной обязанности в законе самостоятельной регламентации не подвергается. Это объясняется тем, что ответственность за сохранность груза железная дорога несет с момента принятия груза, а исчисление срока его доставки не связано с моментом окончания погрузки железной дорогой. Момент выгрузки груза средствами железной дороги имеет значение при определении соблюдения дорогой срока доставки (ст. 57 Устава), и поэтому своевременность выгрузки груза железной дорогой лишена самостоятельного значения в отношениях с клиентом. Что же касается рационального использования перевозочных средств, ускорения оборота вагона, то стимулирование железных дорог основано на их экономической заинтересованности в наиболее эффективном использовании основных фондов.

Производство грузовых работ отправителями и получателями регулируется специальными нормами, устанавливающими определенные права перевозчика и соответствующие им обязанности предприятий. Большое значение имеет своевременность погрузки и разгрузки, сокращение времени нахождения вагона под грузовыми операциями, оказывающее серьезное влияние на оборот вагона, а следовательно, и на эффективность использования основных фондов железнодорожного транспорта и перевозочных возможностей. Однако содержание прав и обязанностей по выполнению погрузочно-разгрузочных работ не исчерпывается этим.

Основные нормы, регулирующие отношения по погрузке и выгрузке, содержатся в ст. ст. 18, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 59, 156—160 Устава железных дорог.

Поскольку погрузочно-разгрузочные работы выполняются в основном на подъездных путях средствами отправителей и получателей грузов, то именно здесь решаются задачи своевременного и качественного осуществления этих операций. Однако отсюда не следует, что решает эти задачи только отправитель или получатель. Надлежащий хозяйственный эффект обеспечивается слаженной работой органов транспорта и предприятий, построенной на принципе социалистического сотрудничества и взаимопомощи, при кооперированном использовании транспортных средств как магистрального, так и промышленного транспорта, единой технологии, единых норм оборота вагонов для железнодорожной станции и подъездных путей.

С образованием в 1957 г. совнархозов возникли условия для объединения подъездных путей отдельных предприятий и организаций, и транспортных средств — железнодорожных цехов, во многих случаях мелких и нерентабельных, в крупные железнодорожные хозяйства. Организационные формы укрупнения подъездных путей предприятий и организаций определялись совнархозами в каждом конкретном случае: создавались самостоятельные хозрасчетные транспортные предприятия с подчинением транспортному управлению совнархоза — объединенные железнодорожные хозяйства (ОЖДХ)[53]), либо укрупненные транспортные цехи при головных предприятиях с возложением на них задачи транспортного обслуживания ряда других предприятий.

Создание объединенных железнодорожных хозяйств, а в некоторых случаях автомобильно-железнодорожных, позволило существенно улучшить производство грузовых работ и иных вспомогательных операций

[53]) В настоящее время называются — предприятия промышленного железнодорожного транспорта — ППЖТ.

на подъездных путях, освободить обслуживаемые ими предприятия и организации от выполнения указанных работ, что дало государству определенный экономический эффект. С переходом к управлению промышленностью по отраслевому принципу и ликвидацией совнархозов признано целесообразным сохранить существующие объединенные железнодорожные и автомобильно-железнодорожные хозяйства и продолжать укрупнение подъездных путей предприятий (там, где это экономически целесообразно) независимо от их ведомственной принадлежности в хозрасчетные объединенные хозяйства. Эти хозяйства подтвердили свою жизнеспособность, целиком и полностью оправдано их создание[54]). В стране насчитывается около 200 объединенных хозяйств, организующих транспортную работу на 3000 предприятиях. Результаты работы объединенных хозяйств подтверждают эффективность кооперации транспортных цехов предприятий, что эта система обслуживания промышленности специализированными транспортными организациями — верный путь улучшения работы промышленного транспорта, повышения эффективности грузовых работ[55]).

Управление объединенными хозяйствами в РСФСР осуществляется Министерством автомобильного транспорта и шоссейных дорог[56]). Сохраняются также укрупненные транспортные цехи, созданные при головных предприятиях[57]).

Транспортное обслуживание предприятий объединенными железнодорожными и автомобильно-железнодорожными хозяйствами осуществляется на основе заключаемых с обслуживаемыми предприятиями договоров, в которых устанавливаются объем выполняемых хозяйством работ, обязанности сторон и ответственность за их нарушение. В зависимости от конкретных условий объем обслуживания различных предприятий, принимаемого на себя хозяйством, неодинаков. В одних случаях предусматривается подача вагонов к фронтам погрузки и выгрузки, передача вагонов станции и выполнение грузовых работ на открытых площадках, не связанных с технологией работы предприятия, в других — также раскредитование документов и уплата причитающихся платежей за отправляемый и прибывший груз. Некоторые ППЖТ выполняют уже все функции, связанные с перевозочным процессом, включая и оформление документов как на прибывающие грузы, так и на те, что подлежат отправке.

Ознакомление с договорной практикой ППЖТ подтверждает решающее значение договоров в определении прав и обязанностей сторон и довольно различный круг работ, выполнение которых они принимают на себя.

В связи с поручением хозяйствам выполнения различных работ, связанных с отправлением и получением грузов, возникает вопрос о взаимоотношениях между отправителями и получателями, с одной стороны, и железными дорогами, с другой. Договорные отношения

---

[54]) См. об этом, в частности, материалы, опубликованные в газете «Гудок» за 16 октября 1965 г., № 245.

[55]) См.: «Железнодорожный транспорт», 1966 г., № 11, стр. 4.

[56]) См.: Постановление Совета Министров РСФСР от 14 октября 1965 г. «О мерах по дальнейшему использованию автомобильного транспорта совнархозов». СП РСФСР 1965 г., № 24, ст. 150. См. также: СПРСФСР 1967 г. № 16, ст. 87; Приказ Министра автомобильных и шоссейных дорог РСФСР от 29 июня 1967 г. № 272.

[57]) Наиболее эффективными признаются те хозяйства, которые объединяют все виды транспорта и не подчинены ни одному из предприятий. В таких хозяйствах не возникает проблемы «своих» и «чужих», все подчинено общим интересам. См.: А. Дерибас. Настоящий хозрасчет. «Гудок» от 16 июня 1966 г., № 163.

с ППЖТ не должны влиять на сущность правоотношений с железной дорогой: участниками обязательства перевозки грузов, а следовательно, и обязанными субъектами перед дорогой остаются отправители и получатели[58]). Вместе с тем ППЖТ несут ответственность перед своими договорными контрагентами за выполнение ими своих обязанностей.

В некоторых случаях, однако, в заключаемых ППЖТ с предприятиями договорах предусматривается ответственность хозяйств перед железной дорогой за невыполнение плана перевозок (неиспользование поданных вагонов), невыполнение установленных норм простоя вагонов[59]).

Ответственность за невыполнение плана перевозок не может возлагаться на ППЖТ, не являющегося субъектом обязательства, возникающего на основе плана перевозок. Железная дорога подает вагоны для отправителя, который и обязан их надлежаще использовать — загрузить плановым грузом с соблюдением технических норм. Выполняя операции по погрузке и разгрузке вагонов, ППЖТ выступает в качестве третьего лица, на которое в силу заключенного с предприятием-отправителем (получателем) договора возложено непосредственное выполнение определенных обязанностей, входящих в качестве элементов правоотношений, субъектом которых является само предприятие (ст. 171 ГК РСФСР). По общему же правилу, за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено его исполнение, ответственность несет должник. На непосредственного исполнителя ответственность может возлагаться в случаях, предусмотренных законодательством Союза ССР или союзной республики (ст. 223 ГК РСФСР).

Что касается ответственности перед железной дорогой за простой вагонов, то эту ответственность должны нести ППЖТ, заключившие с дорогой договор на эксплуатацию подъездных путей[60]). В свою очередь перед ППЖТ ответственность несет предприятие, если простой вызван нарушением им своих обязанностей по договору.

Правовая природа отношений и оформляющего их договора между предприятием промышленного транспорта и обслуживаемыми им предприятиями неодинакова в зависимости от объема транспортного обслуживания, устанавливаемого договором[61]), который в свою очередь определяется технической оснащенностью ППЖТ и др. факторами. ППЖТ принимают на себя 1) выполнение грузовых работ и связанных с этим вспомогательных операций; 2) подачу вагонов к фронтам погрузки (выгрузки), а также погрузку и выгрузку с сопутствующими операциями и передачу вагонов железной дороге; 3) полное транспортное обслуживание, включающее и экспедиторские функции. Когда содержанием договора является обязанность ППЖТ производить погрузочно-разгрузочные работы своими средствами, он ближе всего к договору подряда, регулируемому нормами Основ и ГК союзных республик. Однако, поскольку по договору на предприятие промышленного транспорта

---

[58]) Ср. А. Л. Маковский. Споры о простоях средств транспорта. Изд-во «Юридическая литература», М., 1963, стр. 20 и сл.

[59]) См.: А. Т. Дерибас, В. П. Потапов. Организация грузовой и коммерческой работы. Учебник, трансжелдориздат, М., 1961, стр. 129.

[60]) Установленный после согласования сторонами единый технологический процесс практически приобретает силу договора.

[61]) Этот вопрос в нашей юридической литературе почти не освещался. См. об этом: А. Л. Маковский. Споры о простоях средств транспорта, 1963, стр. 21.

возлагается исполнение обязанности отправителя (получателя) по транспортному правоотношению, содержание которой определяется транспортным законодательством, то при выполнении операций погрузки и разгрузки предприятие должно руководствоваться как нормами Основ и ГК, так и специальными нормами Устава и установленными правилами перевозок, например, о порядке погрузки, креплении груза и др. Ответственность предприятия за нарушение договора также следует определять по нормам о подряде и соответствующим норма транспортного законодательства.

Договор, по которому предприятие промышленного транспорта принимает на себя не только погрузку и выгрузку, но и подачу вагонов к фронтам погрузки (разгрузки) своим локомотивом и передачу вагонов железной дороге, также имеет целью выполнение за вознаграждение определенной работы и потому по своей природе подобен указанному выше договору. В случаях присоединения к названным выше операциям также обязанности оформления перевозочных документов, сдачи груза перевозчику, раскредитования документов и принятия доставленного груза, отношения осложняются функциями экспедитора.

Заключаемые ППЖТ с предприятиями и организациями договоры о транспортном обслуживании являются сложными, сочетающими элементы подряда, поручения и экспедиции, но не подпадают ни под один из известных гражданским кодексам договоров. Они должны быть урегулированы как самостоятельный правовой институт транспортного (транспортно-экспедиционного) обслуживания. Отношения, складывающиеся между укрупненными транспортными цехами (хозяйствами), не переведенными на полный хозрасчет, входящими в состав предприятия, и обслуживаемыми ими организациями и предприятиями также должны оформляться договором. Договор, разумеется, должен заключаться с предприятием, в состав которого транспортный цех входит, поскольку не будучи юридическим лицом, он не может быть стороной в договоре. Такие транспортные цехи целесообразно в результате дальнейшего укрупнения преобразовывать в хозрасчетные предприятия. Последние должны принять на себя выполнение операций по отправке и получению грузов на подъездных путях основной массы предприятий и организаций, освободив их от этих забот.

Правовое регулирование выгрузки грузов в основном сходно с регулированием погрузки. Вместе с тем обязанность выгрузки характеризуется некоторой спецификой, определяемой сущностью этой операции, которой завершается процесс перемещения груза и начинается подготовка (в широком смысле слова) подвижного состава для нового перевозочного процесса.

Излишне останавливаться на распределении обязанности по производству разгрузочных работ, так как, регламентируя ее, закон не устанавливает каких-либо особенностей по сравнению с регламентацией погрузки, о чем сказано выше. В равной мере и формы организации выгрузочных работ не требуют дополнительного освещения.

Первостепенное значение имеет своевременная выгрузка. Задержка вагонов под выгрузкой сверх установленных норм приводит к потерям погрузочных ресурсов, отрицательно отражается на обеспечении плана перевозок. От своевременного освобождения вагонов зависит выполнение задачи вывоза продукции предприятий в срок, на что сентябрьский (1965). Пленум ЦК КПСС обратил серьезное внимание.

Одним из условий обеспечения своевременной выгрузки является информация клиентуры о подходе грузов, а также уведомление о при-

бывших грузах, позволяющие определить конкретные меры для быстрой выгрузки[62]) и подготовиться к этой работе.

В целях обеспечения «доведения» всего отправленного груза до потребителя закон обязывает грузополучателя полностью выгружать грузы из вагонов (цистерн) и контейнеров. После выгрузки подвижной состав должен быть очищен[63]). Полная выгрузка груза и очистка вагонов — необходимое условие сохранности перевозимой продукции, как уже доставленной на место назначения, так и той, которая будет погружена в вагоны, контейнеры после выгрузки.

К сожалению, многие грузополучатели, грубо нарушая свою обязанность, игнорируя интересы народного хозяйства, оставляют в вагонах и цистернах ценные грузы. Это ведет к гибели части доставленной продукции, которая превращается в мусор, и причинению народному хозяйству невосполнимых потерь. Осложняется также эксплуатационная работа железных дорог (увеличиваются простои вагонов, которые необходимо очищать, ухудшается использование подвижного состава, отвлекается рабочая сила на очистку вагонов и др.)[64]).

Совет Министров СССР в постановлении от 10 марта 1966 г. «Об обеспечении своевременной разгрузки вагонов и вывоза грузов с железнодорожных станций»[65]) отмечает в качестве недопустимого факта, что отдельные предприятия и организации не обеспечивают полной выгрузки угля и топочного мазута из железнодорожных вагонов и цистерн, что приводит к потерям топлива и осложняет подготовку и подачу вагонов и цистерн под погрузку.

Полная выгрузка и очистка вагонов — безусловная обязанность грузополучателей, но реализация ее происходит под контролем железнодорожников. Там, где приему не полностью выгруженных и неочищенных вагонов поставлен прочный заслон, где осуществляется строгий контроль работников станций, грузополучатели возвращают вагоны очищенными[66]). Железные дороги часто не используют имеющееся у них право контроля за полной выгрузкой и очисткой подвижного состава, не применяют установленные меры воздействия в отношении нерадивых получателей, не предъявляют к ним должной требовательности.

Устав железных дорог предусматривает определенные меры воздействия на нарушителей рассматриваемой обязанности. Установлены меры в отношении юридических лиц и личная ответственность виновных в оставлении груза в вагоне (цистерне) после выгрузки (слива).

Наиболее действенным средством является право дороги не принимать не очищенный грузополучателем после выгрузки или слива под-

---

[62]) Подробнее см. ниже.

[63]) Обязанности по очистке вагонов и контейнеров распределены между получателем и железной дорогой не только с учетом того, чьими средствами производилась разгрузка, но и других факторов, среди которых, несомненно, используется признак специализации выполнения соответствующих работ и связанный с ним признак экономичности. В случаях возложения обязанности по очистке на железную дорогу она производит работу за счет грузополучателя (ст. 51 Устава, чч. 6—7).

[64]) Так, из проверенных однажды на Южно-Уральской дороге 6800 числящихся порожними вагонов в каждом третьем обнаружены уголь или цемент, песок или руда, в некоторых — по 4—5 и больше тонн. См.: Выгрузил — вагон верни чистым. «Гудок», 5 февраля 1965 г., № 29. См. также: С. Шаповалов. Горючее на Волгу из... Прибалтики. «Гудок», 19 февраля 1965 г., № 41; Вагон верни чистым! «Гудок» 9 апреля 1965 г.; А. В. Басов. Важные требования организации перевозок. «Железнодорожный транспорт», 1965 г., № 1, стр. 8; Г. Ферапонтов, А. Абакшин. «Порожняк» уходит с грузом. «Гудок», 15 ноября 1966 г., № 265.

[65]) СП СССР 1966 г., № 5, ст. 54.

[66]) См.: Г. Ферапонтов, Б. Абашкин. «Порожняк» уходит с грузом. «Гудок», 15 ноября 1966 г., № 265.

вижной состав (кроме случаев, когда обязанность очистки возлагается на дорогу) впредь до его очистки. За простой вагонов и задержку контейнеров взыскивается штраф на общих основаниях. Взыскивается также штраф за простой цистерн и бункерных полувагонов под очисткой на промывочно-пропарочных станциях железных дорог, если в них обнаружены остатки продуктов сверх допускаемых норм. Отказ от приема вагонов впредь до их очистки — средство понуждения грузополучателя к реальному исполнению обязанности, которое нужно использовать каждый раз, когда возвращаются неочищенные вагоны. Какие-либо особые санкции за неочистку вагонов, не принятых дорогой, Устав не предусматривает. Взыскиваемый штраф за простой — санкция за другое правонарушение, которое, однако, в сочетании с принудительным реальным исполнением обеспечивает и исполнение обязанности по очистке вагонов (контейнеров).

Штраф взыскивается, если железная дорога, установив наличие остатков груза, мусора, добивается реального исполнения обязанности получателем и отказывает в приеме вагонов впредь до их очистки. Поэтому строгий контроль работников станций при приеме вагонов после выгрузки имеет решающее значение в борьбе за полную выгрузку вагонов и их очистку. Ненадлежащий контроль, прием неочищенных вагонов влечет за собой известные потери, которые несет железная дорога в виде расходов на очистку, либо в виде штрафа, уплачиваемого отправителям за подачу под погрузку неочищенных вагонов. Эти и другие отрицательные для железных дорог последствия должны бы стимулировать проверку каждого возвращаемого после выгрузки вагона. Однако случаи неполной выгрузки носят массовый характер, что лучше всего свидетельствует о слабом контроле работников станций на этом участке работы.

Было бы, вероятно, правильно расходы железных дорог по очистке принятых от получателей вагонов, а равно уплачиваемый отправителям за подачу неочищенных вагонов штраф относить за счет прибыли, оставляемой станции, а также применять личную материальную ответственность виновных работников станций.

Важную роль для обеспечения полной выгрузки и очистки подвижного состава должна выполнять предусматриваемая Уставом 1964 г. личная (дисциплинарная, материальная и уголовная) ответственность виновных в оставлении груза в вагоне (цистерне) после выгрузки (слива).

Применение к работникам грузополучателя санкций, возложение материальной ответственности практически возможно в случаях обнаружения остатков груза в вагонах (цистернах) до принятия их железной дорогой и их надлежащего оформления. В этих случаях должны быть приняты меры для полной выгрузки. С полной же выгрузкой отпадает основание для применения материальной ответственности, кроме случаев, когда с этим связан простой вагонов и уплата железной дороге штрафа. Этим ослабляется превентивно-воспитательное значение материальной ответственности. Было бы желательно введение штрафа, налагаемого на лиц, виновных в оставлении груза в вагоне (цистерне), независимо от наступивших последствий. Угроза уплаты штрафа за неполную выгрузку будет стимулировать добросовестное исполнение работниками порученной им работы. Необходимо также, чтобы и работники грузоотправителей несли материальную ответственность за повреждение груза, вызванное погрузкой в неочищенный вагон.

4. Использование грузоподъемности подвижного состава

Производя погрузку своими средствами, грузоотправитель обязан загружать вагоны и контейнеры не ниже технических норм. Грузы, по которым технические нормы загрузки не установлены, должны грузиться до полного использования вместимости вагонов (контейнеров), но не выше их грузоподъемности. Открытый подвижной состав должен загружаться до полного использования габарита, но не выше его грузоподъемности (ст. 47 Устава). Технические нормы загрузки предусматривают количество груза в тоннах или в штуках, которое должно быть загружено отправителем в вагон[67]).

Техническое нормирование погрузки применяется в целях: 1) наиболее эффективного использования подвижного состава при одновременном обеспечении сохранности грузов и 2) обеспечения безопасности движения на железнодорожном транспорте.

Вопрос об основании возникновения обязанности грузоотправителя надлежаще использовать грузоподъемность (вместимость) вагонов (контейнеров) является дискуссионным. Таким основанием признается месячный план перевозок. «Во исполнение государственного плана перевозок, писал В. Н. Изволенский, ...грузоотправитель обязан использовать полностью подъемную силу и вместимость предоставленных вагонов для погрузки грузов, предусмотренных государственным планом»[68]). К этому мнению полностью присоединилась Р. О. Халфина[69]). Новые аргументы привел В. Т. Смирнов[70]).

По его мнению, основаниями возникновения обязательств по перевозке могут рассматриваться либо план, либо договор, в зависимости от того, к какой стадии развития транспортного правоотношения относится возникновение той или иной обязанности[71]). Поскольку обязанность рационально использовать перевозочные средства («по крайней мере по их загрузке») обычно реализуется до заключения договора перевозки, а обязанность предоставления перевозочных средств и соответственно груза к перевозке устанавливается планом перевозок, то обязанность по рациональному использованию подвижного состава, предоставленного в соответствии с планом, возникает из плана перевозок[72]).

Значение плана перевозок и договора перевозки как оснований возникновения правоотношений перевозки бесспорно. Однако это не означает, что развитие перевозочного обязательства от его возникновения до прекращения связано лишь с этими юридическими фактами. Круг юридических фактов, с наступлением которых происходит развитие обязательства перевозки, более широкий. С их наступлением возникают новые права и обязанности. При этом, поскольку возникновение обязательства связано с утверждением и доведением до исполнителей месячного плана перевозок, последний сохраняет свое значение в ряду

---

[67]) См.: А. П. Леонтьев, Ю. П. Тихончук. Использование грузоподъемности вагонов. Трансжелдориздат, 1959, стр. 71.

[68]) В. Н. Изволенский. Правовые вопросы железнодорожных перевозок. Трансжелдориздат, 1951, стр. 19.

[69]) См.: Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом гражданском праве. 1954, стр. 145, 148.

[70]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 361—367.

[71]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 363. Далее, однако, В. Т. Смирнов признает и другие юридические факты, с которыми закон связывает возникновение обязанностей. См. там же, стр. 368.

[72]) Там же, стр. 363.

других юридических фактов, но без их присоединения обязательство не развивается, новые права и обязанности не возникают.

Нельзя согласиться с выводом, что обязанность надлежаще использовать грузоподъемность и вместимость подвижного состава возникает из плана перевозок[73]). План перевозок обязывает отправителя предъявить к перевозке указанный в нем груз и в направления, установленные заданием. Обязанность надлежаще использовать подвижной состав возлагается на всех грузоотправителей, независимо от включения перевозки в план (ст. 47 УЖД).

Обязанность предъявить груз к перевозке может быть выполнена при одновременном нарушении норм загрузки. Вполне обосновано в связи с этим установление санкции за недогруз до технической нормы или полной грузоподъемности (вместимости)[74]). Однако для одновременного взыскания штрафа за невыполнение плана перевозок и за недогруз до технической нормы нет достаточных оснований: в конечном счете вредный результат нарушений выражается в неполном использовании перевозочных ресурсов. Нарушением технических норм является не только недогруз, но и перегруз. Обязанность соблюдения норм загрузки в этом смысле определенно нельзя обосновать планом перевозок. Несмотря на существенное различие в социальных мотивах запрещения недогруза и перегруза, они все же остаются двумя сторонами нарушения одной и той же обязанности — надлежаще, в соответствии с установленными нормами или грузоподъемностью (вместимостью) использовать подвижной состав.

Обязанность рационального использования грузоподъемности или вместимости вагонов и контейнеров установлена Уставом (ст.47), но, как правильно отмечает В. Т. Смирнов, «...правомочия и обязанности как элементы любого правоотношения непосредственно из закона возникать не могут. Для этого необходимо наступление определенных юридических фактов»[75]). Поэтому нельзя признать правильной точку зрения, согласно которой рассматриваемая обязанность вытекает непосредственно из требований Устава[76]). Определяя права и обязанности социалистических организаций как участников перевозочных правоотношений, нормы УЖД «привязывают» эти права и обязанности к указанным в них обстоятельствам, фактам. У конкретного субъекта права и обязанности возникают с наступлением определенного юридического факта.

Таким юридическим фактом, с которым связывается возникновение обязанности целесообразно использовать подвижной состав, признается принятие вагонов (цистерн, контейнеров) под погрузку[77]).

---

[73]) М. А. Тарасов правильно отмечает, что нельзя отождествлять предъявление планового груза к перевозке и использование грузоподъемности и вместимости вагонов. Однако вызывает возражение утверждение, что «...недогруз вагона до технической нормы или полной вместимости относится уже к определению степени выполнения грузоотправителем своих договорных обязательств» (М. А. Тарасов. Договор перевозки, стр. 73), поскольку погрузка отправителем предшествует заключению договора перевозки.

[74]) СП СССР 1967 г. № 26, ст. 186 (п. 23).

[75]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 363.

[76]) См.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву, стр. 150, 152; М. С. Орданский. Гражданскоправовые обязательства, возникающие из месячного плана перевозок грузов железнодорожным транспортом и ответственность за их невыполнение. Автореферат канд. дисс., М., 1963, стр. 11.

[77]) См.: С. С. Алексеев. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. Госюриздат, 1959, стр. 40—42.

Это положение встретило в литературе следующие возражения:

1. «Принятие перевозочных средств и их рациональная загрузка — это элементы единой обязанности, направленной на выполнение плана перевозок»[78]). Можно согласиться, что грузоотправитель имеет единую обязанность выполнить план перевозок. Но это не исключает признания существования относительно самостоятельных обязанностей, возникающих с наступлением определенных юридических фактов. Такой подход к анализу транспортного правоотношения позволяет увидеть его в динамике и выявлять источники его развития. Обязанность принятия вагонов под погрузку возникает на основе плана. Но если вагоны не приняты, обязанность их рационального использования не возникает и не может возникнуть, так как не производится погрузка, вагоны не используются отправителем.

2. В. Т. Смирнов указывает, что с позиции С. С. Алексеева нельзя объяснить факт неначисления штрафа за недовыполнение плана в случае подачи железной дорогой вагонов, для которых техническими нормами установлена бо́льшая загрузка, чем в вагоны, назначенные по плану, если отгружено все запланированное количество груза[79]). С позиции С. С. Алексеева, это положение находит объяснение в том, что железная дорога, подав вагоны, для которых техническими нормами предусматривается бо́льшая загрузка, чем в вагоны назначенные по плану, изменила условия, от которых зависит фактическая возможность отправителя выполнить обязанность по использованию грузоподъемности (вместимости) вагонов. При изменившихся условиях (подаче вагонов, для которых установлена большая загрузка) и отгрузке всего запланированного груза с отправителя снимается обязанность полностью загрузить поданные перевозочные средства. В данном случае нерациональное использование вагонов допускается железной дорогой, а не отправителем, погрузившим плановое количество груза.

Наконец, полемизируя с С. С. Алексеевым, В. Т. Смирнов указывает что С. С. Алексеев характеризует факт принятия перевозочных средств отправителем «... как дополнительный к плану, который, очевидно, следует рассматривать как основной»[80]). Отсюда делается вывод, что принятие под погрузку вагонов нельзя признавать самостоятельным правообразующим фактом и говорить, что только из этого факта возникает указанная обязанность[81]). Подчеркивая значение принятия отправителем вагонов под погрузку, как юридического факта, с которым связывается обязанность их рационального использования, С. С. Алексеев пишет: «План перевозок как таковой не может возложить на клиента обязанности по рациональному использованию подвижного состава. Помимо месячного плана, необходимо наступление дополнительного юридического факта — принятия грузоотправителем подвижного состава под погрузку»[82]). Поскольку транспортное правоотношение рассматривается автором в качестве структурно сложного, в основе которого лежит сложный фактический состав, и состоящего из относительно самостоятельных правоотношений, возникающих с наступлением соответствующих юридических фактов, С. С. Алексеев правильно формулирует мысль о том, что наряду с плановым актом необходимо принятие гру-

[78]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 364.
[79]) Там же, стр. 365.
[80]) Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 365.
[81]) Там же.
[82]) С. С. Алексеев. Указ. соч., стр. 40.

зоотправителем подвижного состава под погрузку. Однако это не означает, что план перевозок является основным юридическим фактом для возникновения обязанности рационального использования вагонов. План перевозок — юридический факт, с наступлением которого «начинается жизнь» перевозочного правоотношения, без него плановое обязательство перевозки не возникает, и не могут наступить другие юридические факты, в том числе принятие вагонов под погрузку, с которыми закон связывает возникновение прав и обязанностей. В этом смысле, на наш взгляд, правильно говорить, что для возникновения обязанности, рационального использования перевозочных средств, помимо плана перевозок, необходимо принятие отправителем вагонов для погрузки. Но отсюда следует лишь, что в связи с планом перевозок, на основании которого возникает обязательство перевозки определенного содержания, и в процессе его исполнения наступают новые юридические факты, с которыми связывается возникновение соответствующих прав и обязанностей.

Что касается обязанности отправителя использовать поданые вагоны, о которой говорит Устав (ст. 144), то необходимо отметить следующее. Ст. 144 различает в качестве фактов неисполнения плана перевозок неиспользование поданных вагонов и контейнеров и отказ от предусмотренных планом вагонов и контейнеров.

Как факты неисполнения плана перевозок они влекут за собой одинаковую ответственность. Отказ от вагонов и неиспользование вагонов приводит к тому, что отправитель не выполняет обязанности по предъявлению груза к перевозке, возникающей из плана перевозок. Использование вагонов нельзя сводить к их принятию отправителем под погрузку. Погрузку в принятые вагоны непланового груза нельзя признать исполнением плана и, следовательно, использованием в соответствии с планом. Под использованием вагонов следует понимать принятие их для загрузки плановым грузом. В случае загрузки подвижного состава грузом, непредусмотренным планом, отправитель тем не менее обязан использовать грузоподъемность или вместимость вагонов (контейнеров). Но так как перевозка данного груза планом не предусмотрена, то, очевидно, и обязанность рационального использования вагонов не может вытекать из планового акта. Эта обязанность необъяснима с позиции критикуемой нами конструкции.

Надлежащее использование грузоподъемности вагонов дает значительный народнохозяйственный эффект, позволяет без увеличения парка вагонов перевезти дополнительные сотни тысяч тонн грузов[83]), является одним из средств повышения эффективности использования наиболее активной части производственных фондов на железнодорожном транспорте, позволяет сберечь миллионы рублей. «Борьба за эффективное использование производственных фондов, указывал на XXIII съезде КПСС А. Н. Косыгин, имеет первостепенное хозяйственно-политическое значение и должна стать подлинно всенародным делом»[84]).

---

[83]) Так, улучшение использования грузоподъемности и вместимости вагонов позволило за 8 месяцев 1965 г. (январь — август) перевыполнить задание по статнагрузке и перевезти дополнительно более 8 млн. тонн грузов. См.: «Гудок», 8 сентября 1965 г., № 212. Повышение статической нагрузки вагонов только на 1% позволило бы сберечь ежегодно около 7 млн. рублей. См.: Л. Чертков. О повышении народнохозяйственной эффективности транспорта. «Плановое хозяйство», 1965, № 9, стр. 6. Если дополнительно отправлять в каждом вагоне 100 кг груза, это увеличит возможности по перевозкам более чем на 10 млн. тонн в год. (См.: Подъемная сила и груз инертности, «Гудок», 15 декабря 1966 г., № 289).

[84]) Материалы XXIII съезда КПСС. Изд-во политической литературы, 1966, стр. 125.

Использование грузоподъемности вагонов в целом по сети составляет лишь около 81%[85]).

Наряду с фактами нерационального породового распределения вагонов под погрузку, серьезно снижающими коэффициент использования грузоподъемности подвижного состава[86]), большим злом является завышение во многих случаях грузоотправителями веса груза в накладных[87]). Этим создается видимость соблюдения технических норм, чем осложняется контроль со стороны железных дорог и обнаружение недогрузов, а следовательно, и борьба с этим очковтирательством. Большой вред завышения в накладных веса состоит также в том, что на основе этих данных определяется выполнение станциями заданий по статической нагрузке, а также производится выплата локомотивным и кондукторским бригадам премии за вождение тяжеловесных поездов.

В целях улучшения использования грузоподъемности вагонов и контейнеров необходимо: 1) устранить нерациональное распределение подвижного состава под погрузку без учета веса и свойств перевозимых грузов[88]); 2) материально заинтересовать грузоотправителей в максимальном использовании грузоподъемности; 3) в процессе планового распределения продукции, как правило, не допускать выделения в качестве самостоятельных получателей потребителей небольших партий данной продукции, так как это не позволяет надлежаще использовать грузоподъемность и вместимость подвижного состава; 4) усилить контроль работников железных дорог за правильным определением веса груза отправителями.

Важное значение имеет правильное использование вагонов в каждом конкретном случае. Однако совершенно ясно, что массовые грузы — каменный уголь, руда, черные металлы, лесные грузы, минеральные удобрения, зерно и некоторые другие имеют решающее значение при определении коэффициента использования грузоподъемности вагонов. Поэтому желательно было бы на основании экспериментальных данных установить для каждого из этих грузов наиболее эффективный вид подвижного состава и в Правилах перевозок рекомендовать для погрузки именно эти вагоны, запретив одновременно погрузку определенных грузов в вагоны, не позволяющие использовать их грузоподъемность на среднем общесетевом уровне по данному виду вагонов, за исключением погрузки по направлению следования порожних вагонов. На железные дороги должна быть возложена обязанность при определении рода подвижного состава для перевозки данного груза подавать отправителям вагоны, которые с учетом объемного веса груза могли бы быть использованы наиболее рационально.

Эффективное использование грузоподъемности вагонов и контейнеров необходимо экономически стимулировать. Важное значение могло бы иметь более широкое применение цен на поставляемую продукцию

---

[85]) См.: К. Н. Малахов. Вагоны загружать полнее. «Железнодорожный транспорт», 1965 г., № 4, стр. 13.

[86]) Специалисты считают, что потери погрузочных ресурсов допускаются главным образом из-за непродуманного распределения подвижного состава под загрузку. См.: А. Белов. Не воздух, груз возить. «Гудок», 1 июля 1966 г., № 151.

[87]) См., например, «Лома на рубль, да два перевоз». «Гудок», 5 марта 1966 г., № 54; Накладная — это деньги, «Гудок», 21 мая 1966 г., № 117.

[88]) В приказе Министра путей сообщения СССР № 14 Ц от 19 апреля 1965 г. О дальнейшем улучшении использования грузовых вагонов, в частности, предлагается осуществлять разработку схем внутридорожной и внутриотделенческой регулировки порожними вагонами с учетом наиболее рационального распределения вагонов по роду подвижного состава под погрузку соответствующих грузов.

франко-вагон станция назначения. Расчеты между отправителем и получателем по цене франко-вагон станция отправления или франко-склад поставщика не создает экономической заинтересованности отправителя в применении максимально уплотненной загрузки и отыскании новых рациональных способов размещения груза с целью снижения падающей на единицу отгружаемой продукции провозной платы. При применении этих цен грузополучатель возмещает отправителю фактические транспортные расходы, в связи с чем достигнутая последним, вследствие применения методов уплотненной загрузки, экономия на провозной плате поступает грузополучателю, а не отправителю. Расчеты по цене франко-станция назначения обеспечивают поступление этой экономии грузоотправителю.

Однако при установлении цен определенных видов франко подлежат учету и другие не менее важные факторы, в связи с чем нельзя настаивать на введении только оптовых цен франко-станция назначения. Поэтому необходимо также использовать систему «ответственности» грузоотправителя перед грузополучателем за недогруз в виде отнесения на него части провозной платы, падающей на недогруженное количество продукции. За отправителем должно быть признано право на экономию в провозной плате, полученную в результате превышения (в допустимых пределах) норм загрузки.

Арбитражная практика исходит из того, что в случаях недогруза отправитель имеет право на возмещение тарифа только в сумме, соответствующей фактически погруженному количеству продукции[89]). Однако, если технические нормы загрузки в целях повышения безопасности движения снижены в установленном порядке (без соответствующего снижения повагонного тарифа за перевозку), грузополучатель не вправе требовать от отправителя убытков в связи с недогрузом вагонов[90]). Соответствующие правовые нормы следовало бы включить в Положения о поставках, создав нормативную основу для применения этих важных положений в целях стимулирования полного использования грузоподъемности вагонов.

Одним из средств стимулирования целесообразного использования подвижного состава могло бы быть признание за отправителем права требования и возложения на дорогу обязанности предоставления «сэкономленных» им вагонов для погрузки сверхплановой продукции.

Выделение в качестве самостоятельных получателей потребителей, данной продукции в небольших количествах приводит к заключению изготовителем неоправданно большого числа договоров поставки, порождает так называемые малотоннажные наряды и поставки, при которых грузоподъемность вагонов используется неудовлетворительно[91]). Наряду с этим и тариф на перевозку грузов мелкими отправками примерно в три раза выше, чем при повагонных отправках[92]).

В соответствии с особенностями отдельных видов грузов, грузоподъемностью и вместимостью подвижного состава, обеспечивающими

---

[89]) В. И. Балашевич. О практике разрешения споров по железнодорожным перевозкам. «Советское государство и право», 1966 г., № 2, стр. 152.

[90]) См.: Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР. Вып. 13, 1960, стр. 25—26.

[91]) О значительном недоиспользовании грузоподъемности вагонов при отгрузке сельскохозяйственных машин мелкими партиями сообщается, например, в письме Б. Кирпичникова и статье В. Сурикова «Вагоны и грузы», «Экономическая газета», 1962 г., № 49 (70).

[92]) И. В. Белов, Н. Е. Боровой и др. Экономика железнодорожного транспорта, под ред. проф. Е. Д. Ханукова. Изд-во «Транспорт», 1965, стр. 334.

наиболее рациональное его использование, должны быть установлены транзитные нормы отгрузки. Потребители продукции в количествах менее транзитной нормы должны получать ее с оптовых баз в районе расположения.

Соблюдение технических норм, пределов грузоподъемности и вместимости подвижного состава диктуется также соображениями безопасности движения. Поэтому железная дорога обязана осуществлять контроль за выполнением отправителями установленных правил и требовать от последних выгрузки излишка груза сверх грузоподъемности вагона (контейнера). Такое требование имеет обязательную силу для отправителя (ст. 47 Устава).

Правила приема грузов к перевозке[93]) предусматривают также право начальника станции отказывать в приеме вагонов, недогруженных до технических норм или в соответствующих случаях до полной вместимости или грузоподъемности, и потребовать произвести догрузку вагонов. За простой, вызванный необходимостью выгрузки, излишка груза или догрузки, подлежит взысканию штраф (ст. 156 УЖД) или соответственно плата за пользование вагонами.

Недостаточный контроль железнодорожных станций за надлежащим использованием вагонов, отказ УЖД 1964 г. от штрафа за недогруз и перегруз приводили к недопустимой потере перевозочных ресурсов. Введение постановлением Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. штрафа за недогруз вагона до технической нормы или полной грузоподъемности (вместимости)[94]) следует признать вполне обоснованным.

По своей юридической природе этот штраф представляет собой законную (нормативную) исключительную неустойку, имеющую штрафное назначение: штраф не подлежит взысканию, если грузоотправитель произвел догрузку. Общественный интерес и интерес железной дороги признаются удовлетворительными тем, что произведена догрузка и, следовательно, достигнуто в конкретном случае надлежащее использование перевозочных средств.

Введением штрафа, очевидно, не отменяется право начальника станции отказывать в приеме груза к перевозке, пока не будет произведена догрузка вагонов.

5. Определение веса груза

Определение веса груза имеет многостороннее значение и необходимо для установления количества продукции, принятой к перевозке. Этим конкретизируется и индивидуализируется предмет перевозки и обязанность дороги доставить и выдать получателю то количество груза, которое ею принято и указано в перевозочном документе — накладной. По количеству груза нередко устанавливается размер провозной платы (мелкие и малотоннажные отправки, наливные грузы в вагонах-цистернах и бункерных полувагонах). Данные о весе груза позволяют судить о соблюдении технической нормы загрузки (в соответствующих случаях — грузоподъемности подвижного состава), что чрезвычайно важно для народного хозяйства с точки зрения правильного использования вагонов, а также для обеспечения безопасности движения. Большое значение имеет определение количества груза при его отправлении в плане

---

[93]) См.: Сборник правил перевозок 1965 г., № 24.

[94]) СП СССР 1967 г. № 26, ст. 186. О размере штрафа и порядке исчисления его см. Сборник правил перевозок и тарифов 1968 г. № 83.

обеспечения его сохранности, борьбы с хищениями в пунктах отправления и назначения, а также в пути следования.

Только при условии правильного определения количества груза, принятого к перевозке, эти данные могут быть использованы в соответствии с их назначением. Неправильное указание веса является обманом железной дороги, грузополучателя, а следовательно, и государства, наносящее народному хозяйству ущерб, заслуживающее не только общественного осуждения как противоправное деяние, но и принятия мер воздействия по отношению к лицам, его совершившим.

С точки зрения порядка определения веса ст. 53 УЖД классифицирует все грузы на две группы: 1) грузы, перевозимые навалом, насыпью, наливом и в контейнерах; 2) тарные и штучные грузы. Вес грузов первой группы должен быть определен при предъявлении и приеме их к перевозке. Вес грузов второй группы определяется до предъявления их к перевозке и указывается на грузовых местах. В накладной отмечается вес и количество грузовых мест.

Устав (ст. 53) предусматривает три способа определения общего веса груза: 1) взвешиванием на весовых приборах; 2) подсчетом веса на грузовых местах по трафарету или по стандарту: 3) расчетным путем по обмеру или условно (нефтепродукты в цистернах, лесные грузы и др.).

Определение веса тарных и штучных грузов по трафарету или по стандарту — экономически прогрессивный метод, способствующий ускорению оборота вагона и экономии общественного труда при приеме и выдаче груза.

Количество принятой к перевозке продукции — одно из существенных условий договора перевозки. Во всяком договоре условия — результат взаимного соглашения сторон. Договор перевозки грузов не составляет исключения. Определение веса предшествует его заключению и в договор включаются данные о количестве груза. Само же определение количества продукции осуществляется не всегда совместно грузоотправителем и перевозчиком, однако внесенное в накладную количество — всегда существенное условие договора, в связи с чем возникает вопрос о значении одностороннего определения веса для другой стороны. Об этом скажем ниже.

Вес груза определяется грузоотправителем и железной дорогой. В качестве критерия распределения между ними этой обязанности при приеме груза к перевозке Устав предусматривает место погрузки. При погрузке на местах общего пользования вес определяет железная дорога. Вес определяется грузоотправителем при погрузке на местах необщего пользования. Наряду с этим общим правилом ст. 54 УЖД предусматривает, что вес груза по стандарту, трафарету, расчетным путем, по обмеру или условно во всех случаях определяет отправитель. Вес зерновых хлебных грузов, семян масличных и бобовых культур, отрубей и комбикормов, перевозимых насыпью, определяется отправителем и удостоверяется его подписью; при отсутствии у него вагонных или элеваторных весов взвешивание производится на вагонных весах станции отправления весовщиком дороги совместно с весовщиком грузоотправителя и удостоверяется их подписями в накладной.

Погрузка этих грузов, независимо от места, производится отправителем (ст. 45 УЖД), в связи с чем он не устраняется от участия во взвешивании, когда оно осуществляется железной дорогой.

В обоснование использования УЖД места погрузки в качестве критерия распределения обязанности по определению веса груза следует,

видимо, указать на соображения экономии средств и обеспечения возможности учета результатов взвешивания в процессе погрузки (дозировка).

По общему правилу, местом, где осуществляется погрузка (разгрузка), определяется и сторона, выполняющая эту операцию. Отсюда вывод: вес определяет, как правило, та сторона, которая своими средствами производит погрузочные работы. Однако отсюда еще не следует, что закрепленный в ст. 54 УЖД порядок взвешивания груза является оптимальным. Следует поддержать предложение о целесообразности в интересах повышения заботливости о сохранности груза возложить обязанности по определению веса груза на железные дороги во всех случаях[95]) (создав для этого необходимые условия), кроме, однако, тарных и штучных грузов, вес которых должен определяться по стандарту или трафарету отправителем. Определение веса этих грузов является операцией приема готовой продукции на склад ее изготовителя, и в целях повышения ответственности последнего за ее выполнение и экономию общественного труда нет смысла возлагать на дорогу обязанность повторно взвешивать такие грузы[96]).

Передача весового хозяйства и функций по определению веса груза железным дорогам должна благотворно отразиться на сохранности груза, так как будет стимулировать разработку железнодорожным транспортом прогрессивных методов погрузки и перевозки грузов, а также обеспечит лучшие условия содержания и эксплуатации весового хозяйства. Предлагаемый порядок полностью отвечает функциям социалистического транспорта. Когда транспортная организация не участвует в определении веса, ее заботы сводятся к тому, чтобы не допустить явной утраты груза, хищения, уничтожения. Но она не обязана перед клиентурой заботиться о недопущении потерь, например, в связи со способом погрузки и перевозки данного груза, так как не отвечает за несохранность груза, наступившую по этим причинам. Между тем в интересах народного хозяйства нужно требовать от транспорта такой заботы и в возможных пределах обеспечения целости и сохранности груза. Прием к перевозке груза по весу, определенному перевозчиком, должен влечь за собой и выдачу его (по крайней мере признание за получателем права требования) по общему правилу, с проверкой веса (количества) в пункте назначения. Это позволило бы исключить возложение ответственности в ряде случаев лишь по формальным данным при отсутствии необходимых и желательных доказательств[97]).

Определение веса железной дорогой содействовало бы преодолению еще нередко встречающихся случаев неправильного указания веса (в основном завышение) грузоотправителями и связанных с этим отрицательных последствий.

---

[95]) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки 1965, стр. 158. Видимо, и М. К. Александров-Дольник придерживается такой точки зрения. См.: Ответственность железной дороги за сохранность грузов. «Советское государство и право», 1966 г., № 4, стр. 71—72.

[96]) О значении отмены взвешивания тарноупаковочных и штучных грузов см.: А. В. Басов. Важные требования к организации перевозок. «Железнодорожный транспорт», 1965 г., № 1, стр. 7.

[97]) На это неоднократно указывалось в печати. См., например, «Гудок», 5 ноября 1963 г. — ответ редакции газеты зам. министра производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов РСФСР; «Известия», 28 апреля 1964 г. (М. Марголин. Странный порядок); «Известия», 20 мая 1964 г. (И. Прокопенко. Откуда берется недостача?).

Опыт Кузнецкого бассейна и Западно-Сибирской дороги, где весовое хозяйство угольных предприятий и функции по определению веса угля переданы железнодорожникам, получил положительную оценку; высказываются предложения в пользу его распространения[98]).

В ряде постановлений Правительства СССР по вопросам взвешивания грузов при перевозке различными видами транспорта проявляется тенденция расширения перечня грузов, принимаемых к перевозке и выдаваемых получателям по числу мест и стандартному весу или весу, указанному на каждом грузовом месте[99]), и сужения участия железных дорог при определении веса отправителем[100]). Внедрение в широких масштабах приема и выдачи грузов по стандартному весу без взвешивания — явление, несомненно, прогрессивное, приводит к сокращению непроизводительных расходов. Сужение участия железных дорог в определении веса груза при его приеме к перевозке и выдаче вызвало критику в нашей литературе[101]).

Поскольку по действующему УЖД вес груза отпределяется либо отправителем, либо дорогой, а в некоторых случаях совместно, возникает вопрос о правовом значении того или иного порядка взвешивания продукции при приеме к перевозке, на который мы не находим единодушного ответа у различных авторов. М. К. Александров-Дольник утверждает, что от того, кем определен вес груза — железной дорогой или отправителем, зависит распределение обязанности доказывания причины недостачи. По его мнению, факт удостоверения подписью весовщика дороги веса, указанного в накладной отправителем, обязывает железную дорогу в случае установления недостачи доказать, что она возникла не по ее вине. Следовательно, дорога предполагается виновной, пока не докажет противного[102]).

Близок к этой позиции М. А. Тарасов, полагающий, что если вес груза определен транспортной организацией, перевозчик должен доказать, что утраты груза не было и что разница в весе объясняется другими причинами. Если же груз следовал за весом отправителя, он обязан доказать, что недостача возникла по причинам, за которые отвечает перевозчик[103]). Влияние участия весовщика железной дороги на распределение между сторонами обязанности доказывания признавала К. А. Хаспулатова[104]).

Взгляд, согласно которому факт определения веса отправителем, перевозчиком или с участием последнего влечет за собой перераспределение закрепленной в УЖД обязанности доказывания причин недостачи, подвергнут критике. Г. Б. Астановский, не соглашаясь с М. К. Александровым-Дольником указывает, что действие презумпции невиновности железной дороги связано с прибытием груза при наличии признаков, свидетельствующих о его сохранности «Факт под-

---

[98]) См.: «Гудок», 20 сентября 1966 г., № 218 — ответ на статью «Золотая пыль».

[99]) См.: СП СССР 1958 г., № 4, ст. 38; 1959 г., № 3, ст. 19; 1959 г., № 17, ст. 138.

[100]) См.: СП СССР 1959 г., № 1, ст. 4; 1959 г., № 19, ст. 155, а также ст. 54 УЖД 1964 г.

[101]) См.: М. К. Александров-Дольник. Необходимые изменения в Уставе железных дорог СССР. «Советское государство и право», 1960, № 9, стр. 111—112.

[102]) См.: М. К. Александров-Дольник. Об ответственности железных дорог за сохранность перевозимых грузов. «Советское государство и право», 1956, № 7, стр. 96—97.

[103]) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки, 1965, стр. 153.

[104]) См.: К. А. Хаспулатова. О разграничении ответственности железной дороги и отправителя груза за его целость и сохранность при перевозке. Вопросы советского транспортного права, Госюриздат, 1957, стр. 39.

писи весовщика станции отправления не доказывает утрату груза. Он только свидетельствует об участии весовщика в определении веса груза»[105]).

В арбитражной (а ранее в судебной) практике последовательно проводится мысль о том, что для возложения ответственности за недостачу не имеет решающего значения, кем определен вес груза — отправителем, железной дорогой или совместно[106]).

Проведение принципа возложения ответственности за недостачу в зависимости от того, кем определен вес груза, было бы проявлением формализма, чуждого советскому суду и арбитражу, формализма, который препятствовал бы установлению истины по спорам о недостачах. При решении вопроса, на кого надлежит отнести ответственность, арбитражная практика исходит из совокупности всех фактических обстоятельств.

Анализ соответствующих норм действующего Устава позволяет утверждать, что юридическое значение определения веса груза железной дорогой или отправителем состоит в том, что в зависимость от этого поставлена обязанность дороги проверить на ст. назначения вес груза, доставленного без признаков его несохранности. Согласно ст. 65 УЖД погруженный железной дорогой (а, следовательно и взвешенный ею) груз, прибывший в исправных вагонах с неповрежденными пломбами станции отправления, а также без признаков недостачи, порчи или повреждения при перевозке на открытом подвижном составе или в крытых вагонах без пломб должен быть выдан на станции назначения с обязательной проверкой веса, количества мест и состояния[107]). Та же статья не предусматривает обязательной проверки веса грузов, погруженных (а следовательно, и взвешенных) отправителем и прибывших в аналогичном состоянии. В виде исключения установлена проверка веса некоторых грузов — одних в обязательном порядке, других — по требованию получателя в пределах, предусмотренных Правилами.

Если вес определен дорогой (и погружен ее средствами) и при выдаче на станции назначения обнаружена недостача груза, то практически она обязана доказывать причинную связь между недостачей и обстоятельствами, на которые она ссылается. Презумпции в пользу дороги устанавливаемые п. «б» (недостача, порча или повреждение вследствие естественных причин, связанных с перевозкой груза на открытом подвижном составе) и п. «г» ст. 149 УЖД (недостача груза, не превышающая норм естественной убыли), действуют и в этих случаях. Но за этими пределами дорога обязана доказывать свою невиновность, чтобы быть освобожденной от ответственности за недостачу. Обстоятельство, с которым закон связывает действие презумпции в пользу дороги и часто служащее основанием освобождения ее от ответственности (п. «а» ст. 149 УЖД), отсутствует, если вес груза определен перевозчиком, в связи с чем он не может на него ссылаться.

В случаях следования груза за весом отправителя и доставки его без следов утраты и в исправных вагонах (ч. 3 ст. 65 УЖД) дорога, как правило, не несет ответственности за недостачу.

---

[105]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 423.

[106]) См.: «Советская юстиция», 1960, № 11, стр. 31; «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1949, № 7, стр. 26; № 1, стр. 26—27; № 4, стр. 30.

[107]) Мы здесь опускаем исключения из данного правила, не имеющие существенного значения для рассматриваемого вопроса.

При этих обстоятельствах она даже не обязана, по общему правилу, проверить вес груза на станции назначения, что само по себе автоматически снимает вопрос об ее ответственности. Но это объясняется тем, что груз, погруженный отправителем, доставлен без следов утраты и в исправных вагонах. Ответственность может быть возложена на отправителя, если он не докажет свою невиновность. За недостачу, обнаруженную при выдаче груза в случаях, когда дорога должна проверять вес, обязанность возмещения на нее может быть возложена, если будет доказано, что утрата произошла по ее вине.

Участие дороги при определении веса наряду с отправителем (ч. 3 ст. 54 УЖД) не является по действующему УЖД обстоятельством, с которым связывается ее обязанность проверить вес при выдаче груза получателю[108]) либо изменение общих правил об ответственности железных дорог за сохранность груза.

Указанное выше юридические значение порядка определения веса обусловливается не только фактом, за чьим весом был отправлен груз, но прежде всего тем, что, как правило, и погрузку осуществляла та сторона, которая производила взвешивание груза. Требование выдачи груза с проверкой веса связано с началами хозяйствования социалистических предприятий и принципом взаимной материальной ответственности за ненадлежащее исполнение обязательств.

Взвешивание груза дорогой совместно с отправителем должно влечь те же последствия, что и определение веса ею самой. В любом случае участия представитель дороги должен быть активным, а не «присутствовать», обеспечить правильное определение количества груза, а дорога должна нести ответственность за недостачу на тех же началах, что и при следовании груза, только за ее весом.

Мы приходим к выводу, что факт определения веса при отправке груза одной из сторон или совместно железной дорогой и отправителем сам по себе не влияет на решение вопроса об ответственности за недостачу; этот факт не влечет за собой изменения общих положений о распределении обязанности доказывания причины недостачи, но в законе, устанавливающем презумпции в пользу дороги, учитывается, производилась ли погрузка (а следовательно, по общему правилу, и взвешивание груза) отправителем или железной дорогой.

Определение веса железной дорогой, отправителем или обеими сторонами совместно предполагается достоверным, пока не будет доказано противное кем-либо из участников обязательства перевозки.

Вес груза, указанный в накладной грузоотправителем, железная дорога вправе проверить путем выборочного взвешивания (ст. 39 УЖД). Проверка имеет в основном значение осуществления контроля, с точки зрения уточнения обязанности дороги выдать определенное количество груза получателю. Для исчисления провозной платы это, по общему правилу, не имеет значения, поскольку повагонный тариф не зависит от количества погруженного груза. Проверка веса важна также для выявления случаев нарушений технических норм погрузки и использования грузоподъемности (вместимости) подвижного состава.

---

[108]) Перечень грузов, выдача которых осуществляется с обязательной проверкой веса, полностью включает грузы, вес которых может быть определен совместно железной дорогой и грузоотправителем (ч. 3 ст. 54 и ч. 3 ст. 65 УЖД). Но в этот перечень включены и другие грузы, взвешиваемые отправителем, в связи с чем нет оснований для иного вывода.

6. Провозная плата

Обязательство железнодорожной перевозки груза принадлежит к числу возмездных, в связи с чем установлена обязанность отправителя уплатить вознаграждение за перевозку.

Плата за услуги, оказываемые перевозчиком, состоит из вознаграждения за перевозку груза (провозная плата) и платы за выполнение операций, связанных с перевозкой, но не обязательных по каждой отправке — погрузка, разгрузка, взвешивание и проверка веса, хранение, уведомление получателей о подходе грузов и др. (дополнительные сборы).

Провозная плата — цена на транспортную продукцию, устанавливаемая в плановом порядке.

В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4 октября 1965 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства»[109]) указывается на необходимость усиления роли цен в развитии социалистической экономики и повышении эффективности общественного производства. Эту роль цены могут успешно выполнить, если они будут иметь наибольшее приближение к уровню общественно необходимых затрат труда.

В соответствии с названным постановлением пересмотрены и введены с 1 июля 1967 г. новые оптовые цены в промышленности. Введен также новый прейскурант тарифов на грузовые железнодорожные перевозки[110]).

В основе тарифов на транспорте лежит стоимость перевозок. Вместе с тем в интересах решения определенных хозяйственных задач тарифы в некоторых случаях отклоняются от стоимости. Так, применением исключительного (пониженного) тарифа на прямые смешанные железнодорожно-речные перевозки[111]) преследуется цель поощрения использования для перевозок грузов более дешевого речного транспорта.

Размер провозной платы определяется с учетом рода груза и подвижного состава, используемого для его перевозки, расстояния и вида отправки. Это позволяет дифференцировать провозную плату в соответствии с расходами, связанными с транспортировкой, и устанавливать тарифы, исходя из стоимости перевозок.

По общему правилу ст. 177 ГК РСФСР, взаимные обязанности по договору должны исполняться одновременно, если из закона, договора или существа обязательства не вытекает иное. В соответствии с диспозитивным характером этой нормы законом установлено, что исполнение обязанности по внесению провозной платы происходит неодновременно с исполнением дорогой ее встречной обязанности. В силу ст. 75 УЖД все платежи за перевозку груза должны быть внесены на станции отправления. Предварительная оплата перевозки в какой-то мере может быть объяснена тем, что на последней стадии исполнение по договору (выдача груза) предоставляется, как правило, третьему лицу, а не отправителю, с которым заключен договор. Это не исключает, однако, обоснованности возложения на грузополучателя обязанности произвести на станции назначения окончательный расчет по перевозке. Доплата может быть вызвана допущенной ошибкой при опре-

[109]) СП СССР 1965 г., № 19—20, ст. 153.

[110]) См. Тарифы на грузовые железнодорожные перевозки. Тарифное руководство № 1 Министерства путей сообщения, кн. 1, Прейскурантгиз, М., 1967.

[111]) См. там же, стр. 71 и сл.

делении тарифа, неправильным указанием отправителем наименования груза, выполнением тех или иных операций с грузом после его принятия, в процессе перевозки, не являющихся обязательными для железной дороги и др.

Внесение провозной платы — договорная обязанность отправителя. Поэтому ее исполнение не может одновременно быть и условием заключения договора перевозки. Едва ли убедителен вывод о том, что «неоплата провоза признается равносильной непредъявлению груза»[112]). Он противоречит ч. 2 ст. 75 УЖД, предусматривающей в качестве последствий невнесения грузоотправителем платежей при сдаче груза к перевозке: взыскание штрафа и право дороги задержать отправление груза до внесения платежей. Взыскивается также сбор за хранение, если до внесения платежей груз хранился на станции свыше суток[113]).

В подтверждение, что внесение провозной платы не является условием заключения договора, следует указать на предоставленное Уставом Министерству путей сообщения право устанавливать по согласованию с Государственным банком СССР порядка расчетов за перевозки, в силу которого оплата производится после принятия груза к перевозке. Так, созданы узловые расчетные товарные конторы для централизованных расчетов, осуществляющие таксировку и взыскивающие централизованно по всем операциям за сутки причитающиеся транспорту платежи с расчетных счетов отправителей в банке[114]). Необходимо также иметь в виду, что в случае использования дорогой ее права задержать отправление груза и осуществления его хранения, между дорогой и отправителем не возникает самостоятельное правоотношение хранения. Обязанность дороги хранить груз основывается на заключенном договоре перевозки. Плата за хранение взыскивается на общих основаниях, по установленным ставкам.

Имея в виду возложение на отправителя обязанности внести причитающиеся дороге платежи на станции отправления, можно признать договор железнодорожной перевозки грузов договором, совершаемым, как правило, с уплатой цены в момент его заключения.

В какой-то мере на вывод о решающем значении внесения платежей при отправлении грузов для перфекции договора наталкивает признаваемое за дорогой право задержать отправление груза до внесения провозной платы, означающее, однако, лишь отсрочку начального момента исполнения договора. По нашему мнению, эта мера воздействия лишена достаточных правовых оснований и не вызывается необходимостью. Она обращена своим острием главным образом против грузополучателя, не совершившего правонарушения и к тому же лишенного возможности что-либо изменить. Взыскание штрафа за несвоевременную уплату тарифа — соразмерное средство воздействия на отправителя за данное нарушение. Право же дороги задержать отправление груза должно быть отменено. Простой вагонов, как следствие задержки отправления груза, наносит большой ущерб народному хозяйству и совершенно нецелесообразно идти на это сознательно, даже в целях обеспечения своевременного внесения провозной платы.

Осуществление железной дорогой признаваемого за нею права задержки отправления груза могло бы приводить к причинению убытков

---

[112]) М. А. Тарасов. Договор перевозки 1965 г., стр. 170.

[113]) Взыскание штрафа за простой вагонов по причине невнесения провозных платежей действующий Устав в отличие от Устава 1954 г. (ч. 2 ст. 98) не предусматривает.

[114]) См.: «Железнодорожный транспорт», 1965, № 8, стр. 78—79.

в случаях применения этой санкции, когда предметом перевозки являются скоропортящиеся грузы.

Прибывший на станцию назначения груз выдается получателю. При условии надлежащего исполнения дорогой договора обязательство перевозки прекращается в соответствии со ст. 228 ГК РСФСР. В целях предотвращения впоследствии претензий и в соответствии с сущностью двусторонних договоров на грузополучателя возлагается обязанность внести провозную плату и дополнительные сборы в части, не полученной перевозчиком на станции отправления. Средством понуждения к реальному исполнению этой обязанности является право станции задержать выдачу груза до окончательного расчета.

Устав 1964 г. не сохранил содержавшегося в прежних уставах правила о взыскании недоборов и переборов провозных платежей *после выдачи груза* (ст. 99 УЖД 1954 г., ст. 71 УЖД 1935 г.). Как показала практика, работа по выявлению недоборов и переборов и предъявлению претензий в подавляющем большинстве случаев стоит значительно дороже, чем сама сумма претензии[115]). К тому же создается стимул проявлять максимум внимания при определении на станции отправления размера провозной платы.

Ст. 75 УЖД устанавливает, что ни предприятия, организации и учреждения, ни железная дорога не могут требовать *после выдачи груза* возмещения переборов и недоборов. По нашему мнению, в ст. 75 имеются в виду требования, *заявленные после оформления выдачи груза*, поскольку именно возможность обращения с такими требованиями и после выдачи груза создавала стимул осуществлять сплошную проверку провозных документов с целью обнаружения неправильностей в расчетах.

Согласно Правилам расчетов по перевозкам, станция должна до оформления выдачи грузов проверить правильность взысканной провозной платы и произвести окончательный расчет: получить недоборы или указать в накладной и дорожной ведомости сумму перебора, которая выплачивается финансовой службой дороги[116]).

Отсюда, а также из ст. 75 УЖД вытекает, что решающее значение имеет заявление требования при оформлении выдачи груза, а не после этого. Обнаружив недобор, железная дорога отказывает в выдаче груза до окончательного расчета. Требование же получателя согласно накладной может быть в необходимых случаях осуществлено принудительно.

Споры между железной дорогой и грузополучателем (грузоотправителем) о доплате или возврате перебора провозных платежей, возникшие *до или при оформлении выдачи груза*, не подпадают под правило ст. 75 УЖД и подлежат рассмотрению арбитражем на общих основаниях. Возникновение спора до или при оформлении выдачи груза может быть подтверждено актом общей формы, составленным в соответствии с п. «к» § 3 Правил составления актов[117]), надписью на платежном документе о неправильности требований дороги о доплате сумм и иными документами[118]).

---

[115]) См.: В. Г. *Орлов*. Новый Устав железных дорог Союза ССР. «Железнодорожный транспорт», 1964, № 7, стр. 16. При расчетах с гражданами возмещение недоборов и переборов сохранено.

[116]) Сборник правил перевозок 1965 г., № 22.

[117]) См. Сборник правил перевозок 1965 г. № 24.

[118]) См. Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР, вып. 27, М., 1968, стр. 80 (п. з).

Нарушение грузополучателем установленных правил оформления перебора провозных платежей при получении груза на станции назначения влечет за собой наступление невозможности реализации требований о возврате излишне взысканных сумм как в отношении железной дороги, так и в отношении грузоотправителя.

Уплата вознаграждения за перевозку — встречная обязанность отправителя в двустороннем договоре. Ей корреспондирует обязанность перевозчика оказать определенную услугу. Вознаграждение уплачивается за услугу — доставку груза и выдачу его названному лицу в месте назначения. Договор перевозки груза в классификации сделок на каузальные и абстрактные принадлежит к числу каузальных. В связи с этим встает вопрос о судьбе провозной платы, если груз погиб, вследствие чего цель договора не может быть достигнута, деятельность по оказанию услуг, за которую уплачено вознаграждение, не завершена.

Гибель груза, за которую железная дорога несет ответственность, влечет за собой обязанность возврата уплаченного вознаграждения в полной сумме. Это последствие подчинено общему правилу, в силу которого сторона в двустороннем договоре, по вине которой наступила невозможность исполнения, обязана возвратить другой стороне все полученное по договору. Такое решение не вызывает сомнений ни в теории, ни в судебно-арбитражной практике.

Столь единодушного решения не получил вопрос о судьбе провозной платы, если гибель груза произошла случайно.

К. К. Яичков вообще не связывает последствия гибели груза в рассматриваемом здесь аспекте с субъективным моментом. Он пишет, что «...если груз во время перевозки погиб вследствие гибели перевозочных средств, то провозная плата не взимается... в случае же спасения груза, провозная плата уплачивается пропорционально пройденному пути»[119]).

М. Е. Ходунов указывает, что перевозчик обязан возвратить провозную плату за груз, погибший случайно: морской — на основании ст. 110 КТМ, все остальные перевозчики — в соответствии со ст. 473 ГК РСФСР в связи с отпадением основания, по которому она была получена[120]).

Недостаточно ясны высказывания М. А. Тарасова. В одном месте он указывает: «Если перевозчик лишен возможности выполнить обязательство не по своей вине...», «...клиент должен оплачивать перевозчику действительно произведенную работу, т. е. фактически пройденный грузом путь»[121]). На той же странице автор пишет: «За грузы, утраченные в пути, провозная плата не взимается... За грузы, утраченные вследствие крушения судна или иного несчастного случая, фрахт не взимается, а если он внесен, то возвращается»[122]).

Случайная гибель принятого к перевозке груза вызывает невозможность исполнения и прекращение обязательства в соответствии со ст. 235 ГК РСФСР. Последствия прекращения двустороннего обязательства в ней не предусмотрены. В кодексе 1922 г. содержалось правило диспозитивного характера, предоставлявшее каждой стороне право требовать от контрагента возврата всего, что она исполнила, не получив

---

[119]) К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки по советскому праву, стр. 165.

[120]) М. Е. Ходунов. Правовое регулирование деятельности транспорта. «Юридическая литература», 1965, стр. 86.

[121]) М. А. Тарасов. Договор перевозки 1965 г., стр. 173.

[122]) Там же.

соответствующего встречного удовлетворения. Отсутствие аналогичной нормы в действующем ГК принуждает искать ответ в главе об обязательствах из неосновательного приобретения или сбережения имущества. Согласно ст. 473 ГК, если основание приобретения имущества отпало впоследствии, возникает обязанность возвратить неосновательно полученное. Это последствие наступает как в случае гибели груза, когда дорога еще не приступила к исполнению договора, так и тогда, когда груз погиб в пути или в месте назначения до его выдачи получателю. В последнем случае, хотя дорога и выполнила определенную работу, это не частичное исполнение договора. Цель договора не достигнута, его исполнение стало невозможным по обстоятельствам, за которые она ответственности не несет, обязательство прекращается. Дорога обязана возвратить полученные провозные платежи. Невыгодные последствия случайной гибели груза несет собственник (организация, которой груз принадлежал на праве оперативного управления), расходы, понесенные на перемещение груза до пункта его гибели, — перевозчик.

7. Срок доставки груза

Обязательство железнодорожной перевозки грузов относится к числу срочных обязательств, в частности, перевозчик обязан доставить груз в определенный срок.

Программа партии, Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 годы поставили задачу значительного повышения скоростей на железных дорогах, морских и речных путях, ускорить доставку грузов народному хозяйству.

Быстрая доставка грузов повышает эффективность использования транспортных средств и создает возможность тем же подвижным составом перевезти большее количество грузов, что чрезвычайно важно для удовлетворения потребности народного хозяйства в перевозках[123]).

Сроки доставки грузов характеризуют качество работы транспорта, являются в конечном итоге показателем производительности труда. Время, требующееся для транспортировки продукции, является частью времени обращения. Поэтому «чем меньше время транспортировки, тем при прочих равных условиях меньше время обращения и все время воспроизводства, а следовательно, тем больше в одну и ту же единицу времени можно произвести общественного продукта»[124]).

От времени нахождения в пути зависит сохранность ряда грузов — скоропортящихся. Быстрая доставка таких грузов — важное условие предотвращения потерь, охраны социалистической собственности.

Общая заинтересованность народного хозяйства нашей страны в быстром продвижении и доставке в срок грузов сочетается с хозрас-

[123]) На железных дорогах в пути одновременно находится больше 22 млн. тонн грузов стоимостью около 4 млрд. руб. (См. «Гудок» за 1 февраля 1966 г., № 26). Использование оборотных средств в народном хозяйстве в значительной мере зависит от того, как быстро перевозимая продукция будет попадать к месту назначения. Ускорение доставки на один километр в час позволило бы при теперешних размерах перевозок уменьшить товарную массу на колесах почти на три миллиона тонн, освободить до 500 млн. руб. оборотных средств. (См.: Г. Ферапонтов. Важнейший показатель качества перевозок. Выше скорость доставки — больше выгода. «Гудок» за 22 января 1966 г., № 18). Если ускорить перевозочный процесс только на один час, то количество грузов на колесах уменьшится на 260 тыс. тонн, или на 40 млн. руб. (См. «Гудок» за 19 июля 1966 г., № 165).

[124]) Планирование народного хозяйства СССР. Учебное пособие, Изд-во «Экономическая литература», М., 1963, стр. 253.

четными интересами как организаций транспорта, так и предприятий-грузополучателей.

Быстрая доставка грузов в широком смысле слова обеспечивается не только путем увеличения скорости движения, но и проведением в практике перевозок ряда организационных и технических мероприятий, направленных на ускорение выполнения сопутствующих перевозке операций и исключение некоторых из них. Эти мероприятия, будучи закреплены в различных правовых нормах, прежде всего ведомственного характера, приобретают обязательную силу, что содействует их практическому внедрению. Важная роль принадлежит правовым нормам, регулирующим непосредственно сроки доставки и устанавливающим имущественную ответственность за их нарушения. Нормы этого рода содержатся в Основах (ст. 75), Гражданских кодексах союзных республик (ст. 380 ГК РСФСР), полностью воспроизводящих нормы Основ, Уставе железных дорог (ст.ст. 57, 153, 154) и Правилах перевозок.

Срок доставки — это время, когда дорога обязана предоставить исполнение по договорному обязательству перевозки. По договору перевозки транспортная организация обязана доставить вверенный ей отправителем груз в пункт назначения и выдать его управомоченному на получение груза лицу (ст. 72 Основ). Отсюда следует, что сроком доставки признается промежуток времени, в течение которого дорога обязана перевезти принятый груз из пункта отправления в место назначения и совершить действия, обеспечивающие получателю возможность его принять[125]).

Сроки доставки грузов железными дорогами определяются в нормативном порядке — Министерством путей сообщения по согласованию с Госпланом СССР и Государственным комитетом при Совете Министров СССР по материально-техническому снабжению[126]).

Нормативное определение сроков доставки диктуется огромным народнохозяйственным значением ускорения перемещения грузов в пункты назначения. Вместе с тем это обусловлено объективной необходимостью, так как при существующей организации перевозок грузов железные дороги практически лишены возможности удовлетворять отдельные требования, а потому и принимать на себя обязательства по соглашению с другой стороной о доставке груза в желательные для отправителя сроки.

Невозможность определения сроков доставки по соглашению означает недопустимость не только сокращения[127]) или удлинения договором установленных сроков, но и соглашения, определяющего время доставки по востребованию (ст. 172 ГК). Согласно ст. 75 Основ перевозчик обязан доставить груз в пункт назначения в срок, установленный транспортными уставами (кодексами) или изданными в установленном по-

---

[125]) О начальном и конечном моменте исчисления срока доставки см. ниже.

[126]) Определение сроков доставки по соглашению перевозчика и клиента не применяется и на других видах транспорта. Утверждение К. К. Яичкова о том, что «срок доставки груза определяется соглашением сторон в пределах, предусмотренных уставом железных дорог» (Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву, стр. 186), не подтверждается дальнейшим изложением автора (см. там же, стр. 186—187) и не может быть признано точным. Право определять в пределах, установленных законом, скорость перевозки (большая, грузовая) нетождественно праву определять по соглашению срок доставки, хотя последний и зависит также от скорости перевозки.

[127]) Фактическое сокращение срока доставки допустимо и широко известно прак-

рядке правилами. Эта норма одинаково обязательна для перевозчика и для клиентуры.

Характерной особенностью срока доставки является то, что он выступает в качестве предельного, максимального срока исполнения договора перевозки. Противоправным и влекущим ответственность является только опоздание. Доставка груза до истечения предельного срока является столь же правомерной, что и доставка в срок. Железная дорога вправе доставлять груз в минимально возможные сроки, а грузополучатель обязан принять доставленный досрочно груз. Он не только не имеет права отказываться на этом основании от принятия груза, но и не приобретает в связи с этим каких-либо прав требования к железной дороге.

Согласно ст. 173 ГК досрочное исполнение обязательства между социалистическими организациями допускается в случаях, когда это предусмотрено законом или договором, а также с согласия кредитора.

Право железной дороги доставить груз досрочно вытекает из нормы ст. 62 Устава, обязывающей грузополучателя принять и вывезти со станции груз, прибывший в его адрес. Эта обязанность законом не поставлена в зависимость от времени прибытия груза.

В обоснование права перевозчика досрочно исполнить договор перевозки обычно ссылаются на то, что досрочное исполнение обязательства дорогой не противоречит его смыслу[128]), что досрочная доставка отвечает интересам народного хозяйства[129]).

При всей правильности этих аргументов нельзя не отметить, что они не раскрывают обусловленность указанного правила спецификой транспортных услуг. Правило, обязывающее получателя принять досрочно доставленный груз, обусловлено характером производственного процесса транспорта и моментом потребления полезного эффекта, создаваемого его деятельностью. «Люди и товары едут вместе с определенным средством транспорта, и движение последнего, его перемещение и есть тот процесс производства, который оно создает. Полезный эффект можно потреблять лишь во время процесса производства...»[130]). Следовательно, на транспорте производство и потребление продукции совпадает во времени. Количество произведенной продукции равно реализованной. Создание запасов, накопление продукции транспорта (услуг) невозможно. Объем транспортной продукции, транспортных услуг непосредственно зависит от скорости продвижения транспортных средств, с чем связан и срок доставки. Если бы получатель имел право отказываться от принятия продукции, доставленной досрочно, железные дороги практически были бы лишены возможности бороться за ускорение (по сравнению с нормативными сроками) перевозок, а следовательно,— и за увеличение продукции транспорта, а значит, и реализации транспортных услуг. Между тем увеличение скорости продвижения груза в ряду других мероприятий является важным резервом удовлетворения растущих потребностей в перевозках.

---

[128]) См.: Я. И. Раппорт. Об ответственности железных дорог за нарушение сроков доставки грузов. «Советское государство и право», 1958, № 9, стр. 73. В отличие от ст. 112 ГК РСФСР 1922 г., на которую и ссылается автор, новый ГК в дополнение к общему правилу о допустимости досрочного исполнения обязательства, если, в частности, иное не вытекает из его существа (ч. 1 ст. 173), устанавливает специальное правило для отношений между социалистическими организациями (ч. 2 ст. 173), допускающее досрочное исполнение лишь тогда, когда это установлено законом или договором, а также с согласия кредитора.

[129]) См.: М. А. Тарасов. Договор перевозки, 1965, стр. 185.

[130]) К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 24, стр. 64.

Сказанное позволяет сделать вывод о том, что срок доставки установлен в интересах перевозчика, не противоречащих, по общему правилу, интересам клиентуры.

Обязанность, а не право получателя принимать досрочно доставленный груз соответствует заинтересованности транспорта быстрее продвигать продукцию и таким образом повышать эффективность использования основных фондов. Поэтому едва ли вызывается необходимостью введение премии за досрочную доставку[131]).

Доставка груза с опозданием против установленного срока представляет собою просрочку исполнения договора железной дорогой и как противоправное действие служит основанием материальной ответственности. Но нельзя на этом основании отказаться от принятия доставленного груза. Во многих случаях грузополучатель не утрачивает интереса в получении продукции, доставленной с опозданием. Однако даже в тех случаях, когда получатель в результате принятых мер(например, замены одного вида сырья другим и т. п.) по обеспечению своих потребностей в данной продукции утратил интерес в ее получении ,он тем не менее обязан по действующему законодательству принять прибывший в его адрес груз. Это правило не знает никаких исключений. Общая норма ч. 2 ст. 225 ГК о допустимости установления в договоре между социалистическими организациями случаев и условий отказа от принятия просроченного исполнения не применима к обязательству железнодорожной перевозки груза.

Основы и Устав, предусматривая, что грузы должны доставляться по назначению в установленные сроки, не определяют самих сроков доставки. Последние установлены Правилами перевозок, но не в виде определенного фиксированного промежутка времени, в течение которого груз должен быть доставлен, а в виде частных сроков как на самую перевозку, так и на выполнение сопутствующих операций (по отправлению груза, накопление под сортировкой и др.),, с учетом расстояния, скорости, рода и груза и вида отправки. Установлен также порядок исчисления срока доставки.

Будучи сложным, составным, срок доставки вместе с тем является нераздельным. Хотя соблюдение частных сроков для выполнения отдельных операций по продвижению груза является необходимым условием своевременной доставки, договорная обязанность железной дороги состоит в доставке груза в срок, а не в выполнении отдельных операций в установленные частные сроки. Дорога имеет возможность свободно маневрировать при выполнении перевозочных операций, не являясь ответственной перед клиентом за выполнение каждой операции в срок, так как последний не является сроком исполнения. Это только составные части единого и нераздельного срока исполнения (доставки). Определение сроков для собственно перевозки и других операций необходимо в двояких целях: 1) для исчисления срока доставки, за нарушение которого дорога несет ответственность перед получателем; 2) для установления, в каком из звеньев транспортной цепи произошла задержка, если груз доставлен с просрочкой, с тем, чтобы в конечном счете на него отнести невыгодные последствия.

Сроки доставки диференцируются в зависимости от скорости перевозки, вида отправки[132]) и рода груза. Скорость определяется в со-

[131]) См.: Т. Т. Алексеев. О некоторых необходимых изменениях Устава железных дорог СССР, «Правоведение», 1962, № 2, стр. 144.

[132]) Понятие повагонной, маршрутной и мелкой отправки дано в Правилах приема грузов к перевозке. См.: Сборник правил перевозок 1965 г., № 24.

ответствии с действующими правилами отправителем и указывается им в накладной. Как и другие условия договора, железная дорога обязана выполнить условие о скорости перевозки. Его нарушение возможно в виде увеличения или уменьшения скорости против обусловленной. Последствия отступления от договорного условия в обоих случаях не одинаковы. Перевозка большой скоростью вместо грузовой представляет собой в условиях, когда получатель обязан принять досрочно доставленный груз, вариант улучшенного исполнения. Право требования доплаты за скорость у дороги не возникает.

Замена большой скорости грузовой и просрочка доставки груза в связи с этим влечет за собой невыгодные для дороги правовые последствия: ответственность за просрочку. Обязанность возвратить разницу между фактически полученной провозной платой и причитающейся суммой, исходя из перевозки грузовой скоростью[133]), действующим законодательством не предусмотрена. Если вследствие просрочки наступило повреждение груза, дорога несет ответственность за его несохранность.

Обязанность железной дороги доставить груз в место назначения возникает с момента заключения договора перевозки. Но *начальный момент* исчисления срока доставки определяется с 24 часов того дня, в который груз принят к перевозке. Из этого общего правила установлено вполне обоснованное исключение на тот случай, когда груз принят к перевозке ранее дня погрузки. В этом случае срок исчисляется с 24 часов дня, в который груз должен быть погружен (ст. 57 УЖД).

В соответствии с правом железной дороги, в случае невнесения платежей при сдаче груза к перевозке, задержать отправление груза до выполнения этой обязанности Правила перевозок 1955 г.[134]) устанавливали, что начальный момент исчисления срока доставки подлежит отдалению до 24 часов дня уплаты провозных платежей, если дорога задержала отправление груза. Действующие Правила исчисления сроков доставки, введенные с первого июля 1968 г.[135]), не содержат аналогичной нормы, хотя ст. 75 УЖД сохраняет за железной дорогой право, задержать отправление груза в связи с несвоевременным внесением провозной платы.

Конечный момент исчисления срока доставки может быть приурочен к одному из нескольких фактов, например, прибытию груза на станцию назначения, выдаче груза получателю, выгрузке груза в местах общего пользования или подаче вагона на подъездной путь для разгрузки получателем. При выборе факта, с которым следует связывать признание груза доставленным, необходимо иметь в виду, что само по себе прибытие груза на станцию назначения не есть еще исполнение дорогой обязанности по договору, но это неотъемлемая от исполнения стадия, с наступлением которой исполнение становится возможным. Исполнение дорогой обязанности по выдаче груза получателю предполагает встречные действия получателя по принятию груза. Поэтому, если груз хотя и прибыл на место назначения, но дорога не в состоянии его выдать получателю, или последний лишен возможности принять груз в результате ненадлежащего поведения перевозчика, нельзя считать груз доставленным, так как ее обязанность

[133]) См.: Я. И. Раппорт. Указ. статья. «Советское государство и право», 1958, № 9, стр. 75.

[134]) См. Правила перевозок отдельных видов грузов и выполнение коммерческих операций на станциях и железнодорожных подъездных путях, ч. 1, Трансжелдориздат, 1955 (раздел 20).

[135]) См. Приказ МПС СССР № 43/ЦЗ от 3 июня 1968 г.

по договору не сводится только к перемещению груза в пункт назначения. В равной мере необоснованно было бы относить момент доставки ко времени выдачи груза получателю, поскольку при этом соблюдение срока доставки дорогой неоправданно ставилось бы в зависимость от исполнения обязанности по принятию груза получателем.

Единственно правильно относить конечный момент исчисления срока доставки ко времени, когда дорога может передать груз в месте назначения получателю, предварительно выполнив все необходимые действия, создающие получателю возможность немедленно его принять[136]). Если при указанных условиях получатель не в состоянии принять груз, это не отражается на сроке доставки. В таком случае просрочку допускает получатель, не принимающий исполнения по обстоятельствам, зависящим от него.

В целях своевременной разгрузки подвижного состава и вывоза грузов с железнодорожных складов и других мест общего пользования Уставом предусмотрена обязанность дороги уведомлять получателей о прибывших в их адреса грузов (ст. 58). Уведомление — одно из необходимых условий создания получателю возможности принять груз. До уведомления получателя о прибывшем в его адрес грузе нельзя признать, что дорога сделала все для того, чтобы получатель мог принять груз, а следовательно, считать груз доставленным в срок. В Уставе имеется прямое указание об освобождении получателя от ответственности за простой вагонов и контейнеров и от уплаты за хранение груза до посылки уведомления о прибытии груза, но нет оговорки, касающейся срока доставки, если дорога не уведомила получателя о прибытии груза. Правила же перевозок признают срок доставки выполненным, если на станции назначения груз выгружен средствами железной дороги или вагон подан под выгрузку средствами получателя до истечения установленного срока доставки. Это правило следует уточнить, включив указание, что подача вагона под выгрузку средствами получателя признается уведомлением о прибытии груза. Если груз выгружен на станции средствами дороги, он считается доставленным в срок при условии посылки уведомления получателю до истечения срока доставки.

От уведомления о прибывшем в адрес получателя грузе следует отличать предварительную информацию грузополучателей о подходе грузов (осуществляемую на договорных началах). Своевременность информации на срок доставки влияния не оказывает. В равной мере соблюдение срока доставки не связано и с выполнением дорогой обязанности по предварительному уведомлению грузополучателя о подаче вагонов под выгрузку его средствами (§ 2 Правил выдачи грузов[137]).

8. Выдача груза получателю. Обязанность получателя принять груз

Весь транспортный процесс с сопутствующими ему операциями подчинен цели перемещения в срок и в полной сохранности сданной к перевозке продукции и вручения указанному при заключении договора перевозки лицу. Доставка и выдача груза получателю завершает исполнение перевозочного обязательства. В зависимости от того, исполнено ли обязательство в точном соответствии с его условиями, оно

[136]) Ср.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву, стр. 188; М. А. Тарасов. Договор перевозки, 1965, стр. 188.

[137]) Сборник правил перевозок и тарифов железнодорожного транспорта Союза ССР 1965 г., № 24.

либо прекращается (исполнением), либо изменяется его содержание. Поэтому операция выдачи и принятия доставленного груза приобретает важное юридическое значение и подробно регламентируется Уставом и Правилами выдачи грузов[138]).

Соблюдение установленного порядка и соответствующее оформление выдачи-приема груза на станции назначения имеет решающее значение для определения сохранности продукции при ее транспортировке, для выяснения обстоятельств, при которых произошла утрата или повреждение, и виновных лиц. Это важно для правильного и обоснованного решения вопроса об ответственности в случае необеспечения сохранности груза и для устранения условий, способствующих наступлению утраты и повреждения имущественных ценностей при перевозке. Нарушение установленных требований при выдаче-приеме груза нередко приводит к невозможности установить, по чьей вине груз утрачен или поврежден, что создает благоприятные условия для хищения грузов при погрузке и выгрузке, а также в пути. Этим наносится обществу не только материальный, но и моральный вред, так как создается обстановка безнаказанности за совершенные правонарушения. При невозможности установить субъекта ответственности грузополучатель лишается возможности обосновать свои имущественно-правовые требования как к отправителю, так и к железной дороге.

Выдача-принятие груза — правовой акт правопрекращающего или правоизменяющего характера, выражающий согласованную волю перевозчика и получателя.

Выдача груза является конечным моментом, до которого простирается ответственность перевозчика за сохранность продукции по договору перевозки (ст. 148 УЖД). В связи с этим практически важно определить содержание этого акта и момент, в который выдача считается совершенной[139]). Момент выдачи груза определяется в зависимости от места, где эта операция выполняется, и от того, кем осуществляется выгрузка.

Большинство грузов выгружается на подъездных путях средствами грузополучателей. Вагоны с грузом подаются железной дорогой к пунктам примыкания, если уборка и подача вагонов производятся локомотивами предприятия, или к местам выгрузки, если подача и уборка осуществляются локомотивами дороги, где и передаются получателю. Выдача груза, следовательно, совершается в пункте примыкания либо на месте выгрузки на подъездном пути.

Для выгрузки вагонов средствами получателя на путях станции вагоны передаются ему непосредственно у места выгрузки, что удостоверяется расписками сдающей и принимающей сторон в памятке весовщика (§ 10 Правил выдачи грузов).

Наконец, если выгрузка производится в местах общего пользования средствами дороги, выдача груза производится на складе (грузовом дворе) станции.

Отсюда вытекает, что выдачей груза следует считать вручение его получателю, поступление груза во владение последнего. Если по действующим условиям должна производиться проверка количества и состояния груза, окончание выдачи происходит по завершении проверки.

---

[138]) Сборник Правил перевозок 1964 г., № 24.

[139]) Для фиксирования соблюдения срока доставки момент выдачи груза не имеет решающего значения. Если дорога сделала в пределах срока доставки все необходимое, что обеспечивает возможность получить груз, но получатель груз не принимает, она признается выполнившей обязанность своевременно доставить продукцию, но выдача последней — не состоявшейся.

Спорным является вопрос, с какого момента нужно считать груз выданным (договор прекращенным), если он вывозится получателем со станции частями: с момента окончания вывоза всего груза или независимо от этого. Исходя из того, что перевозимый по одной накладной груз представляет собой единый объект, в связи с чем невозможно принятие части груза, А. Г. Гусаков писал, что неодновременное перемещение отдельных частей груза с территории станции не влияет на принятие груза. Выдачу груза следует считать законченной с момента его выбытия из ведения дороги как перевозчика. Невывезенная часть груза рассматривается как остающаяся на основании договора хранения, а не договора перевозки[140]). С этой точки зрения, груз надлежит считать выданным со времени предоставления получателю возможности вывозить его. Если остающаяся на территории станции часть груза будет утрачена или повреждена, то ответственность железной дороги наступает согласно нормам о договоре хранения.

Напротив, В. Н. Изволенский, также, считая недопустимым частичное принятие груза в силу того, что груз, перевозимый по одной накладной, является единым объектом, вместе с тем указывает, что «...за оставшуюся на складе дороги часть груза железная дорога отвечает в соответствии с Уставом ж. д.»[141]). Следует согласиться с мнением В. Н. Изволенского и считать, как указывает автор, что «до выдачи груза со склада дороги груз находится в ведении и под охраной дороги»[142]). Прекращение обязательства наступит по окончании вывоза груза со склада дороги, однако несвоевременный вывоз груза получателем и повреждение его вследствие этого не ухудшают положения железной дороги как должника, так как указанные последствия несет не она, а грузополучатель (ч. 3 ст. 63 УЖД).

Если на станцию назначения доставлен не весь груз, прибывшая часть выдается вместе с накладной с отметкой об этом и составлением коммерческого акта. Такое исполнение является ненадлежащим. Но дефект исполнения может быть в дальнейшем устранен досылкой недоставленной части груза. В зависимости от возможности использования получателем прибывшей части груза и времени доставки остального груза дорога может быть признана просрочившей доставку всей партии или только части (по досылочным документам) груза.

При централизованном вывозе груза со станции (включая прямой вариант «вагон — автомашина — склад получателя») выдача его получателю совершается в момент передачи шофером-экспедитором на складе грузополучателя. Передачу груза на станции назначения шоферу-экспедитору нельзя считать исполнением обязательства перевозки. Шофер-экспедитор (точнее — автохозяйство) выполняет поручение станции, а не грузополучателя, состоящего в договорных отношениях с железной дорогой. Последняя же устанавливает договорные связи с соответствующим органом автотранспорта, в силу которых и осуществляется централизованный ввоз и вывоз грузов. Если же вывоз груза осуществляется автотранспортом станции, то шофер также выполняет указания станции, а не получателя, почему передача ему груза для вручения получателю не является моментом исполнения обязательства. Ответственность дороги перед получателем (отправителем) за сохран-

---

[140]) А. Г. Гусаков. Железнодорожное право по законодательству СССР, стр. 152.

[141]) В. Н. Изволенский. Указ. соч., стр. 85—86.

[142]) См. там. же, стр. 83.

ность груза при централизованном вывозе продолжается до передачи груза шофером-экспедитором получателю.

При транспортно-экспедиционном обслуживании на основании договоров предприятий с органами автомобильного транспорта выдача груза совершается в момент передачи его шоферу-экспедитору. Железная дорога несет ответственность за сохранность груза до этого момента. После принятия груза шофером-экспедитором на станции до вручения получателю ответственность несет автотранспортная организация, обслуживающая получателя.

Вместе с грузом на станции назначения выдается накладная. Указание об этом ст. 38 УЖД нельзя толковать буквально. Практически оба эти действия совершаются обычно неодновременно. Прибывшие вагоны подаются на подъездные пути, не ожидая оформления документов. При выгрузке средствами дороги и выдаче груза со складов станции оформление документов предшествует фактической выдаче. Решающее значение имеет фактическая выдача. Поэтому точно так же, как неполучение накладной не подтверждает, что груз не выдан получателю, оформление документов на выдачу не во всех случаях свидетельствует о состоявшемся приеме груза[143]). Железная дорога может доказывать, что получатель принял груз, когда документы не оформлены. В равной мере и получатель вправе утверждать, что по оформленным документам груз фактически не выдан, представив соответствующие доказательства[144]).

Обязанности железной дороги выдать груз корреспондирует обязанность получателя принять доставленный в его адрес груз[145]). Грузополучатель в качестве третьего лица является участником договора перевозки, вследствие чего данную обязанность следует признать договорной, а не основанной на законе и факте прибытия груза[146]). Лишь в случаях поставки продукции, не предусмотренной планом (договором, заказом, нарядом), и, следовательно, произведенной неправомерно, обязанность получателя принять груз от станции вытекает не из договора перевозки, участником которого указанное в качестве получателя предприятие не стало, а из закона и факта прибытия груза в его адрес. Принятие груза на ответственное хранение не меняет характера взаимоотношений получателя с дорогой: дорога и в этих случаях предоставляет, а назначенный получатель принимает исполнение по обязательству перевозки.

Нельзя, на наш взгляд, признать обязанность получателя принять груз административноправовой. Ссылка на недопустимость распространения обязывающей силы договора на лиц, не участвующих в его заключении[147]), будучи сама по себе правильной, не подтверждает эту

---

[143]) См.: В. Н. Изволенский. Указ. соч., стр. 85.

[144]) Таким доказательством, в частности, может быть коммерческий акт, подлежащий по требованию получателя составлению, если в течение 24 часов после оформления выдачи груза по документам груз не передан дорогой на подъездной путь. См. § 2 Правил составления актов при железнодорожных перевозках, Сборник правил перевозок. 1965 г., № 24.

[145]) Нельзя считать обязанностью грузоотправителя обеспечение принятия груза получателем (См. М. А. Тарасов. Договор перевозки, стр. 140). Это не вытекает из легального определения понятия договора перевозки груза и не соответствует нормам, определяющим права и обязанности его участников.

[146]) См. К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву, стр. 192.

[147]) См.: С. С. Алексеев. Гражданская ответственность за невыполнение плана железнодорожной перевозки грузов. Госюриздат, 1959, стр. 29, прим. 1.

точку зрения. Нельзя обязать по договору третье лицо без его согласия, но грузополучатель и не является таким лицом, когда продукция ему направляется во исполнение договора поставки, купли-продажи или др., субъектом которого он является.

Учитывая огромную важность для железных дорог своевременного принятия грузополучателями прибывающей в их адрес продукции (массовые уклонения от принятия грузов по тем или иным причинам могли бы парализовать нормальную деятельность железнодорожного транспорта или, по крайней мере, осложнить и затруднить ее), закон признает эту обязанность безусловной за единственным исключением: получатель вправе отказаться от принятия груза, когда качество груза вследствие порчи или повреждения изменилось настолько, что исключается возможность полного или частичного использования (ст. 63 УЖД)[148]).

Нельзя признать убедительным мнение, согласно которому получатель вправе отказаться от принятия груза также в случае просрочки его доставки[149]). Право получателя считать груз утраченным по истечении определенного срока с момента, когда он должен был быть доставлен, и требовать возмещения его стоимости (ст. 154 УЖД) нельзя квалифицировать в качестве права на отказ от принятия груза уже хотя бы потому, что, как указано в ст. 62 Устава, обязанность получателя установлена в отношении п р и б ы в ш е г о в его адрес груза. Но в случае «затяжной» просрочки возмещение потому и взыскивается, что груз н е п р и б ы л на станцию назначения и не может быть выдан.

Грузополучатель обязан принять и вывезти груз не позднее установленных Правилами хранения грузов[150]) предельных сроков. Продолжительность этих сроков дифференцирована (от 6 часов до 5 суток; для домашних вещей — 30 суток) в зависимости от рода груза, с учетом необходимости обеспечения его сохранности и условий нормальной работы станций. Прибывшие грузы хранятся на станции назначения бесплатно в течение 24 часов. За хранение сверх этого срока взыскивается установленная плата (ст. 62 УЖД). Предельные сроки хранения и вывоза грузов получателями в ряде случаев превышают срок бесплатного хранения. Если груз не вывезен в срок, предусмотренный ст. 62 УЖД, взыскивается установленная плата за хранение. Когда же предельный срок вывоза и хранения груза менее срока бесплатного хранения, нарушение первого срока влечет за собой последствия, предусмотренные ч.3 ст. 63 УЖД и лишь в случае нарушения также срока бесплатного хранения взыскивается и установленный сбор за хранение.

Несвоевременное принятие и вывоз продукции со станций угрожает ее сохранности, во многих случаях приводит к ее порче и возникновению материальных потерь, к омертвлению значительных материальных ценностей, создает затруднения в работе станций[151]).

Это отмечалось Советом Министров СССР в постановлениях от

---

[148]) Г. Б. Астановский правильно обратил внимание на нечеткость формулировки правила ч. 2 ст. 63. См. Комментарий к Уставу железных дорог СССР. «Юридическая литература», 1966, стр. 101.

[149]) См.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву, стр. 193; Я. И. Рапопорт. Об ответственности железных дорог за нарушение сроков доставки грузов. «Советское государство и право», 1958 г., № 9, стр. 78.

[150]) Сборник правил перевозок, 1965 г., № 22.

[151]) См., например: Б. Р я з а н ц е в. Транспортный конвейер? Да! «Известия», 3 сентября 1963 г., № 209; П. И в н е в. Склады на колесах. «Известия», 21 сентября 1965 г., № 223; Вагоны в тупиках. «Известия», 24 ноября 1965 г., № 277; Н. Образцов, Н. Лавренов. Грузы оседают на станциях. «Экономическая газета», 1966 г., № 20.

4 декабря 1963 г.[152]) и 10 марта 1966 г.[153]). Отмечая факт скопления на железнодорожных станциях огромного количества материальных ценностей, которые не вывозятся получателями в течение длительного времени, постановление от 10 марта 1966 г. обязало соответствующие министерства и ведомства, советы министров автономных республик, облисполкомы и крайисполкомы обеспечить в 10-дневный срок вывоз накопившихся грузов и контейнеров со станций железных дорог и не допускать скопления в дальнейшем, а также осуществлять систематический контроль за своевременным вывозом грузов подведомственными предприятиями и организациями. Установлена обязанность начальников железных дорог совместно с главными управлениями материально-технического снабжения в союзных республиках и управлениями материально-технического снабжения в районах РСФСР, советами министров союзных республик, не имеющих областного деления, советами министров автономных республик, облисполкомами, крайисполкомами и другими заинтересованными организациями не реже одного раза в месяц рассматривать и решать вопрос о передаче другим предприятиям и организациям не вывезенных в установленные сроки грузов.

Применение этой меры должно содействовать: 1) рациональному использованию хранящейся сверх установленных сроков на станциях продукции по ее хозяйственному назначению; 2) предотвращению гибели и повреждения материальных ценностей; 3) ускорению оборачиваемости оборотных средств и целевому использованию средств, предназначенных на капиталовложения. К сожалению, она далеко не всегда применяется на практике, как требует постановление от 10 марта 1966 г. Необходимо подчеркнуть, что своевременный вывоз грузов со станций получателями недостаточно обеспечивается гражданскоправовыми средствами.

Возложение на получателя последствий несвоевременного вывоза груза, выразившихся в убытках, которые возникли в результате его повреждения (ч. 3 ст. 63 УЖД),— весьма слабое средство воздействия. По буквальному смыслу ч. 3 ст. 63 УЖД получатель, просрочивший принятие и вывоз груза, не вправе требовать от дороги возмещения за повреждение. Его следует лишить также права отказываться от принятия груза по мотивам невозможности использования и возложить на него все связанные с этим убытки. Возложение на получателя указанных последствий не должно зависеть от его вины.

За несвоевременное принятие и вывоз груза установлен сбор за хранение, правовая природа и условия взыскания которого не являются бесспорными как в литературе, так и в арбитражной практике. Правильное решение этого вопроса имеет важное значение: если сбор — это только плата за услуги, он подлежит взысканию при всех условиях, когда груз не вывезен по обстоятельствам, не зависящим от дороги; признание сбора санкцией за правонарушение означает, что взыскание его должно быть подчинено принципу вины (ст. 37 Основ).

С точки зрения тех, кто считает, что железная дорога не может заставить получателя принять прибывший груз[154]), сбор за хранение, очевидно,— лишь плата за услуги. Авторы, поддерживающие точку зрения Госарбитража при Совете Министров СССР и Госарбитража

---

[152]) СП СССР, 1963, № 21, ст. 210.
[153]) СП СССР, 1966, № 5, ст. 54.
[154]) См.: К. К. Яичков. Договор железнодорожной перевозки грузов по советскому праву, стр. 210.

при Совете Министров РСФСР[155]), исходят из того, что сбор за хранение — это не только плата за услуги, но и санкция[156]).

При определении правовой природы сбора за хранение прибывшего груза необходимо, прежде всего, обратиться к его структуре. Согласно тарифному руководству № 1 и 2 1960 года, сбор исчислялся по прогрессивно-возрастающей шкале, что не могло оставлять сомнений в его штрафном характере. В тарифном руководстве № 1 1967 года установлены единые ставки сбора за хранение по родам грузов независимо от срока хранения. При возникновении затруднений на станции в связи с несвоевременным вывозом грузов грузополучателями начальник отделения дороги имеет право увеличивать плату за хранение выгруженных грузов до пятикратного размера (ст. 52 УЖД, § 34 Тарифного руководства № 1 1967 года). Повышенная плата, несомненно, имеет характер санкции, одновременно являясь вознаграждением за услуги.

Характер санкции в сборе за хранение при отсутствии указанных обстоятельств не выступает с очевидностью. Это, однако, не означает, что сбор за хранение есть только плата за услуги и не выполняет функции санкции.

Исходя из двоякой функции сбора за хранение груза, он подлежит взысканию независимо от вины грузополучателя в несвоевременном вывозе прибывшего груза.

Эффективным средством вовлечения в народно-хозяйственный оборот материальных ресурсов, находящихся на хранении сверх установленного времени на железнодорожных станциях, должна стать их реализация потребителям. Функции по реализации можно возложить на органы материально-технического снабжения на тех же началах, на которых они реализуют излишние и не используемые на предприятиях и стройках материалы и оборудование[157]).

Своевременное принятие и вывоз груза получателями, как и разгрузка в установленные сроки подаваемых на подъездные пути вагонов во многом определяется заблаговременной подготовкой предприятий и организаций к этим операциям: обеспечение фронтов разгрузки, складских помещений, рабочей силы и соответствующих механизмов и др. Возможность подготовки требует, чтобы получатель был своевременно извещен как об уже поступивших в его адрес грузах, так и о подходе продукции для него. С этой целью на железные дороги возложена обязанность уведомлять грузополучателей о прибывших в их адреса грузов (с указанием наименования и количества, а также рода и количества подвижного состава).

Эта обязанность железной дороги снабжена своеобразной санкцией, заключающейся в том, что получатель освобождается от ответственности за простой вагонов и контейнеров и от уплаты сбора за хранение

---

[155]) См.: Инструктивное письмо Госарбитража при Совете Министров СССР от 12 февраля 1964 г. № И-1-10 (Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР, вып. 25, изд-во «Юридическая литература», М., 1966, стр. 88); письмо Госарбитража при Совете Министров РСФСР от 27 июля 1963 г. № И-18-61 (Советская юстиция, 1963, № 21, стр. 31).

[156]) См. Г. Б. Астановский. В кн. Договоры в социалистическом хозяйстве, стр. 451.

В разъяснении от 30 июня 1967 г. № И-7-30 Госарбитраж при Совете Министров СССР занял иную позицию, указав, что плата за хранение не есть вид имущественной

[157]) См.: п. 4 постановления Совета Министров СССР от 27 января 1967 г. № 63, СП СССР, 1967, № 4, ст. 13 и Распоряжение Госкомитета при Совете Министров СССР по материально-техническому снабжению от 20 августа 1966 г., № 259 (отдельное издание).

груза до посылки уведомления о прибытии груза (ст. 58 УЖД). Само собою разумеется, что железная дорога несет ответственность за несохранность груза по обстоятельствам, связанным с нарушением этой обязанности. Обязанность уведомить о прибывшем грузе возникает на основании договора перевозки.

Для подготовки к принятию груза большое значение имеет предварительная информация получателя о грузах, находящихся в пути на подходе к станции назначения. Хорошо поставленная служба информации имеет большое значение для сокращения времени оборота вагонов, позволяет избегать в соответствующих случаях лишнюю грузовую операцию, производить выгрузку из вагонов непосредственно на автотранспорт.

В отличие от уведомления о прибывших грузах, предварительная информация не является обязанностью железной дороги, вытекающей из договора перевозки. Основанием ее возникновения является специальный договор, заключаемый начальником станции от имени отделения дороги с грузополучателями[158]).

По договору на информацию отделение обязуется за плату (размер установлен § 38 Тарифного руководства № 1 1967 г.) информировать получателя в соответствии с согласованными сторонами условиями о подходе грузов. Согласно § 38 тарифного руководства № 1 1967 г., за непосылку или несвоевременное вручение уведомления дорога уплачивает штраф в том же размере.

Принятие груза от перевозчика — акт важный для характеристики исполнения как дорогой договора перевозки, так и отправителем обязательства, во исполнение которого продукция направлена получателю. Не документы, сопровождающие груз, имеют определяющее значение для выводов о соблюдении отправителем условий обязательства, а фактические данные о поступившем грузе. Но так как груз находился во владении перевозчика, а транспортный процесс при нарушении соответствующих условий перевозки может оказать нежелательное воздействие на перевозимую продукцию, то, принимая груз, получатель должен удостовериться, как отправитель и дорога выполнили свои обязательства. Порядок выдачи-приема груза должен обеспечить получателю такую возможность. Это важнейшее требование, которому он должен отвечать. Другим важнейшим требованием должна быть экономичность этой операции как в смысле исключения неоправданных расходов, связанных с ее совершением, так и в смысле недопущения частичной утраты, повреждения грузов при их выдаче. Порядок выдачи-приема груза должен также обеспечивать возможность объективного установления фактов, характеризующих количество и состояние данного груза, а при выявлении недостачи и повреждения груза — и участника правоотношения перевозки, к сфере хозяйственной деятельности которого относятся соответствующие обстоятельства, послужившие причиной возникновения этих последствий.

Действующий порядок выдачи груза получателям и удостоверения обнаруженных дефектов исполнения предусматривается ст.ст. 65—66 УЖД, Правилами выдачи грузов, Правилами составления актов при железнодорожных перевозках.

В зависимости от места выдачи, от того, кто производил погрузку — дорога или отправитель, прибыл ли груз без внешних призна-

---

[158]) См.: § 1 Правил выдачи грузов. (Сборник правил перевозок. 1965 г., № 24).

ков утраты или повреждения, и от некоторых других признаков установлен различный порядок выдачи грузов.

Анализ действующих норм приводит к выводу о том, что нет общего правила, обязывающего дорогу проверить количество и состояние выдаваемого получателю груза. Нормативно установлены фактические основания, с которыми связывается эта обязанность:

1. Погрузка или разгрузка средствами железной дороги.

2. Наличие внешних обстоятельств, указывающих на возможность возникновения несохранности груза в процессе его перевозки независимо от того, кто производил погрузку.

3. Включение груза в установленный законом перечень, определяемый по признакам ценности груза и по некоторым другим признакам.

4. Централизованный вывоз грузов со станций железных дорог, осуществляемый автотранспортными организациями.

Погрузка средствами железной дороги, а также выдача с мест общего пользования грузов, выгруженных дорогой, является безусловным основанием для участия дороги в проверке количества и состояния продукции независимо от того, установлены ли признаки несохранности груза при транспортировке. Проверка груза в этих случаях с участием перевозчика обосновывается тем, что работники транспорта имели к нему доступ, в связи с чем необходимо убедиться в том, что выдается именно то количество груза и в том состоянии, которое дорога приняла к перевозке. Было бы ошибочно полагать, что в этих случаях создается некое предположение недобросовестности дороги или недоверия к ней. Напротив, поскольку в абсолютном большинстве случаев грузы доставляются в полной сохранности, имеются основания для презумпции противоположного характера. Но доверие не исключает необходимости проверять исполнение.

Наличие признаков неисправности вагона, несохранности груза, нарушение пломб, с которыми груз был отправлен, нарушение сроков доставки скоропортящихся грузов или установленного порядка обслуживания изотермических вагонов обязывает железную дорогу всякий раз проверить выдаваемый груз. В этих случаях создается вполне обоснованное предположение, что не обеспечена сохранность груза, которое при проверке либо опровергается, либо получает подтверждение.

По общему правилу, без проверки веса и состояния выдаются грузы, погруженные средствами отправителя и доставленные в исправных вагонах с неповрежденными пломбами грузоотправителя, а также без признаков недостачи, порчи или повреждения на открытом подвижном составе или в крытых вагонах без пломб, когда такая перевозка допускается Правилами. При этих условиях создается предположение об обеспечении дорогой сохранности принятой к перевозке продукции. Из указанного общего правила нормативно установлен ряд исключений, когда, несмотря на отсутствие каких-либо признаков несохранности груза, он подлежит сплошной или частичной проверке. Зерновые, хлебные грузы, семена масличных и бобовых культур, комбикорма и отруби, перевозимые насыпью, а также мясо и мясопродукты, перевозимые без упаковки, выдаются с полной проверкой веса. Без ограничения, по требованию получателя проверяется вес картофеля, овощей и бахчевых культур, перевозимых навалом. Другие грузы, перевозимые навалом и насыпью, должны быть выданы с проверкой веса по требованию полу-

чателя в размере до 10% от прибышего с одним поездом груза, но не менее двух вагонов[159]).

Перечень грузов, подлежащих сплошной проверке—исчерпывающий Едва ли можно указать единый признак, по которому он установлен. Учитывается ценность груза, затруднительность в ряде случаев определить по внешним признакам (без проверки) недостачу (например, картофеля, овощей и бахчевых, перевозимых навалом), а также степень распространенности случаев доставки с недостачей и повреждениями.

Обнаруженные при частичной проверке груза результаты, в том числе отрицательные, не подлежат, разумеется, распространению на остальной груз, прибывший с тем же поездом в адрес данного получателя. В то же время возникает вопрос о праве получателя, в случае обнаружения при частичной проверке недостачи или повреждения груза, требовать проверки остального груза. Правила выдачи грузов не дают ответа на этот вопрос. Представляется, что такое право должно быть признано за ним.

Тарные и штучные грузы, грузы, перевозимые с проводниками, а также грузы, вес которых определен расчетным путем по обмеру или условно, если они были погружены грузоотправителем и доставлены без признаков несохранности, выдаются без проверки количества мест, состояния и веса, а мука, крупа, сахар и семена кукурузы, перевозимые в мешках со стандартным весом,— с проверкой количества мест. Этот порядок обосновывается теми же соображениями, которые действуют при выдаче других грузов, погруженных отправителем и доставленных без следов нарушения сохранности.

Устранение (полное или частичное в преобладающем большинстве случаев) железной дороги от участия в проверке груза, погруженного средствами отправителя и доставленного без видимых признаков несохранности, подвергается критике. Одни указывают, что исправность вагонов и пломб, наложенных при отправлении груза, а равно ненарушенность защитной маркировки, увязки при перевозке на открытом подвижном составе сама по себе еще не свидетельствует о действительной сохранности продукции[160]). Другие, напротив, считая оправданным освобождение дороги от ответственности за весовую недостачу в слу-

---

[159]) Устав и Правила выдачи грузов указывают, что в приведенных случаях проверке подлежит вес груза, но оставляют без ответа вопрос, обязана ли дорога проверить также состояние груза, например, овощей или бахчевых. Как скоропортящиеся грузы они должны быть выданы с проверкой состояния, если нарушены сроки доставки или установленный порядок обслуживания изотермических вагонов. Остается нерешенным вопрос об обязанности проверить состояние груза, если не установлены названные нарушения. Утверждение, что ст. 65 УЖД устраняет существовавшую неясность по этому вопросу, видимо, не совсем точно (См. И. И. Рукосуев. Некоторые вопросы ответственности по новому Уставу железных дорог. «Советское государство и право», 1964 г., № 10, стр. 70—71). По нашему мнению, проверяя вес грузов, перечисленных в ч. 3 и ч. 4 § 12 Правил выдачи грузов, дорога обязана по требованию получателя проверить также и состояние и об обнаруженных повреждениях составлять коммерческий акт. Иное решение было бы сугубо формальным и ничем не оправданным.

[160]) М. К. Александров-Дольник. Ук; автореферат докт. дисс., стр. 26—27; его же. Ответственность железной дороги за сохранность грузов. «Советское государство и право», 1966 г., № 4, стр. 74—75; М. Е. Ходунов. Правовое регулирование деятельности транспорта, стр. 93—94; его же. Об усовершенствовании транспортного законодательства. «Советское государство и право», 1966 г., № 1, стр. 120.

Интерес представляет следующее дело из практики Новосибирского госарбитража. Железная дорога доставила контейнер в исправном состоянии без видимых следов повреждения пломбы и выдала его в соответствии со ст. 65 без проверки. При вскрытии контейнера комиссией с участием полномочного представителя райисполкома установлена недостача трикотажных изделий. Грузоотправитель не признал претензию,

чае доставки исправного вагона за ненарушенными пломбами отправителя, тем не менее полагают, что дорога в целях контроля должна участвовать в проверке груза[161]). Практические предложения тех и других, несмотря на различие в аргументации, в основном совпадают и сводятся к тому, что по требованию грузополучателя, установившего при выгрузке несохранность груза, представитель дороги обязан участвовать в проверке груза (по предложению М. Марголина — в проверке количества мест тарных и штучных грузов). Ни Устав, ни Правила выдачи грузов не восприняли это предложение.

В соответствии с Инструкцией о порядке приемки продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления по количеству (п.п. 16 и 17) грузополучатель может вскрывать вагоны (контейнеры), доставленные без наружных признаков несохранности продукции, и без участия представителей общественности или других организаций, если иной порядок не предусмотрен договором, и о выявленной недостаче составить акт. Будучи односторонним, этот документ сохраняет доказательственную силу в отношении поставщика (отправителя), если соблюден дальнейший порядок приемки и составления акта, предусмотренный п. 17 Инструкции. К железной дороге по установившейся практике никакие требования, вытекающие из факта несохранности груза, предъявлены быть не могут.

Устранение железной дороги от участия в проверке сохранности груза, следовавшего за погрузкой отправителя и прибывшего без наружных признаков утраты и повреждения, обосновывается ссылкой на то, что выдача груза с проверкой связана с определенными расходами. Это само по себе правильно. Но участие представителей общественности или других организаций в случаях обнаружения при вскрытии вагонов (контейнеров) недостачи, повреждения также связано с расходами[162]). К тому же произведенная с их участием проверка не имеет значения для железной дороги. В конечном итоге такой порядок приводит к тому, что нередко не выявляются действительные обстоятельства несохранности груза, не устанавливаются виновные лица, что не может не сказываться отрицательно на эффективности борьбы с хищениями социалистического имущества.

В связи с этим мы приходим к выводу о целесообразности дополнить действующий порядок выдачи грузов, погруженных отправителем и доставленных без наружных следов несохранности, правилом, согласно которому грузополучатель в случае обнаружения при вскрытии вагона, контейнера недостачи или повреждения продукции вправе потребовать, чтобы представитель дороги принял участие в проверке груза и был составлен коммерческий акт. В зависимости от причин несохранности груза ответственность должна возлагаться на перевозчика или грузоотправителя, либо последствия должен нести получатель по правилу о риске случайной гибели или порчи имущества (ст. 138 ГК РСФСР).

сославшись на обнаруженную им замену проволоки, продетой через пломбу, и едва заметные вмятины у края пломбы в местах выхода проволоки без повреждения читаемых знаков пломбира. Проведенной НТО УООП г. Москвы экспертизой установлено, что сквозь пломбу была продета новая проволока, зажатая в местах входа и выхода (д. № 5-594 1965 г.).

[161]) См.: М. Марголин. Необходимо изменение правил приемки товаров народного потребления. «Советская юстиция», 1964, № 23, стр. 13—14.

[162]) Определенный интерес представляют данные, приведенные в заметке «Разорительное упрямство». См.: «Известия», 13 июля 1966 г., № 163.

Прибытие груза в вагонах (контейнерах) без внешних признаков несохранности — важное обстоятельство, характеризующее степень исполнения дорогой обязательства, но не должно исключать возможность привлечения дороги к ответственности, если установлены факты необеспечения сохранности продукции. Ст. 149 УЖД допускает при указанных условиях возложение на дорогу ответственности, если предъявитель претензии докажет, что дорога виновно не обеспечила сохранность груза. Но действующий порядок выдачи груза лишает получателя такой возможности, так как невозможно обосновать требование к железной дороге в связи с недостачей или повреждением груза, не представив коммерческий акт. Когда груз выдается без участия дороги в проверке количества и состояния, акт не составляется. Отсюда неизбежен вывод о несогласованности между ст.ст. 65 и 149 УЖД, вследствие чего устанавливаемая п. «а» ст. 149 презумпция в пользу дороги приобретает, по существу, характер неопровержимой.

Против этого можно возразить, сказав, что отсутствие доказательств необеспечения дорогой сохранности груза свидетельствует о надлежащем исполнении обязательства, почему обоснованно не возлагать на нее ответственность. Но отсутствие доказательств несохранности, как следствие действующего порядка выдачи груза, нельзя признавать подтверждением надлежащего исполнения.

Наиболее серьезные возражения вызывает устранение дороги от участия в проверке состояния груза поскольку по внешним признакам вагона и пломб невозможно делать заключение о состоянии груза[163]). Повреждения груза могут возникнуть, например, вследствие неправильного спуска с горки вагона с грузом в стеклянной таре[164]), с нарушением указания в грузовых документах о соблюдении осторожности. Встречаются и такие нарушения целости вагона, которые нелегко обнаружить до его вскрытия. Эти и другие примеры, которые можно было бы привести, говорят о необходимости в целях усиления борьбы за неприкосновенность социалистического имущества дополнить действующий порядок приема груза указанным выше правилом.

Как установлено Правилами, железная дорога не участвует в проверке грузов, доставленных в сопровождении проводников отправителя или получателя. Поскольку нет оговорки о применении этого порядка выдачи груза при условии, что он прибыл без следов несохранности, то следует делать вывод, что наличие признаков сохранности груза не имеет в данном случае значения. Практика выдачи грузов, основанная на УЖД 1954 г., отказывалась от проверки груза, доставленного даже с явными признаками несохранности.

Сопровождение груза проводниками грузоотправителя или грузополучателя не освобождает железную дорогу от обязанности обеспечить сохранность принятой к перевозке продукции, в частности, не допускать повреждения вследствие просрочки доставки. Но отказ от участия в проверке доставленного груза автоматически исключает самую возможность предъявления каких-либо требований к ней. Представляется, что, когда имеются признаки несохранности груза, в частности, просрочка доставки скоропортящейся продукции, железная дорога обязана проверить груз при его выдаче получателю и на общих основаниях оформлять

---

[163]) См. М. Е. Ходунов. Указ. соч., «Советское государство и право», 1966, № 1, стр. 120.

[164]) Факты небрежного выполнения маневровой работы, спуска с горок приводит, например Р. Шустова в заметке «Искалеченные рефрижераторы и безнаказанные бракоделы», «Гудок», 6 октября 1966 г., № 232.

дороге предъявление требований практически невозможно. Убытки, возкоммерческим актом недостачу и повреждение груза. Перевозка в сопровождении проводника имеет значение с точки зрения момента приобретения покупателем права собственности (права оперативного управления) на продукцию, но не изменяет отношений между дорогой и грузополучателем, сохраняющим право требовать выдачи груза, обязанности произвести окончательный расчет на станции назначения и принять груз. Точно так же и железная дорога обязана выдать ему груз. Основанием существования правоотношений между дорогой и получателем является договор перевозки, а не договор поставки либо иной договор, во исполнение которого отправлена продукция. Поэтому приобретение получателем права собственности (права оперативного управления), как правило, в момент вручения ему груза в месте назначения, а не в момент передачи перевозчику не устраняет грузополучателя из правоотношения перевозки как его участника. Только ему принадлежит право требования к железной дороге в связи с недостачей или повреждением груза по вине последней, а грузоотправителю — лишь в случае уступки этого права (ст. 172 УЖД). Грузоотправитель, остающийся, как правило, собственником (обладателем права оперативного управления) продукции до ее вручения покупателю, несет риск случайной гибели или порчи груза. Отрицательные последствия из факта ненадлежащего исполнения договора перевозки дорогой возникают у получателя, который не может, сославшись, например, на сверхнормативный бой продукции, отказаться частично от оплаты, предоставив отправителю получить возмещение от дороги. Поскольку убытки дорога причинила получателю, ему должно принадлежать и право требования возмещения. Но это право не может возникнуть, если надлежаще не установлен самый факт нарушения дорогой обязательства. Поэтому за получателем следует признать право требования участия дороги в проверке груза и составления коммерческого акта в случаях прибытия груза с признаками несохранности. Это право должно принадлежать и проводнику — представителю отправителя как лицу, заинтересованному в надлежащем закреплении обстоятельств, характеризующих несохранность груза.

Выдача груза должна быть надлежаще оформлена. Только при этом условии окажется возможным последующее осуществление возникающих в связи с несохранностью продукции требований и, что не менее важно, установление обстоятельств, при которых произошла утрата или повреждение, а также виновных лиц. Выдача груза оформляется различно, в зависимости от того, участвовала дорога в его проверке или нет.

О выдаче груза без проверки дорога обязана по требованию грузополучателя сделать соответствующую отметку в накладной (§ 26 Правил выдачи грузов), которая приобретает важное доказательственное значение. Она формально свидетельствует, что дорога надлежаще выполнила свою обязанность доставить груз в сохранности и, в совокупности с другими материалами по данному спору, является доказательством степени (качества) исполнения отправителем своих обязанностей перед получателем.

Основная масса продукции грузится средствами отправителя и доставляется железнодорожным транспортом без наружных признаков несохранности и, следовательно, выдается на станциях назначения без проверки. Но так как при вскрытии вагонов (контейнеров) часто при внешней «сохранности» груза обнаруживаются недостачи и повреждe-

ния продукции, то неизбежны споры между получателями и другими участниками договора перевозки, составляющие значительную часть всех споров, связанных с несохранностью грузов.

При рассмотрении исков этой категории необходимо прежде всего установить, предусматривается ли в данном конкретном случае принятие груза без проверки, не обязана ли была станция проверить вес, количество мест и состояние продукции. Если порядок выдачи груза был нарушен и по обстоятельствам дела не исключается ответственность дороги, иск не может быть удовлетворен за счет отправителя. Соблюдение установленных правил выдачи груза и отметка на накладной о прибытии груза без наружных следов несохранности и приеме груза без проверки станцией обычно является основанием для предъявления и удовлетворения требования к отправителю. Ссылка на комиссионную погрузку признается недостаточной для подтверждения надлежащего исполнения отправителем его обязанностей.

Когда груз выдан без проверки, с соблюдением установленных правил, но по имеющимся данным не исключается ответственность железной дороги за несохранность груза, например, при правильной упаковке и размещении груза в вагоне имеется сверхнормативный бой, на отправителя не должно возлагаться возмещение убытков. К железной никшие в хозяйственной сфере получателя, остаются невозмещенными, а обстоятельства недостачи или повреждения груза и виновные лица — неустановленными. Такое решение основывается не на фактических обстоятельствах, а на моментах формального характера и не способствует применению принципа ответственности за вину. Только принятие предложения о предоставлении получателю права требовать выдачи груза с проверкой и составлением коммерческого акта, если при вскрытии вагона (контейнера) установлена недостача или повреждение груза, позволит преодолеть формальный подход к решению споров этой категории.

Надлежащее оформление выдачи груза с проверкой его сохранности выражается в удостоверении фактов недостачи и повреждения в соответствии с требованиями Устава.

Согласно ст. 168 УЖД несоответствие между наименованием, весом или количеством мест груза в натуре и данными, указанными в перевозочном документе, порча и повреждение груза удостоверяется коммерческим актом[165]).

Составление коммерческого акта при наличии указанных и некоторых других обстоятельств является обязанностью железной дороги. Право на составление коммерческого акта защищается в административном порядке — путем обжалования начальнику отделения железной дороги отказа начальника станции в составлении или оформлении акта с нарушением установленных правил. Это один из случаев, предусмотренных законом, когда защита гражданского права осуществляется в соответствии со ст. 6 Основ в административном порядке. Способом защиты является пресечение действий, нарушающих право: признав жалобу грузополучателя обоснованной, начальник отделения дает распоряжение начальнику станции о составлении коммерческого акта или о замене ненадлежаще оформленного акта (§ 17 Правил составления

---

[165]) О составлении коммерческого акта железная дорога должна сделать отметку в накладной и дорожной ведомости (§ 8 Правил составления актов при железнодорожных перевозках).

актов при железнодорожных перевозках)[166]). В таких случаях достигается реальное осуществление права получателя. Если указанным путем не удалось принудить начальника станции составить коммерческий акт, грузополучатель не лишен возможности защищать свое право, вытекающее из факта несохранности груза, в исковом порядке (п. «б» ст. 169 УЖД[167]).

---

[166]) Сборник правил. перевозок 1965 г., № 24.

[167]) Подробнее о коммерческом акте см.: Б. Л. Хаскельберг. Ответственность железных дорог за несохранность груза, «Юридическая литература», 1966, стр. 33—44.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ХОЗЯЙСТВЕННОДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В КАПИТАЛЬНОМ СТРОИТЕЛЬСТВЕ

И. В. ФЕДОРОВ

В системе социалистического народного хозяйства СССР капитальное строительство занимает ведущее место; оно направлено непосредственно на решение главной экономической задачи партии и советского народа — на создание материально-технической базы коммунизма. Советское государство ассигнует на капитальное строительство огромные средства[1]). XXIII съезд КПСС указал, что в новой пятилетке необходимо наиболее эффективно использовать капитальные вложения, обеспечить ввод в действие новых мощностей, жилых домов и других объектов в короткие сроки и при наименьших затратах, повысить качество строительных работ[2]).

Чтобы добиться успешного решения поставленной задачи, нужно значительно поднять организационный уровень капитального строительства, используя в этих целях различные средства, в том числе и правовые. Сентябрьский (1965 г.) Пленум ЦК КПСС признал необходимым на современном этапе развития социалистической экономики повысить роль хозяйственного договора как важного инструмента выполнения предприятиями и организациями государственного народнохозяйственного плана[3]). Это означает, что и в области капитального строительства следует более широко применять правовую форму договора.

Капитальное строительство в нашей стране осуществляется по преимуществу подрядным способом[4]). Между социалистическими организациями — заказчиками и подрядчиками складывается определенная система хозяйственных отношений. Заказчик, кроме того, связан с проектными учреждениями, разрабатывающими проектно-сметную и техническую документацию, необходимую для строительства. Генеральный подрядчик в процессе исполнения подряда также вступает в разнообразные хозяйственные связи со многими другими организациями — суб-

[1]) Директивами XXIII съезда КПСС определен общий объем капитальных вложений в народное хозяйство СССР на 1966—1970 годы по всем источникам финансирования в размере примерно 310 миллиардов рублей, что на 47 процентов больше, чем в предыдущем пятилетии («Правда», 10 апреля 1966 года).

[2]) См.: Материалы XXIII съезда КПСС. М., Изд-во политической литературы, 1966, стр. 254.

[3]) См.: А. Н. Косыгин. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства. М., Политиздат, 1965, стр. 32—33.

[4]) В решениях XXIII съезда КПСС признано необходимым расширить применение подрядного способа строительно-монтажных работ. (См.: Материалы XXIII съезда КПСС. М., Изд-во политической литературы, 1966, стр. 256).

подрядчиками, поставщиками строительных материалов и т. д. Все эти имущественные отношения строятся на началах хозяйственного расчета и потому облекаются в форму гражданскоправового договора[5]).

Договорная форма здесь призвана обеспечить осуществление планов капитального строительства и повышение эффективности капиталовложений. Но такую функцию хозяйственный договор может выполнить лишь в случае, если он заключен в соответствии с законом и плановыми заданиями, обоснованными экономически и обеспеченными необходимыми ресурсами, и если его участники надлежащим образом и в установленный срок будут исполнять свои юридические обязанности. А это зависит от того, насколько эффективно правовые средства обеспечивают надлежащее исполнение договорных обязательств.

Таким образом, проблема надлежащего исполнения договорных обязательств в капитальном строительстве является одной из центральных проблем правового регулирования имущественных отношений в социалистическом хозяйстве. Проблема эта весьма широкая. Поэтому в данной статье освещаются лишь некоторые относящиеся к ней вопросы.

Материалы изучения деятельности строительных организаций, а также арбитражная практика свидетельствуют о том, что в сфере капитального строительства наряду с большими достижениями имеется много серьезных недочетов. К ним относятся: недостаточная обеспеченность строек необходимой техникой, транспортными средствами, строительными материалами, кадрами строителей; распыленность кадров, техники и материалов по многим объектам[6]); плохая организация строительных работ, нерациональное использование машин, механизмов и рабочей силы[7]); нарушения строительных норм, необоснованные отступления от проектно-сметной и технической документации, использование недоброкачественных строительных материалов и конструкций, нарушения технологии строительства.

Крупные недостатки в работе допускают не только подрядные строительные организации, но и заказчики, а также многочисленные договорные контрагенты — проектные организации, поставщики строительных материалов и оборудования, транспортные организации и т. д. В частности, заказчики не всегда своевременно обеспечивают строителям фронт работ, нередко нарушают сроки предоставления им необходимой технической документации; проектные организации допускают серьезные просчеты и ошибки в проектно-сметных документах и рабочих чертежах; поставщики строительных материалов и оборудования зачастую срывают поставки или отгружают стройкам недоброкачественную или некомплектную продукцию.

Существенным препятствием на пути успешного развертывания капитального строительства являются недостатки планирования. Практика знает немало случаев, когда государственные органы допускают субъективный, волюнтаристский подход к планированию строительного про-

---

[5]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве. М., 1964, стр. 25, 38.

[6]) В 1966 г. трест Томскстрой выполнял работы на 185 объектах, на каждом из этих объектов в среднем было занято по 11 рабочих. В передвижной механизированной колонне № 170 треста Томсксельстрой на объект в среднем приходилось по 5 рабочих. (См. передовую статью Томской областной газеты «Красное знамя» от 1 декабря 1966 г.).

[7]) В печати неоднократно освещались случаи крайней неорганизованности строительных работ на отдельных стройках. См., например, корреспонденции «Шаляй-валяй» («Известия», 16 сентября 1966 г.), «Проекты и объекты» («Известия», 15 декабря 1966 г.).

изводства, включают в планы капитального строительства объекты без реального материально-технического обеспечения их. Значительный ущерб строительному делу причиняют необоснованные изменения планов строительного производства в процессе возведения запланированных объектов[8]).

Отмеченные недостатки в капитальном строительстве приводят к весьма нежелательным последствиям. На длительные сроки задерживается ввод в действие производственных мощностей, а также сдача в эксплуатацию жилых домов и других объектов. В результате этого омертвляются крупные материальные средства, государство и общество не получают предусмотренную отдачу от новых мощностей, а также не дополучают запланированное количество жилой площади[9]). Так, например, по тресту Томскстрой некоторые строящиеся дома не вводятся в эксплуатацию по 17—18 месяцев против установленных сроков[10]). По многим объектам значительно превышается сметная стоимость их строительства[11]). Серьезные нарекания вызывает ненадлежащее качество строительных работ. Все это не может не снижать эффективности использования капитальных вложений.

Одной из причин, порождающих многие из указанных недостатков, является также и то, что в сфере капитального строительства плохо осуществляются хозяйственные связи между организациями, участвующими в строительном производстве или обслуживающими его. По нашему мнению, недостатков было бы значительно меньше, если бы на этом важном участке хозяйственной деятельности в должной степени использовался договор, если бы все участники отношений, связанных со строительством, строго и неуклонно соблюдали договорную дисциплину.

При этом, однако, следует иметь в виду, что надлежащее исполнение подрядного договора зависит не только от усмотрения и воли его субъектов, но и от многих факторов экономического и организационного порядка[12]). Плановохозяйственный договор как правовой инструмент регулирования поведения участников строительного производства, может быть действенным лишь при условии, что его стороны имеют все необходимые экономические и организационные предпосылки для вы-

---

[8]) Недостатки планирования капитального строительства много раз подверглись резкой критике. См.: А. Кожин. От стройки до Госплана. («Правда», 19 сентября 1965 г.); корреспонденции «Вопреки логике» («Строительная газета» от 16 сентября 1966 г.), «За чужие грехи». («Строительная газета» от 21 сентября 1966 г.).

[9]) О фактах неблагополучного положения с вводом в действие некоторых строящихся предприятий сообщается в передовой статье газеты «Известия» от 8 декабря 1966 г. и в статье «Пусковым стройкам — особое внимание», опубликованной в еженедельнике «Экономическая газета», № 48, ноябрь 1966 г., стр. 3.

Экономисты подсчитали, что если бы из 65 строящихся в РСФСР птицефабрик 35 пусковых были своевременно введены в строй действующих, то они уже производили бы продукцию, и страна в течение 1966 года получила бы от них 430 миллионов яиц. (См.: «Строительная газета» от 11 декабря 1966 г., стр. 2).

[10]) См. газету «Красное знамя» (Томск) от 27 августа 1965 г.

[11]) Показательны такие факты. На Саранском резиновом комбинате стоимость строительства одного из пусковых комплексов возросла почти вдвое по сравнению со сметой. («Строительная газета», 9 октября 1966 г.).

В пяти крупнопанельных домах общей площадью 11,5 тысяч кв. метров, сданных в эксплуатацию строителями г. Томска, каждый кв. метр жилой площади обошелся дороже против сметной стоимости на 2 руб. 86 коп. («Красное знамя» от 27 августа 1965 года).

[12]) Теория советского права в систему гарантий надлежащего исполнения юридических обязанностей и осуществления субъективных юридических прав включает наряду с правовыми также и экономические, и организационные условия. (См.: С. С. Алексеев. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. Изд-во «Юридическая литература». М., 1966, стр. 96—97).

полнения своих обязанностей. К числу таких предпосылок прежде всего следует отнести: соответствие планового задания требованиям экономического закона планомерного, пропорционального развития народного хозяйства; обеспечение планового задания необходимыми ресурсами — финансированием , кадрами и материально-техническим снабжением. В практике строительства нередки случаи, когда причиной нарушения обязательств по подрядному договору, а следовательно, и срыва заданий по вводу в действие новых мощностей и жилых домов послужило отсутствие указанных факторов[13]). Обеспечение по каждому объекту предпосылок, необходимых для осуществления строительных работ,— чрезвычайно важный вопрос, решение которого является первостепенным делом.

XXIII съезд КПСС указал, что одной из главных задач в области капитального строительства в настоящий период следует считать совершенствование планирования капитальных вложений и технико-экономическое обоснование объектов строительства[14]). В основе планирования должен лежать тщательный экономический расчет и трезвая оценка реальных возможностей. Планы капитального строительства должны строго согласовываться с планами производства, материально-технического обеспечения и финансирования[15]). Взаимная увязка и согласованность этих актов планирования является одной из существенных предпосылок, обеспечивающих реальность плановых заданий в строительном производстве.

Но и научно обоснованные плановые акты в капитальном строительстве могут обусловить надлежащее исполнение подрядного договора, как правило, лишь в случае, если они будут устойчивыми в течение всего срока строительства запланированных объектов. Необоснованные, субъективистские изменения плановых заданий в процессе выполнения строительных работ сразу же отражаются на содержании договора подряда; его участники могут теперь совершать только такие действия, которые не выходят за пределы измененного планового акта, хотя бы это и вело к удлинению сроков ввода в действие строящихся объектов. Следовательно, стабильность плановых актов также надо отнести к предпосылкам надлежащего исполнения хозяйственнодоговорных обязательств[16]).

Важнейшей материальной предпосылкой осуществления строительно-монтажных работ является обеспеченность объектов необходимыми строительными материалами и технологическим оборудованием. Строительные материалы составляют первооснову строительства, его хлеб. В современных условиях, когда строительное производство широким фронтом переводится на индустриальную основу, проблема надлежащего обеспечения строек строительными материалами и конструкциями приобретает особую значимость и остроту. До конца эта проблема еще не решена. При колоссальном размахе строительства в нашей стра-

---

[13]) О таких фактах не раз сообщалось в печати. См.: Н. Мурашкин. Стройплощадке — заводскую организацию. («Известия», 25 июля 1964 г.), корреспонденции «Чтобы работать ритмично» («Строительная газета» от 2 ноября 1966 г.), «Беспаспортные объекты» («Красное знамя» (Томск), 18 октября 1966 г.).

[14]) См.: Материалы XXIII съезда КПСС. Изд-во политической литертауры. М., 1966, стр. 255.

[15]) См.: В. А. Кабатов. Некоторые проблемы правового регулирования капитального строительства. — «Советское государство и право», 1966, № 10, стр. 99.

[16]) Подробнее о значении стабильности плановых актов см.: Г. И. Хайдас. Совершенствовать правовое регулирование народнохозяйственного планирования. — «Советское государство и право», 1966, № 3, стр. 15—16.

не промышленность строительных материалов не успевает удовлетворять полностью потребности новостроек[17]). На многих объектах создаются большие затруднения с выполнением планов строительства ввиду недохватки цемента, сборного железобетена, стеновых, кровельных и тому подобных материалов[18]). Такое положение объясняется возникшей в результате неправильного планирования диспропорцией в развитии строительства и его основной базы — промышленности строительных материалов[19]). Советское государство в настоящее время принимает энергичные меры к устранению создавшегося положения.

В тех случаях, когда вследствие просчетов в планировании стройка оказывается необеспеченной в должной мере необходимыми материалами, подрядный договор, конечно, не может служить средством, гарантирующим выполнение подрядчиком планового задания по строительству. Однако и в этих условиях договор может быть достаточно эффективно использован в интересах и заказчика, и подрядчика как инструмент осуществления хозяйственного расчета.

В процессе исполнения обязательств, возникающих из договора подряда на капитальное строительство, заказчик и подрядчик заключают хозяйственные договоры со своими контрагентами на поставку оборудования и строительных материалов в соответствии с выданными им нарядами, фондовыми извещениями или иными актами планирования. Надлежащее исполнение поставщиками их договорных обязанностей является необходимым условием исполнения подрядного договора. Поэтому и заказчик и подрядчик заинтересованы в том, чтобы каждое звено во всей системе их договорных отношений было исправным.

Взаимная материальная ответственность за нарушение подрядного договора побуждает заказчика и подрядчика принимать меры, обеспечивающие исполнение юридических обязанностей их контрагентами по договорам поставки. Если строительные материалы или оборудование не поступили на стройку по вине поставщика и это вызвало убытки в имущественной сфере заказчика или подрядчика, то посредством механизма договорной ответственности эти убытки возмещаются за счет имущества виновного контрагента. Так же решается вопрос и об ответственности поставщика за поставку строительных материалов ненадлежащего качества. Например, по делу № 2-806/65 госарбитраж при исполкоме Моссовета взыскал с Кунцевского домостроительного комбината в пользу стройуправления № 52 треста Мосстрой № 13 убытки в сумме 870 руб., понесенные истцом в связи с поставкой недоброкачественных сантехнических перегородок, и, кроме того, 175 руб. штрафа.

Таким образом, если участники договорных отношений, возникающих в сфере капитального строительства, будут неуклонно следовать требованиям принципа строгого соблюдения договорной дисциплины, то хозяйственные договоры и, в частности, договор подряда на капиталь-

---

[17]) См.: Основа основ строительства. Передовая газеты «Правда» от 10 октября 1966 г.

[18]) Так, например, в 1966 году стройкам страны не хватало 10—15 процентов стеновых материалов. Причем предварительные расчеты экономистов показывают, что дефицит стеновых материалов вряд ли удастся ликвидировать и к концу пятилетки. (См. статью «Почему не хватает стройматериалов. («Строительная газета» от 18 ноября 1966 г.).

[19]) См.: Речь депутата И. А. Гришманова, министра промышленности строительных материалов СССР на второй сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. («Известия», 19 декабря 1966 г.). И. А. Гришманов приводит следующие данные: капитальные вложения в целом по народному хозяйству за 1961—1965 годы выросли на 43 процента, в промышленности же стройматериалов они за этот период сократились на 15 процентов.

ное строительство, несомненно, явятся надежной гарантией осуществления хозрасчетных начал во взаимоотношениях между социалистическими организациями.

Практика хозяйственных отношений подрядчиков и заказчиков как между собой, так и с организациями, поставляющими им строительные материалы и оборудование, показывает, что хотя они и заключают друг с другом договоры, но надлежащим образом не исполняют их. А нарушение договорной дисциплины в отдельных звеньях, как известно, ослабляет в целом всю цепь хозяйственных связей, что в конечном счете приводит к возникновению серьезных прорывов в строительном производстве.

Это положение можно подтвердить конкретными примерами из хозяйственной жизни. Строительные организации г. Томска состоят в многочисленных договорных отношениях с заказчиками и поставщиками. Договорные обязательства часто нарушаются, однако стороны почти не прибегают к использованию такого эффективного средства, как гражданскоправовая ответственность; они крайне редко предъявляют друг другу претензии об уплате неустойки и возмещении причиненных убытков. Характерно, что за последние годы в госарбитраж при Томском облисполкоме очень мало поступает исковых заявлений по спорам, связанным с неисполнением или ненадлежащим исполнением подрядных договоров по строительству. Аналогичное положение наблюдается также в Кемеровской области и Красноярском крае. Особенно редко в производстве органов госарбитража встречаются дела о недоброкачественном выполнении строительных работ несмотря на то, что такого рода нарушений в строительной практике много. Так, из общего числа дел по строительству, разрешенных в 1965 году госарбитражем при Совете Министров РСФСР, рассмотрен лишь один спор, связанный с ненадлежащим качеством строительных работ[20]).

Изложенные факты, конечно, не означают, что подрядный договор не может служить действенным инструментом выполнения плановых заданий в капитальном строительстве. Если договор совершен в соответствии с требованиями закона на основе надлежаще разработанных и обеспеченных ресурсами актов планирования, то он объективно является таким инструментом. Но договор зачастую не выполняет свою роль и при наличии указанных предпосылок в силу причин субъективного характера, т. е. потому, что стороны не проявляют желания к реализации юридических прав, возникающих у них вследствие нарушения контрагентами договорных обязательств. Причем требования о санкциях не заявляются ими либо по соображениям беспринципного характера — «как бы не испортить добрые отношения», либо ввиду взаимного амнистирования, когда в нарушении договора виновны обе стороны[21]).

Партия и правительство в настоящее время принимают серьезные меры по повышению организационного уровня и экономической эффективности капитального строительства в стране. XXIII съезд КПСС на-

[20]) Эти данные приводятся по материалам изучения практики разрешения дел по строительству госарбитражем при Совете Министров РСФСР за 1965 год.

[21]) Подобное отношение к использованию хозяйственного договора проявляется также и в других сферах социалистической экономики, в частности, при осуществлении поставок продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления. (См.: М. Г. Масевич. Гражданскоправовая ответственность предприятий и ее эффективность. — «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 83; Е. Тарновская. Усилить материальную ответственность за нарушение договорных обязательств. — «Советская юстиция», 1966, № 11, стр. 9.

метил конкретные пути развития строительного производства. В качестве основного направления берется курс на дальнейшую индустриализацию строительства. Вместе с тем признано необходимым совершенствовать планирование и усилить экономическое стимулирование строительного производства, шире внедрять в него сетевые методы планирования и управления на базе применения вычислительной техники, улучшать проектно-сметное дело[22]). Последовательное претворение указанных мероприятий в жизнь будет способствовать сокращению сроков, улучшению качества и снижению стоимости строительства. Существенную роль в этом деле должен сыграть хозяйственный договор.

Новая система планирования и экономического стимулирования применяется пока в отдельных строительных организациях в порядке эксперимента, который проходит успешно[23]). Не вызывает сомнения, что в ближайшее время она прочно утвердится на всех предприятиях строительного производства. Когда строительные организации будут действовать на началах полного хозяйственного расчета, когда расширится их оперативно-хозяйственная самостоятельность и повысится значение прибыли, — в этих условиях усиление роли хозяйственных договоров в строительстве станет объективной необходимостью. Не административные предписания, а именно экономическая необходимость заставит хозяйственников широко прибегать к использованию правовой формы договора, добросовестно исполнять свои договорные обязанности и требовать этого же от своих контрагентов. Там, где к договору относятся с должным уважением, он способствует достижению высокой рентабельности в работе строительных предприятий[24]).

Проведение хозяйственной реформы в области капитального строительства настоятельно выдвигает вопрос о совершенствовании законодательства, регулирующего подрядные отношения. В экономической и юридической литературе справедливо отмечается, что предусмотренные действующим законодательством правовые средства недостаточно эффективны и не всегда надежно обеспечивают строгое соблюдение участниками хозяйственных отношений договорной и плановой дисциплины[25]).

Как нам представляется, работа по повышению эффективности хозяйственных договоров, в том числе и договора подряда на капитальное строительство, должна проводиться в направлении изыскания надежных экономических и юридических гарантий, обеспечивающих надлежащее исполнение социалистическими организациями плановодоговорных обязательств. В частности, следовало бы, во-первых, усилить воздействие гражданскоправовой ответственности за нарушение договорной дисциплины на экономическую заинтересованность предприятий в результатах хозяйственной деятельности. В условиях успешного претворения в жизнь новой системы планирования и экономического

---

[22]) См.: Материалы XXIII съезда КПСС. Изд-во политической литературы, М., 1966 г., стр. 255—256.

[23]) См.: М. Шильдкрот, А. Потанин. Основные показатели: ввод и прибыль («Строительная газета» от 8 марта 1966 г.); Л. Попов. Эффект перемен («Строительная газета» от 20 июля 1966 г.); И. Калашников. Идет эксперимент. («Строительная газета» от 30 сентября 1966 г.).

[24]) Новополоцкий трест № 16 — Нефтестрой в 1966 году получил свыше 1,2 миллиона рублей прибыли. Одним из условий успешной деятельности треста явилось четкое исполнение сторонами обязательств по всей системе заключенных им договоров. (См.: В. Эвенчик. Миллионная прибыль. «Строительная газета», 14 декабря 1966 г.).

[25]) См.: Новая система входит в жизнь. Передовая газета «Правда», 19 июля 1966 г.; Д. Минаев. На пороге реформы. («Известия», 21 сентября 1966 г.); А. Быков. Усилить роль гражданскоправовых санкций. — «Советская юстиция», 1966, № 13.

стимулирования надо последовательно реализовать неоднократно высказывавшееся в печати предложение о том, чтобы суммы убытков и штрафных санкций, выплаченные предприятием в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением хозяйственного договора, полностью относились на ту часть прибыли, которая зачисляется в фонды предприятия[26]). Во-вторых, необходимо организационными и правовыми средствами обеспечить неуклонное осуществление принципа неотвратимости юридической ответственности предприятий, нарушающих договорные обязательства[27]). В-третьих, нужно разработать более действенную, экономически обоснованную и дифференцированную систему имущественных санкций за нарушение договорной дисциплины, так как существующая система штрафных санкций особенно по подрядным договорам в строительстве далеко несовершенна. Важность и неотложность проведения этой работы не раз подчеркивались многими экономистами и юристами[28]).

Повышение уровня индустриализации капитального строительства в нашей стране ведет к тому, что строительное производство все более превращается в комплексно механизированный процесс монтажа зданий и сооружений из унифицированных элементов заводского изготовления. Получил распространение циклично-поточный метод строительства жилых домов. По этому методу дома возводятся из железобетонных панелей, которые поступают от заводов-изготовителей строго по часовому графику и монтируются непосредственно с транспортных средств, как говорят строители, — с колес[29]).

Новые индустриальные методы строительного производства потребовали значительно большей оперативности в руководстве и четкой технологической взаимосвязи участников строительства. Ввиду этого возникла необходимость применять сетевые графики планирования и управления с использованием электронно-вычислительных машин. Правительство СССР приняло специальное решение о широком внедрении в строительство методов сетевого планирования и управления[30]). Сетевые графики позволяют рационально использовать трудовые и материальные ресурсы, более четко организовать снабжение, финасирование, разработку технологической документации и своевременную поставку оборудования для новых объектов[31]). Система сетевого плани-

[26]) См.: М. Г. Масевич. Гражданскоправовая ответственность предприятия и ее эффективность. — «Советское государство и право», 1965, № 8, стр. 85; Л. Пекарский. О чем мечтает директор. («Комсомольская правда», 29 июля 1966 г.); см. также «Советское государство и право», 1966, № 3, стр. 136.

[27]) О значении повышения неотвратимости юридической ответственности в современных условиях см.: И. Самощенко. Юридическая ответственность — важнейшее средство укрепления социалистической законности. — «Советская юстиция», 1966, № 13, стр. 8.

[28]) См.: Е. Мельник, Г. Лоскутникова и др. Хозяйственный договор и экономика предприятия. («Труд», 12 января 1966 г.); И. Петров. Нарушения и санкции. («Известия», 12 мая 1966 г.); Д. Манжеев, В. Дворецкий. Размышления о штрафах. — Еженедельник «Экономическая газета», сентябрь 1966 г. № 38, стр. 12; М. Брагинский, И. Лесник. О принципах установления штрафных санкций в хозяйственных договорах. — «Социалистическая законность», 1966, № 6.

[29]) См.: О. Лацис. Шаг второй. («Известия», 14 августа 1966 г.); И. Кривцов, И. Морозов, И. Свирин. Дома на потоке. («Строительная газета», 21 сентября 1966 г.).

[30]) См. постановление Совета Министров СССР от 15 августа 1966 г., № 639 «О мерах по внедрению в народное хозяйство систем сетевого планирования и управления на основе комплексных сетевых графиков». (СП СССР, 1966, № 18, ст. 161).

[31]) Более подробно о сущности, достоинствах метода сетевого планирования и управления и о необходимости внедрения его в строительное производство см.: В. Глушков, П. Слипченко и др. Стройкам — надежный компас. («Правда»,

рования и управления успешно применяется теперь уже на многих стройках страны.

Освоение прогрессивных методов организации строительного производства невозможно без дальнейшего совершенствования системы материально-технического снабжения. В условиях, когда строительная площадка все чаще превращается в огромный цех, где на основе сетевых графиков поточным методом ведется монтаж зданий и сооружений из готовых деталей и конструкций, требуется исключительно четкая организация материально-технического обеспечения стройки. Как бы ни был разумно разработан сетевой график, как бы ни был хорошо организован труд строителей, но если на стройку своевременно не поставлены необходимые материалы и оборудование, то неизбежен срыв плана строительных работ[32]).

В новых условиях большое значение приобретают комплектные поставки стройкам материалов и оборудования в определенной технологической последовательности.

В целях дальнейшего улучшения обеспечения оборудованием и своевременного ввода в действие строящихся и реконструируемых предприятий по решению правительства СССР созданы специальные организации — союзглавкомплекты, которые в настоящее время действуют при Государственном комитете Совета Министров СССР по материально-техническому снабжению. Эти организации осуществляют свою деятельность на основе хозяйственного расчета по договорам со строящимися и реконструируемыми предприятиями и предприятиями-поставщиками. Они комплектуют стройки всеми видами оборудования и несут ответственность за комплектную поставку этой продукции[33]). Хозяйственный договор в данном случае призван юридическими средствами обеспечить исполнение комплектующими организациями поставки стройкам-заказчикам оборудования, приборов, кабельных и других изделий[34]).

Значительным шагом по пути совершенствования организации материально-технического снабжения строек является введение в отдельных строительных организациях системы производственно-технологической комплектации. Суть этой системы заключается в том, что комплектация подразделений строительного объединения производится из единого центра. Некоторые строительные тресты ликвидировали в своих стройуправлениях отделы (конторы) снабжения, перевалочные склады, и на их базе создали в своем составе единую снабженческую организацию — управление производственно-технологической комплектации (УПТК). Это управление действует на началах полного хозяйственного расчета и обладает правами юридического лица. В его обязанность входит обеспечивать все строительные подразделения треста и строящиеся объекты материально-техническими ресурсами в необходимом комплекте.

---

10 января 1966 г.); М. Кустол. Сетевому планированию — силу закона. («Строительная газета», 10 июля 1966 г.).

[32]) См. корреспонденцию «И сетевой график не впрок». («Строительная газета», 2 сентября 1966 г.).

[33]) См. постановление Совета Министров СССР от 9 июля 1966 г., № 517. «О порядке обеспечения оборудованием строящихся и реконструируемых предприятий, комплектуемых союзглавкомплектами». (СП СССР, 1966, № 13, ст. 125).

[34]) Об особенностях хозяйственного договора на комплектование оборудованием строящихся и реконструируемых предприятий см.: А. Г. Быков, К. С. Фомичев. Регулирование комплектности продукции по договору поставки. — Советское государство и право», 1966, № 8, стр. 51.

Управление производственно-технологической комплектации, реализуя выделенные тресту фонды на материалы, оборудование, конструкции и изделия, заключает договоры с поставщиками и заводами стройиндустрии, а также с потребителями этой продукции — строительными управлениями треста. Причем оно выполняет не только снабженческие, но и производственные функции: повышает заводскую готовность продукции(перерабатывает строительные материалы, полученные от промышленности, в полуфабрикаты и изделия, изготовляет отдельные узлы и нетиповые конструкции и т. п.); производит инженерную комплектацию строящихся зданий и сооружений материалами и изделиями; укладывает комплекты продукции в контейнеры или упаковывает ее в пакеты; производит погрузку на транспортные средства и централизовано доставляет ее на строящиеся объекты в соответствии с недельно-суточными графиками. Поэтому управления производственно-технологической комплектации, как правило, имеют в своем составе производственные предприятия, осуществляющие подработку строительных материалов, а также линейную службу, включающую в себя транспортный участок и участок механизации[35]).

Система производственно-технологической комплектации, как показывает практика внедрения ее, представляет собой на современной ступени индустриализации строительного производства наиболее прогрессивную форму обеспечения строек материальными ресурсами. Она позволяет в рамках строительного объединения сосредоточить все функции по материально-техническому снабжению в руках одной специализированной организации, которая на более высоком уровне по сравнению с мелкими конторами снабжения может обеспечить комплектную поставку деталей, конструкций и материалов на все строящиеся объекты в строго определенной технологической последовательности.

Вместе с тем следует иметь в виду, что эффективность системы производственно-технологической комплектации зависит от оперативности и четкости исполнения коплектных поставок. Особенность отношений по этим поставкам состоит в том, что они должны осуществляться с синхронной точностью. Сроки поставок определяются графиком производства строительных работ. Так, например, при циклично-поточном методе строительства жилых домов управление производственно-технологической комплекции обязано производить поставку деталей конструкций, отделочных комплектов по часовому графику. Такая синхронность исполнения комплектных поставок в сфере капитального строительства может быть обеспечена только правовыми средствами, которые должны не только побуждать участников поставки надлежащим образом исполнять свои договорные обязанности, но и служить надежной гарантией возмещения имущественных убытков за счет контрагента, причинившего их в результате виновного нарушения договора. Поэтому мы считаем заслуживающим внимания высказанное в печати предложение о целесообразности усилить роль хозяйственнодоговорных отношений между УПТК, его поставщиками и потребителями — хозрасчетными строительными подразделениями, повысить ответственность УПТК за несвоевре-

---

[35]) Более подробно о структуре управлений производственно-технологической комплектации о характере и порядке их деятельности см.: П. Фурдуев, И. Овэс, В. Спектор. Комплектация, ввод, экономичность. («Строительная газета», 8 июля 1966 г.); «Управлениям комплектации — путевку в жизнь». («Строительная газета», 29 июня 1966 г.); Н. Горбась. Преимущества производственно-технологической комплектации. («Строительная газета», 31 августа 1966 г.).

менную и некомплектную поставку[36]). Это увеличит юридическую действенность хозяйственного договора и поднимет его значение в решении первостепенных проблем капитального строительства.

Значимость хозяйственного договора в этой сфере состоит прежде всего в том, что,будучи инструментом установления и закрепления устойчивых хозрасчетных взаимоотношений между участниками строительного производства, он является в то же время необходимым юридическим орудием, способствующим внедрению в жизнь индустриальных методов строительства. Обусловливая успешное применение в строительной практике систем сетевого планирования и управления, а также системы производственно-технологической комплектации материалами и оборудованием строящихся предприятий, хозяйственный договор, таким образом, способствует успешному решению задачи ускорения ввода в действие производственных мощностей и иных объектов. Так, например, обеспечение договорной дисциплины в отношениях по производственно-технологической комплектации позволяет строительно-монтажным организациям не только вести монтаж строений поточным методом по часовому графику, но и совмещать монтажные работы с отделочными и таким путем получать выигрыш во времени.

В результате производственно-технологической комплектации за счет повышения заводской готовности конструкций, деталей, переработки строительных материалов в полуфабрикаты на специальных предприятиях, а также за счет подготовки комплектов материалов и изделий в специальных комплектовочных цехах достигается снижение трудовых затрат на стройках и улучшение качества строительных работ[37]).

Особенно важным фактором является то, что осуществление в строительстве системы производственно-технологической комплектации позволяет добиться наиболее рационального расходования материально-технических ресурсов, а следовательно, и удешевления строящихся объектов[38]). Партия и правительство придают большое значение борьбе за экономию строительных материалов[39]). Народнохозяйственная важность этого вопроса определяется тем, что в общей стоимости строительно-монтажных работ затраты на материалы и изделия составляют в среднем 56 процентов. Стоимость потребляемых в строительстве материалов и конструкций в настоящее время достигает 11—12 миллиардов рублей. В 1966 г. сверхнормативные потери строительных материалов составляли около 3 процентов к их стоимости[40]). Устранение этих потерь сэкономило бы для государства сотни миллионов рублей. Одной из предпосылок успешного решения этой народнохозяйственной задачи должно быть повышение договорной дисциплины в капитальном строи-

---

[36]) См.: В. Глушков, П. Слипченко, В. Михалевич, В. Рыбальский. Стройкам — надежный компас. («Правда», 10 января 1966 г.); Л. Паперно, И. Овэс, В. Спектор. Комплектация промышленных объектов. («Строительная газета», 16 сентября 1966 г.).

[37]) О том, какое влияние производственно-технологическая комплектация оказывает на повышение производительности труда строителей и на улучшение качества строительства, см. в корреспонденции «Отделочный комплект». («Строительная газета», 23 сентября 1966 г.).

[38]) См.: Письма об эксперименте. («Известия», 14 августа 1966 г.); Проблемы материально-технического снабжения. «Строительная газета», 8 июня 1966 г.

[39]) См.: Заключительное слово заместителя председателя Совета Министров СССР, председателя Госплана СССР депутата Н. К. Байбакова на второй сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва. («Известия», 20 декабря 1966 г.).

[40]) См. передовую статью «Строительной газеты» от 3 июня 1966 г. и материалы «Строительной газеты» от 31 августа 1966 г.

тельстве, т. е. обеспечение надлежащего исполненияя всеми участниками строительного производства их взаимных договорных обязанностей.

В практике строительных организаций встречаются случаи, когда поставщики нарушают сортамент отгружаемой на стройку продукции. Например, Криворожский металлургический завод поставил организациям Минтрансстроя, арматурную сталь диаметром 16 миллиметров вместо обусловленной по договору стали диаметром 12 миллиметров. Строительные организации были вынуждены принять поставленную продукцию и использовать ее. В результате на стройках получился перерасход металла до 30 процентов против установленных норм, тем самым был причинен ущерб не только строительным организациям, но и государству в целом[41]). В подобных случаях следует решительно прибегать к использованию механизма гражданскоправовой ответственности. Все невыгодные имущественные последствия, понесенные кредитором ввиду ненадежного исполнения договора его контрагентом, надо обязательно перекладывать на виновного должника.

Эта позиция находит отражение в практике государственного арбитража. Стройуправление № 130 треста Орджтрансстрой отгрузило Орджоникидзевскому монтажному управлению треста Грузмеханмонтаж стекло больших размеров вместо мерного стекла, предусмотренного договором. Покупатель был вынужден принять поставленное стекло и за неимением мерного использовать его. При раскрое этого стекла получились большие отходы. Сумма убытков составила 8112 руб. Госарбитраж при Совете Министров СССР вполне обоснованно взыскал с поставщика в пользу покупателя всю сумму убытков (дело № 6/1058—65).

Индустриализация строительного производства, сложность строительных работ, в особенности по возведению промышленных объектов, порождают необходимость специализации строительно-монтажных организаций по отраслевому и технологическому принципам. Поэтому в строительстве складываются отношения производственного кооперирования между строительными организациями. При подрядном способе строительства эти отношения осуществляются в настоящее время на основе системы генерального подряда. Строительная организация — генеральный подрядчик в процессе исполнения подрядного договора заключает договоры субподряда со специализированными строительно-монтажными организациями на выполнение определенных комплексов работ (ст. 68 Основ гражданского законодательства). Совокупность этих субподрядных договоров представляет собой юридическую форму отношений производственного кооперирования генподрядчика с субподрядными строительными организациями[42]).

Выполнение плана строительных работ в целом по объекту зависит от соблюдения договорной дисциплины субподрядчиками. Поэтому генеральный подрядчик должен проявлять особую заботу об обеспечении исправного исполнения договорных обязанностей субподрядными организациями. Эта задача не из простых. На крупных стройках генеральный подрядчик состоит в договорных отношениях со многими субподрядчиками. Нередко на строительной площадке одновременно работают до десяти, а иногда и более субподрядных организаций, кото-

---

[41]) См. корреспонденцию «Запланированные убытки». («Строительная газета», 20 июня 1966 г.).

[42]) См.: С. А. Верб. Правовые формы отношений производственного кооперирования между строительными организациями. — «Правоведение», 1965, № 2, стр. 59.

рые генеральному подрядчику не подчинены и связаны с ним лишь договорными отношениями; последнему приходится прилагать очень много усилий для того, чтобы правильно организовать, координировать и контролировать их деятельность, при этом он зачастую испытывает значительные трудности[43]).

Сложность системы взаимоотношений между генеральным подрядчиком и субподрядными организациями дает основание для постановки вопроса о необходимости совершенствовать ее. В юридической литературе были высказаны соображения о том, что следует изменить эту систему. В частности, И. М. Диковский предлагает ввести в капитальное строительство особую фигуру «организатора строительства». Функции по организации строительства, по его мнению, можно поручить генеральному подрядчику или специально созданной для этого фирме, или заказчику. Но во всех случаях организатор строительства должен быть освобожден от работ на стройке. Кроме того, он считает целесообразным ввести систему генерального субподрядчика[44]). Аналогичные суждения высказывались и в экономической литературе[45]).

Эти рекомендации встретили в литературе обоснованные, на наш взгляд, возражения[46]). Вряд ли есть необходимость вводить в капитальное строительство хозяйственную организацию, которая бы, не занимаясь непосредственно строительными работами, выполняла бы только функции организатора строительства. Такая организация не может быть наделена административными функциями по отношению к неподведомственным ей подрядным строительным организациям. Поэтому она в отношениях с ними не может обладать бо́льшими правомочиями по сравнению с правомочиями генерального подрядчика, и потому едва ли она сможет более эффективно оказывать воздействие на многочисленные строительные организации, выполняющие подрядные договоры. В то же время в отличие от генерального подрядчика эта организация непосредственно не несет имущественной ответственности за результаты работы подрядчиков и за объект в целом. А это не может не сказаться отрицательно на ходе строительства. По изложенным же соображениям неприемлемым представляется и введение системы генерального субподряда.

Мы придерживаемся мнения, что действующая система генерального подряда, юридически закрепленная в ст. 68 Основ гражданского законодательства, себя оправдывает. И здесь, как нам кажется, надо идти не по пути ломки сложившейся системы генерального подряда, а по пути дальнейшего совершенствования правового регулирования отношений генерального подрядчика с субподрядными организациями, повышения эффективности договора генерального подряда и субподрядных договоров по строительству. В экономической литературе правильно ставится вопрос об увеличении роли хоздоговорных взаимоотношений под-

---

[43]) На это обстоятельство неоднократно указывалось в печати. См.: Л. Храмцов. Серьезно о «Главстыке». («Комсомольская правда», 16 января 1965 г.); Г. Свешников. Границы специализации. («Известия», 1 декабря 1965 г.).

[44]) См.: И. М. Диковский. Некоторые вопросы правового регулирования подрядных договоров в капитальном строительстве. «Советское государство и право», 1958, № 5, стр. 127—128; Его же. О некоторых вопросах капитального строительства. «Советское государство и право», 1965, № 4, стр. 113.

[45]) См.: А. Арсеньев. Не генподрядчик, а дирекция. (Еженедельник. «Экономическая газета», 1965, № 37, стр. 33).

[46]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве. М., 1964, стр. 237—238; В. А. Рассудовский. Отраслевое управление и хозяйственный договор в строительстве. «Советское государство и право», 1965, № 12, стр. 83.

рядчика с субподрядными организациями, об усилении материальной ответственности субподрядчиков за нарушение договорных обязательств[47]).

По действующему гражданскому законодательству генеральный подрядчик несет ответственность перед заказчиком не только за свои собственные действия, но и за нарушения обязательств, допущенные по вине субподрядных организаций, а последние отвечают за это перед генеральным подрядчиком (ст. 38 Основ гражданского законодательства).

Некоторые ученые считают, что предусмотренная законом ответственность должника за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства третьими лицами, на которых было возложено его исполнение, противоречит принципу ответственности за вину, и поэтому они приходят к выводу «о необходимости установления во всех случаях прямой ответственности, то есть ответственности непосредственно виновной хозяйственной организации»[48]).

С таким мнением вряд ли можно согласиться, во-первых, потому, что предусмотренная законом возможность возложения ответственности на должника за виновные действия третьих лиц — необходимое исключение из общего правила ответственности за свою вину. Это исключение предусмотрено законодателем для того, чтобы побудить должника принимать меры к надлежащему исполнению обязательства третьими лицами, на которых он возложил исполнение. Во-вторых, сторонники изложенной точки зрения не доказали, по какому правовому основанию третье лицо, не связанное правоотношением с кредитором, должно перед ним непосредственно нести ответственность за виновное нарушение своих обязанностей, вытекающих из его соглашения с должником.

Если установить так называемую прямую ответственность субподрядчика перед заказчиком за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по договору субподряда, то это может привести к существенному ослаблению ответственности генерального подрядчика за выполнение строительно-монтажных работ в целом. Поскольку генподрядчик освобождается от ответственности за виновные действия субподрядчиков, у него не будет должной заинтересованности заботиться об обеспечении исполнения субподрядными организациями договорных обязательств. Что касается заказчика, то он не только не имеет субъективного права, но и фактически не в состоянии принимать меры по обеспечению надлежащего исполнения субподрядных договоров. В случае предъявления заказчиком претензий по поводу ненадлежащего исполнения подрядного договора генеральный подрядчик будет стремиться отклонить их, ссылаясь на виновное поведение субподрядчиков. Заказчик встанет перед необходимостью заявлять требования ко многим субподрядным организациям, хотя с ними он и не связан договорами. Такое положение не может не снизить эффективность системы хозяйственных договоров в капитальном строительстве.

На хозяйственнодоговорные отношения, возникающие в сфере строительного производства, распространяется действие принципа реального исполнения обязательств. Применительно к договору подряда на капитальное строительство требования реального исполнения сводятся

---

[47]) См.: И. Калашников. Идет эксперимент. («Строительная газета», 30 сентября 1966 г.).

[48]) Н. С. Малеин. Об ответственности за неисполнение хозяйственных обязательств. «Советское государство и право», 1965, № 7, стр. 104.

к тому, что должник обязан обусловленное договором предоставление совершить в натуре, то есть выполнить именно те действия и предоставить кредитору такие результаты этих действий, которые предопределены обязательством. В частности, подрядчик во исполнение договора подряда должен выполнить весь комплекс строительных работ, предусмотренный проектно-сметной документацией, и передать заказчику законченные строительством объекты. Особенностью договора подряда на капитальное строительство является то, что действующее законодательство не допускает никаких отступлений от требований принципа реального исполнения обязаельств. Причем как подрядчик, так и заказчик обязаны выполнить свои обязательства в натуре во всех случаях, пока существует плановодоговорное обязательство. Они не вправе отказаться от исполнения обязательства, также от принятия исполнения, предложенного другой стороной. Принцип реального исполнения обязательств по подрядному договору на капитальное строительство, как правильно отмечено в литературе, носит абсолютный характер[49]).

Надлежащее исполнение обязательств по договору подряда на капитальное строительство обеспечивается по действующему законодательству установлением гражданскоправовой ответственности в виде взыскания обусловленной в законе неустойки (пени) и возмещения причиненных нарушением обязательства убытков, выразившихся в произведенных другой стороной расходах, в утрате или повреждении ее имущества. Причем, согласно ст. 70 Основ гражданского законодательства, убытки возмещаются только в сумме, не покрытой неустойкой. Особенностью гражданской ответственности за нарушение подрядных договоров является то, что по новому законодательству убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением договора, взыскиваются с должника не в полном объеме, а только в виде положительного ущерба в имуществе; что же касается убытков в виде неполученных доходов, то они не подлежат взысканию. Таким образом, в этой области хозяйственных отношений законодатель предусмотрел ограниченную ответственность.

Необходимость ограничения гражданской ответственности за нарушение договора подряда на капитальное строительство обусловлена характером имущественных взаимоотношений в области капитального строительства. Специфика этих отношений выражается в том, что неполученные доходы, которые бы сторона получила, если бы должник надлежащим образом исполнил обязательство (например, неполученная прибыль от эксплуатации промышленного объекта, введенного в действие со значительным нарушением срока), практически не всегда могут быть возмещены за счет контрагента, поскольку это нарушило бы нормальную деятельность хозрасчетной организации.

Своеобразным является правило, предусмотренное ч. 2 ст. 70 Основ гражданского законодательства, согласно которому суммы неустойки (пени), уплаченные подрядчиком за нарушение сроков выполнения отдельных работ, возвращаются подрядчику в случае окончания всех работ по объекту к установленному договором конечному сроку. Данная правовая норма имеет важное значение, поскольку она дважды проявляет свое стимулирующее воздействие на подрядчика: во-первых, побуждает его соблюдать сроки выполнения отдельных строительных работ; во-вторых, если допущено нарушение частных сроков и за это им уплачена неустойка, то побуждает подрядчика мобилизовать свои возможно-

[49]) См.: Договоры в социалистическом хозяйстве. М., 1964, стр. 71—72.

сти с тем, чтобы завершить все строительные работы по объекту к конечному сроку.

В связи с применением указанного правила на практике возникает вопрос, подлежат ли возвращению подрядчику суммы неустойки, уплаченные им за нарушение сроков выполнения строительных работ, если он завершил все работы по объекту к конечному сроку, но нарушением частных сроков были причинены убытки заказчику? Например, в связи с реконструкцией предприятия подрядчик в строящемся цехе не выполнил в срок канализационные работы, чем причинил заказчику убытки. Ввиду этого заказчик взысканную с подрядчика за просрочку сумму неустойки зачел в погашение причиненных убытков. Может ли подрядчик, завершивший к конечному сроку все работы по строительству цеха, требовать от заказчика возвратить ему уплаченную за просрочку сумму штрафа?

Нам представляется, что в подобных случаях сумма неустойки, уплаченная подрядчиком заказчику за нарушение сроков выполнения отдельных строительных работ, не должна возвращаться подрядчику, хотя бы он и выполнил условия, предусмотренные в ч. 2 ст. 70 Основ гражданского законодательства. Возможность возврата этой суммы неустойки исключается тем обстоятельством, что она была зачтена в соответствии с ч. 1 ст. 70 Основ в погашение убытков, причиненных просрочкой. Подрядчик может требовать возвращения только той суммы штрафа, которая не обращена на погашение причиненного просрочкой убытка.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ОПРЕДЕЛЕНИЕ РАЗМЕРА ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА, ПРИЧИНЕННОГО РАБОЧИМ И СЛУЖАЩИМ УВЕЧЬЕМ ЛИБО ИНЫМ ПОВРЕЖДЕНИЕМ ЗДОРОВЬЯ, СВЯЗАННЫМ С ИХ РАБОТОЙ ПРИ СМЕШАННОЙ ВИНЕ СТОРОН

Е. И. БОРОВИК

Беспредельна забота Коммунистической партии и Советского правительства о здоровье трудящихся. На всех этапах своего развития Советское государство уделяло и уделяет исключительное внимание делу охраны труда, расходуя на это огромные средства.

«На всех предприятиях,— говорится в Программе КПСС,— будут внедрены современные средства техники безопасности и обеспечены санитарно-гигиенические условия, устраняющие производственный травматизм и профессиональные заболевания»[1]).

Улучшение условий труда, производственной санитарии и техники безопасности на предприятиях, безусловно, приведет к снижению производственного травматизма в нашей стране, а следовательно, и к уменьшению числа споров о возмещении ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих на производстве.

Лица, ставшие инвалидами вследствие трудового увечья, обеспечиваются в нашей стране пенсией, выплачиваемой в порядке социального страхования. Однако пенсия не всегда в полном размере покрывает причиненный ущерб, и потому большую роль играет институт гражданскоправового возмещения, основанный на принципе полного возмещения вреда.

Поэтому вопрос о правовых средствах наиболее полного обеспечения потерпевших увечье на производстве всегда привлекал и привлекает к себе внимание как судебной практики, так и юридической литературы. Известно, что по общему правилу ответственность предприятий за причинение ущерба здоровью работника на производстве наступает лишь в том случае, когда имеет место вина предприятия.

Однако при этом нельзя игнорировать и виновное поведение потерпевшего, которое в ряде случаев способствует возникновению или увеличению вреда.

Если сам потерпевший виновен в причинении ему ущерба и, кроме того, виновные действия совершены со стороны организации-страхователя, наступает так называемая смешанная ответственность.

Суть смешанной ответственности состоит в том, что предприятие, причинившее ущерб здоровью работника, отвечает перед ним не в полном объеме, а лишь частично, пропорционально степени своей вины.

Выработанный практикой институт смешанной ответственности получил окончательное закрепление в Основах гражданского законода-

[1]) Программа Коммунистической Партии Советского Союза. Госполитиздат, 1962, стр. 95.

тельства Союза ССР и союзных республик (1961 г.), Гражданском кодексе РСФСР (1964 г.), а также в п. 5 Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой, утвержденных 22 декабря 1961 г. Государственным комитетом Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Президиумом ВЦСПС с изменениями и дополнениями от 3 сентября 1963 г.[2]).

В статье 93 Основ и статье 485 ГК РСФСР сказано, что «если грубая неосторожность самого потерпевшего содействовала возникновению или увеличению вреда, то в зависимости от степени вины потерпевшего (а при вине причинителя вреда — и в зависимости от степени его вины), размер возмещения должен быть уменьшен либо в возмещении должно быть отказано».

Однако, закрепив твердо устоявшийся в судебной практике принцип смешанной ответственности, ни Основы, ни ГК РСФСР не определили порядка исчисления подлежащего возмещению вреда при смешанной вине сторон.

Впервые порядок возмещения ущерба при смешанной вине был установлен пунктом 17 Правил, в котором говорится, что « в случаях смешанной ответственности... размер возмещения потерпевшему за ущерб соответственно уменьшается. Например, при установлении 75% вины предприятия, учреждения, организации и 25% вины самого потерпевшего, сумма утраченного заработка работника уменьшается на 25% и из оставшейся суммы вычитается пенсия, назначенная потерпевшему в связи с данным увечьим либо иным повреждением здоровья».

Таким образом, в случаях смешанной вины исчисление возмещения ущерба, причиненного утратой заработка, производится следующим образом: из среднемесячного заработка потерпевшего следует исключить предполагаемый заработок, который потерпевший может иметь при сохранившейся у него трудоспособности. После этого из полученной суммы утраченного заработка вычисляется часть, соответствующая установленной степени вины потерпевшего (в процентах), и, наконец, из оставшейся суммы вычитается получаемая потерпевшим пенсия, назначенная после происшедшего с ним несчастного случая.

Поскольку содержание статьи 93 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и статьи 458 ГК РСФСР не дает ответа на вопрос, как следует исчислять размер возмещения при смешанной вине сторон, судебная практика пошла по пути применения, указанного в п. 17 Правил принципа определения размера выплат для всех категорий дел о возмещении вреда независимо от того, кем причинен вред — предприятием, в связи с работой или гражданином[3]).

Будучи специальным правовым актом, направленным на регулирование правоотношений между предприятием-страхователем и работником этого предприяти, Правила несут на себе соответствующий отпечаток. Так, согласно статье 93 Основ потерпевшему в случае, когда с его стороны была допущена грубая неосторожность, может быть отказано

---

[2]) «Бюллетень Государственного Комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы», 1962, № 1, стр. 3—12; 1963, № 10, стр. 9. В дальнейшем изложении именуются просто «Правила».

[3]) См.: П. И. Седугин. Применение Основ гражданского законодательства в судебной практике по делам о возмещении вреда. В кн.: «Вопросы применения Основ гражданского законодательства в судебной практике». Изд.-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 121.

в возмещении ущерба. С другой стороны, п. 17 Правил в аналогичном случае предусматривает только соответственное уменьшение возмещения, исключая полный отказ.

Законодатель здесь, как справедливо указывалось в литературе, учитывает, что в большинстве случаев ответчиком по делам этой категории выступают государственные предприятия и поэтому устанавливает для рабочих и служащих более льготную, по сравнению со статьей 93 Основ, норму в специальном нормативном акте[4]).

Следует отметить, что до утверждения 22 декабря 1961 г. Правил в судебной практике применялось несколько вариантов исчисления размера возмещения при смешанной вине сторон.

Всевозможные варианты исчисления были подробно обсуждены. Исследованию подверглись не только встречающиеся в судебной практике способы исчисления возмещения, но и теоретически возможные варианты. Так, А. Сергиенко указывал на шесть теоретически возможных способов исчисления возмещения при смешанной вине сторон, из которых только три применялось в практике[5]).

С учетом возможного при сохранившейся трудоспособности заработка в судебной практике применялись следующие способы определения размера возмещения при смешанной вине:

1. Средний заработок потерпевшего делится на долю его вины, а потом вычитается пенсия и возможный при сохранившейся трудоспособности заработок.

2. От среднего заработка потерпевшего отнимается пенсия, возможный при сохранившейся трудоспособности заработок, а потом производится учет вины сторон.

3. Из среднего заработка вычитается возможный заработок при сохранившейся трудоспособности, затем проводится деление на долю вины потерпевшего и после этого исключается пенсия[6]).

Если, например, взять следующие исходные данные: средний заработок — 150 руб., профессиональная трудоспособность утрачена полностью т. е. на 100%, общая — на 50%, пенсия, назначенная в связи с повреждением здоровья,— 35 руб., вина в наступлении несчастного случая со стороны потерпевшего — 50%, то расчеты в каждом варианте приведут к следующим результатам:

1. (150 : 2) — 35 — 15 (возможный заработок при 50% общей трудоспособности) = 25 руб.

2. (150 — 35 — 15) : 2 = 50 руб.

3. (150—15) : 2 — 35 = 32 руб. 50 коп.

Из получившихся результатов при подсчете возмещения разными способами видно, что для потерпевшего далеко не безразлично, каким образом будет исчисляться размер полагающегося ему возмещения ущерба. Разница между результатами очень велика. Так, если при исчислении вторым способом потерпевший должен получить в возмещение причиненного ему вреда 50 рублей, то расчеты первым способом

---

[4]) См.: П. И. Седугин. Применение Основ гражданского законодательства в судебной практике по делам о возмещении вреда. В кн.: «Вопросы применения Основ гражданского законодательства в судебной практике». Изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 120.

[5]) См.: А. Сергиенко. Определение размера ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих при смешанной вине сторон. «Радянське право», Киев, 1959, № 3, стр. 85.

[6]) Ср. А. Сергиенко. Определение размера ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих при смешанной вине сторон. «Радянське право», Киев, 1959, № 3, стр. 83.

приводят к результату, который наполовину уменьшает это возмещение. Иными словами, для потерпевшего первый способ исчисления является самым невыгодным.

Изложенное приводит к мысли, что установление единого способа расчетов при определении размера возмещения при смешанной вине сторон представляется одним из самых важных вопросов.

В судебной практике до утверждения Правил можно было встретить исчисление размера возмещения при смешанной вине любым из указанных выше способов. В первую очередь это объяснялось тем, что отсутствовало нормативное закрепление какого-либо определенного способа расчетов.

Так, определением по иску Мусикяна к Управлению Закавказской железной дороги Верховный Суд СССР признал правильность расчетов при смешанной вине вторым способом, когда с причинителя ущерба была взыскана разница между заработной платой к моменту увечья и получаемой пенсией, уменьшенная затем в соответствии с процентом вины самого потерпевшего[7]).

Однако со временем Верховный Суд СССР стал на путь применения первого, наименее выгодного для потерпевших способа расчетов возмещения при смешанной вине, получившего подтверждение в постановлении пленума Верховного Суда СССР по делу Тахтамбетова[8]).

В практике последних лет Верховный Суд СССР последовательно выступает за порядок расчетов размера возмещения при смешанной вине, установленный пунктом 17 Правил применительно ко всем категориям дел о возмещении ущерба, причиненного повреждением здоровья.

Так, отменяя решения нижестоящих судов по делу Татевосяна, судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР в определении от 18 мая 1964 г. указала, что одной из причин, приведших к отмене решений, является неправильное исчисление размера возмещения при смешанной вине, нарушающее п. 17 Правил (суд исключил получаемую пенсию из полной суммы утраченного им заработка, а не из части заработка, подающего по степени вины на причинителя ущерба, в результате чего размер подлежащего возмещению вреда оказался необоснованно завышенным на 27 рублей)[9]).

Применение правильного принципа расчетов во всех случаях является одной из самых важных гарантий справедливого разрешения дел о возмещении ущерба, причиненного при смешанной вине, и, следовательно, действительной защиты законных прав и интересов как гражданина, так и социалистической организации. Кроме того, верное определение размера, подлежащего возмещению материального ущерба, причиненного повреждением здоровья, является требование социалистической законности и имеет принципиальное значение для обеспечения полного возмещения вреда, а также и для возложения (в конечном итоге) понесенных потерпевшим убытков на виновного причинителя ущерба, чем обеспечивается выполнение воспитательной функции института обязательств, возникающих вследствие причинения вреда[10]).

---

[7]) См.: ж .«Судебная практика Верховного Суда СССР», 1951, № 3, стр. 40—41.

[8]) См. определение судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР по иску Бражникова к шахте «Капитальная» о возмещении ущерба. «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1953, № 6, стр. 33—35; см.: Бюллетень Верховного Суда СССР, 1961, № 5, стр. 21—22.

[9]) См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, стр. 38.

[10]) См.: Б. Л. Хаскельберг. Спорные вопросы определения размера возме-

Нетрудно представить, что правильное со всех точек зрения исчисление размера возмещения при смешанной вине сторон имеет исключительно важное практическое значение. Особую роль правила о точном исчислении возмещения играют сейчас, когда по принципу смешанной ответственности разрешаются дела об увечьях не только в судах, но и непосредственно на предприятиях администрацией.

Вот почему вопросу определения размера возмещения при смешанной вине в литературе много внимания было уделено различными авторами[11]).

Все предложенные способы исчисления ущерба конструировались, как мы видели выше, по-разному в зависимости от того, когда следовало из суммы утраченного заработка вычитать пенсию, получаемую потерпевшим в связи с данным повреждением здоровья возможный заработок при сохранившейся трудоспособности и когда учитывать степень вины сторон.

При этом существенно важным был вопрос о том, когда следует исключать пенсию: или сразу из среднего заработка до увечья, или же после того, как будет установлена сумма, соответствующая причиненному по вине предприятия ущербу.

Если упростить расчеты, отбросив учет возможного при сохранившейся трудоспособности заработка, то можно утверждать, что спор в литературе разгорелся по вопросу, когда исключать из среднемесячного заработка пенсию — до или после учета степени вины потерпевшего.

Однако при этом нельзя забывать, что организация, ответственная за причинение ущерба здоровью работника, обязана по регрессному требованию органов социального обеспечения возместить суммы пенсий, выплаченных потерпевшим. При этом учитывается вина потерпевшего, другими словами, применяется также смешанная ответственность. В случаях, когда установлена в определенном порядке смешанная ответственность, соответственно уменьшается и размер возмещений по регрессным требованиям (ст. 94 Основ).

Связывая расчеты по определению размера возмещения с регрессными требованиями органов социального обеспечения, в литературе предлагалось два метода исчисления размера возмещения при смешанной вине сторон.

В первом сумма утраченного заработка делится при равной вине сторон на два, из результата вычитается сумма пенсии; полученная таким образом сумма и будет представлять возмещение, которое причинитель обязан выплачивать потерпевшему.

При расчетах вторым методом из суммы утраченного потерпевшим заработка исключается сначала пенсия, затем получившаяся сумма

щения материального ущерба при повреждении здоровья. Доклады научной конференции, посвященной 10-летию юридического факультета. Изд-во ТГУ, Томск, 1958, стр. 16—17.

[11]) См.: О. С. Иоффе. Обязательства по возмещению вреда. 2-е издание. Изд-во ЛГУ, 1952, стр. 100—102; Л. А. Майданик, Н. Ю. Сергеева. Материальная ответственность за повреждение здоровья. Госюриздат, 1953, стр. 84 и сл.; 1962, стр. 133—138; Е. А. Флейшиц. Основные вопросы гражданской ответственности за повреждение здоровья. «Ученые записки» ВИОН, вып. 1, Госюриздат, М., 1955, стр. 97—99; В. Т. Смирнов. Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам. Госюриздат, М., 1957, стр. 159—167; А. А. Сергиенко. Вопросы возмещения вреда, причиненного здоровью рабочих и служащих. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1960, стр. 19; А. М. Белякова. Возмещение вреда, причиненного увечьем. Изд-во Московского университета, М., 1961, стр. 39—41.

делится на два и таким образом определяется возмещение, следуемое потерпевшему. Однако расчеты первым методом означали, что причинитель вреда уплачивает органам социального обеспечения полную сумму пенсии, расчеты же вторым методом связывались с тем, что причинитель обязан был в порядке регресса выплатить только часть пенсии соответственно степени своей вины[12]).

Если использовать исходные данные, применявшиеся нами выше, то расчеты будут выглядеть следующим образом:

1. (150 : 2) — 35 = 40 руб. Следовательно, причинитель вреда должен уплатить из общей суммы причиненного потерпевшему ущерба (150 руб.) ее половину (40 руб. возмещения и 35 руб. — органам социального обеспечения), т. е. 75 руб.

2. (150—35—115) : 2 = 57 руб. 50 коп. Таким образом, причинитель уплачивает потерпевшему возмещение 57 руб. 50 коп.

В этом случае он также будет нести полную ответственность за причиненный по его вине вред, поскольку органам собеса необходимо выплатить половину пенсии (соответственно 50% вины), т. е. (35 : 2) = 17 руб. 50 коп. Возмещение (57 руб. 50 коп.) и половина пенсии (17 руб. 50 коп.) вместе составят 75 руб., т.е. сумму причиненного по вине причинителя вреда.

Оба предложенных метода подвергались в литературе тщательному исследованию и были убедительно обоснованы[13]).

Считая единственно правильным второй метод, О. С. Иоффе совершенно справедливо, как нам представляется, полагает, что «при втором варианте сверхвозмещение «получил бы потерпевший за счет собеса, что вполне оправданно, поскольку размер назначаемой в порядке социального обеспечения пенсии ни в какую зависимость от вины потерпевшего не ставится и ставиться не может»[14]).

Содержание статьи 94 Основ позволяет сделать вывод, что в вопросе о пределах удовлетворения регрессного иска, предъявляемого органами социального обеспечения к причинителю ущерба, законодатель последовательно придерживаясь принципа вины, воспринял второй метод. В ней указывается, что при обоюдной (смешанной) вине такой иск подлежит удовлетворению в соответствии со степенью вины причинителя и потерпевшего.

Напротив, Правила относительно определения при тех же обстоятельствах объема ответственности причинителя ущерба перед потерпевшим восприняли первую точку зрения.

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством, наши расчеты будут выглядеть следующим образом: предприятие, причинившее ущерб, выплатит потерпевшему 40 руб. и органам социального обеспечения — 17 руб. 50 коп., а всего — 57 руб. 50 коп., т. е. на 17 руб. 50 коп. меньше причиненного по его вине вреда.

В результате неоправданно улучшается положение страхователя,

---

[12]) См.: О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Курс лекций, ч. 2, Изд-во ЛГУ, Л., 1961, стр. 510—511.

[13]) См.: В. Т. Смирнов. Гражданская ответственность государственных предприятий за причинение увечья или смерти работникам. Госюриздат, 1957, стр. 159—167; О. С. Иоффе. Советское гражданское право. Курс лекций, ч. 2, Изд-во ЛГУ, Л., 1961, стр. 511—512.

[14]) О. С. Иоффе. Юридические нормы и человеческие поступки. В кн.: «Актуальные вопросы советского гражданского права». Изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 43—44.

виновно причинившего ущерб своему работнику увечьем или иным повреждением здоровья. Ответственность перед потерпевшим для него сокращается за счет пенсии, выплачиваемой органами социального обеспечения.

В тех случаях, когда пенсия полностью покрывает ущерб, причиненный потерпевшему, и предприятие, причинившее вред, освобождается от ответственности перед потерпевшим полностью, то оно в порядке регресса также возмещает пенсию лишь частично, соответственно доле своей вины. Вина в таких случаях теряет для причинителя всякий смысл, поскольку объем его материальной ответственности уменьшается за счет государства.

Кроме того, и для потерпевшего вина также теряет свое воспитательное значение вследствие того, «что положение потерпевшего, который полностью виноват в наступившем увечье, не будет отличаться от положения потерпевшего, вина которого в наступлении увечья имеется наряду с виной причинителя»[15]).

Мы полагаем, что учет вины потерпевшего должен производиться таким образом, чтобы стимулировать у каждого рабочего на производстве повышенную ответственность за соблюдение правил техники безопасности и охраны труда, что возможно только при условии, если предприятие будет всегда нести ответственность перед потерпевшим в случаях смешанной вины независимо от размера назначенной потерпевшему пенсии.

Устанавливая ответственность предприятия за ущерб, причиненный работникам повреждением здоровья вследствие его вины, законодатель также ставит цель стимулировать должное поведение соответствующих лиц в области охраны труда и техники безопасности, ибо основной причиной производственного травматизма по-прежнему является недостаточный контроль за безопасным ведением работ со стороны должностных лиц, несоблюдение администрацией правил техники безопасности, непринятие мер к улучшению условий труда, неправильная организация трудовых процессов[16]).

Возмещение ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья в связи с их работой во всех случаях, влияя на хозрасчет, должно заставлять администрацию предприятий принимать необходимые меры к ликвидации недостатков по технике безопасности и охране труда, к ликвидации травматизма на производстве. Усиление охраны труда — первейшая обязанность руководителей промышленных предприятий, где еще нередко допускаются самые серьезные нарушения.

В речи на XXIII съезде КПСС Председатель ВЦСПС В. В. Гришин сказал, что «на многих предприятиях нарушаются правила техники безопасности и законодательство о труде. Даже на построенных в последние годы таких крупных предприятиях, как Ново-Липецкий металлургический, Волгоградский алюминиевый, Заволжский моторный и Брянский автомобильный заводы, Барнаульский хлопчатобумажный комбинат, имеются серьезные недостатки в охране труда...»[17]).

---

[15]) Г. И. Ческис. Вопросы установления объема возмещения вреда в делах о причинении увечья. Труды Иркутского госуниверситета им. А. А. Жданова, т. XXII, серия юридическая, вып. 3, 1957, стр. 154.

[16]) См. редакционный материал «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике по искам о возмещении вреда, причиненного здоровью». «Советская юстиция», 1965, № 20, стр. 3.

[17]) См.: «Известия» от 3 апреля 1966 г.

Ответственность по принципу вины создает стимул для поведения каждого человека. Последовательное применение этого принципа будет способствовать повышению ответственности самих работников производства за соблюдение установленных правил охраны труда. Должный учет вины потерпевшего и применение смешанной ответственности имеет особо важное значение как фактор, повышающий ответственность самих работников[18]).

Аналогичную роль принцип вины играет и в тех случаях, когда у предприятия, причинившего ущерб, возникает обязанность в порядке регресса возместить сумму пенсии органам социального обеспечения. Регрессные иски имеют своей целью не только возмещение выплачиваемых страховыми органами сумм,— указывает В. Т. Смирнов,— «но и побудить администрацию предприятия к более строгому выполнению правил техники безопасности, не выполняемых ею иногда из соображений неправильно понимаемой экономии»[19]).

Действительно, организация должной охраны труда требует нередко больших затрат и поэтому необходимо убедить администрацию предприятий, что затраты эти будут значительно меньшими по сравнению с сумами, возмещающими ущерб рабочим и служащим при низком уровне охраны труда и техники безопасности. Для этого нужно, чтобы предприятия несли перед государством ответственность в полной мере за вред, причиненный рабочим и служащим на производстве.

Снижение ответственности предприятий не может найти какого-либо оправдания особенно сейчас, когда в соответствии с решениями сентябрьского Пленума ЦК КПСС (1965 г.) все больше и больше предприятий переводятся на новую систему планирования и стимулирования В резуьтате того, что часть прибыли во все больших размерах будет оставаться на предприятиях в виде фондов материального поощрения, социально-культурных мероприятий и жилищного строительства, коллективы в большей степени окажутся заинтересованными в том, чтобы на размер прибыли как можно меньше влияли суммы, выплачиваемые предприятием в возмещение вреда.

Для этого имеется только один путь — поставить на должную высоту охрану труда и сократить до минимума количество несчастных случаев на производстве.

Так, Алтайский тракторный завод в 1965 г. в возмещение ущерба рабочим и служащим выплатил 30 622 руб. Несомненно, что администрация завода примет все меры к тому, чтобы как только возможно сократить эти суммы за счет дальнейшего усиления охраны труда.

Возвращаясь к содержанию п. 17 Правил, следует обратить внимание на то, «что текст этой нормы в редакционном отношении страдает некоторой неясностью, что может породить на практике вынесение ошибочных решений»[20]). Приведенный в нем пример показывает, как следует исчислять размер возмещения при смешанной вине в тех случаях, когда потерпевший утратил профессиональную трудоспособность только

---

[18]) См.: М. Г. Гуревич. Принцип вины в обязательствах по возмещению вреда, причиненного жизни или здоровью работника на производстве. «Ученые записки» Пермского государственного университета им. А. М. Горького, т. XIX, вып. 6 (юридические науки, Пермь, 1961, стр. 43.

[19]) В. Т. Смирнов. Регрессные иски в обязательствах из причинения вреда. Госюриздат, М., 1960, стр. 47.

[20]) П. И. Седугин, А. М. Михайлич. Новое законодательство о гражданско-правовой ответственности за причинение вреда здоровью работника на производстве. «Ученые записки» ВИОН, вып. 15, М., 1962, стр. 73—74.

частично. Определение же размера возмещения в случае полной утраты профессиональной трудоспособности в практике вызвало затруднения.

Желая дать судам исчерпывающие указания, Верховный Суд СССР в комментарии к определению судебной коллегии по иску Тадевосяна к комбинату Воркутауголь привел пример, в котором разъяснил, как следует исчислять возмещение потерпевшему ущерб при смешанной вине в том случае, когда он утратил полностью профессиональную трудоспособность. Размер возмещения составил разницу между прежним и минимально возможным заработком потерпевшего, который последний может иметь при сохранившейся у него общей трудоспособности, с уменьшением полученной суммы в зависимости от степени вины потерпевшего и с зачетом получаемой им пенсии после увечья[21]).

Однако предложенный Верховным Судом порядок встретил в литературе возражения. Так, К. К. Яичков, например, считает, что и в этих случаях должен применяться порядок определения следуемого потерпевшему возмещения, предусмотренный п. 17 Правил[22]).

Таким образом, вновь возникают разногласия в вопросе определения размера возмещения при смешанной вине сторон.

Анализируя порядок расчетов, предложенный Правилами, нельзя не заметить, что вычет пенсии не сразу из среднемесячного заработка потерпевшего, а после установления причиненного ущерба во многих случаях фактически освобождает причинителя от материальной ответственности перед потерпевшим, ибо пенсия полностью покрывает причиненный по вине предприятия ущерб.

Для потерпевших в таких случаях совершенно непонятно, почему за вред, причиненный по вине предприятия, последнее ответственности перед ним не несет, ибо немногие из них знают, что причинитель вреда обязан возместить в порядке регресса размер пенсии, выплачиваемой потерпевшему в соответствии со степенью своей вины. Таким образом, снижается воспитательное значение вины.

В этом отношении представляет интерес рассмотрение следующих дел.

Обрубщик литейного цеха Кузнецкого металлургического комбината Галактионов в связи с производственной травмой был признан инвалидом второй группы с утратой 80% профессиональной трудоспособности. Несчастный случай произошел при смешанной вине сторон, вина комбината — 50%, вина потерпевшего — 50%.

Средний заработок Галактионова составил 95 руб. 74 коп. При наличии сохранившихся 20% трудоспособности Галактионов может заработать 19 руб. 14 коп. При подсчете в точном соответствии с п. 17 Правил получилось, что утраченный им по вине предприятия заработок составляет 38 руб. 30 коп. (95 руб. 74 коп.— 19 руб. 14 коп. = 76 руб. 60 коп.: 2 = 38 руб. 30 коп.).

Потерпевшему была назначена пенсия, равная 60 руб. 94 коп. Директор комбината отказал Галактионову в возмещении, указав, что утраченный по вине предприятия заработок (38 руб. 30 коп.) полностью возмещен пенсией.

По такой же причине было отказано в возмещении помощнику машиниста железнодорожного цеха Авхимовичу, получившему инвалид-

[21]) См.: «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1964, № 4, стр. 39.

[22]) К. К. Яичков. Права, возникающие в связи с потерей здоровья. Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 130—131; Ср. Л. А. Майданик, Н. Ю. Сергеева. Материальная ответственность за повреждение здоровья. Госюриздат, М., 1962, стр. 134—136.

ность второй группы при вине предприятия в 30%. Пенсия также полностью возместила причиненный увечьем ущерб.

Отказано было в возмещении ущерба и рабочему среднесортного цеха Батарчуку, также получившему инвалидность второй группы при равной вине предприятия и его самого. Причина отказа та же самая — пенсия полностью возмещает причиненный по вине предприятия ущерб.

Во всех трех случаях комбинат, освободившись от ответственности перед потерпевшим, выплачивал органам социального обеспечения только часть получаемой ими пенсии в соответствии с долей вины комбината.

Понимая несправедливость полного отказа в возмещении, администрация и профсоюзный актив иногда пытаются найти какой-либо выход из создавшегося положения. Так, рабочий Барнаульского хлопчатобумажного комбината Сердцев получил травму левого глаза, став инвалидом третьей группы. В несчастном случае была установлена смешанная вина предприятия и самого потерпевшего.

Вина предприятия определялась в 85%, а вина потерпевшего — в 15%. Однако расчеты показали, что потерпевшему ничего не полагается, поскольку при наличии 50% профессиональной трудоспособности его заработная плата и пенсия полностью покрывают причиненный ему ущерб.

Тогда комиссия по охране труда при фабкоме комбината установила вину предприятия в 95%, а потерпевшего — в 5%. Только при этом условии Сердцев стал получать в возмещение ущерба 9 руб. 19 коп.[23]).

Иногда, при весьма значительной утрате трудоспособности потерпевшим и при высоком проценте вины предприятия, администрация выплачивает в возмещение ущерба крайне малые суммы. Так, например, сцепщику вагонов железнодорожных подъездных путей Филиппову администрацией Кузнецкого металлургического комбината в возмещение ущерба было определено 4 руб. 24 коп. Между тем вина комбината в причинении ущерба была установлена в 80%, а вина потерпевшего — только в 20%.

Нетрудно заметить, что в более выгодном положении оказываются потерпевшие с более высокой заработной платой. Так, разливщик мартеновского цеха комбината Симахин в связи с травмой в 1963 г. стал инвалидом второй группы, утратив профессиональную трудоспособность на 90%. Несчастный случай произошел по вине комбината (85%) и самого потерпевшего (15%). При исчислении размера возмещения в соответствии с п. 17 Правил оказалось, что комбинат должен выплачивать Симахину ежемесячно по 75 руб. 58 коп. Заработная плата потерпевшего составляла 209 руб. 70 коп.

В другом случае рабочему прокатного цеха Логинову, получившему в связи с травмой инвалидность второй группы с утратой 80% профессиональной трудоспособности, при вине комбината в 80% было в возмещение ущерба определено 57 руб. 93 коп. Среднемесячный заработок Логинова составлял 216 руб. 09 коп.

---

[23]) Еще задолго до утверждения Правил в судебной практике возникла своеобразная реакция на введение подобного порядка расчетов возмещения при смешанной вине. Суды, устанавливая смешанную ответственность, как правило, уменьшали процент вины потерпевшего, назначая его в пределах 10—15%, тогда как доля вины причинителя устанавливалась в пределах 75—90%, потому что при других процентах доли вины потерпевшего ему ничего бы не причиталось с причинителя ущерба. См.: А. А. Сергиенко. Определение размера ущерба, причиненного здоровью рабочих и служащих при смешанной вине сторон. «Радьянске право», Киев, 1959, № 3, стр. 89.

Таким образом, установленный п. 17 Правил порядок определения размера возмещения потерпевшему при смешанной вине приводит к полному отказу в возмещении, как правило, в тех случаях, когда потерпевший является низкооплачиваемым работником.

Нам представляется, что наиболее правильным и справедливым будет второй метод исчисления возмещения при смешанной вине, когда из среднемесячного заработка потерпевшего сначала исключается пенсия и возможный заработок при сохранившейся трудоспособности, а затем только учитывается вина потерпевшего.

Можно, однако, возразить, что исчисление вторым способом приведет к тому, что потерпевший получит больше, чем ущерб, причиненный ему по вине предприятия. Может ли это послужить причиной неприменения именно второго способа расчетов?

Думается, что нет. Дело в том, что установление степени вины потерпевшего в процентах, как всякому ясно, носит весьма условный характер, а с другой стороны, как справедливо отмечалось в литературе, всегда следует помнить, что рабочий иногда оказывается в таком положении, когда ему трудно проявить надлежащую осторожность. Нельзя забывать, что неосторожное поведение работника требует постоянного обдумывания своих действий, постоянного умственного напряжения. Малейшее ослабление внимания рабочего нередко влечет за собой очень серьезные неприятности. Поэтому было бы явно несправедливо не учитывать, что больше всего от этого страдает сам потерпевший. Сказанное требует в какой-то степени снисходительного отношения к работнику в том случае, когда необходимо определить в процентах его вину[24]).

Мы полагаем, что снисходительность необходима и при определении размера возмещения.

Кроме того, второй способ исчисления возмещения при смешанной вине никогда не приводит к полному отказу потерпевшему в возмещении, ибо ущерб всегда причинен по вине причинителя в какой-то части и освободиться от ответственности он, с нашей точки зрения, не может. При этом нельзя не учитывать также и того обстоятельства, что пенсия не служит возмещением ущерба в любом случае, когда вред причинен будь это по вине гражданина или по вине организации), а лишь учитывается при возмещении вреда.

Пенсионное обеспечение носит всеобщий характер и не зависит от особенностей обстоятельств несчастного случая. Наоборот, гражданско-правовая ответственность всегда находится в прямой связи с целым рядом объективных и субъективных обстоятельств.

«Возлагая имущественную ответственность на виновного причинителя вреда в размере действительно нанесенного ущерба,— подчеркивает А. А. Собчак,— государство осуждает этим его поведение и стимулирует его и окружающих не переступать в будущем рамки дозволенного поведения»[25]).

В противном случае следует определенная гражданскоправовая санкция. Расходы, вначале возложенные на общество (выплата пенсии), затем перелагаются на предприятие, причинившее ущерб своим виновным поведением.

---

[24]) См.: Р. Ажимов, М. Никитина. Возмещение ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой. Казань, 1963, стр. 10. Изд-во Казанского университета. Казань, 1963, стр. 10.

[25]) А. А. Собчак. Деликтная ответственность и социальное страхование. «Вестник ЛГУ», № 17, вып. 3, 1964, стр. 129.

Очень большой интерес представляет рассмотрение вопроса о размере возмещения при смешанной вине сторон в литературе стран народной демократии.

Так, в одной из работ польский ученый М. Пекарский подверг подробному анализу разрешение в судебной практике следующего дела. Потерпевшему в связи с увечьем назначена пенсия в 1000 злотых, заработок до увечья составлял 2000 злотых, вина потерпевшего и причинителя вреда была определена в 50%.

В решении суда был применен такой расчет: $2000 : 2 = 1000 - 1000 = 0$. Следовательно, потерпевшему не полагалось никакого возмещения.

При рассмотрении же дела на объединенном совещании двух коллегий Верховного Суда Польской Народной Республики было решено, что более правильным будет другой путь, где расчеты производятся иначе, а именно $2000 - 1000 = 1000 : 2 = 500$.

Таким образом, в соответствии с решением Верховного Суда потерпевшему было присуждено возмещение ущерба в 500 злотых.

В своем постановлении Верховный Суд Польской Народной Республики указал, что при первом способе расчетов выигрывает тот, кто получает большую заработную плату. Верховный Суд выступил против первоначального решения по той причине, что вывод, сделанный им, существенно затрагивает интересы трудящихся.

Ссылаясь на законодательство Венгерской Народной Республики, М. Пекарский подчеркивает, что оно также исходит из того, что размер возмещения при смешанной вине определяется суммой, на которую причиненный ущерб превышает пенсию, полагающуюся потерпевшему[26]).

Таким образом, М. Пекарский высказал взгляд, согласно которому более правильным он считает второй способ исчисления, при котором из заработка потерпевшего сначала высчитывается пенсия, а потом только учитывается его вина.

Аналогичное мнение высказано и в болгарской литературе Б. Балабановым. Критикуя первый способ исчисления (указанный нами выше), он отмечает, что, если взять случай, когда пенсия будет составлять половину среднего заработка (1000 левов), то причинитель вреда при равной вине с потерпевшим (50%) окажется освобожденным от всякой ответственности ($2000 : 2 - 1000 = 0$).

Логичным и справедливым он считает результат, к которому приводит другой метод расчетов размера возмещения, когда от среднего заработка отнимается сначала пенсия, а потом получившаяся сумма при равной вине причинителя с потерпевшим делится на два (если ущерб равен 2000 левов, пенсия — 1600 левов, то остается ущерб не возмещенным в 400 левов, который следует при равной вине разделить на два и тогда получится возмещение, полагающееся с причинителя, в 200 левов)[27]).

Таким образом, и М. Пекарский и Б. Балабанов подтверждают правильность второго способа исчисления размера возмещения при смешанной вине сторон.

---

[26]) См.: Пекарский. Снижение размера компенсации за ущерб при несчастном случае на производстве с учетом вины потерпевшего. «Panstwoi prawo», 1963, № 12, стр. 910 и след.

[27]) См.: Б. Балабанов. Уменьшение размера возмещения при недозволенном ущербе. «Правна мисъл», 1963, № 2, стр. 56—57.

Итак, мы полагаем, что п. 17 Правил возмещения предприятиями, учреждениями, организациями ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем или иным повреждением здоровья, связанным с их работой, должен быть приведен в полное соответствие со ст. 94 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик и статьей 485 ГК РСФСР.

Регулируя одни и те же отношения, нормы, содержащиеся в Правилах, Основах и ГК союзных республик, устанавливающие порядок определения размера возмещения при смешанной вине, должны исходить из каких-то единых оснований.

Учитывая практическую важность единого и правильного метода исчисления, мы считаем, что необходимо в Правилах более подробно и четко, а не примером разъяснить, каким образом следует определять возмещение в случаях, когда наряду с виновностью предприятия, выразившейся в необеспечении администрацией безопасных условий труда, установлено также и виновное поведение (в форме грубой неосторожности) самого потерпевшего. В них должно быть предусмотрено, как следует исчислять размер возмещения при смешанной вине сторон, если потерпевший утратил полностью профессиональную трудоспособность.

Было бы целесообразно в специальном нормативном акте указать порядок исчисления размера возмещения, пригодный для всех категорий дел о возмещении вреда при смешанной вине сторон.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

РАЗВИТИЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ РАЦИОНАЛИЗАТОРСКИХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

В. А. НОСОВ

В настоящее время в нашей стране внедряется около 3 миллионов изобретений и рационализаторских предложений. В 1967 г., например, внедрение новаторских предложений дало около 2,3 миллиарда рублей годовой экономии[1]). Нет необходимости говорить о том, что этим не исчерпывается значение творчества изобретателей и рационализаторов. Не поддается никаким экономическим подсчетам та огромная польза от улучшения условий труда и техники безопасности, качества продукции и т. д., которая получается в результате внедрения изобретательских предложений.

Все это свидетельствует о том, что творцы технического прогресса стали активной силой в строительстве коммунизма. Советское государство всемерно охраняет личные и имущественные права изобретателей и рационализаторов. В Советском Союзе впервые в мировой истории получили защиту изобретательские предложения, не обладающие мировой новизной, — рационализаторские предложения. В настоящее время такие предложения охраняются во всех странах социалистического лагеря.

Коммунистическая партия и Советское правительство вопросам изобретательства и рационализации производства уделяют постоянное внимание, о чем свидетельствует непрерывное совершенствование правового регулирования изобретательства в стране.

Последовательная защита прав новаторов производства стала возможной лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

До Октябрьской революции изобретательство и его правовая охрана в нашей стране не получили должного развития. Патентный закон в России был издан позже, чем в развитых странах Запада, перед которыми правящие классы России во всем преклонялись. Отечественные же изобретатели не получали никакой поддержки, чем нередко пользовались дельцы из-за рубежа.

Буржуазная Россия не могла избавиться от влияния Запада, ликвидировать его давление в области изобретательства, без коренных социальных преобразований, которые совершила Великая Октябрьская социалистическая революция.

Победа нового строя, социалистических методов и форм хозяйствования позволили по-новому решать вопросы изобретательства и рацио-

[1]) См.: «Правда», 25 января 1968 года.

нализации производства, которые встали перед Советской властью сразу же после ее победы.

До 1918 года вопросы изобретательства находились в ведении Комитета по техническим делам Министерства торговли и промышленности.

В 1918 году это Министерство было ликвидировано, а существовавший при нем комитет по техническим делам был преобразован в Комитет по делам изобретений и усовершенствовании (Комподиз). В его лице в Советской России был создан орган, который призван сосредоточить в своих руках дело развития технического прогресса, своего рода штаб изобретателей и новаторов производства.

30 июня 1919 года В. И. Ленин подписал декрет, утвердивший положение об изобретениях[2]). Это первый закон Советской власти по изобретательству. Он по-новому решал многие вопросы изобретательства. Полезные изобретения объявлялись достоянием народа. Декрет защищал права самого изобретателя, а не патентообладателя. Об этом говорит тот факт, что изобретение объявлялось достоянием государства по соглашению с автором. Если такое соглашение не было достигнуто, изобретение объявлялось достоянием государства в принудительном порядке. Но в обоих случаях автор получал вознаграждение, не облагаемое налогом. Этому закону, как и последующему закону — Закону о патентах, утвержденному Постановлением ЦИК и СНК СССР от 12 сентября 1924 года[3]), неизвестно понятие рационализаторских предложений. Эти акты регулируют отношения, связанные лишь с созданием и использованием изобретений.

В. И. Ленин придавал большое значение изобретениям и другим новинкам техники и внедрению их в производство. На примере изобретения Рамсеем способа подземной газификации каменного угля он ярко показывает роль технического прогресса при капитализме и в условиях социализма. При капитализме «освобождение» труда миллионов горнорабочих, занятых добыванием угля, породит неизбежно массовую безработицу, громадный рост нищеты, ухудшение положения рабочих. А прибыль от великого изобретения положат себе в карман Морганы, Рокфеллеры, Рябушинские, Морозовы с их свитой адвокатов, директоров, профессоров и прочих лакеев капитала.

При социализме применение способа Рамсея, «освобождая» труд миллионов горнорабочих и т. д., позволит сразу сократить для всех рабочий день с 8 часов, к примеру до 7, а то и меньше. «Электрификация всех фабрик и железных дорог сделает условия труда более гигиеничными, избавит миллионы рабочих от дыма, пыли и грязи, ускорит превращение грязных отвратительных мастерских в чистые, светлые, достойные человека лаборатории. Электрическое освещение и электрическое отопление каждого дома избавит миллионы домашних рабынь от необходимости убивать три четверти жизни в смрадной кухне»[4]).

После победы Октябрьской революции, возглавляя правительство молодой республики Советов, В. И. Ленин постоянно прилагает большие усилия для организации и развития научно-технических исследований, привлекая к этой работе как ученых и специалистов, так и простых рабочих. Когда положение Советской России, после заключения Брестского мира улучшилось, В. И. Ленин смог даже установить отдельные дни для рассмотрения технических проектов и вопросов.

---

[2]) СУ РСФСР 1919, № 34, стр. 341.
[3]) СЗ СССР 1924, № 9, стр. 97.
[4]) В. И. Ленин. Соч., т. 23, изд. 5-е, стр. 94—95.

О внимательном отношении В. И. Ленина к изобретателям говорят многочисленные воспоминания тех, кому посчастливилось работать вместе с Владимиром Ильичем: Ф. В. Ленгника[5]), И. И. Радченко[6]), Г. М. Кржижановского[7]), В. Д. Бонч-Бруевича[8]) и др.

Ленинские указания о роли изобретательства и технического прогресса в строительство социализма стали основополагающими в развитии массового технического творчества в нашей стране. Развитие творческой инициативы начинается с первых дней существования социалистических предприятий, когда рабочие почувствовали себя действительными хозяевами заводов и фабрик. В 1920—1921 гг. предложения рабочих, направленные на развитие технического прогресса, стали постоянным явлением. На предприятиях действуют производственные ячейки и совещания, которые призваны помогать рабочим в разработке их технических замыслов. На некоторых предприятиях создаются специальные комиссии для рассмотрения изобретательских предложений рабочих. Например, такая комиссия под руководством главного инженера была создана в 1921 году на Донецком (Юзовском) металлургическом заводе. Это были первые органы по руководству массовым рабочим изобретательством.

Партия постоянно поддерживает развитие творческой активности рабочих. X конференция РКП(б) предлагает «ввести повсюду принципы индивидуальной и коллективной заинтересованности за изобретения, усовершенствования, экономию рабочей силы, топлива материалов, сохранность зданий, машин и т. п.»[9]). В этот период, вплоть до 1931 года, «рабочее изобретательство» регулируется не законом (декретом, положением и т. п.), а ведомственными актами. Так, в циркуляре Главметалла и ЦК профсоюза рабочих-металлистов от 1 июля 1925 года «О премировании рабочих-изобретателей» предлагается поощрять изобретателей, выдавать им в виде вознаграждения не менее трети годовой экономии. Этот циркуляр установил право автора предложения в течение шести месяцев пользоваться изобретением без повышения норм. Эта норма воспринятая в последующем законодательстве и действует в настоящее время.

Первым актом о рабочем изобретательстве в масштабе страны был приказ по ВСНХ от 11 апреля 1925 года, подписанный Ф. Э. Дзержинским. В нем определяется направление технического творчества трудящихся и его значение. «Работая над усовершенствованием труда, — говорится в приказе, — рабочий знает в настоящее время, что он работает не для усиления превосходства своего классового врага капиталиста, что он не дает ему новых средств для усиления эксплуатации и угнетения рабочих, но, наоборот, дает с в о е м у же государству, с в о е м у же классу возможность повысить производительность труда, увеличить сумму производимых богатств, облегчить тяжелый труд, улучшить положение трудящихся». «Страна рабоче-крестьянского, советско-коммунистического строительства, — подчеркивается далее в приказе, — должна быть также страной коллективного творчества в области техники и улучшения методов труда»[10]). Этот приказ выходит

[5]) См.: Воспоминания о Ленине. Т. 2, Госполитиздат, 1957, стр. 591.
[6]) См. там же, стр. 96—97.
[7]) См. там же, стр. 556—557.
[8]) См.: В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об изобретательстве. «Изобретатель и рационализатор», 1959, № 6.
[9]) КПСС в резолюциях... Ч. 1, Госполитиздат, 1953, стр. 575.
[10]) Ф. Э. Дзержинский. Избранные произведения. Т. 2, Госполитиздат, 1957, стр. 70, 71.

за рамки ведомственного распоряжения по ВСНХ, он является общей директивой по развитию технического прогресса. Этот приказ является подтверждением и развитием ленинских положений о техническом прогрессе в социалистическом обществе.

В соответствии с этим приказом были созданы органы по содействию рабочему изобретательству, комиссии, в которые входили представители администрации и профсоюзов. На эти комиссии возлагались оценка предложений, рекомендация их к внедрению, а также осуществление премирования авторов. Циркуляром по ВСНХ СССР № 62 от 26 июня 1925 года «Об организации бюро содействия изобретателям при ВСНХ союзных и автономных республик, областных совнархозах и промбюро». Комиссии были реорганизованы в бюро по изобретательским делам (БИДы), на которые возлагались аналогичные задачи.

Этими циркулярами была создана система органов по руководству изобретательским делом в центре и на местах. Эти органы рассматривали и оценивали с точки зрения возможности использования полезные предложения как патентоспособные, т. е. дающие по закону о патентах от 12 сентября 1924 года право на получение патентов, так и всякие другие технические предложения, не являющиеся патентоспособными, но дающие пользу предприятию, на котором это предложение впервые применяется. Они следили за тем, чтобы наиболее ценные изобретательские предложения быстрее внедрялись в производство и широко применялись, оказывали изобретателям помощь в оформлении авторских прав и в получении вознаграждения за внедрение в производство технических новинок.

Поскольку не было единого нормирования вознаграждения за изобретательские предложения, то оно было чрезвычайно неопределенно. В. В. Петровский, например, сообщает, что оно колебалось от доли процента до 15—20 процентов годовой экономии. Так, кожзавод «Марксист» имел от изобретательских предложений экономию 95 тыс. рублей в год, а премий выдал всего 300 рублей; на другом заводе за изобретение выдавали столько рублей, сколько процентов экономии оно давало: 25% экономии — 25 руб. вознаграждения, 15% — 15 рублей и т. д.[11]).

Эта порочная практика была осуждена циркуляром по ВСНХ № 79 от 14 августа 1925 года «О мерах поощрения рабочего изобретательства на фабриках и заводах»[12]), которым был установлен единый порядок оценки предложений и определения размера вознаграждения.

Циркуляр предусматривал вознаграждение за изобретение непатентного характера, т. е. за такие предложения, которые впервые применялись в производстве данного предприятия даже в том случае, если они не были оригинальными и представляли собой заимствование или переработку существующих решений.

Предложения, за которые предлагалось поощрение, рассматривалось довольно широко, включая как предложения творческого характера (изобретения, открытия), так и другие предложения, способствующие развитию производства и улучшению условий труда.

Но поощрению подлежат не все предложения, а лишь те, которые признаны целесообразными и оказались после известного периода испытания и практического применения полезными для предприятия и которые давали экономическую выгоду. Это устанавливалось директором, а на крупных предприятиях — комиссией, в состав которой входи-

[11]) См.: В. В. Петровский. Что должен знать рабочий-изобретатель. Изд-во «Прибой», Л., 1929, стр. 77.

[12]) «Вестник Комитета по делам изобретений», 1925, № 9, стр. 14—17.

ли директор или его заместитель, председатель профсоюзной организации и др.

Несколько законодательных актов о рабочем изобретательстве издается в 1928 году. Все они направлены на то, чтобы лучше организовать работу по наиболее полному использованию всевозможных изобретательских предложений.

Эти акты обязывали наркоматы и ведомства обратить особое внимание на проведение мероприятий, способствующих проявлению и росту творческой и производственной активности и инициативы рабочих масс и инженерно-технических работников. Наркоматы и ведомства были обязаны улучшить работу органов по содействию и изобретательству, а там, где они отсутствовали, предлагалось создать такие органы. Задача последних заключалась в оказании помощи изобретателям в оформлении их прав на изобретательские предложения. Эта работа была поручена экспертным комиссиям. Закон устанавливал постоянные фонды содействия фабрично-заводскому изобретательству, которые образовывались из средств предприятий и отчислений от экономии. По этому закону авторы изобретательских предложений получили определенные льготы по устройству на работу, поступлению в учебные заведения и др.

В соответствии с этими указаниями ВСНХ СССР и ВЦСПС утвердили Положение о комиссиях по содействию фабрично-заводскому изобретательству на производственных предприятиях и при трестах (см. приказ по ВСНХ СССР от 16 марта 1929 года № 527)[13]).

По указанному Положению комиссии создавались для осуществления тех задач, которые были определены в законе, т. е. в целях всемерного поощрения инициативы рабочих и служащих производственных предприятий, направления их творческой мысли в сторону планомерного разрешения в первую очередь насущнейших потребностей производства, рационализации техники и обеспечения реального осуществления предложений (см. п. 1 Положения). Комиссии осуществляли контроль за премированием изобретателей. Для получения вознаграждения было необходимо, чтобы предложение было полезным, давало положительный эффект, увеличивало производительность труда, удешевляло себестоимость, улучшало качество продукции и т .п. На размер вознаграждения оказывали влияние такие факторы, как новизна, значимость предложения, простота осуществления и т. д. Условия премирования авторов определялись Инструкцией о порядке премирования за изобретения и усовершенствования. Руководство комиссиями осуществляли созданные тогда же бюро рабочего изобретательства БРИЗы[14]). С 6 августа 1930 года БРИЗы становятся единственными органами по рабочему изобретательству на местах[15]). Они стали осуществлять функции, аналогичные тем, которыми были наделены упраздненные комиссии по содействию изобретательству. Созданная в то время система органов по изобретательству в основном действует и в настоящее время.

Таким образом, в конце 20-х годов, наряду с законом о патентах на изобретения, сложилась определенная система нормативных актов об изобретательских предложениях, не обладающих признаками изобрете-

---

[13]) «Вестник Комитета по делам изобретений», 1930, № 4, стр. 44—49.

[14]) См. там же, стр. 49—54.

[15]) Комиссии по содействию и изобретательству были упразднены приказом по ВСНХ СССР № 1779 от 6 августа 1930 года. Этим же актом утверждено новое положение о бризе (см.: «Вестник Комитета по делам изобретений». 1930, № 10, стр. 57—59).

ния в узком смысле слова. При анализе этих актов нетрудно заметить общую их направленность: все они предусматривали установление той или иной формы поощрения за изобретательские предложения вне зависимости от их патентоспособности. Но ни один из законодательных актов не устанавливал определенной формы правовой охраны предложений по рационализации производства.

По существу, это было поощрение за примерный труд рабочих, которые добивались значительных успехов благодаря применению различных усовершенствований. Та же цель — поощрение, а не охрана авторских прав на внесенные предложения преследовалась при введении удостоверений на внедренные предложения.

Таким образом, практика показала, что охрана интересов новатора лишь методами трудового права оказалась недостаточной, что возникла необходимость ввести гражданскоправовое регулирование этих отношений. Это положение получило поддержку и обоснование в литературе, которая стала рассматривать усовершенствование как разновидность изобретательских предложений, т. е. получило признание рационализаторское предложение, которое в то время называлось по-разному: «усовершенствование», рабочее предложение» и т. п. «Изобретение, к какой бы отрасли оно ни относилось, может быть квалифицировано как «усовершенствование» или как «собственное изобретение». Под «усовершенствованием» надлежит понимать введение в существующий механизм, прибор, способ и т. п. некоторого новшества, повышающего качества с одной или нескольких сторон данного механизма, прибора, способа; под изобретением надлежит понимать какой-либо новый механизм, прибор, предмет или способ, хотя бы и составленный из элементов, деталей или приемов, уже известных»[16]).

Л. И. Поволоцкий считал, что для «полезного предложения», как он называл рационализаторские предложения, достаточно его полезности для применившего его предприятия (организации), «Изобретение»— новое, в смысле, указанном в декрете от 12 сентября 1924 года, применимое в промышленности, предложение». «Предложение, — продолжает он, — хотя бы и не новое, в смысле патентоспособности, но полезное предложение, поднимающее эффективность промышленности, сельского хозяйства и т. п.»[17]). Таким образом, он усматривал два признака, которыми должно было обладать непатентноспособное предложение, за которое могло быть выдано вознаграждение, — это новизна в пределах предприятия, организации, отрасли промышленности и т. д. и полезность предложения.

В. Н. Шретер, различая «изобретения» и «усовершенствования» и проводя грань между ними по степени их новизны, поставил вопрос о необходимости установления определенной формы защиты этих усо-

---

[16]) К. Сабанеев. К вопросу о помощи изобретателям и реализации их изобретений. «Вестник Комитета по делам изобретений». 1928, № 7, стр. 963—964.

С предложенной характеристикой изобретательских предложений мы согласиться не можем, так как изобретением может быть не только какой-либо механизм, прибор, способ и т. п., но и та или иная деталь, часть механизма и т. д.; и, наоборот, рационализаторским предложением может быть признано создание прибора, механизма и пр., а не только усовершенствование какой-то их части. Однако обращаем внимание на то, что автор проводит грань между изобретением и рационализаторским предложением по степени новизны предложений. Впоследствии подобная точка зрения нашла широкое распространение.

[17]) Л. И. Поволоцкий. Объединение законодательства об изобретениях. «Вестник комитета по делам изобретений», 1928, № 12, стр. 1843; Его же. Реализация изобретений. «Вестник Комитета по делам изобретений». 1929, № 2, стр. 129—130.

вершенствований, путем выдачи автору какого-либо документа на его предложение[18]).

Из приведенных высказываний можно сделать вывод, что теория изобретательского права приходит к необходимости установления правовой охраны непотентоспособных предложений, хотя еще нет единого мнения о пределах такой охраны, о границах изобретательских предложений.

С 1926 года ведется подготовка нового закона об изобретениях. До 1930 года различными органами и комиссиями было создано десять проектов положения об изобретениях. Но все они были признаны неудовлетворительными. Ни один из проектов не предусматривал правовой охраны рационализаторских предложений. Некоторые из них, например, проект, предложенный Комитетом по делам изобретений, предусматривали только патентную форму охраны изобретений и передачу изобретательских предложений предприятию по договору. На неудовлетворительную работу по разработке этого закона указал ЦК ВКП(б) 26 октября 1930 года. В Постановлении Центрального Комитета «О положении массового изобретательства под углом его влияния на рационализацию производства»[19]) отмечается: «В период огромного роста социалистического строительства и творческой инициативы рабочего класса исключительное значение приобретает массовое изобретательство, как одна из важнейших форм непосредственного участия рабочих в социалистической рационализации производства». ЦК ВКП(б) отметил неудовлетворительное использование изобретений, усовершенствований и предложений рабочих и полагал, что «организация и использование массового изобретательства должны стать важнейшим делом хозяйственных, профсоюзных, комсомольских и партийных организаций». Центральный Комитет предложил всем хозяйственным органам и организациям обеспечить своевременное рассмотрение, испытание и применение всех полезных изобретений. Большое значение имела идея создания общества изобретателей, одобренная Центральным Комитетом партии. ЦК ВКП(б) предложил партийной фракции в ЦИК СССР ускорить издание нового закона об изобретениях (не позднее 1 января 1931 года), обеспечивающего развитие и использование массового изобретательского движения в СССР.

Это Постановление ЦК ВКП(б) продолжает и развивает ленинскую политику в отношении изобретательства, которая впервые была провозглашена декретом от 30 июня 1919 года и развита последующими актами партии и Советского правительства. Оно способствовало дальнейшему развитию массового творчества и ускорило издание нового закона об изобретениях. Этот закон был принят 9 апреля 1931 года.

В Постановлении ЦИК и СНК СССР о введении в действие[20]) Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях отмечается, что «социалистическая индустриализация дает огромный, невозможный при капиталистическом строе, простор развитию технического творчества рабочих масс». В этом акте, как и в Постановлении ЦК ВКП(б) от 26 октября 1930 года, отмечается, что массовое техническое творчество является формой участия рабочих в социалистической инду-

---

[18]) В. Н. Шретер. Реформа патентного права. Советское право, 1929, вып. 1, стр. 122.

[19]) Текст постановления опубликован в «Вестнике Комитета по делам изобретений»». 1930, № 11.

[20]) Постановление ЦИК и СНК СССР о введении в действие Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях опубликовано в «Вестнике». 1931, № 4.

стриализации и внедрении новой техники. Отметив, что действовавший закон о патентах перестал соответствовать стремлениям рабочих-изобретателей, Постановление закрепляет новые формы взаимоотношений изобретателей-трудящихся с социалистическим государством, которые соответствуют возросшей роли рабочего-изобретателя в социалистическом обществе.

В пункте первом Положения об изобретениях и технических усовершенствованиях указывалось, что оно распространяется на новые изобретения и прочие технические усовершенствования.

Лица, предложившие государственному органу или организации обобществленного сектора технические усовершенствования, получали от этих органов или организаций соответствующее удостоверение на принятое к исполнению предложение, авторское вознаграждение по установленной шкале, а также ряд льгот в соответствии с указаниями закона (см. п. 10).

Положение не содержало определения технического усовершенствования и других предложений. Некоторую расшифровку их давала Инструкция Комитета по изобретательству при СТО от 31 октября 1931 года «О вознаграждении за изобретение, технические и организационные усовершенствования»[21]).

В п. 1 Инструкции было сказано: «Как за технические усовершенствования вознаграждение выдается за принятые предложения, имеющие технико-конструктивный характер, или изменяющие технический процесс производства, если на них не получено авторского свидетельства.

Как за организационные усовершенствования вознаграждение выдается за прочие полезные предложения, принятые к осуществлению».

Следовательно, для признания предложения техническим усовершенствованием было необходимо, чтобы оно вносило определенные усовершенствования в применяемую технику или изменяло технологический процесс. В законе не указывалось иных признаков этих предложений и вообще не говорилось о том, что следует понимать под организационными предложениями. Под ними понимались всякие предложения, которые не признавались изобретениями и техническими усовершенствованиями. К последним относили всякое улучшение уже существующих в природе предметов, которые способствовали развитию промышленности[22]). (Техническими усовершенствованиями признавались также предложения, заимствованные из литературы, из опыта других предприятий и приспособленные к условиям данного производства[23]). Так же широко было и понятие организационных предложений, к которым относили все, что не затрагивало решения технических задач. К ним относились предложения по организации производства; предложения административного финансового, эксплуатационного характера; предложения по повышению производительности труда, рациональном использовании машин, инструментов и прочих средств труда, сырья, материалов, топлива, механизировании производства без изменения технологии, введении потока, использованию отбросов

---

[21]) «Вестник Комитета по делам изобретений», 1931, № 10.

[22]) Л. И. Фишман. Что должен знать рабочий-изобретатель о новом законе об изобретениях. М.-Л., 1931, стр. 17, 77 и др.

[23]) См.: Ник. Рионов. На социалистический путь. Гос. научно-техническое изд-во, 1931, стр. 16.

производства, рационализации снабжения, а также предложения в области стандартизации[24])

Таким образом, «Положение» 1931 года определило основное направление в регулировании изобретательства в социалистическом государстве, установив впервые в мире правовую охрану полезных изобретательных предложений независимо от их патентоспособности. Этим определяется значение этого закона об изобретениях, впервые в истории социалистического строя так последовательно воплотившего в себе основные черты социалистического изобретательства.

Практика применения Положения и Инструкции 1931 года пошла по пути размежевания технических, производственных предложений и предложений организационно-хозяйственного характера. (По Инструкции последние поощрялись как организационные усовершенствования).

Эта практика была учтена в принятом 5 марта 1941 года Положении об изобретениях и технических усовершенствованиях[25]) и особенно в Инструкции о вознаграждении, принятой 27 ноября 1942 года[26]). Инструкция о вознаграждении установила три вида изобретательских предложений, на которые распространялось действие Положения: изобретение, техническое усовершенствование и рационализаторское предложение. На предложения организационно-хозяйственного характера действие Положения не распространялось. Но не было ясности относительно того, распространяется ли действие норм изобретательского права на организационно-производственные предложения, по поводу чего в литературе шел длительный спор[27]).

В п. 2 Инструкции о вознаграждении технические усовершенствования и рационализаторские предложения определены следующим образом: «Техническими усовершенствованиями... являются предложения, улучшающие на данном предприятии или производственном участке конструкции или технологические процессы, если на эти предложения выданы авторские удостоверения.

Рационализаторскими... являются предложения производственно-технического характера, непосредственно улучшающие производственный процесс путем более эффективного использования оборудования, материалов или рабочей силы, но несущественно изменяющие конструкции или технологические процессы».

Если сравнить оба понятия, то оказывается, что первое из них определено более четко, однако и оно не содержит признаков технического усовершенствования, отличающих его от изобретения. Еще менее ощутима грань между техническим усовершенствованием рационализаторским предложением. Признак «производственно-технического характера» может быть отнесен и к понятию технического усовершенствования, ибо последнее направлено на усовершенствование техники, технологических процессов и т. д., что оказывает непосредственное влияние на производство. Таким образом, техническое усовершенствование тоже можно определить как предложение производственно-технического характера, улучшающее конструкции и т. д.

---

[24]) См.: И. Я. Хейфец. Основные проблемы изобретательства. Внешторгиздат, 1931, стр. 141.

[25]) СП СССР 1941, № 9, ст. 150.

[26]) СП СССР 1942, № 10, ст. 278.

[27]) Нельзя считать этот спор разрешенным и в настоящее время: в литературе имеются противоположные суждения относительно возможности признания указанных предложений в качестве рационализаторских.

Не вносили большой ясности и уточняющие признаки рационализаторских предложений, «несущественно изменяющие конструкции или технологические процессы производства».

Неопределенность этих положений вызывала значительные затруднения в квалификации предложений. Это обстоятельство явилось одной из причин отказа от «трехчленного» деления изобретательских предложений.

Положение об открытиях, изобретениях и рационализаторских предложениях, принятое 24 апреля 1959 года[28]), предусматривает один вид изобретательских предложений, не обладающих мировой новизной,— рационализаторские предложения.

Анализ п. 7 и др. этого Положения дает основания считать рационализаторскими предложения, которые: а) творчески решают производственную или техническую задачу; б) являются новыми для предприятия (организации) и в) дают положительный эффект.

После принятия Положения Комитет по делам изобретений и открытий при Совете Министров СССР принял несколько разъяснений по его толкованию.

По интересующему нас вопросу Комитетом 14 мая 1964 года принято разъяснение «О признаках рационализаторского предложения и порядке отнесения предложений к категории рационализаторских». В этом разъяснении Комитет указал основные признаки рационализаторских предложений: новизна, самостоятельность, полезность. Следует, однако, отметить, что Комитет несколько иначе, чем Положение, толкует сущность рационализаторского предложения, так как считает, что им может быть только техническое решение задачи, тем самым не считает рационализаторскими предложения организационно-производственного характера.

Большое место в разъяснении занимает квалификация предложений инженерно-технических работников научно-исследовательских проектных и конструкторских организаций. Комитет распространил действие Положения на учреждения, входящие в состав предприятий и организаций, если они решают задачи, аналогичные тем, которые решают самостоятельные организации.

---

[28]) СП СССР 1959, № 9, ст. 59.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ОТНОШЕНИЕ КАК ПРАВООТНОШЕНИЕ

В. Н. ЩЕГЛОВ

1. Выявление динамики регулирующего воздействия процессуальных норм, общественной природы процессуальных отношений, их общих черт и особенностей, позволяющее определить специфику метода процессуальных отраслей права, призвано способствовать правильному сочетанию государственных и общественных форм защиты права и успешному решению задачи дальнейшего развития и совершенствования демократических основ советского правосудия.

В юридической литературе принято считать, что особенностью процессуальных отношений является их существование только как правовых отношений[1]).

Касаясь данного положения, необходимо остановиться вначале на соотношении процессуального отношения и фактического общественного отношения. Исследование механизма правового регулирования приводит к выводу, что правовое отношение не является регулятором другого общественного отношения — фактического, что правовым является само урегулированное правом фактическое общественное отношение.

---

[1]) См.: С. Н. Братусь. О роли советского права в использовании экономических законов, М., 1954, стр. 29—30; Р. Ф. Каллистратова. Институт «особого участия» государственных и общественных организаций в советском гражданском процессе. Автореферат кандидатской диссертации. М., 1954, стр. 5; Ее же. К вопросу об участниках арбитражного процесса. «Ученые записки ВИЮН», вып. 17, 1963, стр. 56; М. С. Строгович. Уголовнопроцессуальное право в системе советского права. «Советское государство и право», 1957, № 4, стр. 103—104; Л. С. Явич. Советское право — регулятор общественных отношений в СССР. 1957, стр. 42; И. В. Павлов. О системе советского социалистического права. «Советское государство и право», 1958, № 11, стр. 9; П. С. Элькинд. Правоотношения в советском уголовном процессе. «Вестник ЛГУ», серия экономики, философии и права, вып. 1, 1959, № 5, стр. 94—96; Ее же. Сущность советского уголовнопроцессуального права. Изд-во Ленинградского университета, 1963, стр. 8—10; О. С. Иоффе, М. Д. Шаргородский. Вопросы теории права. Госюриздат, 1961, стр. 217; Д. М. Чечот. Участники гражданского процесса, Госюриздат, 1960, стр. 6; Д. Р. Джалилов. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. Душанбе, 1962, стр. 17; Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 63—67; М. П. Ринг. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях. «Ученые записки ВИЮН», вып. 16, 1963, стр. 51; Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения. Изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 12; «Демократические основы советского социалистического правосудия». Изд-во «Наука», 1965, стр. 68.

На возможность существования некоторых общественных отношений только как правовых было указано О. С. Иоффе. (См.: О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во Ленинградского университета, 1949, стр. 14).

Признание правоотношения общественным отношением обязывает относить к его составу фактическое поведение субъектов, поскольку под общественными отношениями принято понимать отношения между людьми в процессе их совместной деятельности. По этому вопросу В. И. Ленин писал: «...социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения»[2]).

Субъективные права и обязанности, возникающие в процессе регулирования, не могут рассматриваться как правоотношение, ибо включают только должное или возможное поведение, а не фактическое.

Динамика регулирующего воздействия права на общественные отношения ярко раскрыта в следующем высказывании К. Маркса: «...уже при неразвитой меновой торговле обменивающиеся лица молчаливо признают друг друга равными личностями и собственниками обмениваемых благ: они делают это уже тогда, когда они предлагают друг другу свои блага и совершают друг с другом сделки. Это фактическое отношение, возникающее лишь благодаря самому обмену и в обмене, получает позднее правовую форму в виде договора и т. д.; но эта форма не создает ни своего содержания, обмена, ни существующих в ней отношений лиц друг к другу, а наоборот»[3]).

К. Маркс отчетливо показал, что правовое урегулирование общественного отношения состоит не в образовании правоотношения, как нового общественного отношения, регулирующего другое общественное отношение, а в приобретении регулируемым правом общественным отношением правовой формы в виде правомочий и обязанностей (договора применительно к отношениям обмена).

От неурегулированных правом общественных отношений правовое отношение отличается наличием правовой формы, субъективных прав и обязанностей, в соответствии с которыми участники правоотношения осуществляют поведение. Поэтому мы не можем согласиться с тем, что фактические отношения стоят за правовыми отношениями и являются предметом воздействия со стороны последних[4]). Фактических отношений за правоотношениями нет, ибо правовыми являются сами фактические отношения, урегулированные правом. С точки зрения динамики правового регулирования процессуальное отношение не отличается от иных правовых отношений, включая урегулированные правом экономические отношения. Всякое общественное отношение, будучи урегулированным правом, выступает только как правовое. Купля-продажа, например, как форма обмена продуктов общественного производства в условиях всех эксплуататорских общественных формаций является экономическим отношением, урегулированным правом, т. е. правоотношением. В социалистическом обществе, идущем по пути к коммунизму, купля-продажа продолжает оставаться правовым экономическим отношением и до тех пор, пока сохраняется потребность в ее правовом регулировании и существуют регулирующие ее правовые нормы, правовой формы не утратит.

---

[2]) В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 1, стр. 424.

[3]) К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 393.

[4]) См.: В. П. Мозолин. О гражданскопроцессуальном правоотношении. «Советское государство и право», 1955, № 6, стр. 52; Д. Р. Джалилов. Гражданское процессуальное правоотношение и его субъекты. Душанбе, 1962, стр. 16; Н. Б. Зейдер. Гражданские процессуальные правоотношения. Изд-во Саратовского университета, 1965, стр. 12.

Купля-продажа в социалистическом обществе имеет коренное отличие от соответствующих отношений эксплуататорского общества по своему экономическому и политическому содержанию и по форме, но с тех пор, как она урегулирована правом, и до отпадания правовой регламентации купля-продажа как общественное отношение существует и будет существовать только как правоотношение. Ее возникновение, изменение и прекращение связывается с поступками и действиями, имеющими значение юридических фактов. Такое же значение имеют фактические действия субъектов, в которых осуществляется купля-продажа (передача вещей и получение денег), ибо они совершаются в соответствии с субъективными правами и обязанностями.

2. Рассматривая соотношение процессуальных отношений с фактическими общественными отношениями и указывая на отсутствие между ними непосредственной связи, Н. А. Чечина замечает, что это не значит, что нормы процессуального права не воздействуют на фактические отношения, а регулируют только сами себя[5]). Действительно, процессуальные нормы, как и все правовые, являются регуляторами общественных отношений. Процессуальные нормы связаны с базисом, в конечном счете им определяются и оказывают обратное воздействие на экономические отношения. Однако утверждение, что нормы процессуального права регулируют сами себя, опровергается не тем, что они связаны с экономическими отношениями.

Связь эта есть, но она не является непосредственной. Процессуальное же право, как и всякое иное, имеет свой непосредственный предмет — процессуальные общественные отношения.

Процессуальное право воздействует на экономические отношения, осуществляясь в процессуальных отношениях, являющихся фактическими и имеющими правовую форму.

Поэтому указание, что «... все процессуальные отношения в системе и каждое в отдельности связаны с фактическими отношениями через предмог судебной деятельности»[6]), следует признать неточным. Процессуальные отношения, как и экономические, являются фактическими отношениями, урегулированными нормами права.

Судебная деятельность, предметом которой Н. А. Чечина считает фактические отношения (экономические), относится к содержанию процессуального отношения, тоже являющегося фактическим.

3. Более логичной и последовательной представляется позиция авторов, относящих к содержанию правового отношения только права и обязанности субъектов и различающих поэтому процессуальные правоотношения и стоящие за ними фактические процессуальные отношения. Поскольку фактическое поведение субъектов не находит места в правоотношении, выделяется фактическое общественное отношение, включающее поведение. Однако мы не можем согласиться с выделением двух общественных отношений в динамике регулирующего воздействия права, ибо считаем, как было показано выше, содержанием правоотношения поведение субъектов, а его формой — права и обязанности и рассматриваем правовое отношение как фактическое отношение, урегулированное правом. Выделение двух общественных отношений (правового и фактического) влечет отрыв фактического поведения от прав и обязанностей: поведение оказывается в составе фактического отношения,

[5]) См.: Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 66.

[6]) Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 66.

а правомочия и обязанности — в составе правоотношения. Кроме того, в этом случае оказывается два общественных отношения, существующих только как правовых: правовое отношение, состоящее только из правомочий и обязанностей, является юридическим по содержанию, а регулируемое им фактическое процессуальное отношение не может существовать вне процессуальной формы и тоже является правовым.

В действительности двух общественных отношений (регулятора и его предмета) нет. Правовым отношением является само урегулированное правом общественное отношение. В качестве регулятора выступает право, а урегулированное им общественное отношение является правоотношением.

4. Вывод о существовании процессуальных отношений только как правоотношений не находит, таким образом, обоснования в динамике регулирующего воздействия права: всякое урегулированное правом общественное отношение возникает, изменяется и прекращается как правовое отношение и как неправовое общественное отношение существовать не может. Но это не означает еще его ошибочности. Данный вывод правилен с позиций охвата правовым регулированием того или иного вида общественных отношений. В отличие от семейных, трудовых и иных общественных отношений, могущих существовать в качестве и правовых и неправовых отношений, процессуальные отношения существуют только как правовые[7]). Не регулируются законом, например, фактические брачные отношения, хотя до издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8/VII 1944 г. они имели правовую форму. Не являются правовыми отношения между рабочими, служащими и колхозниками по социалистическому соревнованию.

Процессуальные отношения всегда выступают как правовые. Признавая правовую форму одним из отличительных признаков процессуальных отношений и необходимость облечения в эту форму отношений, складывающихся в ходе юрисдикционной деятельности Госарбитража, Р. Ф. Каллистратова отмечает вместе с тем, что, начиная свою работу, Госарбитраж не имел никаких процессуальных норм[8]). Однако на этом основании не может быть сделан вывод, что процессуальные отношения органов Госарбитража с заинтересованными организациями и другими участниками арбитражного процесса на первых порах не были правовыми (Р. Ф. Каллистратова такого вывода не дает). Они имели правовую форму в силу применения ряда норм гражданского судопроизводства по аналогии и основных начал советского законодательства.

Многолетняя судебная практика, предшествовавшая принятию Основ гражданского судопроизводства и ГПК союзных республик, допускала аналогию права и закона в связи с отсутствием необходимых гражданскопроцессуальных норм. Довольно широко применялись, например, нормы уголовнопроцессуального права, регулировавшие сходные отношения в стадии судебного разбирательства гражданских дел.

Новое гражданское процессуальное законодательство, имеющее глубокую научную основу и воспринявшее все то, что оправдано жизнью и проверено практикой, восполнило существовавшие пробелы в правовом регулировании и ввело ряд новых процессуальных институтов. В этих условиях сфера применения аналогии процессуального закона

---

[7]) Н. А. Чечина справедливо указала на возможность существования семейных отношений вне правовой формы. См.: Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения. Изд-во Ленинградского университета, 1962, стр. 65.

[8]) См.: Р. Ф. Каллистратова. К вопросу об участниках арбитражного процесса. «Ученые записки ВИЮН», вып. 17, 1963, стр. 55—56.

и аналогии права значительно сужается. Предусматривая возможность применения аналогии при разрешении дела по существу, новое гражданское процессуальное законодательство не упоминает об аналогии закона и права при решении процессуальных вопросов (ст. 12 Основ, ст. 10 ГПК). Однако и в настоящее время, нам думается, не исключена правовая форма некоторых процессуальных отношений, основанная на аналогии закона. Даже в сфере гражданского судопроизводства, получившего усовершенствованную и очень детальную регламентацию со стороны Основ гражданского судопроизводства и особенно республиканских гражданскопроцессуальных кодексов, возможно применение правовых норм по аналогии в связи с удачным решением тех или иных процессуальных вопросов в одной республике и отсутствием соответствующих правил в законодательстве другой союзной республики.

Представляется допустимым применение по аналогии норм гражданского судопроизводства в арбитражной практике и особенно в деятельности товарищеских судов и ФЗМК по разрешению гражданских дел. Так, при рассмотрении товарищеским судом споров о пользовании коммунальными услугами между жильцами, земельным участком и домовладением между собственниками[9]) нередко возникает потребность в заключении жилищно-коммунальных органов. Общественные формы защиты права не дают оснований лишать эти органы возможности осуществления ими своих обязанностей по государственному управлению жилищно-коммунальным хозяйством и земельным фондом. Кроме того, их заключения, оказывающие серьезную помощь народным судам в разрешении указанных дел[10]), тем более необходимы товарищеским судам.

Убедительными и приемлемыми являются, по нашему мнению, высказанные Е. И. Филипповым и И. И. Мартиновичем соображения о возможности применения в практике товарищеских судов общих принципов советского судопроизводства и отдельных процессуальных правил, избегая вместе с тем копирования процессуального порядка рассмотрения дел в народном суде и излишней юридизации деятельности товарищеских судов[11]).

Условиями сохранения аналогии в процессуальном праве должны являться: отсутствие закона, регулирующего то или иное принципиальное отношение, и недопустимость применения аналогии при наличии такого закона; обязательность указания закона, применяемого по аналогии, или тех общих начал и смысла советского законодательства, из которых исходит компетентный орган, решающий тот или иной процессуальный вопрос по аналогии.

5. Выступая только в правовой форме, придающей юридическое значение поступкам и действиям участников процесса и подчиняющей их воле господствующего класса, процессуальные отношения являются правовыми и по содержанию. Поведение субъектов процессуального отношения состоит в сборе, исследовании и оценке доказательств с целью

---

[9]) См. пп. 7, 8а ст. 5. Положения о товарищеских судах. Профиздат, 1965, стр. 7.

[10]) См.: А. А. Добровольский. Участие органов государственного управления в гражданском процессе. Госюриздат, 1958, стр. 18—26.

[11]) См.: Е. И. Филиппов. Положение о товарищеских судах и вопросы гражданского процесса. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Харьков, 1962, стр. 136; И. И. Мартинович. Об использовании общих принципов правосудия в практике товарищеских судов. «Советское государство и право», 1965, № 10, стр. 110—114.

установления юридических фактов и их последующей материальноправовой оценке, в защите заинтересованными лицами своих прав, сообщении суду сведений о фактах, проверке правильности постановлений судебных и иных органов и совершении других процессуальных действий. Правовой характер поведения субъектов процессуальных отношений состоит, следовательно, в его направленности на обеспечение жизни закона и обусловлен служебной ролью процесса по отношению к материальноправовым общественным отношениям.

Правовым содержанием в указанном смысле и опосредствующей их правовой формой процессуальные отношения четко ограничиваются от других правовых отношений.

Сравнивая, к примеру, отношение учебного заведения со студентом (исключая выплату стипендии и обеспечение общежитием) с отношением по судебной защите гражданских прав, нетрудно обнаружить, что то и другое имеет идеологическое содержание, но совершенно очевидно, что обучение (чтение лекций, проведение семинаров и т. д.) и посещение зенятий, сдача экзаменов и другие действия не являются по содержанию правовыми в том смысле, что не направлены на защиту прав, хотя и имеют юридическое значение, ибо общественные отношения, содержанием которых они являются, урегулированы правом и так же, как процессуальные отношения, имеют правовую форму в виде субъективных прав и обязанностей.

Еще более отчетливо выступает различие между содержанием процессуального и экономического отношения, урегулированного правом. Передача товаров в отношениях обмена, например, являющаяся по содержанию экономическим действием, не имеет ничего общего с процессуальными действиями, хотя те и другие относятся к категории юридических фактов, так как составляют содержание правовых общественных отношений.

6. В отличие от экономических отношений, существовавших первоначально в виде «фактических» отношений и получивших позднее правовую регламентацию, процессуальные отношения сразу возникли как правовые и по форме и по содержанию, что вполне закономерно. До появления права как регулятора общественных отношений и государства, обеспечивающего принудительное осуществление правовых норм, не было потребности и в отношениях по защите права. Развитие экономических отношений, приведшее к возникновению частной собственности, делению общества на классы и появлению права и государства, обусловило придание этим отношениям правовой формы и приведение в соответствие с ней содержания экономических отношений — поступков и действий субъектов, ставших теперь по форме юридическими, но не утратившими экономического содержания. Появление процессуальных отношений, обеспечивающих охрану и принудительное осуществление прав, также обусловлено развитием производительных сил и производственных отношений, но возникли они сразу как правоотношения. Это не означает, однако, что процессуальные отношения не являются фактическими отношениями. Как и экономические отношения, не утратившие своего фактического содержания и приобретшие в результате правового регулирования правовую форму, процессуальные отношения являются отношениями фактическими, ибо их содержание составляет фактическое поведение субъектов, их поступки и действия. Различие состоит в том, что экономические отношения, урегулированные правом, приобрели правовую форму, но не утратили фактического содержания,

а процессуальные отношения сразу возникли как фактические общественные отношения в правовой форме[12]).

7. Правовая форма, как единственная форма процессуальных отношений, обусловлена потребностью в научно-обоснованной деятельности государственных органов, позволяющей устанавливать права и обязанности спорящих сторон, раскрывать преступления, правильно решать вопросы уголовной и иной ответственности граждан, обеспечивать реальное и своевременное исполнение судебных и других постановлений. Эта деятельность закрепляется в процессуальных нормативных актах, строжайшее соблюдение которых обеспечивает установление объективной истины, защиту общественного и государственного строя Союза ССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, политических, трудовых, жилищных и иных прав советских граждан, а также прав и законных интересов социалистических организаций[13]).

Существование процессуальных отношений только в правовой форме обусловлено также их властным характером. Деятельность государственных органов (следственных, судебных, исполнительных), связанная с применением принудительных мер, нередко строгих и суровых, не должна приводить к нарушениям личных и имущественных прав заинтересованных в деле участников процесса и лиц, содействующих правосудию. Произвольные действия здесь особенно опасны и недопустимы. В силу этого возникает потребность в четком определении правомочий государственных органов, применяющих правовые нормы, а также процессуальных прав и обязанностей всех других субъектов процесса.

В коммунистическом обществе процессуальные отношения сохранятся лишь при потребности в применении мер общественного воздействия к нарушениям правил поведения. В условиях слияния прав и обязанностей в единые правила коммунистического общежития и перерастания социалистической государственности в общественное коммунистическое самоуправление служебная роль процессуальных отношений будет заключаться в охране неправовых регуляторов, которые придут на смену праву. Причем сами они утратят правовую форму и будут, по-видимому, регулироваться иными правилами, обеспечиваемыми только высоким авторитетом, полным соответствием потребностям общественного развития и силой общественного воздействия без применения государственного принуждения.

---

[12]) Имре Сабо пишет, что процессуальные отношения могут служить примером отношений, создаваемых правом (См.: Имре Сабо. Социалистическое право. Изд-во «Прогресс», М., 1964, стр. 313).

[13]) Отмечая скупость в регламентации прав и обязанностей участников арбитражного процесса, Р. Ф. Каллистратова правильно пишет, что с помощью правового регулирования государство должно создать гарантии достижения объективной истины при рассмотрении дел в арбитраже, обеспечить заинтересованные организации необходимыми средствами для защиты ими своих прав, предусмотреть условия возложения ответственности в строгом соответствии с принципами вины и позволяющие осуществлять защиту прав юридических лиц при максимальной экономии времени и государственных средств. См.: Р. Ф. Каллистратова. К вопросу об участниках арбитражного процесса. «Ученые записки ВИЮН», М., № 17, 1963, стр. 58.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ГРАЖДАНСКИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ДРУГИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

В. Н. ЩЕГЛОВ

1. Гражданские процессуальные отношения, как и все другие общественные отношения, урегулированные той или иной отраслью советского права, обладают специфическими чертами, выявление которых необходимо связывать с общими признаками всех правовых отношений, особенностями процессуальных правоотношений и факторами, определяющими их самостоятельность, связи и взаимодействие с другими правовыми отношениями.

Как и иные правоотношения, советские гражданские процессуальные отношения являются урегулированными правом общественными отношениями между конкретными субъектами, осуществляющими поведение в соответствии с правомочиями и обязанностями. Они имеют социалистическое содержание (фактическое поведение) и форму (правомочия и юридические обязанности субъектов) и обеспечивают проведение в жизнь воли рабочего класса и всех трудящихся, выраженной в законе. Урегулированностью гражданским процессуальным правом и возможностью принудительного осуществления в случае нарушения гражданские процессуальные отношения отличаются от иных неправовых общественных отношений. Вполне справедливо поэтому указание на социалистический характер гражданско-процессуальных отношений, служебную роль по отношению к обусловившему их базису, их возникновение, изменение и прекращение вследствие юридических фактов, оформление поведения участников субъективными правами и обязанностями[1]).

[1]) См.: А. Ф. Клейнман. Советский гражданский процесс. Изд-во МГУ, 1954, стр. 18—20; см.: Его же. К вопросу о гражданских процессуальных правоотношениях. «Вестник МГУ», серия XII, «Право», 1966, № 1, стр. 18; В. П. Мозолин. О гражданско-процессуальных правоотношениях. «Советское государство и право», 1955, № 6, стр. 50—57; М. А. Гурвич. К вопросу о предмете науки советского гражданского процесса. «Ученые записки ВИЮН», вып. 4, Госюриздат, 1955, стр. 40—57; Его же. Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. «Труды ВЮЗИ», т. III, Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права, М., 1965, стр. 62—65; К. С. Юдельсон. Советский гражданский процесс. Госюриздат, 1956, стр. 9—10; Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения, Изд-во ЛГУ, 1962, стр. 9; Д. Р. Джалилов. Гражданские процессуальные отношения и их субъекты. Душанбе, 1962, стр. 15—17; М. П. Ринг. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях. «Ученые записки ВИЮН», вып. 16, М., 1963, стр. 46—54; О. В. Иванов. Гражданские процессуальные правоотношения. «Вестник МГУ», серия X, «Право», 1963, № 2, стр. 26; А. Ф. Козлов. Гражданские процессуальные правоотношения и их субъекты. Гл. III учебника «Советское гражданское процессуальное право», Изд-во «Юридическая литература», М., 1965, стр. 58.

2. Среди правовых отношений гражданско-процессуальные правоотношения входят в число идеологических, властноправовых и выступающих только в правовой форме. Эти признаки характерны для всех процессуальных отношений, да и не только процессуальных. Идеологическую форму и содержание имеют многие административные отношения, не выполняющие процессуальных функций. Они же относятся к категории властных отношений, существующих только в правовой форме.

Вследствие этого идеологический и властноправовой характер, как и исключительно правовая форма, присущие гражданским процессуальным отношениям, не могут рассматриваться не только как их специфические признаки, но и как признаки всех процессуальных отношений.

3. Признавая исключительно правовый характер гражданскопроцессуальных отношений, Н. А. Чечина считает также их особенностью возможность существования только в гражданскопроцессуальной форме, поскольку только нормы гражданского процессуального права связывают правовые последствия с действиями суда и участников процесса[2]). По данному признаку, по ее мнению, процессуальные отношения отличаются от многих отношений, так как в некоторых случаях правовые последствия, порождаемые юридическими фактами, определяются рядом отраслей права. В качестве примера Н. А. Чечина приводит лесонарушение, могущее вызывать административные, гражданские и уголовные отношения[3]).

Действительно, многие юридические факты могут вызвать правовые последствия, регулируемые различными отраслями права, причем юридический факт может породить одновременно последствия, предусмотренные гражданским и административным правом, семейным и уголовным и т. д. Но это не подтверждает вывода, что многие отношения в отличие от гражданскопроцессуальных могут иметь более чем одну правовую форму. Всякая отрасль права имеет свой предмет — тот или иной вид общественных отношений. Урегулированные этой отраслью права общественные отношения иной правовой формы иметь не могут. Нельзя представить себе гражданские правоотношения в форме семейного права, уголовные отношения в форме субъективных гражданских прав и обязанностей и т. д. Никакие обстоятельства, факты, события не могут вызвать замену одной правовой формы того или иного общественного отношения другой. Не порождает таких последствий и лесонарушение. С ним связывается различная ответственность, осуществляющаяся в рамках гражданских, административных и уголовных охранительных правоотношений. Но само нарушенное право собственности на леса, как и правоотношения, гражданскоправовой природы не меняет, не становится административным или уголовным.

Следует признать поэтому более правильными выводы Н. А. Чечиной о признаках гражданских процессуальных отношений, определяемых общими чертами всех правоотношений, в число которых, наряду с конкретным характером процессуальных отношений, складывающихся между судом и всеми лицами, участвующими в деле, урегулированностью поведения субъектов нормами права, обеспеченностью силой государственного воздействия, убеждением и применением различных санкций, она включает их облекаемость только в гражданскопроцессу-

---

[2]) См.: Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения, изд-во ЛГУ, 1962, стр. 65.

[3]) Там же, стр.

альную форму[4]). Это общий признак всякого правового отношения, а не только гражданскопроцессуального, и не случайно Н. А. Чечина выводит его из общих признаков всех правоотношений, указанных О. С. Иоффе[5]). Показывая далее черты, характерные только для гражданскопроцессуальных отношений, Н. А. Чечина не относит к ним исключительно гражданскопроцессуальную форму[6]).

4. Отличительным признаком процессуальных отношений, позволяющим выделить их из всей массы правовых отношений, является связь с материальными правоотношениями, служебная роль по отношению к ним и обусловленность характером материальных отношений. Следует согласиться с М. П. Рингом, признающим властноправовой характер гражданскопроцессуальных отношений, но не считающим этот признак основным, поскольку он присущ также уголовнопроцессуальным и административным правоотношениям. Справедливо также его указание на связь гражданского процессуального отношения с материальными[7]). Но ошибочно считать связь и взаимодействие с материальным правоотношением только особенностью гражданскопроцессуальных отношений. Так же, как властноправовой характер не является только процессуальным признаком, связь с материальным правоотношением не является особенностью только гражданскопроцессуальных отношений. В обусловленности материальными отношениями и направленности на их осуществление состоит общий признак всех процессуальных отношений, а значит, и гражданскопроцессуальных[8]). Как будет показано ниже, в этой связи, специфике гражданских правоотношений и правонарушений и особенностях служебной роли следует искать отличительные черты гражданских процессуальных отношений, но сама связь и взаимодействие являются общим процессуальным признаком. Только она позволяет отграничить процессуальные отношения от других правовых отношений.

5. Гражданские процессуальные отношения возникают в сфере судебной охраны государственного и общественного строя СССР, социалистической системы хозяйства и социалистической собственности, политических, трудовых, жилищных и других личных и имущественных прав граждан СССР, прав и охраняемых законом интересов социалистических организаций. Рассмотрение и разрешение в судебных заседаниях гражданских дел является одним из путей осуществления правосудия в СССР (ст. 4 Основ законодательства о судоустройстве Союза ССР и

---

[4]) См.: Н. А. Чечина. Гражданские процессуальные отношения, стр. 9.

[5]) По мнению О. С. Иоффе, любое правоотношение является отношением между конкретными людьми, закрепляющим взаимное поведение его субъектов, регулируемым нормами права, установленными или санкционированными государством, и обеспечиваемым силой государственного принуждения. (См.: О. С. Иоффе. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Изд-во ЛГУ, 1949, стр. 18—19).

[6]) См.: Н. А. Чечина. Там же, стр. 10.

[7]) См.: М. П. Ринг. К вопросу о гражданских процессуальных отношениях. «Ученые записки ВИЮН», вып. 16, 1963, стр. 51—52.

[8]) О специфических чертах уголовно-процессуальных правоотношений см.: Б. С. Галкин. Советский уголовно-процессуальный закон. Госюриздат, М., 1962, стр. 72—85. П. С. Элькинд отмечает, что, располагая всеми признаками любого идеологического общественного отношения, уголовно-процессуальные отношения имеют определенные особенности, главными из которых являются следующие: 1) они выступают только в форме правоотношений; 2) органически связаны с уголовноправовыми отношениями; 3) возникают, развиваются и прекращаются в неразрывной связи с уголовнопроцессуальной деятельностью; 4) характеризуются особым кругом субъектов; 5) специфичны права и обязанности их субъектов. См.: П. С. Элькинд. Сущность советского уголовно-процессуального права. Изд-во ЛГУ, 1963, стр. 7; Краткая характеристика особенностей административно-процессуальных правоотношений дается в кн. Н. Г. Салищевой «Административный процесс в СССР». Изд-во «Юридическая литература», М., 1964, стр. 43—45.

союзных республик)[9]), в силу чего гражданским процессуальным отношениям присущи черты, общие для отношений гражданского и уголовного судопроизводства.

Эта общность проявляется во многих принципах советского гражданского процессуального права, методах осуществления поставленных перед судом задач, структуре процессуальных отношений, в ряде правовых институтов и отдельных норм[10]).

6. Традиционной классификацией демократических принципов гражданского судопроизводства является их деление на конституционные и закрепленные в гражданском процессуальном законодательстве. Ранее выделялась также группа принципов, сформулированных в Законе о судоустройстве. В основу такой классификации положен источник права, в котором принципы закреплены.

В последние годы появились классификации и по другим признакам. Так, М. А. Гурвич различает принципы организации правосудия и принципы, определяющие процессуальную деятельность, причем в составе второй группы он выделяет принципы осуществления правосудия в точном соответствии с законом и объективной истины, определяющие движение процесса и собирание процессуального материала, форму сообщения суду и способ восприятия судом процессуального материала и принцип экономии процессуальных средств[11]). За основу данной классификации принята служебная роль процессуальных принципов. Практически же в состав первой группы классификации М. А. Гурвича входят принципы, закрепленные в Конституции СССР и определяющие подлинный демократизм советского судоустройства[12]). Основополагающий источник процессуальных принципов сохраняет свое значение. Особенность действующего законодательства о судоустройстве и судопроизводстве состоит в том, что Основы воспроизводят коституционные принципы, а республиканские кодексы содержат и конкретизируют принципы Конституции СССР и Основ.

7. В. М. Семенов проводит деление принципов на общеправовые, межотраслевые, отраслевые и принципы отдельных институтов[13]). Исхо-

[9]) Здесь и далее имеются в виду Основы законодательства о судоустройстве Союза ССР, союзных и автономных республик, утвержденные Законом от 25 декабря 1958 г. («Ведомости Верховного Совета СССР», 1959, № 1).

[10]) М. А. Гурвич указывает на значительную связь между гражданским процессуальным правом и уголовным процессуальным правом, которые имеют одинаковые конституционные основы, ряд общих институтов, например, в области доказательственного права, а также ряд общих положений, касающихся движения дела в судебном заседании, вынесения судебных постановлений, обжалования, опротестования и пересмотра решений, приговоров, определений и постановлений (см.: Советское гражданское процессуальное право. Изд-во «Высшая школа», М., 1964, стр. 20).

[11]) См.: М. А. Гурвич. Принципы советского гражданского процессуального права. Гл. II учебного пособия «Советское гражданское процессуальное право», Изд-во «Высшая школа», М., 1964; Его же. Принципы советского гражданского процессуального права. «Труды ВЮЗИ», т. III, Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права, М., 1965, стр. 3—61.

[12]) М. С. Строгович отмечает, что в Программе КПСС указаны организационные принципы правосудия — выборность и отчетность судей и народных заседателей, право их досрочного отзыва и судопроизводственные процессуальные принципы — гласность рассмотрения судебных дел, участие в судах общественных защитников и обвинителей. (См.: Демократические основы советского социалистического правосудия. Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 4). Деление принципов на организационные и функциональные проводится в теории венгерского гражданского процесса. См.: Л. Неваи. Основные принципы социалистического венгерского гражданского процесса, Acta juridica, Budapest, 1960, (3—4).

[13]) См.: В. М. Семенов. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 179.

дя из социалистического содержания всех принципов, их тесной взаимосвязи и возможности конкретизации общеправовых и межотраслевых принципов в рамках одной отрасли права только путем анализа ее институтов и правовых норм, он дает развернутую и стройную систему принципов советского гражданского процессуального права с обоснованием ее составных частей.

Интересы глубокого исследования основных начал гражданского процесса, как и других отраслей и всей системы социалистического права, обусловливает целесообразность и практическую значимость классификации правовых принципов по различным основаниям.

Что касается выявления специфики той или иной отрасли права и регулируемых им общественных отношений, их связи и взаимодействия с другими отраслями права и правоотношениями и места в правовой системе социалистического государства, то в этих целях наиболее приемлема классификация В. М. Семенова, позволяющая выявить принципы гражданского процессуального права, общие для всей системы права и смежных отраслей, и специфические отраслевые принципы[14]).

Регулирование гражданскопроцессуальных отношений осуществляется в соответствии с общими принципами советского права. Но только один из них — принцип законности закреплен в гражданском процессуальном законодательстве в виде отдельных статей (ст. 12 Основ гражданского судопроизводства, ст. 10 ГПК). Все остальные общеправовые принципы составляют содержание межотраслевых и отраслевых принципов, принципов институтов и гражданскопроцессуальных норм и осуществляются в процессе регулирования отношений по судебной защите гражданских прав. Выделение и самостоятельное закрепление принципа законности обусловлено его особой значимостью для отношений, направленных на предупреждение правонарушений и их устранение.

8. Межотраслевое значение имеет большая группа принципов советского гражданского процессуального права: осуществление правосудия только судом и на началах равенства граждан перед законом и судом, коллегиальное рассмотрение дел выборными судьями с участием народных заседателей в судах первой инстанции, независимость судей и подчинение их только закону, национальный язык судопроизводства, гласность судебного разбирательства, участие общественности, объективная истина, устность, непосредственность, непрерывность судебного разбирательства и экономия процессуальных средств.

Мы не будем останавливаться на характеристике каждого из перечисленных принципов, ибо это не определяется предметом исследования, и ограничимся лишь замечанием, что имеются отдельные расхождения во взглядах некоторых авторов о составе принципов и их содержании[15]).

---

[14]) Н. Н. Полянский различал общеправовые принципы, характеризующие все советское право, и в том числе процессуальное право, собственно процессуальные и принципы той или иной стадии или стороны уголовного процесса. См.: Н. Н. Полянский. Вопросы теории советского уголовного процесса. Изд-во Московского университета, 1956, стр. 84.

[15]) См.: А. Ф. Клейнман. Демократические принципы советского гражданского процессуального права. Гл. II учебника —Советский гражданский процесс», Изд-во Московского университета, М., 1964; М. А. Гурвич. Принципы советского гражданского процессуального права. Гл. II учебного пособия «Советское гражданское процессуальное право», Изд-во «Высшая школа», 1964; Его же. Принципы советского гражданского процессуального права. «Труды ВЮЗИ», т. III, Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права, М., 1965; В. М. Семенов. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, вып. 2, Свердловск, 1964; Его

В своем большинстве указанные принципы являются принципами гражданского и уголовного судопроизводства. Лишь некоторые из них имеют более широкое содержание. Таковы принципы объективной истины, участия общественности и экономии процессуальных средств, отвечающие социалистической природе советского административного процесса.

9. Таким образом, межотраслевые принципы дают основу для отграничения процессуальных отношений от материальных и главным образом для выделения гражданского и уголовного судопроизводства из всей массы процессуальных отношений и определяют их сходство в субъектном составе (обязательное участие суда), детальной правовой регламентации, ряде стадий процесса, многих правовых институтов и процессуальных норм.

Различия между гражданскими процессуальными отношениями и уголовнопроцессуальными коренятся в отраслевых принципах, отражающих особенности гражданских и уголовных материальных правоотношений.

В. И. Каминская правильно отмечает, что основанием для выделения процессуальных норм, действующих в области правосудия, в самостоятельные отрасли служат качественные особенности правовых гарантий, необходимых для борьбы с правонарушениями.

Вместе с тем, считая такими гарантиями процессуальные средства, она не показывает, в чем состоят различия гарантий гражданского процессуального и уголовнопроцессуального права и чем они обусловлены[15]).

По мнению В. М. Семенова, специфика признаков, присущих только гражданскому процессуальному праву, определяется государственноправовым характером судебной деятельности и гражданско-процессуальных отношений и материальным правом (главным образом гражданским), которым руководствуется суд при разрешении гражданских дел, причем второй признак, по его мнению, в наибольшей степени характеризует гражданский процесс[17]).

Проф. М. А. Гурвич решает вопрос о различии двигающих начал и порядка сбора процессуального материала в зависимости от защищаемого интереса. В уголовном процессе охраняется государственный интерес в борьбе с преступлениями, а поэтому его двигающее начало проявляется в возбуждении и рассмотрении уголовного дела государственными органами в публичных интересах и независимо от воли граждан и организаций, имеющих отношение к преступлению. В гражданском процессе основным является интерес самого субъекта, сочетаемый в условиях социалистического строя и социалистического правосудия с интересами государства и общества в целом[18]).

10. По нашему мнению, принципиальных расхождений во взглядах указанных авторов нет, если не учитывать начала власти и подчинения, которое В. М. Семенов считает одним из отличительных признаков, хотя

же. Принципы советского гражданского процессуального права. Гл. II учебника «Советское гражданское процессуальное право», Изд-во «Юридическая литература», М., 1965.

[16]) См.: Демократические основы советского социалистического правосудия. Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 72.

[17]) См.: В. М. Семенов. Специфически отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, вып. 3, Свердловск, 1964, стр. 194.

[18]) См.: М. А. Гурвич. Принципы советского гражданского процессуального права. «Труды ВЮЗИ», т. III, Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права, М., 1965, стр. 28.

и не главным. Как было показано выше, такое начало свойственно не только судопроизводственным, но и всем процессуальным и некоторым материальным правоотношениям (административным, например) и не специфические отраслевые принципы гражданского процессуального может поэтому рассматриваться как признак, позволяющий выявить права.

Интерес в правовом регулировании общественных отношений и охране прав, являющийся классовым и определяемый, в конечном счете, экономическими условиями жизни общества, находит отражение в нормах материального права и процессуальных средствах их осуществления. Материальноправовые нормы выполняют регулятивные функции и определяет ответственность за правонарушения, а процессуальные обеспечивают предупреждение правонарушений, определение мер юридической ответственности и их осуществление (исполнение судебных и иных постановлений). Постановка вопроса о внесении ясности и определенности в правоотношение и об ответственности за правонарушение проявляется в праве заинтересованного лица обратиться за защитой к компетентному органу по собственному усмотрению, а также в праве (и обязанности) государственных органов требовать защиты независимо от желания лиц, права и интересы которых нарушены или оспариваются.

Нормы уголовного права, устанавливающие ответственность за общественно опасные действия (преступления), как и уголовного процесса, возлагающие на государственные органы обязанность возбуждать вопрос об ответственности за преступления, исходят из общественных и государственных интересов. В уголовно-процессуальном праве эти интересы аккумулируются в принципах публичности и обеспечения права на защиту.

11. В нормах гражданского права, регулирующих имущественные и некоторые личные отношения и устанавливающих ответственность главным образом в виде восстановления нарушенного права, взыскания причиненных убытков и неустойки, отражаются преимущественно интересы отдельных граждан и организаций. Гармоническое сочетание интересов личности и всего социалистического общества в целом проявляется в активной роли суда в гражданском процессе, прокурора, других государственных органов, общественных организаций и отдельных граждан, могущих обращаться за защитой прав других лиц, но в основе принципов диспозитивности и состязательности лежит инициатива и активность лиц, обращающихся к суду за защитой своих прав[19]). Принцип процессуального равноправия сторон, относящийся, как и принципы диспозитивности и состоятельности, к отраслевым принципам советского гражданского процессуального права, также основан на самостоятельности и равенстве субъектов гражданского правоотношения.

Справедливо указывая на то, что право на возбуждение и поддержание процесса имеется у прокурора и у других лиц, уполномоченных законом на предъявление исков по чужим правоотношениям, лишь тогда, когда право на данный иск имеется у заинтересованного лица, С. В. Курылев не согласен, однако, что диспозитивный путь к защите предопределяется диспозитивным характером гражданских прав. При

[19]) О том, что гражданские процессуальные отношения характеризуются диспозитивностью процессуальных прав сторон см. у П. П. Гуреева (Защита личных и имущественных прав. Изд-во «Наука», М., 1964, стр. 10; Его же. Гражданский процессуальный закон. Гл. IV в кн.: «Демократические основы советского социалистического правосудия». Изд-во «Наука», М., 1965, стр. 162).

этом он ссылается на то, что предъявление иска и получение положительного решения по нему прокурором не лишает заинтересованное лицо возможности отказаться от получения присужденного[20]).

Нам думается, что такая точка зрения не учитывает коренного отличия советского принципа диспозитивности, основывающегося в противоположность буржуазной диспозитивности на сочетании интересов отдельной личности и всего общества в целом, на социалистической системе хозяйства и социалистической собственности на орудия и средства производства, на способности советского государства вмешиваться в гражданские правоотношения в целях приведения их в соответствие с законом, правилами социалистического общежития и моральными принципами общества, строящего коммунизм[21]).

В письме Д. И. Курскому «О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики» В. И. Ленин указывал: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть **публично-правовое**, а не частное»[22]).

12. Равное положение сторон гражданского правоотношения, их самостоятельность в хозяйственном обороте и свобода в осуществлении и защите прав в сочетании с государственными и общественными интересами служат, таким образом, основой для принципов диспозитивности, состязательности и равноправия сторон в гражданском процессе[23]).

Но по удельному весу распорядительные действия субъектов спорного гражданского отношения являются преобладающими, дополняемыми действиями прокуратуры и других полномочных лиц, что объясняется природой советского гражданского права и регулируемых им общественных отношений.

Демократизм советского принципа состязательности, являющегося руководящим началом в области собирания и представления процессуального материала и состоит в сочетании инициативы и активности сторон в доказывании обстоятельств, на которые они ссылаются как на основание своих требований и возражений, с активной ролью суда, могущего обязать стороны и других лиц, участвующих в деле, представить дополнительные доказательства и собирать их по собственной инициативе. Но и здесь в соответствии с характером гражданских правоотно-

---

[20]) См.: С. В. Курылев. Формы защиты и принудительного осуществления субъективных прав и право на иск. «Труды Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова». Т. XXII, серия юридическая, вып. 3, Иркутск, 1957, стр. 211.

[21]) На решающую роль гражданского права в формировании гражданского процессуального права указывают С. С. Алексеев (Общая теория социалистического права, вып. 1, Свердловск, 1963, стр. 230) и В. М. Семенов (Принципы советского гражданского процессуального права. Автореферат докторской диссертации. Свердловск, 1965, стр. 37).

[22]) В. И. Ленин. Соч., изд. 5, т. 44, стр. 398.

[23]) В теории советского гражданского процесса выдвинуто и обосновывается предложение об отнесении к специфическим отраслевым принципам советского гражданского процессуального права процессуальной активности суда, равноправия сторон при состязательной форме судопроизводства, диспозитивности и доступности судебной защиты гражданских прав. См.: В. М. Семенов. Специфически отраслевые принципы советского гражданского процессуального права. «Труды Свердловского юридического института», Средне-Уральское книжное издательство, Свердловск, 1964, вып. 3 (стр. 194—267) и вып. 4 (329—418). Не касаясь содержания указанных принципов, поскольку это выходит за рамки нашего предмета, отметим, что принцип процессуальной активности суда не может рассматриваться как специфически отраслевой принцип советского гражданского процессуального права и, будучи выделенным, должен быть отнесен к межотраслевым принципам в связи с не менее активной ролью суда в уголовном процессе (ст. ст. 14 и 27 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик). Активность суда, направленная на установление объективной истины и создание участвующим в деле лицам условий для осуществления их прав, является общим принципом советского судопроизводства.

шений активные и самостоятельные действия спорящих являются преобладающими.

13. В отличие от принципов диспозитивности, состязательности и равенства сторон советского гражданского процессуального права, обусловленных главным образом характером гражданских отношений (равное положение сторон, самостоятельность субъектов в гражданском обороте и осуществление гражданских прав в соответствии с их назначением в социалистическом обществе в период строительства коммунизма), принципы уголовно-процессуального права в большей мере основаны на характере уголовной ответственности, осуществляемой в уголовных правоотношениях[24]).

Уголовное право определяет общественно опасные деяния и устанавливает карательные (штрафные) меры за их совершение.

Интересы борьбы с общественно опасными правонарушениями и применения мер уголовного наказания, предусмотренных законом, в соответствии с содеянным находят выражение в принципах уголовно-процессуального права, его двигающем начале, порядке сбора процессуального материала, субъектном составе, стадиях процесса, институтах и нормах уголовно-процессуального права.

Возбуждение уголовного дела является обязанностью суда, прокурора, следователя и органа дознания в случае обнаружения признаков преступления. Обвиняемому обеспечивается право на защиту. Общественно опасный характер правонарушения и различные меры уголовного наказания от лишения свободы до общественного порицания вызывают потребность в особой стадии предварительного следствия и выделении отношений по исполнению приговоров за пределы регулирования Основ уголовного судопроизводства и уголовных кодексов союзных республик, усилении прокурорского надзора во всех стадиях, мерах пресечения в целях предупреждения уклонения от уголовной ответственности, воспрепятствования установлению истины по делу и продолжению совершения преступлений и ряде других институтов и норм, регулирующих только уголовное судопроизводство.

---

[24]) В. М. Семенов правильно указывает, что различие гражданско-процессуальных и уголовно-процессуальных отношений определяется различием характера применяемого принуждения: в одном случае принуждением является гражданско-правовое воздействие, а в другом — уголовное наказание. (См.: В. М. Семенов. Понятие и система принципов советского гражданского процессуального права. Сборник ученых трудов Свердловского юридического института, вып. 2, Свердловск, 1964, стр. 226—227); По мнению М. С. Строговича, «процессуальные отношения в уголовном и гражданском процессах отличаются друг от друга по своему содержанию: в первом случае речь идет об уголовном преследовании совершивших преступление лиц, во втором — о разрешении спора о праве гражданском» (См.: М. С. Строгович. Курс советского уголовного процесса. Изд-во АН СССР, М., 1958, стр. 51).

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ПОРЯДОК ПРЕДЪЯВЛЕНИЯ ВСТРЕЧНОГО ИСКА

Н. Т. АРАПОВ

Одним из средств защиты ответчика в советском гражданском процессе является встречный иск. Предъявляя к истцу встречные требования, ответчик добивается либо отклонения требований истца, либо только удовлетворения своих требований к нему.

Право на предъявление встречного иска, как иска вообще, связано с рядом необходимых условий. Обращение к суду за защитой может осуществлять всякое заинтересованное лицо.

Законодатель устанавливает лишь такие условия обращения, которые либо препятствуют обращению в суд вообще, либо при возможности обращения требует соблюдения определенного порядка.

К первой группе относятся условия, закрепленные в пп. 1, 3, 4, 5, 6 ст. 31 Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик, соответствующих пунктах ст. 129 ГПК РСФСР и ГПК других союзных республик, свидетельствующие об отсутствии права на предъявление иска.

Другая группа условий, указанная в названных статьях, свидетельствует о наличии права на обращение в суд, осуществление которого необходимо с соблюдением некоторых иных условий.

Поскольку встречный иск является обычным иском, постольку и предъявление его производится по общим правилам о предъявлении иска (ст. 131 ГПК РСФСР и соответствующие статьи ГПК других союзных республик).

Рассмотрим условия осуществления права на предъявление встречного иска или порядок его предъявления.

Условием осуществления права на предъявление встречного иска является прежде всего подсудность встречного иска суду, в котором он предъявляется.

О том, что подсудность не является условием наличия права на предъявление иска, а является условием осуществления этого права, говорят статьи 31 и 42 Основ. Последние части этих статей устанавливают, что после устранения условий, послуживших основанием для отказа судьи (суда) в принятии заявления или оставления иска без рассмотрения, истец вправе вновь предъявить тот же иск в общем порядке. Представляет интерес история регулирования подсудности встречного иска.

Различные нормы гражданских процессуальных кодексов союзных республик по-разному регулировали подсудность встречных исков[1]).

[1]) Ст. 133 ГПК Узбек. ССР, ст. 131 ГПК УССР, ст. 123 ГПК Молдавской ССР, ст. 141 ГПК Литовской ССР, ст. 121 ГПК РСФСР и все другие ГПК определяют подсудность встречного иска по подсудности первоначального. Такое решение вопроса, на наш взгляд, является наиболее правильным.

Такое различное регулирование институтов подсудности встречного иска объясняется прежде всего тем, что нет единого общесоюзного закона, который бы проводил в этом вопросе единую линию. Да и в этом нет такой необходимости. Каждая союзная республика, учитывая те или иные особенности судопроизводства, по-своему регулирует подсудность встречного иска.

Статья 98 ранее действовавшего ГПК Туркменской ССР не допускала совместного рассмотрения встречного иска с первоначальным, если он по своему роду и цене подсуден высшему суду. В таком случае встречный иск не принимается и ответчику предоставляется возможность его предъявления по подсудности.

Статья 31 ранее действовавшего ГПК Таджикской ССР устанавливала, что при предъявлении встречного иска, превышающего по роду или сумме подсудность того суда, в рассмотрении которого находится первоначальный иск, оба иска подлежат передаче для рассмотрения в тот суд, которому подсуден встречный иск. И, наконец, ст. 33 а ранее действовавшего ГПК РСФСР устанавливала, что подсудность не изменяется и при предъявлении встречного иска, по своей цене превышающего предел подсудности суда, рассматривающего первоначальный иск. Однако такое правило в ГПК РСФСР было введено не сразу. До введения ст. 33 а ГПК РСФСР в 1929 г. суды руководствовались разъяснением Верховного суда РСФСР от 7 июля 1926 года, которое следующим образом регулировало подсудность встречного иска. «Встречный иск, предъявляемый в народном суде по гражданскому делу и превышающий по своей сумме подсудность народных судов, — говорилось в разъяснении пленума, — оставляется судом без рассмотрения, встречному истцу выдается копия такого постановления для предъявления встречного иска по подсудности. Однако в исключительных случаях, если будет признано, что разрешение встречного иска без основного невозможно, допускается передача обоих исков в высший (губернский) суд, где дело разбирается даже в случае отпадения встречного иска»[2]).

Неурегулированность подсудности встречного иска в первые годы деятельности советского суда вызывала и различные теоретические рассуждения по этому вопросу. Одни авторы считали, что при превышении встречным иском родовой подсудности первоначального иска оба иска должны быть переданы на совместное рассмотрение в компетентный суд. Такой взгляд высказывали, в частности, А. С. Дубинский и А. Родионов[3]).

Иной взгляд по этому вопросу высказал проф. А. С. Ратнер: «Если встречное требование ответчика по роду своему неподсудно тому суду, в коем рассматривается дело по первоначальному иску, то о совместном рассмотрении обоих исков в одном суде не может быть и речи»[4]).

Правило статьи 33 а ранее действовавшего ГПК РСФСР наиболее удачное, так как оно полнее способствует охране интересов граждан и социалистических организаций, защищающих свои права и интересы. Это правило полностью воспроизведено в новом ГПК РСФСР и введено в ГПК других союзных республик. Следовательно, если требования, заявленные во встречном иске, подведомственны суду, то независимо

---

[2]) См.: ГПК Советских республик. Текст и практический комментарий под ред. профессора Малицкого. Харьков, 1929, стр. 107.

[3]) А. С. Дубинский. К пересмотру и упрощению ГПК. Вестник Советской юстиции, 1926, № 18, стр. 718; А. Родионов. О встречных исках. Право и суд, Саратов, 1925, № 1, стр. 61—64.

[4]) А. С. Ратнер. Встречные иски по ГПК. Вестник Советской юстиции, 1925, № 4, стр. 152.

от того, подсудны ли они данному суду для разрешения или нет, суд обязан принять такой встречный иск и рассмотреть совместно и одновременно с первоначальным иском. Такое положение законодательства исходит из тех соображений, что совместное рассмотрение обоих исков будет содействовать наиболее полному и всестороннему исследованию обстоятельств дела, а следовательно, и наиболее эффективной защите прав сторон[5]).

Однако это положение вовсе не означает, что исследование подсудности встречного иска не представляет собой теоретического и практического интереса. Напротив, возникает вопрос, все ли встречные иски, подведомственные суду, должны всегда приниматься судом, рассматривающим первоначальный иск. Оказывается, нет. В этой связи представляет собой большое значение подсудность встречного иска по его связи с иском первоначальным. В решении вопроса о принятии встречного иска судом к своему рассмотрению одновременно с первоначальным основным критерием должно быть установление связи обоих исков, необходимой для правильного разрешения дела судом. Характер связи встречного и первоначального исков не трудно установить, определив цель, которую преследует встречный иск по отношению к иску первоначальному. Если между исками существует такая связь, которая дала бы возможность удовлетворением встречного иска либо парализовать первоначальный иск вообще, либо подорвать его основание, либо привести к зачету взаимных требований, то наличие такого характера связи между встречными и первоначальными исками должно говорить о положительном решении вопроса о подсудности встречного иска. В таких случаях, на наш взгляд, встречные иски обязательно должны судом приниматься к своему рассмотрению независимо от их родовой и территориальной подсудности суду, рассматривающему первоначальный иск. В противном случае не может быть решен правильно и первоначальный иск и, следовательно, вынесено законное и обоснованное судебное решение[6]).

Если встречный иск не преследует защиты против первоначального, то их связь должна выражаться в полной или частичной общности оснований и возможности быстрого и правильного разрешения споров. Только в таком случае судья (суд) должен принимать встречный иск по его связи с первоначальным независимо от его территориальной и родовой подсудности. Таким образом, подсудность встречного иска — это есть именно подсудность по связи дел, не обусловливаемая только моментом территориальности. Подсудность встречного иска по связи дел не влияет на его родовую подсудность. Независимо от того, подсуден ли встречный иск высшему суду, поскольку он предъявляется совместно с первоначальным иском, рассматриваемым народным судом, он и должен рассматриваться народным судом совместно с первоначальным иском[7]).

---

[5]) Ст. 104 ГПК Болгарии говорит о возможности предъявления ответчиком встречного иска только в том случае, если он по своему характеру подсуден тому же суду, т. е. суду, рассматривающему первоначальный иск. В противном случае встречный иск, независимо от его связи с первоначальным рассматривается отдельно.

[6]) Вновь принятые ГПК союзных республик устанавливают именно такие условия встречного иска. Ст. 141 ГПК УССР, ст. 128 ГПК Белорусской ССР, ст. 132 ГПК РСФСР и ГПК других союзных республик.

[7]) В соответствии со ст. 113 ГПК РСФСР и соответствующих статей других республик гражданские дела, подведомственные судебным органам, рассматриваются районным (городским) народным судом.

В ГПК союзных республик имеется норма, которая прямо устанавливает, что подсудность встречного иска определяется подсудностью первоначального иска.

Но как быть в тех случаях, когда встречный иск принят судом по подсудности первоначального иска, производство по которому впоследствии прекращено, либо исковое заявление возвращено истцу? Как должен поступить суд со встречным иском? На наш взгляд, решение этого вопроса может быть различным в зависимости от того, отказано ли в приеме первоначального иска или прекращено судом производство по первоначальному иску.

Если в принятии первоначального искового заявления отказа — но за отсутствием у истца права на его предъявление либо исковое заявление возвращено истцу, то предъявленный встречный иск должен быть направлен для рассмотрения в суд, соответствующий его подсудности, но уже не в качестве встречного, а в качестве самостоятельного первоначального иска. Если же первоначальный иск был судом принят, но в дальнейшем в процессе рассмотрения производством прекращен, то встречный иск независимо от его настоящей подсудности должен быть разрешен этим судом, по существу, также в качестве самостоятельного иска.

Это объясняется прежде всего тем, что в первом случае производство по первоначальному иску вообще не возникало, суд не совершал по нему никаких процессуальных действий, не собирал и не исследовал представленные доказательства. Иными словами, процесс по первоначальному иску не возник, тогда встречный иск перестает быть встречным и подлежит по общему правилу направлению по подсудности. Но когда первоначальный и встречный иски были приняты, судом исследовались представленные доказательства и суд пришел к выводу о необходимости прекращения производства по первоначальному иску, встречный иск, несмотря на его неподсудность данному суду, должен быть разрешен этим судом по существу. Такое решение о подсудности встречного иска, ставшего после прекращения судом первоначального иска самостоятельным, предотвратило бы замедление и затруднение в его рассмотрении. Снова пришлось бы суду, которому он в действительности подсуден, исследовать все те же доказательства, т. е. повторять все то, что уже сделано другим судом по этому же иску, рассматриваемому совместно с первоначальным иском. Это даст значительную процессуальную экономию средств и времени и не причинит ущерба интересам правосудия.

Наконец, решение вопроса о подсудности встречного иска зависит от правильности решения вопроса о подсудности первоначального иска. Если суд установит, что первоначальный иск принят им с нарушением подсудности, поскольку он должен по закону рассматриваться другим судом, первоначальный и встречный иски направляются в суд по действительной подсудности первоначального иска. Этот вывод вытекает из общего правила о подсудности первоначального иска.

Из всего изложенного нами о подсудности встречного иска следует иметь в виду, что если требования ответчика не приняты судом в качестве встречного иска или предъявленный встречный иск выделен в самостоятельное производство, этот иск направляется по общему правилу в суд по соответствующей подсудности.

Следующим условием осуществления права на предъявление встречного иска является дееспособность лица, предъявляющего иск. Что касается проверки дееспособности ответчика для выяснения воз-

можности предъявления им встречного иска, то она не вызывается необходимостью. Ответчиком считается лицо, способное самостоятельно осуществлять процессуальные права и нести процессуальные обязанности, иными словами, осуществлять свою защиту. Сам факт привлечения судом лица в качестве ответчика дает основание считать его дееспособным для предъявления встречного иска. Если защита прав и интересов ответчика осуществляется не им самим, а его представителем, то в таком случае, кроме общих полномочий на ведение дела, из доверенности должно вытекать право представителя предъявлять встречный иск к первоначальному истцу в интересах представляемого ответчика.

Важнейшим условием осуществления права на предъявление встречного иска является соблюдение процессуальных сроков на его предъявление. Вопрос о моменте предъявления встречного иска является очень важным и в законодательстве союзных республик решается по-разному. Право на предъявление встречного иска возникает лишь только после возникновения процесса по первоначальному иску и имеет определенный срок, ограниченный периодом рассмотрения первоначального иска. Предъявление встречного иска в любое время производства по первоначальному иску приведет к затяжке в рассмотрении дела и может быть использовано в качестве злоупотребления со стороны ответчика.

Примечание к статье 81 ранее действовавшего ГПК РСФСР устанавливало, что все недостатки встречного искового заявления должны быть восполнены не позднее назначенного для заслушивания дела дня, в противном случае предъявленный встречный иск в данном процессе не рассматривается. Из формулировки этой статьи нельзя было с полной определенностью установить последний срок предъявления встречного иска.

В литературе вопрос о конечном моменте предъявления встречного иска определялся также по-разному. Проф. В. А. Краснокутский, Л. И. Фишман и И. Вольман считали, что встречный иск может быть предъявлен или заявлен до слушания еще дела[8]). Но это не вносит ясность в понятие окончательного момента предъявления встречного иска, ибо назначенный для рассмотрения дела день может быть в процессе судебного разбирательства изменен в связи с отложением дела слушанием.

Может ли ответчик предъявить встречный иск после отложения дела слушанием или в момент судебного рассмотрения первоначального иска? Проф. М. А. Гурвич из анализа примечания к ст. 81 ранее действовавшего ГПК РСФСР делал вывод о том, что «предъявление встречного иска допускается не позднее незначенного для заслушания дела дня, точнее — не позже окончания подготовительной стадии судебного заседания»[9]).

Более правильным, на наш взгляд, делал вывод А. Родионов, считая возможным заявление встречного иска во всяком положении дела вплоть до разрешения его по существу[10]).

Статья 96 ранее действовавшего ГПК УССР, ст. 83 ГПК Грузинской ССР устанавливали, что ответчик по делу может не позднее перво-

---

[8]) В. А. Краснокутский. Очерки гражданского процессуального права. Кинешма, 1924, стр. 120; Л. И. Фишман. Движение гражданского процесса, Харьков, 1926, стр. 183; И. Вольман. Встречный иск по ГПК. Еженедельник Советской юстиции, 1924, № 30, стр. 695—696.

[9]) М. А. Гурвич. Лекции по советскому гражданскому процессу. Изд-во ВЮЗИ, Москва, 1950, стр. 97.

[10]) А. Родионов. О встречных исках. Право и суд. Саратов, 1925, стр. 63.

го судебного заседания, в котором дело было заслушано по существу, предъявить встречный иск. Принятие встречного иска, предъявленного по истечении этого срока, зависит от усмотрения суда. Смысл данных статей заключается в том, что принятие встречного иска возможно до момента рассмотрения или в процессе рассмотрения дела по существу. Это вызывается соображениями быстрого и правильного разрешения дела, ибо после рассмотрения по существу первоначального иска не может идти речь о его совместном рассмотрении со встречным иском.

Принятие встречного иска возможно и во время судебного процесса по первоначальному иску, но до вынесения по нему судебного решения по существу. Такие случаи встречаются в судебной практике. Однако, как правильно подчеркивает М. П. Ринг, такое неожиданное предъявление встречного иска не должно отрицательно сказываться на праве первоначального истца защищаться против встречного иска[11]). Суд обязан принять все возможные меры для выбора и организации первоначальным истцом надлежащей защиты против встречного иска: отложить дело слушанием в соответствии со ст. 161 ГПК РСФСР, оказать ему помощь в сборе необходимых доказательств. В этом отношении наиболее удачна ст. 140 вновь принятого ГПК УССР, устанавливающая правило предъявления встречного иска ответчиком не позднее, чем за три дня до судебного заседания. Принятие встречного иска, предъявленного после указанного срока или в момент судебного разбирательства по ГПК УССР, зависит от суда.

Предъявление встречного иска возможно и в тех случаях, когда решение по первоначальному иску отменено вышестоящим судом и направлено на новое рассмотрение, а ответчик почему-либо ранее не воспользовался правом на предъявление встречного иска; либо суд, рассматривающий первоначальный иск, незаконно отказал ответчику в принятии встречного иска. Это упущение ответчик вполне может восполнить при новом рассмотрении дела, поскольку первоначальный иск по существу еще не рассмотрен, а неправильное решение отменено. Предъявление ответчиком встречного иска в таком случае не нарушит интересы первоначального истца, а будет способствовать правильному разрешению дела. Такие случаи также известны судебной практике[12]).

Статья 131 ГПК РСФСР, ст. 133 ГПК Азербайджанской ССР, ст. 128 Белорусской ССР и др. определяют, что ответчик вправе предъявить встречный иск до вынесения судом решения по первоначальному иску. Эта формулировка статьи конкретно определяет конечный момент, до наступления которого допустимо предъявление встречного иска. Ст. 139 Эстонской ССР говорит о предъявлении встречного иска до окончания судебного разбирательства, а ст. 152 Литовской ССР — до удаления суда в совещательную комнату. Поскольку в советском гражданском процессе суд является хозяином процесса, то предоставление ему права самому до решения первоначального иска по существу определять возможность предъявления встречного иска не нарушает права сторон. Однако крайним моментом препятствующим совместному рассмотрению первоначального и встречного исков служит вынесение решения по существу первоначального иска. После разрешения по существу первоначального иска не может идти речь о его совместном рассмотрении со встречным иском, ни тем более о преюдициальном значении встречного иска для решения вопроса о первоначальном иске.

---

[11]) М. П. Ринг. Вопросы гражданского процесса в практике Верховного Суда СССР, Госюриздат, 1957, стр. 205.

[12]) См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1955, № 5, стр. 46—47.

Указание на предельный срок допустимости предъявления встречного иска является необходимым. При этом нужно иметь в виду, что суд, всякий раз решая вопрос о принятии встречного иска, должен учитывать, какова их связь, какое значение может иметь их совместное рассмотрение для внесения правильного судебного решения. Кроме того, суд должен также учитывать право первоначального истца, являющегося ответчиком по встречному иску, на защиту против него. Суд обязан своевременно поставить первоначального истца в известность о встречном иске, направив ему копию встречного искового заявления, предоставить ему время для сбора необходимых доказательств с целью защиты против встречного иска и оказать ему в этом содействие. Извещение первоначального истца о встречном иске возможно сделать в момент вручения повестки о вызове в суд, учитывая при этом, что копия встречного искового заявления и повестка должны быть вручены истцу за несколько дней до судебного заседания. Это отпадает, если истец и ответчик предъявляют свои иски одновременно, тогда судья в период подготовки дела к судебному разбирательству выясняет у сторон сущность взаимных требований и наличие у них необходимых доказательств в подтверждение каждого иска.

В этом отношении удачна статья 140 Украинской ССР, которая обязывает судью, принявшего встречный иск, сообщить об этом не только ответчику, но и лицам, участвующим в деле.

Своевременное извещение лиц, участвующих в деле о предъявленном встречном иске дает возможность им более тщательно подготовиться к участию в судебном разбирательстве, обосновать свое отношение к нему.

Ст. 106 ГПК РСФСР и ГПК большинства союзных республик не содержат указания на срок вручения повесток. Ст. 82 ранее действовавшего и ст. 92 нового ГПК УССР устанавливают, что извещение ответчику надлежит посылать ему с таким расчетом, чтобы он мог получить ее не позднее, чем за пять дней до судебного заседания по делу. Несомненно, своевременное извещение истца и ответчика, а также и других участников процесса является важной гарантией быстрого и правильного разрешения дела. Поэтому необходимо при предъявлении встречного иска предоставить первоначальному истцу возможность для настоящей организации своей защиты. Принятие и рассмотрение встречного иска без предоставления первоначальному истцу такой возможности, без учета обстоятельств дела и мнения самого первоначального истца является грубым нарушением прав сторон на защиту и должно влечь отмену неправильного судебного решения.

Последним важным условием осуществления права на предъявление встречного иска является соблюдение ответчиком надлежащей формы его предъявления. К форме предъявления встречного иска относится письменное или устное предъявление встречного иска по определенным категориям дел, оплата государственной пошлины и судебных издержек. Положения статей 126, 127, 130 ГПК РСФСР обязательны и для предъявления встречного иска. Однако последствия несоблюдения формы предъявления встречного иска закон не указывает.

Предполагается, что эти последствия аналогичны последствиям несоблюдения формы предъявления первоначального иска, поскольку предъявление встречного иска производится по общим правилам о предъявлении иска.

ГПК РСФСР в ст. 131 прямо устанавливает, что предъявление встречного иска производится по общим правилам о предъявлении иска.

Такое же положение имеется и в ст. 133 ГПК Туркменской ССР, согласно которой встречное исковое заявление должно удовлетворять требованиям, установленным для основного иска, в ст. 142 ГПК УССР и ГПК других союзных республик[13]). Только ст. 142 ГПК УССР определяет последствия неустранения недостатков встречного искового заявления — встречный иск в данном процессе не рассматривается.

Верховные суды СССР и РСФСР в постановлениях по конкретным делам обращали внимание судов на неуклонное соблюдение требований формы и оплаты встречных исков. Так, по одному делу Верховный Суд СССР указал, что «поскольку ответчик, предъявляя встречный иск, не внес установленной законом государственной пошлины и не восполнил этот недостаток встречного искового заявления до дня слушания дела, суд не должен был принимать к рассмотрению встречный иск и выносить по нему решение по существу[14]).

Несоблюдение правил о форме и оплате встречного иска при его предъявлении не лишает ответчика возможности восполнять этот недостаток, послуживший основанием к отказу в принятии встречного искового заявления. Если ответчик выполнит эти условия до рассмотрения дела в судебном заседании, встречный иск должен быть судом принят и рассмотрен совместно с первоначальным. Если же этот недостаток не будет восполнен до рассмотрения первоначального иска по существу, заявление считается неподанным и возвращается ответчику, последний вправе предъявить эти требования самостоятельным иском в дальнейшем. ГПК УССР в ст. 142 устанавливает, что встречный иск в данном процессе не рассматривается.

В исключение этого общего правила о форме и оплате встречного иска, на наш взгляд, допустимо устное или письменное заявление встречных требований без оплаты государственной пошлины в случаях, прямо указанных законом. Такое исключение содержится в 22 КЗоБСО РСФСР и в статье 20 Инструкции НКЮ СССР, утвержденной постановлением СНК СССР от 27 ноября 1944 г. « О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака», предусматривающей обязанность суда произвести в случае требования сторон раздел имущества в натуре или в делевом отношении между разводящимися супругами. Пункт 17 этой же Инструкции устанавливает, что в заявлении о расторжении брака должны быть указаны сведения об имуществе и его оценка в случае требования о разделе имущества.

О взыскании государственной пошлины в случае требования о разделе имущества, кроме пошлины, полагающейся по делам о расторжении брака, в данном случае ничего не говорится. Это и естественно.

Законодатель регулирует бракоразводный процесс, исходя из задач сохранения и укрепления семьи, а предусмотренное взыскание пошлины и денежных сумм при рассмотрении заявления о расторжении брака является как бы дополнительным предостережением от легкомысленного подхода к семье и браку. Законодатель не ставит задачу увеличения взыскания пошлины за раздел имущества, если суд пришел к выводу о невозможности сохранения семьи. Имущественное положение супругов не должно зависеть от расторжения брачных отношений и поэтому всякий раз, расторгая брак, суд обязан в случае требования одной из сторон (истца или ответчика) произвести раздел

[13]) Такое же правило устанавливает ст. 104 Болгарии. См.: Законы о судоустройстве и прокуратуре и гражданский процессуальный и уголовно-процессуальный кодексы Народной Республики Болгарии. Изд-во иностранной литературы, Москва, 1963.

[14]) См.: «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1950, № 1, стр. 44—45.

имущества. Что же касается описи имущества, подлежащего разделу с соответствующей оценкой, то это обстоятельство вызывается необходимостью возмещения другой стороне стоимости той или иной вещи, реальный раздел которой невозможен.

Если суд придет к выводу, что семья может быть сохранена и откажет в расторжении брака, то вопрос о рассмотрении требования о разделе имущества в данном процессе сам собой отпадает. Однако, если та или иная сторона, несмотря на отказ в расторжении брака, будет настаивать на своем требовании о разделе имущества, суд должен разъяснить общий порядок раздела их имущества.

Поэтому не случайно законодатель говорит, что резделе имущества указывается лишь в решении о расторжении брака. При отсутствии такого решения раздел имущества должен производиться в общем порядке с оплатой государственной пошлины.

На таком правильном понимании смысла этого закона стоит и Верховный суд РСФСР. В практике нередко встречаются дела, в которых даже и при решении вопроса о расторжении брака между сторонами суды оставляют без рассмотрения требования той или иной стороны о разделе имущества.

В качестве примера приведем дело по иску Адамовой к Адамову о расторжении брака. Ответчик Адамов осужден по ст. 206 ч. II УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. Ответчик против расторжения брака возражал, считая возможным сохранить семью, но в случае расторжения брака судом просил в заявлении на имя суда разделить совместно нажитое имущество. Верховный суд Коми АССР своим решением брак между супругами расторг и обошел молчанием встречное заявление ответчика о разделе имущества. Ответчик обжаловал решение суда за неосновательностью расторжения брака и еще потому, что суд не рассмотрел его требование о разделе имущества.

Верховный суд РСФСР, рассматривая дело по жалобе ответчика, нашел, что расторжение брака между супругами произведено в соответствии с обстоятельствами дела, установленными в судебном заседании, и не подлежит изменению. Из материалов дела видно, что сохранить семью невозможно. Затем Верховный суд РСФСР в этом же определении указал: «Вместе с тем суд без достаточных оснований не выполнил требования п. «б» ст. 22 КЗоБСО РСФСР, обязывающего суд в случае признания необходимости расторгнуть брак, установить порядок раздела имущества в натуре или в долевом отношении между разводящимися супругами. Тем более, что ответчик подавал в суд заявление, в котором просил произвести в соответствии со ст. 10 КЗоБСО раздел совместно нажитого имущества.

Оставляя решение Верховного суда Коми АССР в части расторжения брака без изменения, Верховный суд РСФСР предложил этому суду дополнительно рассмотреть заявление ответчика о разделе общего имущества супругов Адамовых[15]). Возвращая дело в Верховный суд Коми АССР для дополнительного рассмотрения требования ответчика о разделе имущества, Верховный суд РСФСР имел в виду облегчить положение ответчика. Ему не нужно будет вновь обращаться в суд с иском о разделе имущества, платить государственную пошлину и т. п. Верховный суд правильно сделал указание на допущенную ошибку суда, решавшего вопрос о расторжении брака.

---

[15]) Пример взят из практики Верховного Суда РСФСР, определение № 3-20-ГЗ за 1963 г. по делу Адамовых.

Допуская возможность предъявления встречных исков без соответствующей оплаты государственной пошлины в предусмотренном нами случае, мы считаем возможным предоставить право заявления некоторых встречных требований в устной форме, в противоположность обязательному письменному предъявлению первоначального иска, предусмотренного в ГПК РСФСР. Такие устные встречные требования ответчика, на наш взгляд, допустимы, когда ответчик требует от суда признания определенных правоотношений, либо изменения этих правоотношений. Такое заявление ответчика будет внесено в протокол судебного заседания, рассматривающего первоначальный иск, и суд своим определением, выносимым без обязательного удаления в совещательную комнату, решит вопрос о возможности рассмотрения встречного требования ответчика в данном процессе, о необходимости собирания соответствующих доказательств. Однако это не будет означать, что ответчик заявляет встречные требования в форме возражения и устранит имеющуюся путаницу в судебной практике и в теории. Суд, допустивший своим определением совместное рассмотрение встречного требования ответчика с первоначальным иском, обязан вынести по нему соответствующее решение.

В судебной практике встречаются дела, в которых встречные иски были заявлены устно. А в отдельных случаях, несмотря на то, что устный встречный иск был судом принят и рассмотрен по существу, суды забывают называть его встречным иском, что, конечно, неправильно.

Такие случаи имеют место и в практике Верховного суда РСФСР[16]).

Предоставление возможности заявления ответчиком встречных исков в устной форме, встречающееся в судебной практике, обосновывается следующими соображениями:

во-первых, это будет значительно экономить время, необходимое для предъявления иска по общим правилам;

во-вторых, подлежащая взысканию государственная пошлина по делам неимущественного характера очень незначительна и ее неуплата никакого ущерба не принесет;

в-третьих, облегчит защиту ответчика и будет способствовать вынесению правильного решения судом.

Случаи возможного заявления ответчиком встречных исков в устной форме может быть разрешено законом по делам, не связанным с требованием ответчика об имуществе[17]).

Итак, территориальная подсудность встречного иска полностью определяется по связи дел подсудностью первоначального иска. Для

---

[16]) Определение № 5-В2 пр.-444 за 1962 г. по иску Савельевой к отделу учета и распределения жилой площади и встречному иску отдела о выселении истицы Верховный Суд РСФСР иск отдела учета к истице не называет почему-то встречным иском. Аналогичное положение и в определении № 32-33-ГЗ за 1963 г. по иску Лукьянова к Лукьяновой о расторжении брака и иску ответчика о передаче ребенка на воспитание. Определение № 38-83 пр-37 за 1963 г. по делу Антоновых и т. д. Можно привести много таких примеров.

[17]) Возможность предъявления встречного иска устно предусмотрена, например, § 281 ZPO (Zivilprozessrecht der Deutschen Demokratischen Republick).

При заявлении ответчиком встречного иска устно он должен быть занесен в протокол судебного заседания. Устные встречные иски допустимы по делам, не связанным с денежными требованиями. (См.: Das Zivilprozessrecht der Deutschen Demokratischen Republick, Lehrmaterial fur das Fernstudium, VEB, Deutscher Zentralverlag, Berlin, 1956, S. 150).

От взыскания пошлины по таким встречным искам можно либо отказаться вообще, либо решать вопрос о ее взыскании при вынесении судебного решения после совместного рассмотрения обоих исков.

решения вопроса о встречном иске нужно установить его подведомственность судебным органам, а также его необходимую связь с первоначальным иском. Если встречный иск подведомствен суду и находится в такой связи с первоначальным, что решение по нему либо ликвидирует первоначальный иск, либо подрывает основание первоначального иска, либо ведет к зачету взаимных требований, суд обязан принять встречный иск. Если же указанной связи между первоначальным и встречным исками нет или их совместное рассмотрение чрезмерно затянет и усложнит процесс, в принятии встречного иска должно быть судом отказано.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ПОНЯТИЕ ВРЕМЕННОЙ НЕТРУДОСПОСОБНОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ ТРУДОВОМУ ПРАВУ

Г. С. СЛОБОДЯНЮК

В литературе по советскому трудовому праву до последнего времени понятие временной нетрудоспособности почти совсем не исследовалось. В тех же случаях, когда авторы отдельных работ (преимущественно по социальному страхованию) касались этого вопроса, то они ограничивались либо неполным определением понятия временной нетрудоспособности, либо простым перечислением отдельных ее видов.

Так, например, авторы учебного пособия «Государственное социальное страхование» указывают, что «под временной нетрудоспособностью в широком смысле слова следует понимать невозможность для рабочего или служащего продолжать работу вследствие его заболевания или в других, предусмотренных законодательством случаях, связанных с болезнью члена семьи или окружающих его лиц». Далее они пишут, что «в литературе наиболее распространенным является определение временной нетрудоспособности, связанной с болезнью работника, как невозможность для больного выполнять работу вообще или хотя бы его обычную работу по своей профессии (специальности) в результате таких нарушений функций организма или таких патологических изменений, которые обычно имеют кратковременный, преходящий характер или во всяком случае поддаются лечению»[1]).

Такое определение временной нетрудоспособности полностью воспроизводится в некоторых работах других авторов[2]).

Примером того, как иногда определение временной нетрудоспособности сводится к простому перечислению ее отдельных видов, может служить брошюра Г.Я. Борисова и Л. Н. Гореватого «Пособие по временной нетрудоспособности», в которой авторы на поставленный ими же вопрос «что считается временной нетрудоспособностью?» отвечают, в каких случаях предоставляется отпуск и выплачивается пособие по временной нетрудоспособности[3]).

Однако, определяя понятие временной нетрудоспособности, нельзя ограничиваться лишь случаями, когда работник в силу каких-либо определенных причин не имеет возможности продолжать работу.

---

[1]) Государственное социальное страхование. Московская высшая заочная школа профдвижения. Профиздат, 1958, стр. 74.

[2]) С. К. Батыгин, М. Лирцман, И. Трефилов. Пособия по государственному социальному страхованию. Комментарий. Изд-во ВЦСПС, Профиздат, 1962, стр. 29.

[3]) Г. Я. Борисов, Л. Н. Гореватый. Пособия по временной нетрудоспособности, изд. 2-е, Госюриздат, 1961, стр. 5.

Под невозможностью для рабочего или служащего продолжать работу вследствие заболевания следует понимать случаи утраты психофизической способности трудиться по своей профессии (специальности, должности). Но, как об этом более подробно будет сказано несколько ниже, при некоторых заболеваниях работник сохраняет такую способность, однако все же может быть временно освобожден от работы.

Также будет неправильным понятие временной нетрудоспособности сводить к случаям, когда рабочий или служащий приобретает право на обеспечение пособием. В некоторых случаях в соответствии с действующим законодательством по социальному страхованию право на пособие по временной нетрудоспособности может и не возникнуть несмотря на то, что работник освобожден от работы в связи с временной нетрудоспособностью, например, если временная нетрудоспособность удостоверена не больничным листком, а справкой.

Понятие временной нетрудоспособности применительно к обеспечению пособиями в порядке государственного социального страхования несколько уже понятия временной нетрудоспособности с точки зрения освобождения работника от работы.

Освобождение от работы является основным элементом понятия временной нетрудоспособности. Факт наступления ее не будет иметь места там, где работник не подлежит освобождению от выполнения своих трудовых функций.

Из анализа действующего законодательства следует, что под временной нетрудоспособностью советское трудовое право понимает такое состояние рабочего или служащего, когда он в связи с заболеванием или по другим предусмотренным законодательством причинам профилактического или социально-бытового порядка временно освобождается от своей работы.

Временная нетрудоспособность всегда выступает как юридический факт, влекущий за собой определенные правовые последствия.

Подробное изложение вопроса о правовых последствиях выходит за пределы настоящей статьи. Однако, учитывая, что определение понятия временной нетрудоспособности будет недостаточно полным без освещения его с этой стороны, следует хотя бы вкратце указать на некоторые правовые последствия, имеющие существенное значение.

Основным последствием наступления временной нетрудоспособности является, как уже указывалось, освобождение от работы. Рабочие и служащие освобождаются от работы на весь период временной нетрудоспособности. Причем отпуск, предоставляемый в связи с болезнью, по беременности и родам или в связи с протезированием с помещением в стационар протезно-ортопедического предприятия, не может быть совмещен с очередным и дополнительным отпусками. Последние подлежат продлению (или перенесению на другой срок) на число дней нетрудоспособности во время отпуска, удостоверенных больничным листком. Отпуск в связи с санаторно-курортным лечением, карантином или в связи с уходом за больным членом семьи может быть совмещен с очередным и дополнительными отпусками. Отпуск по временной нетрудоспособности во всех случаях может быть совмещен с отпуском, предоставляемым рабочему или служащему без сохранения заработной платы.

На время отпуска в связи с временной нетрудоспособностью за рабочим и служащим сохраняется место работы и течение непрерывного и общего трудового стажа не прекращается, за исключением случаев увольнения работника по п. «ж» ст. 47 КЗоТ.

По установившейся практике ФЗМК, рассматривая просьбу администрации дать согласие на увольнение длительно болеющего работника, выясняют, не позволяет ли состояние здоровья больного в ближайшее время приступить к работе, нельзя ли его служебные обязанности распределить среди работников, занятых на данном производственном участке или принять взамен временного работника. Только убедившись в отсутствии всех этих возможностей, профсоюзные комитеты дают согласие на увольнение.

В литературе было высказано мнение о том, что сейчас есть все основания совсем отказаться от нормы, предусматривающей возможность увольнения в связи с временной нетрудоспособностью, тем более, что она применяется крайне редко[4]).

С этим мнением полностью согласиться не представляется возможным, ибо запрещение увольнять длительное время отсутствующих на работе работников может причинить серьезный вред производственным интересам, которые нередко требуют вместо заболевшего работника принять нового. Однако не следует допускать увольнения работников, утративших трудоспособность в связи с трудовым увечьем или профессиональным заболеванием. На практике профсоюзные органы выступают против таких увольнений. На это их нацеливает постановление Президиума ВЦСПС от 8 января 1965 г. «Об усилении контроля ФЗМК за соблюдением трудового законодательства при увольнении рабочих и служащих»[5]).

И все же, на наш взгляд, необходимо закрепить в законодательном порядке правило, согласно которому увольнение по п. «ж» ст. 47 КЗоТ РСФСР работников, утративших трудоспособность в связи с трудовым увечьем или профессиональным заболеванием по вине администрации, может быть допущено лишь после установления инвалидности, если по состоянию здоровья в соответствии с трудовой рекомендацией ВТЭК работник не может продолжать работать по своей профессии (специальности, должности) и если не предоставляется возможным перевести его на другую, более легкую работу.

С наступлением временной нетрудоспособности между рабочим или служащим и органами социального страхования возникают особые правоотношения по обеспечению пособиями за счет средств государственного социального страхования. Рабочие и служащие обеспечиваются пособиями в течение всего периода временной нетрудоспособности, даже в тех случаях, когда работник увольняется с работы по п. «ж» ст. 47 КЗоТ[6]).

Порядок назначения и выплаты пособия, а также размеры его зависят от причины наступления временной нетрудоспособности. Так, при временной нетрудоспособности в связи с трудовым увечьем или профессиональным заболеванием пособие назначается и выплачивается в размере полного заработка без ограничения какой-либо суммы и незави-

[4]) См.: Е. А. Кленов. Судебная защита прав рабочих и служащих при увольнении. Автореферат диссертации, М., 1963, стр. 8.

[5]) «Социалистический труд», 1965, № 4, стр. 145—146.

[6]) Пунктом «ж» ст. 47 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик установлено, что работник может быть уволен в случае непосещения работы вследствие временной утраты трудоспособности по истечении двух месяцев. КЗоТ БССР этот срок продлевает до 4 месяцев. Для сезонных рабочих и служащих этот срок установлен в один месяц (пост. ЦИК и СНК СССР от 4 июня 1926 г. № 40, ст. 290); для сезонных рабочих, занятых в лесной промышленности и лесном хозяйстве — пятнадцать дней (пост. ЦИК и СНК СССР от 7 марта 1933 г., СЗ СССР 1933 г., № 18, ст. 100); для временных работников — одна неделя (пост. ЦИК и СНК СССР от 14 января 1927 г. СЗ СССР 1927 г., № 9, ст. 80).

симо от непрерывного стажа работы. В остальных случаях временной нетрудоспособности размер пособия зависит от продолжительности непрерывного стажа работы. По более льготным нормам выплачивается пособие по беременности и родам. Различия установлены также и относительно продолжительности обеспечения пособием. Например, при бытовой травме пособие выдается начиная с 6-го дня нетрудоспособности, а при временной нетрудоспособности в связи с протезированием с помещением в стационар протезно-ортопедического предприятия пособие выдается за все время нахождения в стационаре, но не более чем за 10 дней. Пособие по уходу за заболевшим членом семьи выдается не более чем за 3 дня, и лишь в особо исключительных случаях, в зависимости от тяжести заболевания члена семьи и бытовой обстановки, срок выплаты пособия может быть продлен.

В связи с наступлением у рабочих и служащих временной нетрудоспособности могут возникнуть особые правоотношения между работником и предприятием, (например, в случае причинения вреда на производстве по вине предприятия), между предприятием и органом социального страхования.

Так, например, в случае, когда ФЗМК устанавливает, что трудовое увечье или профессиональное заболевание рабочего или служащего является результатом нарушения администрацией правил охраны труда или техники безопасности, фабзавместком выносит обязательное для администрации постановление о возмещении предприятием, учреждением, организацией бюджету государственного социального страхования в бесспорном порядке расходов на выплату пособия по временной нетрудоспособности в связи с этим увечьем или заболеванием.

Временная нетрудоспособность как юридический факт влечет за собой и другие правовые последствия.

В зависимости от причин наступления временная нетрудоспособность подразделяется на различные виды.

Наиболее часто встречающимся видом временной нетрудоспособности является временная нетрудоспособность, вызванная болезнью, связанной с потерей трудоспособности.

По советскому трудовому праву трудоспособность определяется состоянием здоровья работника и может быть подразделена применительно к настоящей теме на два основных вида:

а) общая трудоспособность, когда работник обладает психофизической способностью выполнять всякую работу в обычных условиях труда;

б) профессиональная трудоспособность, наличие которой свидетельствует о том, что работник способен работать по определенной профессии (специальности, должности). Законодательством предусмотрены случаи, когда при приглашении работника для выполнения определенных работ необходимо путем предварительного медицинского осмотра установить, что состояние здоровья позволяет ему работать в данной профессии. Это проводится в интересах охраны труда (личной безопасности), в ряде случаев — в интересах общественной безопасности (машинисты локомотивов, шоферы и т. д.) и санитарии (работники пищевых предприятий и др.).

Утрата профессиональной трудоспособности говорит о невозможности исполнять работу по своей профессии (специальности, должности). Утрата общей трудоспособности свидетельствует о невозможности выполнять любую работу, по какой бы профессии или на каком бы производстве работник не работал. Утрата общей трудоспособности

означает, что одновременно утрачена и профессиональная трудоспособность.

Понятие «утрата трудоспособности» включает в себя не только случаи утраты психофизической способности организма к выполнению определенной работы, но также и случаи, когда работник, несмотря на заболевание, сохраняет такую способность, однако подлежит освобождению от работы в связи с тем, что продолжение ее может помешать нормальному ходу лечения, или отстраняется от работы в связи с тем, что заболевание является заразным и носит общественно опасный характер. Например, кожное заразное заболевание, которому подвергся работник, непосредственно соприкасающийся в своей работе с пищевыми продуктами и напитками в открытом виде, может и не повлечь за собой потерю трудоспособности, но вместе с тем может представлять значительную общественную опасность. В данном случае работник отстраняется от работы с целью предупреждения распространения заразного заболевания.

Заболевание может проявляться в различной форме: или в виде болезни, или в виде увечья (травмы)[7]). С медицинской точки зрения, любое увечье (травма) является одной из разновидностей болезни. В правовом же отношении отличие болезни от увечья (травмы) имеет существенное значение, ибо в каждом из этих случаев могут наступить различные правовые последствия.

Обычно увечьем (травмой) считается такое заболевание, которое происходит в результате несчастного случая, то есть неожиданного, внезапного повреждения здоровья, вызванного воздействием внешней силы.

Под воздействием внешней силы следует понимать физическое, химическое или психическое воздействие на организм человека.

Физическое воздействие может проявляться в виде механического (ранение, ушиб, сотрясение), термического (перенагревание, ожог, обморожение), электрического, лучевого воздействия и т. п. Примером травмирования вследствие химического воздействия могут служить случаи острого отравления или иного повреждения организма различными веществами, обладающими токсическим или раздражающим химическим действием[8]).

В качестве травмирования путем психического воздействия могут служить случаи внезапного испуга, в результате которого нарушается нормальное функционирование организма.

В зависимости от того, связано ли заболевание или увечье с работой или оно возникло безотносительно к трудовой деятельности рабочего или служащего, различаются профессиональное заболевание и общее заболевание, трудовое увечье и бытовая травма.

---

[7]) Какого-либо правового различия между словами «увечье» и «травма» не имеется, и они могут рассматриваться в качестве синонимов, хотя в юридической литературе они по установившейся терминологии употребляются для обозначения определенных понятий: трудовое увечье, производственная травма, бытовая травма (но не трудовая травма, производственное увечье, бытовое увечье).

[8]) Если повреждение здоровья вызвано воздействием указанных веществ в результате соприкосновения с ними в процессе работы, то такое повреждение здоровья будет относиться к профессиональному заболеванию. См.: Список профессиональных заболеваний, утвержденный Министерством здравоохранения СССР 1 августа 1956 г. и ВЦСПС 2 августа 1956 г. Приложение к п. 63 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию.

а. Профессиональное заболевание

Профессиональными заболеваниями считаются заболевания, указанные в специальном списке[9]), который содержит в себе наименования болезней, профессиональных вредностей, вызывающих эти болезни, а также наименования профессий, в которых данная болезнь встречается преимущественно или исключительно.

К профессиональным заболеваниям следует относить также осложнения и прямые последствия заболеваний, указанных в списке.

В литературе можно встретить указание, что профессиональным считается «такое заболевание, которое развилось под влиянием систематического и длительного вредного воздействия на работника фактора, свойственного данной профессии, либо условий труда, характерных лишь для того или иного производства»[10]).

Однако если обратиться к Списку профессиональных заболеваний, то легко заметить, что к профессиональным следует относить не только заболевания, развившиеся под влиянием «систематического и длительного вредного воздействия» определенных факторов, но также и другие заболевания, например, случаи острого отравления веществами, обладающими токсическим действием.

Нельзя согласиться также и с той частью указанного определения, где говорится о воздействии «фактора, свойственного данной профессии, либо условий труда, характерных лишь для того или иного производства». Подобным определением как бы указывается на закономерность и неотвратимость воздействия на организм работника определенных вредностей, которые якобы присущи тому или иному производству либо той или иной профессии.

В нашей стране в результате проведения различного рода мероприятий, направленных на оздоровление и облегчение условий труда рабочих и служащих, во многих производствах и профессиях действие вредностей, вызывающих профессиональное заболевание, доведено до минимального или вообще устранено. Конечно, уровень развития науки и техники на сегодняшний день не дает еще возможности полностью устранить определенные вредности во всех производствах и профессиях. Однако это совершенно не означает, что встречающиеся на том или ином производстве или в той или иной профессии вредности неминуемо вызовут определенное профессиональное заболевание. Заболевание может и не последовать, если принять соответствующие меры предупредительного характера.

Что касается термина «профессиональные вредности», часто употребляемого как в законодательстве, так и в литературе, то он вовсе не означает, что определенным профессиям присущи, свойственны определенные вредности. Этот термин указывает лишь на то, что работник соприкасается с определенными вредностями в процессе труда[11]).

---

[9]) См.: Список профессиональных заболеваний, утвержденный Министерством здравоохранения СССР 1 августа 1956 г. и ВЦСПС 2 августа 1956 г. Приложение к п. 63 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию.

[10]) Л. Д. Вайсфельд, В. В. Караваев. Законодательство о государственных пенсиях. Комментарий, Госюриздат, 1959, стр. 69.

[11]) Профессиональные вредности могут заключаться в самом процессе, способе работы (движения отдельных частей организма в процессе работы, положение организма, продолжительность и время работы), в природе материала, с которым приходится соприкасаться в процессе работы (ядовитые вещества, радиоактивные вещества

Согласно пункту 1 Инструкции по применению списка профессиональных заболеваний[12]) таковыми считаются заболевания, «которые свойственны исключительно работе, связанной с определенными профессиональными вредностями, а также заболевания, встречающиеся при работе с данными вредностями во много раз чаще, чем при иных условиях».

Заболевание признается профессиональным, если экспертом на основании анализа всех обстоятельств каждого конкретного случая и прежде всего конкретных условий труда устанавливается причинная связь заболевания с профессиональными вредностями, то есть если интенсивность и время воздействия определенных вредностей на организм работника явились безусловным и, если не единственным, то во всяком случае преобладающим этиологическим моментом заболевания.

При этом, как указывается в пункте 5 Инструкции, перечисленные в списке заболевания могут относиться к профессиональным лишь в том случае, если исключается возможность влияния на развитие данного заболевания других факторов, не связанных с условиями труда (бытовые условия, инфекции и др.).

Определение профессионального заболевания содержится также в Хартии социального страхования, принятой V Всемирным конгрессом профсоюзов. «Профессиональным заболеванием, — указывается в Хартии, — считается всякое заболевание трудящихся, вызванное вредностями условий труда на производстве»[13]). Это определение нельзя понимать в том смысле, что профессиональным следует признавать всякое заболевание, вызванное любыми вредностями, с которыми работник соприкасается в процессе труда. Подтверждением этого является указание в той же Хартии на то, что «все фактические профессиональные заболевания должны быть обязательно занесены в официальные списки, установленные для этих болезней».

В различных странах, где введено социальное страхование, установлены свои списки профессиональных заболеваний, которые и определяют объем профессионального заболевания. Наш список дает исключительно широкое толкование этого понятия. Его характерной особенностью является не только содержащийся в нем обширный перечень различных заболеваний, а также вредностей, которые могут вызвать эти заболевания, но и то обстоятельство, что указанный перечень профессий, в которых та или иная болезнь встречается преимущественно или исключительно, не является исчерпывающим, ибо профессии приводятся только в качестве примера, ориентировочно.

В соответствии в Инструкцией по применению списка профессиональным может быть признано заболевание, которое находится как в прямой, так и в косвенной причинной связи с профессиональной деятельностью.

Известно, что всякое заболевание есть результат взаимодействия множества различных факторов. Однако среди них можно иногда выделить один какой-нибудь, по своей силе и влиянию являющийся преобладающим, доминирующим. И если профессиональные вредности именно по своему влиянию явились причиной заболевания, можно говорить

и т. п.) и, наконец, в той обстановке, в которой приходится работать (запыленность помещения, ненормальное освещение, шумы и пр.).

[12]) Утверждена Министерством здравоохранения СССР 1 августа 1956 г. и ВЦСПС 2 августа 1956 г.

[13]) Пункт 11 Хартии социального страхования. «Охрана труда и социальное страхование», № 2, стр. 9.

о прямой причинной связи заболевания с профессиональной деятельностью.

Характеристика косвенной причинной связи заболевания с условиями работы содержится в п. 6 Инструкции, где сказано, что «если профессиональное заболевание, указанное в списке, вызовет резкое ухудшение какого-либо другого заболевания, которое само по себе не носит профессионального характера, то причина потери трудоспособности должна считаться профессиональной».

Причинная связь заболевания с условиями труда в большинстве случаев имеет внутренний, а иногда даже скрытый характер и проявляется как бы исподволь, в течение более или менее продолжительного периода времени.

В списке профессиональных заболеваний не содержится никаких требований в отношении стажа работы в условиях воздействия данной вредности и не учитываются перерывы в работе, связанной с воздействием вредности.

Вопрос о том, является ли продолжительность воздействия определенной вредности достаточной, чтобы вызвать развитие данного заболевания, решается в каждом отдельном случае медицинской экспертизой. Точно так же решается и вопрос о том, не слишком ли был велик перерыв в работе по данной профессии, чтобы считать обоснованной связь заболевания с профессией.

Список профессиональных заболеваний не является постоянно неизменным. Со временем он будет пополняться — в него будут периодически вноситься новые болезни и указания на новые профессиональные вредности. Пополнение списка будет происходить, с одной стороны, в результате развития науки и внедрения новой техники, что приведет к возникновению новых производств, материалов и продукции, новых профессий и, следовательно, новых вредностей и болезней. С другой же стороны, развитие науки вообще и медицинской науки, в частности, приведет к тому, что знания о вредном воздействии на организм тех или иных вредностей будут значительно расширены, и многие болезни, которые сегодня еще не значатся в списке, со временем будут включены в него.

Установление связи заболевания с работой составляет компетенцию медицинских органов, производящих экспертизу временной нетрудоспособности.

б. Трудовое увечье

Что касается установления связи увечья с работой, то этот вопрос входит в компетенцию других немедицинских органов: администрации предприятия или учреждения, а также органов социального страхования[14]), которые выясняют конкретные обстоятельства, связанные с наступлением несчастного случая. Это становится возможным в силу того, что в отличие от профессиональных заболеваний связь увечья с работой имеет внешнее проявление и зачастую ясна не только самому пострадавшему, но и окружающим его лицам именно тем, что наступает внезапное повреждение здоровья вследствие воздействия внешней силы.

[14]) Судебные органы могут устанавливать факт несчастного случая, «если установление этого факта требуется для назначения пенсии по инвалидности или по случаю потери кормильца вследствие трудового увечья, и если заинтересованные в этом граждане не могут получить документы, подтверждающие этот факт иным путем, или если невозможно восстановить утраченные или уничтоженные документы об этом факте, поскольку другого пути установления таких фактов не предусмотрено...» — См. письмо Министерства юстиции РСФСР от 10 июня 1958 г. № П-13.

Иногда считают, что связь несчастного случая, в результате которого работник получил увечье, с работой устанавливается медицинскими органами, так как они всегда делают соответствующую отметку в больничном листке. Подтверждением этого якобы служит также правило, в соответствии с которым медицинские органы, устанавливая, что нетрудоспособность наступила в результате бытовой травмы, больничный листок за первые пять дней нетрудоспособности не выдают.

Такое мнение следует признать ошибочным, так как медицинские органы, производящие экспертизу временной нетрудоспособности, делают в больничном листке отметку о трудовом увечье в большинстве случаев со слов самого пострадавшего. В компетенцию медицинских органов входит лишь установление таких причин наступления нетрудоспособности, как болезнь или увечье, но не выявление обстоятельств, которые должны свидетельствовать о связи несчастного случая с работой.

Установление факта наступления нетрудоспособности в связи с трудовым увечьем имеет значение в основном при обеспечении пособиями в порядке государственного социального страхования. Пособие же по временной нетрудоспособности вследствие трудового увечья назначается комиссией по социальному страхованию лишь при наличии акта о несчастном случае, повлекшем за собой увечье, если он произошел на территории предприятия или учреждения, в ином месте выполнения работником его трудовых обязанностей. При отсутствии такого акта комиссия принимает меры к немедленному его составлению администрацией предприятия или учреждения.

Если несчастный случай, связанный с работой, произошел на территории предприятия или учреждения, или в ином месте выполнения работником его трудовых обязанностей (например, в пути следования на работу), то пособие назначается после тщательного выяснения комиссией обстоятельств несчастного случая[15]).

При назначении пособий по временной нетрудоспособности трудовым увечьем считается повреждение здоровья при несчастных случаях, связанных с работой.

Несчастный случай признается связанным с работой, если он произошел: а) при выполнении трудовых обязанностей (в том числе во время командировки), а также при совершении каких-либо действий в интересах предприятия или учреждения, хотя бы и без поручения администрации; в) в пути на работу или с работы; на территории предприятия или учреждения, или в ином месте работы в течение рабочего времени, включая и установленные перерывы; в течение времени, необходимого для приведения в порядок орудий производства, одежды и т. п. перед началом или по окончании работ; в) вблизи предприятия или учреждения или иного места работы в течение рабочего времени, включая и установленные перерывы, если нахождение там не противоречило правилам внутреннего трудового распорядка; г) при выполнении государственных или общественных обязанностей, а также при выполнении специальных заданий советских, партийных, профессиональных или иных общественных организаций, хотя бы эти задания и не были связаны с основной работой; д) при выполнении долга гражданина СССР по спасению человеческой жизни, по охране социалистической собственности, а также по охране социалистического правопорядка.

---

[15]) См. п. 59 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию.

Утрата трудоспособности в связи с выполнением донорских функций приравнивается к утрате трудоспособности вследствие несчастного случая, связанного с работой.

При применении этого перечня несчастных случаев могут возникнуть некоторые неясности. В таких случаях обычно пользуются практикой, выработанной органами социального обеспечения при определении причин инвалидности. Согласно этой практике увечье признается трудовым, если оно было получено при выполнении распоряжений или отдельных поручений лиц, которым рабочий (служащий) непосредственно был подчинен по работе, хотя бы выполнение этого поручения и не вытекало из его трудовых обязанностей по трудовому договору, или вследствие такого распоряжения администрации, которое было дано не в интересах предприятия (учреждения), а в интересах отдельных лиц.

Увечье, полученное работником во время командировки, считается трудовым лишь в том случае, если оно получено при выполнении трудовых обязанностей в пути на работу или с работы к месту проживания во время командировки, при переезде к месту командировки, при служебных поездках во время командировки и при возвращении из командировки, а также при обстоятельствах, предусмотренных в пунктах «д» и «е» перечня.

Несчастный случай, происшедший во время командировки, но не при выполнении заданий командировки (в выходной день, в театре и т. п.) не должен рассматриваться как трудовое увечье.

Увечье, полученное вследствие несчастного случая, происшедшего в пути с работы, следует считать трудовым, независимо от того, куда направлялся рабочий или служащий по окончании работы: домой, в театр, на занятия в учебное заведение и т. п. Но если несчастный случай произошел в пути с определенного места, куда первоначально после работы явился рабочий или служащий, например, в пути из театра, стадиона, учебного заведения домой или в другое место, увечье не может быть признано трудовым. Однако из этого правила имеется исключение, согласно которому увечье признается трудовым, если оно получено по пути на работу или с работы с заходом в дошкольные детские учреждения (ясли, детский сад).

Несчастный случай, имевший место во время спортивных соревнований, признается трудовым увечьем, если потерпевший должен был принимать участие в соревнованиях в силу прямого поручения общественной организации.

Для признания несчастного случая трудовым увечьем не имеет значения, по чьей вине произошел несчастный случай: предприятия или учреждения, на котором работал потерпевший, постороннего лица, другого какого-либо предприятия и учреждения или же по вине самого потерпевшего.

Увечье, полученное рабочим или служащим во время прохождения им учебного сбора, должно быть признано трудовым. Точно так же считается трудовым увечье, полученное в связи с работой в колхозе или совхозе по уборке урожая, если рабочий или служащий был направлен на эту работу партийными, комсомольскими или общественными организациями.

В правовой литературе наряду с термином «трудовое увечье» (или «несчастный случай», связанный с работой») употребляется термин «производственная травма» или («несчастный случай, связанный с производством»), причем нередко допускается смешение этих понятий, так как применительно к обеспечению пособиями по временной нетрудоспособности между ними не проводится никаких различий. Однако, как об

этом справедливо указывал Я. Л. Киселев, «понятие несчастного случая, связанного с производством, следует отличать от трудового увечья, которое наряду с производственными травмами охватывает широкий круг случаев, связанных прямо или косвенно с трудовой деятельностью потерпевшего (но не являющихся несчастными случаями, связанными с производством)[16]).

Временную нетрудоспособность могут вызвать не только патологические, но также и нормальные физиологические изменения, происходящие в организме человека. К таким изменениям законодатель относит определенную стадию беременности и послеродовой период женщины. Беременность и роды нельзя назвать болезнью, однако это не значит, что такое состояние женщины, рассматриваемое как нормальное физиологическое явление, не сопряжено с болезненым состоянием и временной потерей трудоспособности.

Тот факт, что, например, в Положении о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию пункты, предусматривающие выплату пособий по беременности и родам, вынесены в самостоятельную главу и как бы отделены от пунктов, предусматривающих выплату пособий по временной нетрудоспособности, не может служить основанием для утверждения, что беременность и роды якобы не являются отдельным видом временной нетрудоспособности.

Еще в резолюции VI Пражской конференции РСДРП «Об отношении к думскому законопроекту», автором которой был В. И. Ленин, в числе других требований указывалось на необходимость «обеспечить рабочих во всех случаях утраты трудоспособности (увечье, болезнь, старость, инвалидность, беременность и роды)»[17]). Этот взгляд на беременность и роды как на один из видов временной нетрудоспособности был полностью усвоен советским законодательством. Такая точка зрения нашла свое отражение и в юридической литературе[18]).

«Особым видом временной нетрудоспособности, — говорится в энциклопедическом словаре «Трудовое право», — является освобождение от работы женщин на время отпуска по беременности и родам»[19]).

Особенность этого вида временной нетрудоспособности заключается в том, что отпуск по беременности и родам носит в значительной степени характер предупредительной меры, имеющей своей целью охрану здоровья как матери, так и ребенка до его рождения и в первые недели его жизни.

---

[16]) Я. Л. Киселев. Охрана труда по советскому трудовому праву. Госюриздат, 1962, стр. 103; Определение понятия «производственная травма» можно вывести из сопоставления двух нормативных актов: перечня несчастных случаев, которые считаются связанными с работой, и Положения о расследовании и учете несчастных случаев, связанных с производством (утверждено постановлением Президиума ВЦСПС от 4 сентября 1959 г. «Бюллетень ВЦСПС», 1959, № 17). При этом необходимо учитывать, что предусмотренные в Положении несчастные случаи, подлежащие расследованию, по своему объему несколько шире понятия производственной травмы, но гораздо уже понятия трудового увечья (несчастного случая, связанного с работой). Расследованию в порядке указанного Положения подлежат все несчастные случаи, которые произошли с рабочими или служащими: а) на территории предприятия, организации и учреждения; б) вне территории предприятия, организации, учреждения при выполнении работы по заданию администрации; в) на транспорте предприятия с лицами, его обслуживающими (машинисты, водители, кондуктора, сопровождающие грузы, грузчики и другие работники), а также с рабочими и служащими, доставляемыми на место работы и с работы на транспорте предприятия.

[17]) В. И. Ленин. Соч., т. 17, стр. 426.

[18]) См.: «Трудовое право». Энциклопедический словарь. М., 1959, стр. 71, 250; В. В. Караваев. Социальное страхование в СССР. М., 1959, стр. 18.

[19]) «Трудовое право». Энциклопедический словарь. М., 1959, стр. 250.

Женщинам — работницам и служащим предоставляется отпуск по беременности и родам сроком на 56 календарных дней до родов и 56 календарных дней после родов, а в случае ненормальных родов или рождения двух или более детей — продолжительностью в 70 календарных дней. На этот период им выдается больничный листок.

В случае, если право на отпуск по беременности и родам наступает в то время, когда женщина находится в отпуске по временной нетрудоспособности (независимо от ее причины), прежний больничный листок закрывается и выдается новый больничный листок в связи с беременностью и родами.

Если женщина по состоянию здоровья не может еще до начала отпуска по беременности продолжать работу или по окончании послеродового отпуска приступить к работе, она освобождается от работы с выдачей больничного листка. Эти периоды временной нетрудоспособности, несмотря на то, что причина наступления нетрудоспособности связана с беременностью или родами, должны рассматриваться как периоды временной нетрудоспособности в связи с общим заболеванием.

Определенное правовое значение имеет такая причина наступления временной нетрудоспособности, связанная с беременностью, как самопроизвольное или искусственное прерывание беременности. При выкидыше (то есть самопроизвольном прерывании беременности, с рождением мертвого ребенка), наступившем по истечении 196 дней беременности, женщине предоставляется обычный послеродовой отпуск на 56 календарных дней (или в соответствующих случаях на 70 календарных дней).

Что касается самопроизвольного аборта, происшедшего до истечения 196 дней беременности, а также искусственного прерывания беременности (аборта), то временная нетрудоспособность, наступившая в связи с этим, приравнивается к временной нетрудоспособности в связи с общим заболеванием. Причем при самопроизвольном аборте, при производстве операции аборта по медицинским показаниям, а также при производстве аборта женщинами, среднемесячный заработок которых не превышает 60 руб. в месяц[20]), больничный листок выдается с первого дня нетрудоспособности. В остальных случаях за первые 10 дней нетрудоспособности выдается справка и лишь начиная с одиннадцатого дня — больничный листок.

Следующими видами временной нетрудоспособности являются случаи освобождения от работы в связи с санаторно-курортным лечением, необходимостью ухода за больным членом семьи, карантином, протезированием с помещением в стационар протезно-ортопедического предприятия.

Во всех этих случаях работник, оставаясь трудоспособным, освобождается от работы с выдачей или больничного листка или, в соответствующих случаях, справки, подтверждающей временную нетрудоспособность.

В период временной нетрудоспособности в связи с санаторно-курортным лечением входят лишь те дни, на которые работник освобождается от работы с выдачей больничного листка. Больничный листок для санаторно-курортного лечения выдается, если путевка в санаторий выдана профсоюзным органом (ФЗМК или вышестоящим профсоюзным органом) за счет социального страхования бесплатно или с оплатой

---

[20]) Для исчисления среднемесячного заработка берется заработок за предыдущие 2 календарных месяца перед месяцем, в котором производилась операция аборта.

30 процентов стоимости и если очередного и дополнительных отпусков недостаточно для лечения и проезда в санаторий и обратно.

Рабочим и служащим, больным активной формой туберкулеза, больничный листок выдается независимо от того, кем и за чей счет выдана путевка (направление) в санаторий.

Отпуск для ухода за больным членом семьи может быть предоставлен лишь в случае, если отсутствие ухода грозит опасностью для жизни или здоровья заболевшего и если невозможно поместить больного в больницу, а в семье нет другого члена семьи, могущего ухаживать за больным (домашняя работница не считается членом семьи). При заболевании ребенка в возрасте до 2 лет матери предоставляется отпуск и выдается пособие независимо от того, имеется ли другой член семьи, могущий ухаживать за больным ребенком.

При карантине освобождается от работы не только рабочий или служащий, который сам перенес заразное заболевание, но продолжающий еще оставаться бациллоносителем, например, после перенесенного заболевания дизентерией, брюшным тифом и др., а поэтому подлежащий изоляции. Рабочий или служащий освобождается от работы также в связи с заболеванием инфекционной болезнью тех лиц, с которыми он соприкасался, хотя сам он не подвергся заболеванию и полностью сохранил трудоспособность. В этом случае он также признается бациллоносителем и освобождается от работы с целью предупредить распространение инфекционной болезни на лиц, с которыми он может общаться в процессе трудовой деятельности.

Порядок и сроки освобождения от работы вследствие карантина установлены различные в зависимости от болезни, степени соприкосновения с больным и от того, каков характер работы отстраняемого[21]).

Временная нетрудоспособность в связи с болезнью существенным образом отличается от инвалидности. Различия между двумя этими понятиями заключаются, во-первых, в том, что, как об этом говорит уже само название, временная нетрудоспособность свидетельствует о кратковременной утрате трудоспособности, в то время как инвалидность есть результат постоянной или длительной потери трудоспособности[22]).

В отличие от временной нетрудоспособности инвалидность может быть установлена лишь при стойких нарушениях функций организма или патологических изменений, а также при необратимых дефектах в организме. Однако недостаточным будет сказать, что временная нетрудоспособность, в отличие от инвалидности, является результатом болезни, вызвавшей такие нарушения функций организма или такие патологические изменения, которые имеют кратковременный, преходящий характер или во всяком случае поддаются лечению. Ведь заболевание нередко может привести к инвалидности. Применительно к таким случаям п. 6 Инструкции «О порядке выдачи застрахованным больничных листков» предусматривают, например, сроки, в течение которых длительно болеющие направляются на освидетельствование во ВТЭК. Практически установление инвалидности производится ВТЭК всегда по истечении определенного срока с момента утраты трудоспособности вследствие болезни. Поэтому период времени с момента

---

[21]) См.: «Сроки изоляции лиц, перенесших заразные заболевания и лиц, соприкасавшихся с заразными больными», утвержденные Министерством здравоохранения СССР 24 сентября 1958 г. Опубликованы отдельной брошюрой. Медгиз, 1959.

[22]) Группа инвалидности устанавливается или без указания сроков переосвидетельствования, то есть пожизненно, или с указанием таких сроков: 1 год, 2 года.

утраты трудоспособности до установления инвалидности является периодом временной нетрудоспособности.

Временная нетрудоспособность отличается от инвалидности, во-вторых, тем, что она наступает всегда в виде полной утраты трудоспособности, в то время как инвалидность может означать не только абсолютную, но и относительную, не только полную, но и частичную утрату трудоспособности.

Если в некоторых случаях работник признается временно нетрудоспособным не потому, что он утратил полностью способность трудиться, а в силу противозаконности дальнейшего продолжения работы, которое может нарушить нормальный ход лечения, то многие инвалиды как III, так и II (и даже I группы) при создании надлежащих условий могут заниматься профессиональным трудом не только без ущерба, но нередко даже с пользой для здоровья.

В период инвалидности рабочий или служащий может продолжать работать на прежнем месте или вступать в новые трудовые правоотношения по другой профессии (специальности), для выполнения работ по которой у него сохранена трудоспособность. Состояние же временной нетрудоспособности исключает возможность выполнять какую-либо работу: безразлично, прежнюю или по другой профессии (специальности). Трудовое законодательство не допускает, чтобы рабочий, частично лишившийся трудоспособности и вследствие этого не способный, например, выполнять норму выработки, привлекался к работе с целью выполнения хотя бы части этой нормы. Он также не может быть на период временной нетрудоспособности переведен на другую работу.

Иногда допускается смешение понятий «временная нетрудоспособность вследствие заболевания» и «понижение трудоспособности в связи с болезнью». Между этими понятиями имеется существенная разница, которая заключается в следующем.

В Положении об экспертизе временной нетрудоспособности в лечебно-профилактических учреждениях, утвержденном Министерством здравоохранения СССР и ВЦСПС 23 августа 1957 года, предусматривается, что врачебно-консультационная комиссия (ВКК) выдает трудоспособным рабочим и служащим, которые в связи с каким-либо заболеванием нуждаются в облегченных или измененных условиях труда, соответствующее заключение об этом или заключение о желательности перевода их (временно или постоянно) на другую работу в установленном законом порядке без выдачи больничного листка. Больным, имеющим стойкие ограничения трудоспособности, но не подлежащим направлению на ВЭК и не нуждающимся в освобождении по больничному листку, ВКК выдает заключение о желательности перевода их на другую работу, соответствующую состоянию их трудоспособности[23]). Из текста видно, что речь о переводе на другую работу в связи с временным понижением трудоспособности в этом случае идет в основном применительно к такому понижению трудоспособности, при котором психофизическая способность работать по своей профессии у рабочего или служащего все же сохраняется, однако продолжение работы на прежнем месте возможно лишь при определенных условиях. Если такие условия создать не представляется возможным, ставится вопрос о переводе работника на другую работу.

С точки зрения трудового права эти случаи понижения трудоспособности, не могут быть признаны временной нетрудоспособностью, так

---

[23]) См.: п. 16 Положения. Сб. «Врачебно-трудовая экспертиза», 1959, стр. 490.

как не влекут за собой обязательного освобождения от работы с выдачей больничного листка[24]). Вот почему нельзя согласиться с содержащимся в энциклопедическом словаре «Трудовое право» утверждением, что «временно нетрудоспособным считается рабочий (служащий), полностью или частично утративший трудоспособность...»[25]).

Мнение о том, что временная нетрудоспособность может быть полной и частичной, получила довольно широкое распространение не только в правовой, но и в медицинской литературе[26]). При этом приводятся случаи перевода на другую работу в связи с заболеванием туберкулезом или профессиональным заболеванием. Но если обратиться к п. 15 Положения о порядке назначения и выплаты пособий по государственному социальному страхованию, который предусматривает эти случаи, то легко убедиться в ошибочности подобных утверждений. «Если рабочий или служащий вследствие заболевания туберкулезом или профессионального заболевания является временно нетрудоспособным по своей обычной работе, — говорится в п. 15 Положения, — но может без ущерба для работы и без нарушения нормального хода лечения выполнять другую работу, то он временно переводится на эту работу по заключению врачебно-консультационной комиссии (ВКК) или, если нет такой комиссии, по заключению лечащего врача, утвержденному главным врачом лечебного учреждения».

Как видно из текста, речь идет не о случаях частичной утраты трудоспособности, а наоборот, о случаях полной нетрудоспособности по своей обычной работе.

Предусмотренные этим пунктом случаи составляют лишь исключение, причем единственное из общего правила о невозможности использования временно нетрудоспособного работника на другой работе.

Других каких-либо подобных исключений законодательством не предусмотрено, хотя следовало бы, на наш взгляд, правило о переводе на другую работу вследствие заболевания туберкулезом или профессиональным заболеванием дополнить указанием на возможность использования работника, у которого временная нетрудоспособность наступила в связи с бытовой травмой, на другой работе, если он может ее выполнять без ущерба для работы и без нарушения нормального хода лечения.

В заключение следует сказать, что правильное уяснение понятия временной нетрудоспособности принесет определенную пользу работникам органов здравоохранения и государственного социального страхования в их борьбе против искусственного завышения заболеваемости рабочих и служащих, и в связи с этим увеличения потерь рабочего времени в народном хозяйстве, а также против необоснованного расходования средств государственного социального страхования.

---

[24]) В ст. 9 Инструкции «О порядке выдачи застрахованным больничных листков» указывается, что при необходимости перевода рабочего или служащего по состоянию здоровья на другую работу в связи с прочими заболеваниями (имеются в виду все заболевания, кроме заболевания туберкулезом и профессиональным заболеванием) больничный листок не выдается, а выдается заключение ВКК.

[25]) «Трудовое право». Энциклопедичесчий словарь. М., 1959, стр. 70.

[26]) См.: А. С. Берлянд. Экспертиза временной нетрудоспособности. М., 1961, стр. 26, где говорится, что в случае «частичной временной нетрудоспособности» возможен временный перевод на другую работу.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

ПОНЯТИЕ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ РАБОЧИХ И СЛУЖАЩИХ В ОБЩЕСТВЕННО ПОЛЕЗНОМ ТРУДЕ

В. И. САВИЧ

Материальная заинтересованность рабочих и служащих в труде является институтом строительства коммунизма. «Партия исходит из ленинского положения о том, что строительство коммунизма должно опираться на принцип материальной заинтересованности», — записано в Программе партии[1]). Поэтому правильное и эффективное использование материальной заинтересованности есть важнейшее условие развития народного хозяйства, создания материально-технической базы коммунизма, а также воспитания трудящихся в духе честного и добросовестного отношения к труду у всех членов общества.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что подвести миллионы людей к коммунизму можно «не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете...»[2]).

Партия при построении социализма и в переходный к коммунизму период исходит из этого ленинского указания.

В последние годы проведен целый ряд мероприятий, способствующих усилению материальной заинтересованности, среди которых важное место занимают решения сентябрьского (1965) г. Пленума ЦК КПСС.

Понятие материальной заинтересованности употребляется в двух смыслах: во-первых, материальная заинтересованность понимается как принцип социалистической организации труда, и, во-вторых, это понятие употребляется для определения осознанного мотива трудовой деятельности трудящихся[3]).

Материальную заинтересованность надо рассматривать через отношения личного и общественного, она отражает противоречие, единство и сочетание личных и общественных интересов.

Материальная заинтересованность в основе своей имеет материальные интересы трудящихся, которые объективно обусловлены производственными отношениями в данном обществе, материальными условиями жизни. Поэтому материальный интерес — это объективно существующая материальная потребность безотносительно к средствам и способам ее удовлетворения.

С другой стороны, государство заинтересовано в труде членов общества. Одновременно с этим, материальные потребности могут быть

---

[1]) Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1962, стр. 388.

[2]) В. И. Ленин. Соч., т. 38, стр. 36.

[3]) Необходимо заметить, что удовлетворение материальных потребностей не является единственным мотивом труда.

удовлетворены только за счет богатств, создаваемых трудом. Естественным и неизбежным при таком положении является удовлетворение личных материальных потребностей путем применения труда, который оплачивается в соответствии с его количеством и качеством.

Воздействие материального стимулирования труда со стороны государства на объективно существующую материальную потребность членов общества создает материальную заинтересованность последних в труде.

Таким образом, материальная заинтересованность в отличие от материальной потребности указывает на пути и способы удовлетворения этой потребности. Такими путями является труд, применяемый на государственных и общественных предприятиях, в организациях и учреждениях.

Правовой анализ практического осуществления принципа материальной заинтересованности позволяет выделить в его структуре субъект, объект и аргумент.

Субъектом материальной заинтересованности может быть личность (индивидуальная материальная заинтересованность), коллектив, т. е. некоторое количество индивидуумов, определенным образом объединенных по производственному принципу (коллективная материальная заинтересованность) и общество в целом (общественная материальная заинтересованность).

Ведущей по субъекту является индивидуальная или личная материальная заинтересованность постольку, поскольку в современный период основные материальные потребности трудящихся удовлетворяются главным образом путем индивидуальной оплаты труда. Правовыми формами организации личной материальной заинтересованности являются основные системы заработной платы, а также премиальные системы, если показатель премирования определяется по результатам деятельности отдельного работника.

Коллективная материальная заинтересованность является или дополнительной к личной, или создается там, где невозможно создание индивидуальной. Коллективную материальную заинтересованность нельзя противопоставлять индивидуальной так как в основе коллективной заинтересованности лежит все же личная материальная заинтересованность. При организации коллективной заинтересованности материальные блага распределяются все-таки между отдельными работниками в соответствии с количеством и качеством труда, вложенного каждым отдельным работником в общие результаты труда коллектива. Правовыми формами организации коллективной материальной заинтересованности являются, например, бригадная сдельная система оплаты труда, некоторые типовые положения о премировании[4]) и т. д.

Сентябрьский Пленум ЦК КПСС признал необходимым усилить как личную, так и коллективную материальную заинтересованность рабочих и служащих. Так, в п. 12 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 года, принятого на основе решений сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС, говорится: «Признать необходимым усилить роль прибыли в экономическом стимулировании предприятий и повышении

[4]) См.: п. 5 Типового положения о сдельно-премиальной и повременно-премиальной системах оплаты труда рабочих маслодельных, сыродельных и молочных (первичных) заводов и их отделений. «Бюллетень Государственного Комитета Совета Министров СССР». 1964, № 7. стр. 12.

материальной заинтересованности коллективов и отдельных работников предприятий в достижении лучших результатов работы»[5]).

Общественная материальная заинтересованность — это заинтересованность классов, групп или всего общества в сохранении или изменении условий производства, в реализации назревших общественных потребностей.

Объектом материальной заинтересованности являются материальные средства и ценности независимо от того, в какой форме они выражены — в денежной или натуральной. В настоящее время объектом материальной заинтересованности рабочих и служащих являются материальные ценности в денежной форме. Однако практика претворения в жизнь принципа материальной заинтересованности в нашей стране, наряду с денежной, знала и натуральную оплату труда — продовольствием, предметами личного потребления и т. п. (ст. 66 КЗоТ РСФСР). Натуральная оплата в первые годы советской власти была призвана усилить материальную заинтересованность рабочих и служащих в результатах труда в условиях острого недостатка продовольствия и предметов первой необходимости, сочетающегося с обесценением бумажных денег.

В организации материальной заинтересованности колхозников в труде натуральная оплата получила более широкое распространение и применяется до сих пор.

Аргументом материальной заинтересованности является труд рабочих и служащих — его количество и качество. Установление в каждом отдельном случае того или иного конкретного аргумента зависит от различных условий. Так, при невозможности установить для работника нормы выработки или при невозможности точного учета объема выполненной работы устанавливается повременная система оплаты труда; аргументом в этом случае является количество рабочего времени. При сдельной системе оплаты труда аргументом является количество выработанной продукции.

Поскольку количество и качество труда выражаются в самых различных производственных результатах, то в зависимости от задач народного хозяйства на определенном этапе его развития или в зависимости от задач, стоящих перед отдельной отраслью народного хозяйства, помимо общей материальной заинтересованности, создаются отдельные виды конкретно направленной материальной заинтересованности При создании конкретно направленной материальной заинтересованности аргументов ее является какой-либо производственный результат. Например, в положениях о премировании за качество продукции предусматриваются конкретные качественные результаты труда, достижение которых дает право работнику на получение дополнительной оплаты — премии в размере, соответствующем уровню качества продукции или другого качественного результата.

Труд измеряется его количеством и качеством. Поэтому при организации и осуществлении материальной заинтересованности стимулируется количество и качество труда, а значит в основе принципа материальной заинтересованности лежит оплата по количеству и качеству труда. Это важнейший признак принципа материальной заинтересованности. Конкретные проявления принципа материальной заинтересованности в трудовом праве многообразны, однако важнейшим является организация оплаты труда.

---

[5]) СП СССР, 1965, № 19—20, ст. 153.

Итак, одним из основных и необходимых признаков рассматриваемого принципа является то, что материальная заинтересованность строится полностью на основе принципа оплаты по количеству и качеству труда.

Другим важным признаком является обязательность наступления материальных последствий для работника вследствие применения им труда или достижения определенного производственного результата. Отсюда вытекает, что все суммы, которые выплачиваются факультативно, а также материальные блага, которые работник не может требовать, не являются объектом материальной заинтересованности. Поэтому из числа объектов материальной заинтересованности должны быть исключены, например, единовременные денежные премии и ценные подарки, предусмотренные п. 20 Типовых правил внутреннего трудового распорядка.

Третьим признаком принципа материальной заинтересованности рабочих и служащих является заранее устанавливаемая количественная зависимость объема материальных благ, предоставляемых работнику за определенное количество и качество труда или за установленный уровень результатов труда. Так, при повременной системе оплаты труда государством устанавливаются часовые, дневные или месячные тарифные ставки. При сдельной системе, кроме установленных тарифных ставок, на предприятиях принимаются (на основе типовых) нормы выработки, исходя из которых определяются сдельные расценки. И тарифные ставки, и нормы выработки (поскольку от них зависит сдельная расценка) должна быть объявлены работникам заранее.

Указанные признаки принципа материальной заинтересованности позволяют более четко очертить круг институтов трудового права, являющихся формой осуществления этого принципа. Это, в свою очередь, позволит путем совершенствования этих институтов усиливать материальную заинтересованность рабочих и служащих.

Несомненно, что все системы заработной платы являются орудием принципа материальной заинтересованности. Не вызывает сомнений также и утверждение, что премиальные вознаграждения, выплачиваемые по положениям о премировании (в том числе и единовременные премии за заранее установленные результаты труда и в установленных размерах) также являются сферой действия принципа материальной заинтересованности, так как содержанию их присущи указанные выше признаки рассматриваемого принципа.

Единовременные премии из фонда предприятия не могут быть признаны институтом материальной заинтересованности, поскольку последняя предполагает неизбежность, обязательность предоставления материальных благ в соответствии с количеством и качеством затраченного труда.

Кроме того, в законе не установлены и конкретные показатели труда, за которые выплачивается премия; не устанавливается также и размер этих премий. Таким образом, из фонда предприятия не отвечают ни одному из признаков принципа материальной заинтересованности и поэтому, хотя и являются поощрением материального характера, не являются формой осуществления принципа материальной заинтересованности. То же самое должно быть сказано и о всех других поощрениях материального и морально-материального характера.

Здесь же следует упомянуть об особых правилах оплаты простоя и брака. Простой — это дефект количественной нормы труда, брак — недостаток качественной характеристики труда. С точки зрения рас-

сматриваемого принципа нас интересует только оплата простоя и брака, происшедших по вине работника, так как материальная заинтересованность действует через волевые поступки работника, поэтому результаты труда количественного и качественного характера, наступившие без волевого участия работника, не могут оплачиваться в соответствии с количеством и качеством труда[6]). Оплата простоя и брака, происшедших не по вине работника, не является заработной платой; это один из видов гарантийных выплат, в то время как виновный частичный брак (простой и полный брак по вине работника не оплачивается совсем) оплачивается пропорционально проценту годности продукции[7]), то есть по количеству и качеству затраченного труда. Особые правила оплаты простоя и брака по вине работника отвечают всем признакам принципа материальной заинтересованности — во-первых, оплата производится в соответствии с количеством и качеством затраченного труда, во-вторых, законом заранее установлена количественная зависимость между трудом и оплатой, и, в-третьих, определенный уровень (количественный и качественный) в обязательном порядке влечет определенные материальные последствия.

В основе оценки труда лежит его положительное значение. Поскольку труд создает материальные блага, постольку он должен оплачиваться. Однако в результате неправильного, недобросовестного применения труда, а также в случаях некачественности его возникают отрицательные результаты такого труда. И если это наносит предприятию материальный ущерб, то для работника наступает установленная трудовым правом материальная ответственность.

Создает ли институт материальной ответственности материальную заинтересованность у рабочих и служащих в результатах труда? На наш взгляд, как моральная заинтересованность в результатах труда создается поощрением за доблестный труд, с одной стороны, и дисциплинарной ответственностью за недобросовестное отношение к работе, с другой стороны, так и материальная заинтересованность создается материальным стимулированием труда, с одной стороны, и материальной ответственностью за отрицательные результаты труда, с другой стороны. Это обусловлено неодинаковым уровнем сознательности у трудящихся. Материальное стимулирование и материальная ответственность имеют общую задачу — воспитание у трудящихся честного, добросовестного и инициативного отношения к труду[8]). Говоря о роли материальной ответственности в создании и усилении материальной заинтересованности, необходимо проследить, соответствует ли материальная ответственность указанным выше признакам принципа материальной заинтересованности. Прежде всего заранее установленные размеры ответственности за определенный размер материального ущерба предусмотрены во всех случаях установления материальной ответственности. Вывод об обязательности наступления отрицательных материальных последствий для работника, действиями которого нанесен ущерб, вытекает из формулировок соответствующих нормативных актов о материальной ответственности. Так, в п. 1 постановления ЦИК и СНК

[6]) Это же положение применяется и при установлении круга лиц, премируемых по положениям о премировании.

[7]) Постановление ЦИК и СНК СССР от 30 декабря 1931 г. «О мероприятиях по упорядочению оплаты простоя и брака на производстве и транспорте». СЗАоТ, 1964, стр. 378.

[8]) Роль и задачи института материальной ответственности этим не ограничиваются. Подробнее об этом см.: С. С. Каринский. Материальная ответственность рабочих и служащих по советскому трудовому праву. М., 1955, стр. 13.

СССР от 12 июня 1929 г. «Об имущественной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный ими нанимателям», говорится, что «рабочие и служащие несут имущественную ответственность...». Формулировки других нормативных актов также исключают вывод о необязательности материальной ответственности за нанесенный ущерб[9]).

И, наконец, последнее условие — соответствие суммы материальных благ, предоставляемых работнику, количеству и качеству труда. Принцип оплаты по количеству и качеству затраченного труда очень часто конкретизируется как оплата в соответствии с количеством и качеством результатов труда, например, при сдельной системе оплаты, при оплате труда по премиальным системам и т. д.

Размер материальной ответственности также находится в непосредственной зависимости от результатов противоправных и виновных действий (или бездействий) работника, от результатов недобросовестного труда.

Устанавливая материальную ответственность за материальный ущерб, государство тем самым предупреждает рабочих и служащих о возможности наступления отрицательных для них материальных последствий в случае неправильного или недобросовестного применения труда. Это, на наш взгляд, также создает материальную заинтересованность рабочих и служащих в результатах труда. Из вышесказанного уже можно дать определение материальной заинтересованности.

Материальная заинтересованность — это принцип социалистической организации труда, заключающийся в установленной государством обязательной зависимости между количеством и качеством труда или результатами труда (в которых выражается определенное количество и качество труда) и количеством получаемых или сохраняемых работником (или коллективом работников) материальных благ.

Интересным представляется вопрос о соотношении материальной заинтересованности и материального стимулирования. С. С. Каринский определяет «соотношение между материальной заинтересованностью и материальным стимулированием... как соотношение между объективным и субъективным»[10]). По отношению к принципу материальной заинтересованности такое определение соотношения материальной заинтересованности и материального стимулирования является точным. Если же говорить о понятии материальной заинтересованности рабочих и служащих, то, на наш взгляд, такое определение соотношения этих понятий не является абсолютно точным. Материальная заинтересованность, как указывалось выше, содержит объективный элемент — материальный интерес, однако сам по себе интерес без осознания путей и средств удовлетворения его не является еще заинтересованностью. Такие пути и средства подсказываются волевой деятельностью государства путем стимулирования труда. История развития колхозов в нашей стране показывает, что на отдельных этапах развития в результате неправильной организации стимулирования материальная заинтересованность в результатах общественного труда была очень низкой, несмотря на объективно существующий материальный интерес колхозников. Наличие волевого элемента в материальной заинтересованности

---

[9]) См. постановление ЦИК и СНК СССР от 3 июня 1931 г. «Об имущественной ответственности работников за материалы и изделия и за имущество предприятия или учреждения, выданное в пользование работникам» (СЗАоТ, 1964, стр. 568), постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 20 июля 1930 г. «Об ответственности за недостачу товарных ценностей» (СЗАоТ, 1964, стр. 568) и др.

[10]) С. С. Каринский. Материальные и моральные стимулы к повышению производительности труда, М., 1966, стр. 28.

позволяет усиливать ее, а также регулировать ее направленность. Например, одним из направлений стимулирующей деятельности государства в последние годы является усиление материальной заинтересованности рабочих и служащих в повышении качества продукции.

По объему понятие материальной заинтересованности шире понятия материального стимулирования, так как материальная заинтересованность создается не только стимулированием, но и установлением материальной ответственности.

Усиление материальной заинтересованности — важнейший фактор улучшения итогов деятельности предприятий, могучий рычаг создания материально-технической базы коммунизма. Поэтому очень важно правильно представлять пути и способы усиления материальной заинтересованности. Поскольку материальная заинтересованность является результатом взаимодействия объективно существующих у трудящихся материальных интересов и субъективной деятельности государства по созданию стимулов к труду и материальной ответственности за недобросовестную работу, то усиление материальной заинтересованности возможно путем усиления ее компонентов.

Материальные интересы и потребности объективно и неуклонно возрастают, в то время как усиление стимулирования требует постоянного внимания. Усиление стимулирования возможно путем увеличения количества материальных благ, предоставляемых за единицу количества и качества труда. В этом направлении нашим государством уже много сделано — это все мероприятия по повышению заработной платы. Усиление материальной заинтересованности достигается также путем совершенствования и укрепления принципа оплаты по труду. Кроме того, поскольку за труд рабочие и служащие получают оплату в денежной форме, а потребности удовлетворяются только в натуральной, то интересы усиления материальной заинтересованности требуют полного обеспечения спроса трудящихся на товары народного потребления.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О РОЛИ ТОВАРИЩЕСКИХ СУДОВ В УКРЕПЛЕНИИ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ НА ПРЕДПРИЯТИИ

В. М. ЛЕБЕДЕВ

Современный период в развитии нашего государства характеризуется существенным расширением сферы убеждения как метода государственного руководства советским обществом. Об этом свидетельствует, например, усиление роли общественных организаций в решении государственных вопросов и, в частности, в воспитании коммунистической дисциплины труда. Важная роль в коммунистическом воспитании трудящихся принадлежит товарищеским судам.

Товарищеские суды — это выборные органы определенных коллективов трудящихся, которые посредством общественного воздействия в ходе товарищеского обсуждения воспитывают граждан (членов своего коллектива) в духе соблюдения нравственных принципов морального кодекса строителя коммунизма.

Компетенция товарищеских судов обусловлена характером деятельности тех коллективов, которыми общественные суды избраны. Это положение вытекает из общности целей и задач коллектива и общественного суда как его выборного органа. Поэтому в основе деятельности товарищеских судов на предприятии должны находиться главным образом вопросы укрепления трудовой дисциплины, борьбы с проступками на производстве, которые мешают коллективу успешно выполнять и перевыполнять производственные задания.

Однако изучение практики общественных судов на предприятиях выявляет серьезные недостатки в их деятельности по воспитанию у рабочих и служащих коммунистического отношения к труду.

На крупных промышленных предприятиях Алтайского края (моторный завод, комбинат химических волокон и других) цеховыми товарищескими судами рассматривается в течение года в среднем 2—3 дела о нарушении трудовой дисциплины. Такая практика является совершенно нетерпимой, так как на этих предприятиях допускаются рабочими и служащими многочисленные нарушения трудовой дисциплины. Так, на Алтайском моторном заводе в 1964 году было зарегистрировано 1906 прогулов, допущенных 1080 работниками, а на комбинате химических волокон 2172 работника прогуляли без уважительных причин 6061 рабочий день.

На Иркутском станкостроительном заводе за 4 месяца 1964 года допустили прогулы 70 работников, в результате чего было потеряно 307 рабочих дней. Администрация предприятия 31 работника уволила по п. «Е» ст. 47 КЗоТ РСФСР, а в товарищеских судах завода за этот период было рассмотрено всего лишь 8 дел о нарушении трудовой дисциплины.

Рабочие Черемховского завода имени Карла Маркса Иркутской области в течение 1963 года и четырех месяцев 1964 года прогуляли без уважительных причин 986 рабочих дней. Из 410 работников, допустивших прогулы, было уволено по п. «Е» ст. 47 КЗоТ РСФСР 16 человек, но ни один из них не был привлечен к товарищескому суду.

В электролизном цехе алюминиевого завода Волгоградской области за первое полугодие 1964 года было совершено 44 прогула без уважительных причин. За это время товарищеский суд рассмотрел один материал на прогульщика, поступивший от администрации цеха.

Такая практика общественных судов на предприятии не является случайной. Несомненно, что многие неудачи в работе товарищеских судов объясняются причинами организационного характера: плохим подбором кадров; юридической безграмотностью составов этих судов, учебе которых профсоюзные органы, суд и прокуратура мало уделяют внимания; отсутствием всякого контроля за их работой[1]); безынициативностью председателей судов и цеховых комитетов и т. п.

Внимательное ознакомление с работой товарищеских судов, которые недостаточно или совсем не занимаются вопросами трудовой дисциплины, часто не дает оснований упрекать их в бездеятельности, отсутствии инициативы и т. п. Наоборот, в ряде случаев очевидна огромная работа, проделанная ими, но в основном по рассмотрению проступков, не связанных с производством.

Так, товарищеский суд прядильно-отделочного цеха кордного производства Барнаульского комбината химических волокон в 1963 году рассмотрел 77 дел, а в 1964 году — 59 дел, из которыхтолько три о нарушении трудовой дисциплины. По этому цеху имеются многочисленные случаи брака по вине работниц, умышленные нарушения правил техники безопасности, прогулы (за 1964 год 137 работниками допущено 267 прогулов без уважительных причин).

Такого рода практика характерна для активно работающих товарищеских судов на предприятиях. Поэтому необходимо сделать вывод о существовании наряду с недостатками организационного характера и других причин неудовлетворительного участия общественных судов в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины производственного коллектива.

В определенной степени такая практика обусловлена несовершенством действующего Положения о товарищеских судах[2]).

В соответствии со ст. 2 Положения товарищеские суды создаются на предприятиях, в учреждениях, в высших и средних специальных учебных заведениях, в колхозах, в домах, обслуживаемых жилищно-эксплуатационными конторами, домоуправлениями или объединяемых уличными комитетами; в цехах предприятий и т. д. Компетенция всех

---

[1]) Вопрос о контроле неразрывно связан с проблемой систематического обобщения практики работы товарищеских судов. Совершенно нетерпимым представляется сложившееся на практике положение, когда ни советские, ни профсоюзные органы не интересуются повседневной работой товарищеских судов. Необходимо в законодательном порядке решить вопрос об обобщении практики общественных судов, возложив такую обязанность в отношении товарищеских судов предприятий, учреждений на профсоюзы, а других видов товарищеских судов на Советы депутатов трудящихся. Естественно, что для успешного решения данной проблемы необходимо провести определенную организационную работу. В этом отношении интересен опыт учета и обобщения дел, рассмотренных товарищескими судами в Болгарии (см.: В. Куликов. Обмен опытом между юристами социалистических стран — источник дальнейшего улучшения их деятельности. «Социалистическая законность», 1965, № 1, стр. 40).

[2]) Далее под «Положением» понимается «Положение о товарищеских судах», утвержденное Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 июля 1961 года.

этих видов общественных судов не разграничена[3]). Статья 5 Положения содержит общий перечень нарушений, которые могут быть предметом рассмотрения любого товарищеского суда. На практике это приводит к явно нежелательным последствиям: к значительной перегрузке товарищеских судов производственных коллективов и недооценке воспитательного воздействия общественных судов, действующих при домах, обслуживаемых жилищно-эксплуатационными конторами,, домоуправлениями или объединяемых уличными комитетами.

В настоящее время основная масса дел о нарушении общественного порядка рабочими и служащими рассматривается судами производственных коллективов.

Предложения о рассмотрении таких проступков работников, поступившие от общественных организаций, исполнительных комитетов и их комиссий, от государственных органов, в том числе и от суда, прокуратуры, милиции и даже от отдельных граждан в силу статьи 8 Положения обязательны для общественного суда, если нарушитель работает в данном коллективе и дело подлежит рассмотрению в товарищеском суде.

Это правило значительно затрудняет, а иногда на крупных предприятиях практически исключает возможность рассмотрения дел по собственной инициативе товарищеского суда.

В качестве примера можно сослаться на практику Алтайского моторного завода. За 1964 год. на завод поступило 808 материалов от органов, перечисленных в пунктах 1—6 статьи 8 Положения на работников, совершивших антиобщественные поступки. Основная масса этих материалов направлена с предложением обсудить правонарушителей на товарищеском суде, применить к ним меры общественного воздействия. Естественно, что товарищеские суды завода не справились с рассмотрением этих материалов. На предприятии стала широко применяться практика подмены открытых заседаний товарищеских судов проведением бесед с нарушителями по поступившим материалам. Это определенным образом отразилось и на воспитательном воздействии товарищеских судов, которое оказывается на нарушителя не только составом суда, но и самим коллективом, члены которого должны принимать активное участие, выступая по существу рассматриваемого дела. Поэтому товарищеские суды завода уклонились от выполнения своей главной задачи укрепления трудовой дисциплины на предприятии.

На этом заводе работает 25 общественных судов. В 1964 году ими рассмотрено 176 дел, из которых 90 дел о мелком хулиганстве, 28 — о мелком хищении, 10 — о злоупотреблении спиртными напитками и 45 дел — о нарушении трудовой дисциплины (43 прогула и 2 — брак по вине работника).

[3]) В Положениях о товарищеских судах Узбекской ССР, Молдавской ССР, Литовской ССР предприняты определенные попытки по разграничению компетенции отдельных видов товарищеских судов. Так, например, статья 5 Положения Узбекской ССР устанавливает компетенцию товарищеских судов на предприятиях, учреждениях, организациях и т. п., перечисляя проступки, связанные только с нарушением трудовой дисциплины.

Однако указание в статье 6 Положения о том, что все другие дела, не связанные с производством, также подлежат рассмотрению в товарищеских судах, указанных в статье 5, практически исключает какое бы то ни было разграничение компетенций отдельных видов общественных судов. Более того, статья 8 передачу дела о проступке на производстве в общественный суд по месту жительства допускает только как исключение в случае, если нарушитель не работает или в целях обеспечения наибольшего воспитательного воздействия на него и только по согласованию с общественными организациями по месту работы привлекаемого (Ведомости Верховного Совета Узбекской ССР», 1961, № 25).

Дела о нарушении трудовой дисциплины рассматривались только в 8 цеховых судах завода. Более 2/3 цеховых товарищеских судов вообще вопросами укрепления трудовой дисциплины не занимались, в то время как за указанный период по заводу было допущено 1080 работниками 1906 прогулов, из которых 2/3 совершено работниками цехов, где вопросы трудовой дисциплины на товарищеских судах не обсуждались.

Аналогична практика товарищеских судов на Барнаульском комбинате химических волокон и ряде других предприятий. Она, бесспорно, не отвечает в должной мере целям и задачам создания товарищеских судов на предприятии. Товарищеские суды обязаны в первую очередь заниматься проступками, связанными с производством. Чтобы изменить сложившуюся практику, совершенно недостаточно каких-то организационных мероприятий. Для этого необходимо устранить причины, порождающие перегрузку в работе товарищеских судов предприятий. С этой целью необходимо внести соответствующие изменения в Положение. Можно предложить несколько вариантов таких изменений, например, отказаться от правового закрепления компетенции товарищеских судов, предоставив тем самым составу суда самому решать, какие вопросы в их коллективе должны быть предметом обсуждения на суде общественности; или пересмотреть норму ст. 8 Положения, закрепив в ней правило о возможности направления в товарищеский суд материалов только с согласия его состава и т. п.

Однако все эти изменения привели бы к значительной ломке уже сложившихся отношений по организации и деятельности товарищеского суда.

Более приемлемым, по нашему мнению, будет изменение ст. 5 Положения с целью разграничения компетенции товарищеских судов производственных и бытовых коллективов.

Так, в ст. 5 Положения можно предусмотреть две части. В первой из них определить компетенцию товарищеских судов производственных коллективов. Во второй части закрепить компетенцию общественных судов бытовых коллективов, указав при этом, что товарищескому суду производственного коллектива предоставляется право по согласованию с заинтересованными государственными и общественными организациями в целях обеспечения наибольшего воспитательного воздействия на нарушителя рассматривать дела, отнесенные к компетенции общественных судов бытовых коллективов.

Наиболее целесообразным критерием разграничения компетенции общественных судов может быть характер деятельности тех коллективов, которые товарищеские суды представляют[4]).

Характер деятельности того или иного коллектива определяется основными целями и задачами, стоящими перед ним.

В социалистическом обществе, в особенности в современный пе-

---

[4]) История развития товарищеских судов подтверждает обоснованность этого критерия. Совершенно не случайно производственно-товарищеские суды прекратили свое существование в начале 40-х годов. В этот период были изданы Указы Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года и от 10 августа 1940 года. В связи с их применением проступки, связанные с производством (дела о прогулах, самовольном уходе с работы, о мелких кражах) были изъяты из ведения производственно-товарищеских судов, компетенция которых в силу этого перестала отражать характер деятельности производственных коллективов, что и привело к их ликвидации (см. сб. «Трудовое законодательство СССР», Изд-во НКЮ СССР, М., 1941, стр. 234.

риод, сложились и активно участвуют в искоренении антиобщественных поступков два коллектива: производственный и бытовой[5]).

В соответствии с этим созданы и успешно функционируют два типа товарищеских судов: по месту жительства трудящихся и по месту их работы. Общественные суды домов, домоуправлений накопили определенный положительный опыт работы[6]) и в настоящее время могут рассматривать все антиобщественные поступки, не связанные с трудовой дисциплиной, производством и местом работы нарушителя.

Создание на предприятиях товарищеских судов, которые бы занимались преимущественно нарушениями трудовой дисциплины и других проступков, связанных с производством, окажет положительное влияние и на работу общественных судов, создаваемых по месту жительства трудящихся. Эти товарищеские суды будут рассматривать основную массу дел о нарушении общественного порядка, которые в основном поступают из народных судов, отделов милиции и прокуратур. Указанные органы заинтересованы не только в рассмотрении направленного в суд материала, но и в его результатах, т. е. в воспитательном воздействии на нарушителя и исправлении его.

Так, например, постановление № 13 Президиума Верховного Суда РСФСР от 4 сентября 1964 года «О состоянии работы судебных органов РСФСР по исполнению Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 23 октября 1964 года» «О внесении дополнений и изменений в Положение о товарищеских судах» ориентирует народные суды на ведение учета дел и материалов, направленных на рассмотрение общественных судов и установление строгого контроля за результатами их разрешения[7]).

Несомненно, что такое привлечение к работе общественных судов бытовых коллективов широкого круга, заинтересованных в улучшении их деятельности специалистов, положительно скажется на их работе.

Товарищеским судам производственных коллективов будут тем самым созданы необходимые условия для активного участия в укреплении трудовой дисциплины на предприятии и своевременного обсуждения проступков трудящихся, допущенных ими на работе.

Статья 5 Положения не выдерживает критики и с точки зрения перспективы расширения компетенции товарищеских судов, которая в будущем должна быть значительно расширена. Практика последних лет стоит именно на этом пути. Со времени утверждения Положения о товарищеских судах в него уже трижды вносились изменения, значительно расширившие круг дел, подлежащих рассмотрению в общественных судах[8]).

---

[5]) Недооценивать воспитательное значение коллектива по месту жительства трудящихся в домах, обслуживаемых жилищно-эксплуатационными конторами, домоуправлениями или объединенными уличными комитетами было бы ошибочным. Об этом свидетельствует практика работы бытовых коллективов: широкое распространение среди них движения за коммунистический быт, создание на общественных началах различных форм взаимопомощи, повышение роли общественных собраний и т. п.

[6]) См.: К. Сладков. Успехи и ошибки в работе товарищеских судов Липецкой области. «Советская юстиция», 1964, № 16, стр. 14—15. И. Райхман. Товарищеские суды при жилищных конторах нуждаются в повседневном руководстве. «Советская юстиция», 1964, № 20, стр. 13—21 и др.

[7]) «Бюллетень Верховного суда РСФСР», 1964, № 11, стр. 1—5.

[8]) См.: Указы Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 марта 1962 года («Ведомости Верховного Совета РСФСР»,1962, № 9); от 23 октября 1963 года («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1963, № 20) и от 16 января 1965 года («Ведомости Верховного Совета РСФСР», 1965 г., № 4).

Наряду с разграничением компетенции общественных судов, большое значение в деле воспитания трудящихся имеет вопрос о неотвратимости общественного воздействия на нарушителей трудовой дисциплины.

Совершенно недостаточно в этом отношении Положением решен вопрос о явке нарушителя в товарищеский суд.

В статье 10 Положения имеется указание на обязательность явки граждан по вызову общественного суда. Это правило в равной мере распространяется и на привлекаемого.

Статья 12 Положения устанавливает порядок окончания рассмотрения дела общественным судом в случае неявки нарушителя. Если лицо, привлекаемое к товарищескому суду, не явилось на заседание, то товарищеский суд должен отложить рассмотрение дела, выяснить причины его отсутствия и в зависимости от установленных обстоятельств вторично назначить дело к слушанию. В случае вторичной неявки этого лица без уважительных причин товарищеский суд может рассмотреть дело в его отсутствие, а если рассматривается материал, поступивший из прокуратуры, народного суда или милиции, то возвратить его указанным органам.

Практически суды возвращают материалы при неявке привлекаемого не только прокуратуре, судам или милиции, но и администрации предприятия для принятия мер дисциплинарного характера и для обеспечения явки нарушителя силами администрации, партийных, профсоюзных и комсомольских органов[9]).

К сожалению, в настоящее время с помощью общественных организаций не всегда можно обеспечить присутствие работника при рассмотрении его проступка на товарищеском суде. Общеизвестно, что некоторые из них предпочитают уволиться по собственному желанию или даже по п. «Е» ст. 47 КЗоТ РСФСР, отказываясь продолжать работу на данном предприятии.

Все это влечет за собою нежелательные последствия, отрицательно сказывается на воспитании коллектива, порождает мысли о бессилии товарищеского суда и недостаточности общественного воздействия для исправления нарушителей трудовой дисциплины. Тем самым, несомненно, подрывается авторитет товарищеского суда.

Восполняя указанный пробел Положения, практика и теория выработала многочисленные способы обеспечения явки нарушителя в товарищеский суд: принудительные приводы привлекаемого вахтерами вооруженной охраны, работниками милиции, прокуратуры, применение различного рода угроз, штрафов, привод с помощью дружинников и др. Все эти меры несовершенны, так как они не исключают возможности для привлекаемого уйти от суда своих товарищей, или грубо нарушают статью 122 УПК РСФСР, которая предусматривает строго определенные основания задержания граждан.

При решении данного вопроса представляется более правильным пойти по пути создания определенных правовых гарантий явки привлекаемого на товарищеский суд. Это предложение не противоречит основным принципам работы товарищеского суда, так как повышение роли общественности в укреплении трудовой дисциплины не должно пониматься как отказ от всякого правового регулирования его деятельности. Более того, дальнейшее укрепление форм товарищеского обсуждения нарушителей трудовой дисциплины будет опираться на правовые

[9]) См.: Г. А. Линенбург. Роль товарищеских судов в укреплении трудовой дисциплины. Новое в развитии трудового права в период между XXI и XXII съездами КПСС, Изд-во МГУ, 1961, стр. 226—227.

нормы, которые должны ориентировать трудящихся на усиление их активности и гарантировать в необходимых случаях исполнение их решений.

Наиболее эффективной мерой в этом отношении было бы установление в нормативном порядке обязанности администрации при увольнении работника применить к нему в необходимых случаях, вне зависимости от оснований расторжения трудового договора, меры общественного воздействия, в частности, рассмотрение на товарищеском суде. Соответствующую норму можно предусмотреть во II разделе Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих.

Приемлемость этого предложения можно обосновать многолетней положительной практикой применения пункта 17 постановления пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 года, в силу которого администрации предприятия, учреждения, хозяйства практически запрещено увольнять работника по п. «Г» ст. 47 КЗоТ РСФСР без применения к нему мер общественного воздействия.

Наряду с этим заслуживает внимания интересный опыт бригад и предприятий коммунистического труда, где администрация вообще не решает вопроса об увольнении работника без обсуждения этого вопроса на общем собрании коллектива.

Внесение предложенных изменений в законодательство максимально расширит участие производственных коллективов в приеме и увольнении граждан, предоставит дополнительные гарантии соблюдения законов о труде администрацией, в ряде случаев исключит моменты субъективизма в вопросах применения мер дисциплинарного взыскания.

Действующее Положение наряду с нормами, не отвечающими практике товарищеских судов сегодняшнего дня, содержит также правила, допускающие различное толкование, а следовательно, и различное их применение. Товарищеские суды — это общественные органы трудящихся, которые принимают в их работе самое активное участие. Именно поэтому Положение должно быть простым и ясным, понятным и доступным всем рабочим и служащим.

С этой точки зрения нельзя признать удачной формулировку части 2 ст. 7 Положения, в соответствии с которой дисциплинарное взыскание, наложенное администрацией, не исключает возможности рассмотрения того же проступка в товарищеском суде по предложению общественной организации или по усмотрению самого общественного суда[10]).

Приведенная норма не содержит никаких указаний на характер и последствия рассмотрения проступка в товарищеском суде при наличии у привлекаемого за данный проступок определенного взыскания, а также не решает вопроса о возможности или недопустимости наложения администрацией по собственной инициативе дисциплинарного взыскания за нарушение, уже рассмотренное товарищеским судом. В теории по этому вопросу также нет единого мнения[11]).

---

[10]) Аналогичные правила имеются в Положении о товарищеских судах Украинской, Белорусской, Казахской, Грузинской, Латвийской, Киргизской, Таджикской, Армянской и Эстонской союзных республик.

[11]) См.: Л. Лившиц. Порядок наложения дисциплинарных взысканий. «Советская юстиция», 1961, № 18, стр. 21; А. И. Ставцева. Задачи товарищеских судов предприятий и учреждений в воспитании коммунистического общежития. «Ученые записки», ВИЮН, вып. 11, М., 1961, стр. 52; А. Ф. Трошин. Соотношение правовых и общественных мер укрепления социалистической дисциплины труда. Вопросы трудового права на современном этапе, Изд-во МГУ, 1964, стр. 104.

Применение части 2 статьи 7 Положения связано с определенными трудностями, которые вытекают из различного понимания характера общественного воздействия, а также мер, применяемых товарищескими судами.

При определении общественного воздействия необходимо исходить из содержания тех общественных отношений, которые возникают в ходе рассмотрения проступка, т. е. в процессе выработки и применения мер общественного воздействия.

Как правило, общественное воздействие на привлеченного к товарищескому суду складывается из: 1) разъяснения нарушителю антиобщественного характера его проступка; 2) убеждения его в ошибочности, вредности допущенных им действий; 3) применения в необходимых случаях к привлеченному мер общественного воздействия и установления надлежащего контроля за их исполнением.

Определения общественного воздействия вообще, и, в частности, применяемого товарищеским судом, как проявление метода убеждения[12]), или как определенным образом сформулированное общественное мнение[13]) не соответствуют действительности, оба они нуждаются в известном уточнении. Бесспорно, что основным методом в деятельности товарищеского суда является убеждение, но оно не только не исключает, но иногда и предполагает применение принуждения. Убеждение и принуждение составляют основное содержание общественного воздействия. Поэтому нельзя, не погрешив против истины, определить общественное воздействие только как убеждение или как принуждение, произвольно отбросив то или другое.

Также ошибочно понимать общественное воздействие как сформулированное определенным образом общественное мнение. Общественное воздействие—не результат воспитательного процесса, а активный процесс формирования общественного мнения. В противном случае общественное воздействие практически сводится к мерам принуждения или убеждения, так как трудно, например, представить себе сформулированное общественное мнение коллектива трудящихся товарищеским судом иначе, чем в виде оформленной решением меры общественного воздействия.

Общественное воздействие исходит от определенного коллектива, является своеобразным выражением воли этого коллектива, в основе его формирования лежат, как правило, моральные нормы. Поэтому, казалось бы, что и постановка вопроса о правовых последствиях мер общественного воздействия не обоснована.

Однако меры общественного воздействия[14]), применяемые различными формами товарищеского обсуждения лиц, допустивших антиобщественные проступки (товарищескими судами, общими собраниями, цеховыми комитетами и др.) не являются однородными по форме, содержанию и порядку их реализации.

---

[12]) Г. И. Гуляев. Роль права в воспитании коммунистического отношения к труду. Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма. Харьков, 1962 г., стр. 144.

[13]) А. Ф. Трошин. Соотношение правовых и общественных мер укрепления социалистической дисциплины труда. Вопросы трудового права на современном этапе, Изд-во МГУ, 1964, стр. 97—98.

[14]) Под правовыми последствиями мер общественного воздействия необходимо понимать не только принудительное установление, изменение или прекращение прав и обязанностей отдельных граждан, вызванное реализацией этих мер, но и создание необходимых условий, установленных законом для возникновения указанных последствий. Например, предупреждение, вынесенное товарищеским судом, учитывается как одно из условий для увольнения по п. «Г» стр. 47 КЗоТ РСФСР.

Меры общественного воздействия товарищеского суда имеют следующие особенности: во-первых, статья 15 Положения определяет их полный перечень; во-вторых, ряд из этих мер по своему содержанию не отличаются от мер, применяемых уполномоченными на это государственными органами (например, штраф) и, в-третьих, Положением гарантируется принудительный характер исполнения решений товарищеских судов. (Статья 19 Положения предусматривает принудительное исполнение решений о возмещении причиненного ущерба о наложении штрафа или о ином имущественном взыскании посредством выдачи народным судьей исполнительного листа).

Указанные меры общественного воздействия, по нашему мнению, вызывают определенные правовые последствия.

Этот вывод в равной мере относится и к мерам, применяемым общественными судами к нарушителям трудовой дисциплины, так как содержание Положения не дает оснований для их разграничения как на порождающие правовые последствия и не порождающие таковых.

Изложенное толкование статьи 15 Положения должно быть признано правильным также и потому, что законодатель ранее в смысле правовых последствий ставил знак равенства между мерами общественного воздействия, применяемыми товарищеским судом к нарушителям трудовой дисциплины, и мерами дисциплинарного характера, налагаемыми администрацией, не делая при этом никаких оговорок (см. ст. 7 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1965 года, ст. 24 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений от 12 января 1957 года, п. 17 постановления пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 года).

Следовательно, в соответствии со статьей 7 Положения администрация не имеет права по собственной инициативе вынести дисциплинарное взыскание за нарушение трудовой дисциплины, которое было предметом рассмотрения товарищеского суда. Товарищескому суду также не предоставлено права применять меры общественного воздействия к нарушителям трудовой дисциплины, если они наказаны за этот проступок в дисциплинарном порядке[15]).

Всякое другое толкование ст. 7 Положения на практике приводит к нарушению интересов и прав граждан, охраняемых законом, поскольку за один и тот же поступок работник может быть наказан дважды.

Для правильного применения данной нормы в ее содержании необходимо внести соответствующие изменения, которые бы четко и определенно предусмотрели права товарищеского суда и администрации при рассмотрении проступка, за который работник уже имеет определенное наказание (общественное, дисциплинарное, административное).

Постановка товарищеским судом перед руководителем предприятия, учреждения вопроса о применении одной из мер дисциплинарного взыскания, наложение которой входит в его компетенцию, при определенных условиях должна быть исполнена администрацией.

Практику необязательности для руководителя предприятия рекомендации товарищеского суда необходимо признать порочной. Ничего,

[15]) Совершенно обоснованным необходимо признать указание в Положениях о товарищеских судах Туркменской ССР, Узбекской ССР и Молдавской ССР на запрещение наложения администрацией дисциплинарного взыскания за проступок, который рассматривается в товарищеском суде, а также в Положении о товарищеских судах Литовской ССР на запрещение применения мер общественного воздействия товарищескими судами в отношении лиц, которые за рассматриваемый проступок уже наказаны администрацией в дисциплинарном порядке.

оме вреда, в борьбе с нарушениями трудовой дисциплины она не иносит. Более того, отклоняя решение товарищеского суда или смяг-я меру дисциплинарного воздействия, руководитель предприятия, зусловно, подрывает авторитет общественности, что, естественно, не жет не сказаться отрицательно на дальнейшей работе общественного да.

Единственным основанием для неисполнения администрацией шения товарищеского суда о применении к нарушителю трудовой сциплины меры дисциплинарного воздействия может быть нарушение дом действующего законодательства о труде.

Таким образом, улучшение деятельности товарищеских судов на едприятии, наряду с укреплением организационных начал их деяльности, предполагает также и дальнейшее совершенствование Полония с целью приведения его норм в соответствии с задачами и возжностями общественных судов настоящего времени.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

К ВОПРОСУ ОБ УСИЛЕНИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТИ РАБОЧИХ В ПОВЫШЕНИИ КАЧЕСТВА ПРОДУКЦИИ

В. И. САВИЧ

Повышение качества продукции, выпускаемой предприятиями нашей страны — одна из важнейших задач, стоящая перед народным хозяйством в современный период. Эта народнохозяйственная проблема распадается на две тесно связанные между собой проблемы: во-первых, обеспечить общее повышение качества выпускаемых изделий и во-вторых, обеспечить постоянный рост уровня качества продукции, так как «систематическое повышение качества продукции является обязательным требованием развития экономики»[1]).

Эта задача не только экономическая, но и политическая. В Программе партии говорится, что «качество продукции советских предприятий должно быть значительно выше, чем на лучших капиталистических предприятиях»[2]).

Если первая из указанных проблем может быть решена в более или менее продолжительный отрезок времени, то вторая должна решаться постоянно, систематически.

Качество продукции имеет несколько аспектов: технический, экономический и т. д. В соответствии с этим различают технические, экономические и др. средства повышения качества изделий. Следовательно, чтобы говорить о правовых средствах воздействия на повышение качества продукции, надо установить, имеет ли оно правовой аспект.

Прежде всего, непосредственно тот или иной уровень качества продукции рождается в сфере реализации трудовых правоотношений.

Качественное выполнение работ входит в содержание трудового правоотношения, а именно: работник в соответствии с типовыми правилами внутреннего трудового распорядка обязан «не допускать брака и добиваться высоких качественных показателей в работе»[3]).

Право администрации требовать от работника высоких качественных показателей в работе возникает только при условии создания для работника нормальных условий работы. Нормальными условиями работы в соответствии с примечанием 1 к ст. 57. КЗОТ РСФСР признаются:

а) исправное состояние машин, станков и приспособлений;

б) своевременная подача материалов и инструментов, необходимых для выполнения работы;

---

[1]) Программа КПСС. Материалы XXII съезда КПСС, Госполитиздат, 1962, стр. 385.
[2]) Там же, стр. 385.
[3]) Ст. 10 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, утв. 12 января 1957 г.

в) надлежащее качество материалов и инструментов;

г) надлежащее гигиеническое и санитарное оборудование помещения, где производится работа (должное освещение, отопление и т. п.). Думается, что необходимо в понятие нормальных условий труда включить надлежащее состояние техники безопасности. Таким образом, обязанности работника качественно выполнять работу соответствует право администрации требовать от работника выполнения этой обязанности. Выполнение обязанности работника, записанной в п. 10 Типовых правил, обеспечивается моральными и материальными стимулами. В случае неисполнения первой половины обязанности — «не допускать брака» — работник несет дисциплинарную и материальную ответственность, вторая половина этой обязанности — «добиваться высоких качественных показателей в работе» — такими санкциями не обеспечивается в силу того, что в Законе не определены точно границы этой обязанности.

Вышеуказанное свидетельствует о том, что качество продукции имеет правовый аспект. Однако этим правовой аспект качества продукции не исчерпывается.

Оплата труда, как элемент трудового правоотношения, производится в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Совершенно очевидно, что между качеством труда и качеством продукции существует тесная связь, качество продукции безусловно зависит от качества труда.

В трудовом праве качество труда, имеющее значение для его оплаты, непосредственно не определяется и не может быть определено. Качество труда определяется исключительно через квалификацию работника. Но квалификация работника сама по себе еще не определяет соответствующий ей уровень качества труда. Определенный уровень квалификации может привести к соответствующему ему качеству труда только при условии добросовестного, инициативного отношения работника к исполнению своих трудовых обязанностей.

Таким образом, качество труда есть результат соединения двух компонентов: квалификации работника и субъективного отношения его к работе. Таким образом, открывается возможность правовыми средствами воздействовать на качество труда, путем создания такой правовой обстановки, которая способствовала бы повышению квалификации рабочих и служащих и которая стимулировала бы добросовестное, творческое и инициативное отношение работников к исполнению своих трудовых обязанностей. Правовое воздействие на повышение квалификации осуществляется путем создания материальной и моральной заинтересованности у работника, путем создания необходимых условий для повышения квалификации (установление льгот и т. д.), путем установления правовой обязанности повышать квалификацию и т. д.

Добросовестное отношение работника к исполнению трудовых обязанностей достигается также через организацию моральной и материальной заинтересованности. Так обстоит дело с правовыми средствами улучшения качества труда. Качество продукции непосредственно зависит от качества труда при условии, разумеется, надлежащего качества сырья, материалов, инструмента, исправного состояния машин и надлежащего состояния других условий, записанных в примечании 1 к ст. 17 КЗОТ РСФСР.

Поэтому средства воздействия на уровень качества труда оказывают влияние и на уровень качества продукции.

Следует заметить, что качество труда как критерий оплаты не имеет самостоятельного хозяйственного значения, если не имеются в виду

качественные показатели результатов труда. Качество труда наиболее общая предпосылка качественных показателей результатов труда для всех рабочих и служащих, поскольку не всегда возможно непосредственное определение качественных показателей труда. Поэтому дальнейшее развитие результативных систем оплаты труда способствовало бы укреплению принципа оплаты по труду.

Сдельная система имеет в виду количественные результаты труда. В связи с этим представляется целесообразным и возможным для некоторых категорий работников там, где это возможно, оплату труда поставить в прямую зависимость от качества выпущенного изделия путем установления дифференцированных в зависимости от сортности продукции, ставок по каждому тарифному разряду отдельно. Действующая повременная и сдельная системы заработной платы рабочих стимулируют повышение квалификации, так как размер оплаты труда зависит от квалифицированного разряда. Однако эти системы недостаточно стимулируют повышение качественных результатов труда. Поэтому естественно появится потребность в дополнительном стимулировании. Такие дополнительные стимулы создаются премиальной системой заработной платы, которая применяется как дополнительная к сдельной и повременной[4]). Если сдельная и повременная система оплаты труда стимулируют, главным образом, предпосылку для повышения качества результатов труда (т. е. повышение квалификации работника), то премиальная система в сочетании со сдельной и премиальной усиливает заинтересованность в результатах труда, в том числе в повышении качества продукции. Премии, выплачиваемые работникам на основе применения премиальных систем заработной платы, являются формой организации вознаграждения за труд, оплаты за определенное количество или качество труда, причем принцип определения соотношения между количеством и качеством труда и вознаграждением за труд аналогичен принципу определения размера вознаграждения по основным системам оплаты труда. Премии, выплачиваемые в соответствии с положениями о премировании, по правовому положению приравниваются к заработной плате. Поэтому правы авторы, которые говорят об однородности таких премий и заработной платы[5]), возражая против противопоставления этих понятий[6]).

Таким образом, премии (установленные положениями о премировании) — это особая форма организации оплаты труда рабочих и служащих, стимулирующая высокие результативные показатели в работе. Премирование рабочих и служащих по премиальным положениям, как и основная заработная плата, планируется вышестоящими государственными органами. Планирование премирования является одной из составных частей планового ведения народного хозяйства. В основе планирования премирования лежат задачи, стоящие перед народным хозяйством, в частности, задачи, стоящие перед той или иной отраслью народного хозяйства. Планирование премирования осуществляется путем принятия отраслевых типовых положений о премировании, путем опре-

---

[4]) См.: С. С. Каринский. Правовое регулирование заработной платы. М., 1963, стр. 25.

[5]) С. С. Каринский. Правовое регулирование заработной платы. М., 1963, стр. 93; С. И. Шкурко. Премирование рабочих в промышленности, правовые вопросы, М., 1963, стр. 8.

[6]) Г. В. Муцинов. Понятие премиальной системы оплаты труда и практика премирования. «Вестник МГУ», № 3, 1962, стр. 19; М. Лазоренко, Ю. Маргулис. Премирование рабочих и служащих в СССР. Профиздат, 1964, стр. 6.

деления задач данного положения, путем установления с них показателей, условий и тарифов премирования. Вместе с этим в связи с расширением прав предприятий в п. 81 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии от 4 октября 1965 года, принятом на основе решений Сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС, предприятию предоставлено право устанавливать показатели и условия премирования на основе типовых положений о премировании[7]). Это, конечно, не значит, что предприятие может игнорировать показатели и условия, предусмотренные типовыми положениями, и устанавливать другие показатели и другие условия премирования, записанные в подпункте 2 ст. 81 Положения о социалистическом государственном производственном предприятии состоит в возможности уточнять, конкретизировать показатели и условия исходя из особенностей данного предприятия, из его специфических задач, не изменяя, однако, основной направленности показателей и условий, записанных в типовом положении. Мало того, большинство типовых положений о премировании устанавливают такие показатели премирования, которые без конкретизации их не могут применяться. На Сентябрьском (1965 г.) Пленуме ЦК КПСС было признано, что «в настоящее время заинтересованность производственного коллектива и каждого работника в улучшении общих итогов работы предприятия совершенно недостаточна»[8]). В связи с этим в соответствии с решениями Пленума 4 октября 1965 г. было принято Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства»[9]). В постановлении признано необходимым усилить роль прибыли в экономическом стимулировании предприятий и повышении материальной заинтересованности коллективов и отдельных работников предприятий в достижении лучших результатов работы. За счет прибыли, получаемой предприятием, последнее создает собственные фонды: 1) фонд материального поощрения; 2) фонд социально-культурных мероприятий и жилищного строительства; 3) фонд развития производства. Первые два фонда создают личную и коллективную материальную заинтересованность работников в результатах работы предприятия.

Фонд материального поощрения предназначается для премирования работников предприятий, вознаграждения за годовые итоги работы предприятий, а также для оказания единовременной помощи работникам. В связи с созданием фонда материального поощрения появляется возможность для повышения доли премий в заработной плате рабочих, инженерно-технических работников и служащих.

Как указывалось выше, фонд материального поощрения образуется за счет отчислений от прибыли, получаемой предприятием. Пункт 27 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 года закрепляет очень важное правило о том, что предельные размеры отчислений в фонд материального поощрения не устанавливаются[10]).

[7]) СП СССР 1965, № 19—20, стр. 155.

[8]) А. Н. Косыгин. Об улучшении управления промышленностью, совершенствовании планирования и усиления экономического стимулирования промышленного производства. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 27 сентября 1965 г. Политиздат, 1965, стр. 33—34.

[9]) СП СССР 1965, № 19—20, стр. 153.

[10]) См.: п. 27 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 г. (СП СССР 1965, № 19—20, стр. 153).

Государственный комитет стандартов, мер и измерительных приборов во исполнение Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 4/X—1965 г. разработал предложения, в которых предусматривается введение системы государственной аттестации качества продукции и государственного надзора за качеством аттестованной продукции. Лучшим изделиям будет присваиваться знак высшего качества или знак качества. Аттестованная продукция будет иметь определенные преимущества перед неаттестованной. Для продукции со знаком высшего качества устанавливается надбавка к оптовым ценам в размере 5—10%, а для изделий со вторым знаком качества надбавка составит 2—5%. В соответствии с Постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 4/X—1965 г.....» в целях усиления материальной заинтересованности работников в повышении качества продукции в фонд материального поощрения предприятия отчисляется часть прибыли, полученной за счет надбавки к цене за улучшение качества продукции. В фонд материального поощрения отчисляется также часть прибыли от реализации новых высококачественных и улучшенных товаров народного потребления. Кроме того, в фонд материального поощрения включаются суммы премий, выплачиваемых рабочим по фонду заработной платы. Фонд материального поощрения расходуется на следующие цели:

а) на премирование рабочих, инженерно-технических работников и служащих по устанавливаемым премиальным системам;

б) для единовременного поощрения отличившихся рабочих, руководящих, ИТР и служащих за выполнение особо важных производственных заданий;

в) для выплаты вознаграждения рабочим, руководящим, ИТР и служащим за общие результаты работы предприятия по итогам за год;

г) для оказания единовременной помощи работникам предприятий. Распоряжение фондом материального поощрения осуществляет администрация предприятия совместно с фабричным, заводским, местным комитетом профсоюза, за исключением выплаты суммы по положению о премировании принимается по согласованию с ФЗМК профсоюза. Распоряжение фондом включает в себя следующие основные проблемы: распределение фонда (в процентном отношении) по указанным выше направлениям, определение периодичности расходования фонда, отнесение работ к категории особо важных производственных заданий и т. д.

При расходовании фонда материального поощрения по установленным в п. 29 пост. СМ СССР от 4/X—65 г. «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» направлениям надо иметь в виду следующее. Часть фонда материального поощрения, образованная за счет дополнительного включения в фонд части прибыли, полученной за счет надбавки к цене за улучшение качества продукции и реализации новых высококачественных и улучшенных товаров народного потребления должна быть полностью израсходована исключительно на поощрение работников за выпуск высококачественной продукции или улучшенных образцов товаров народного потребления. Это может быть сделано путем выплаты указанных сумм в соответствии с действующим на данном предприятии положении о премировании, если оно предусматривает качество продукции показателем для премирования. В этом случае поощрение достижения качественных показателей не должно и не может ограничиваться только указанной частью фонда материального поощрения и только путем выплаты премий по положению о премировании.

Если положение о премировании не предусматривает качества продукции показателем премирования, то часть фонда, образованная за счет дополнительных отчислений в фонд за повышенное качество реализованной продукции должна быть также полностью израсходована на поощрение работников за качественные показатели в работе путем выплаты единовременного поощрения отличившимся работникам за выполнение особо важных производственных заданий или путем выплаты вознаграждения работникам за общие результаты работы предприятия за год. Строго целевое расходование части фонда материального поощрения, образованной за счет дополнительных отчислений в фонд за повышенное качество реализованной продукции вытекает из цели этих дополнительных отчислений — стимулирование заинтересованности работников в повышении качества продукции[11]). Увеличение фонда премирования и оставление его открытым для дальнейшего увеличения (за счет увеличения прибыли) создает возможность для усиления материальной заинтересованности рабочих и служащих в улучшении качественных показателей. Чтобы эта возможность была максимально использована, необходимо правильно применять премиальную систему оплаты труда. Под правильным применением положения о премировании надо понимать не только полное и точное исполнение положения о премировании, но и принятие предприятием наиболее целесообразного, эффективного и в то же время не противоречащего типовому положению о премировании.

Надо иметь в виду, что для обеспечения высокого качества продукции имеют значение не только те положения о премировании, которые предусматривают качественные результаты труда в виде показателей премирования, но и те, которые содержат качество продукции в виде условий премирования. Причем, если первые стимулируют, как правило, повышение качественных результатов труда, то вторые — качественное выполнение работы. Между стимулированием повышения качества продукции и выпуском качественной продукции, как нетрудно убедиться, есть значительная разница. Стимулирование выпуска качественной продукции сочетается, как правило, со стимулированием других показателей (выполнение плана и т. д.). Выбор той или иной основной задачи стимулирования типовым положением о премировании для данной отрасли хозяйства обусловливается задачами отрасли, спецификой ее и особенностями той или иной работы. Задачи и цели положения о премировании формулируются в самом положении, причем задачи положения должны строго соответствовать задачам, сформулированным в типовом положении.

Одним из основных элементов содержания всякого положения о премировании является показатель премирования. Показатель премирования отражает цели и задачи положения о премировании, показатель определяет право на премию и размер премии. Таким образом, показатель является основным рычагом в премиальной системе стимулирования в определенном хозяйственном направлении деятельности работников предприятия.

Типовые положения о премировании и тем более положения о премировании предприятий предусматривают самые разнообразные показатели. Поэтому для правильного понимания роли и значения показателей, для усвоения порядка установления их необходима классификация

[11]) См.: п. 26 Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 г. (СП СССР 1965, № 19—20, стр. 153).

показателей. Прежде всего показатели можно подразделять на: а) коллективные и б) индивидуальные в зависимости от круга лиц, который должен для получения права на премию достигнуть установленного показателя. Коллективные показатели устанавливаются для рабочих там, где невозможно установить индивидуальные показатели. Если обеспечить учет выполнения конкретных показателей каждым работником, в остальных случаях устанавливаются показатели для каждого работника. По задачам, которые стоят перед премиальным положением, показатели могут быть подразделены на 2 большие группы: а) количественные, б) качественные. Количественные показатели предусматриваются в виде необходимости (для получения права на премию) выполнения и перевыполнения плана, норм выработки, производственных заданий и т. п. Чаще всего премирование устанавливается и за выполнение плана, норм и за перевыполнение, причем размеры премий устанавливаются отдельно за выполнение и отдельно за перевыполнение. Кроме того, к числу количественных показателей следует отнести и показатели, предусматривающие выполнение работ или заданий в срок или досрочно.

Качественные показатели значительно разнообразнее, чем количественные. Это обусловлено, во-первых, разнообразием выпускаемой продукции, разнообразием работ, качественный уровень которых стимулируется, и, во-вторых, разнообразием способов определения качества продукции или работ. Поэтому в одних отраслях показатель для премирования устанавливается в виде улучшения качества продукции, в других премия выплачивается за увеличение выхода продукции 1-го сорта, в-третьих, за увеличение выхода продукции из сырья (например, увеличение выхода металла из руды) и т. д. В тех отраслях народного хозяйства, где нельзя определить непосредственные качественные показатели труда, устанавливается результативное определение качества работы, например, обеспечение бесперебойной работы оборудования, обеспечение бесперебойной подачи электроэнергии и т. п. К качественным следует отнести и показатели, характеризующие экономию сырья, материалов и полуфабрикатов. Премирование за качество устанавливается только для тех категорий работников, которые непосредственно влияют на качество продукции. В свою очередь качественные показатели могут быть подразделены на 2 подгруппы: 1) показатели, требующие качественного выполнения работ, 2) показатели, требующие улучшение качества продукции.

Показатели, устанавливаемые в типовых положениях о премировании по степени централизации их установления, могут быть классифицированы следующим образом. Первую группу составляют показатели, конкретно установленные в типовом положении, т. е. такие показатели, которые не подлежат дальнейшему уточнению в заводских положениях о премировании, и не могут быть изменены, увеличены или уменьшены. В этих случаях в Типовом положении установлен строго определенный уровень показателя и, как правило, размер премии за достижение этого уровня. Например, в типовом положении о сдельно-премиальной и повременно-премиальной системах оплаты труда рабочих маслодельных, сыродельных и молочных (первичных) заводов и их отделений, утвержденном Положением государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы и Секретариата ВЦСПС от 21 марта 1960 г. рабочие-повременщики премируются за высокое качество вырабатываемых молочных продуктов следующим образом: за изготовление 1 тонны масла высшего сорта (на парамеханизированных заво-

дах) при бальности от 89 до 91 премия выплачивается в размере до 1 руб. 50 коп., при бальности от 91 до 95 коп. —2 руб. 50 коп., при бальности свыше 95 коп —3 руб. 50 коп и т. д.[12]) Таким образом, в этом Положении твердо установлен уровень качественного показателя, который не может в дальнейшем (т. е. в заводском положении) уточняться. Во вторую группу входят показатели только в общем виде. Эти показатели должны быть обязательно конкретизированы в заводском положении, без чего их применение невозможно. Большинство типовых положений предусматривают именно такие показатели, установленные в общем виде, оставляя предприятиям конкретизировать их в зависимости от специфики производства, специфики продукции и т. д. Качество продукции определяется особыми свойствами продукции и устанавливается ГОСТами, техническими условиями и т. д. Если требования к качеству продукции очень подвижны и не могут быть определены заранее, то Типовое положение также не устанавливает уровня показателя, а предоставляет право Министерствам и ведомствам по согласованию с профсоюзными организациями устанавливать конкретные показатели в зависимости от спроса и потребления, предъявляемых потребителями[13]).

Однако для получения права для премирования недостаточно выполнения только показателя премирования. Подавляющим большинством премиальных систем в качестве дополнения к показателю содержат условие премирования. Условие устанавливается тогда, когда возможно выполнение показателя за счет ухудшения других, не установленных в положении, показателей, например, выполнение плана (как показателя премирования) за счет ухудшения качества продукции или, наоборот, выработку высокого качества продукции за счет уменьшения планового количества. Таким образом, между показателями и условиями премирования есть определенное сходство: и тот и другой — это показатели работы, выполнение которых дает работнику право на премию. Невыполнение показателя лишает работника права требовать выплаты премии. Невыполнение условия премирования также лишает работника премии, как правило, полностью, а в некоторых случаях частично.

Однако на этом сходство показателей и условий кончается. Значительно большее юридическое и практическое значение имеют их различия. Во-первых, показатели и условия всегда различны по содержанию производственных результатов, выполнение которых порождает право на премию; так, первый отражает задачи положения о премировании, а другой выполняет контрольную функцию. Во-вторых, как правильно отмечает С. И. Шкурко[14]), показатели — это основы премиальной системы, без них не может функционировать премиальная система. Условия, премирования — это важное дополнение к показателям, однако, их наличие с формально юридической стороны вовсе не обязательно. На практике применяются премиальные положения, которые не предусматривают условий премирования.

---

[12]) Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы, 1964, № 7.

[13]) См., например, Типовое положение о премировании руководящих, инженерно-технических работников и служащих трестов по заготовке и первичной обработке хлопка, льна, конопли и других лубяных культур. «Бюллетень Государственного комитета Совета Министров СССР по вопросам труда и заработной платы», № 9, 1965, стр. 23.

[14]) С. И. Шкурко. Премирование рабочих в промышленности, правовые вопросы, М., 1963, стр. 50.

В-третьих, показатель премирования имеет, как правило, множество имеющих значение для определения размера премии, уровней выполнения. Размер премии определяется в зависимости от уровня выполнения показателя. В положении о премировании указывается только максимальный размер премии. Условие по своему правовому значению только двухзначно — выполнено и не выполнено. Другие условия не имеют значения.

В-четвертых, показатели и условия премирования различаются и по стимулирующей роли.

Наименее удовлетворительно разработанным представляется вопрос о депремировании работников. Депремирование — это полное или частичное лишение премии работника, имеющего право на премию, т. е. выполнившего показатель и условия положения о премировании.

Типовые положения о премировании устанавливают два возможных случая лишения полностью или частично премий: за производственные упущения и за прогул. Недостатком правового регулирования лишения премии за производственные упущения является отсутствие в отраслевых и в заводских положениях о премировании принятого перечня производственных упущений, что открывает возможность для ошибок и даже для злоупотреблений. Например, в Постановлении Президиума ЦК профсоюза рабочих машиностроения от 28 февраля 1961 г. приводятся примеры необоснованного депремирования рабочих: рабочему завода «Красная Пресня» была уменьшена премия на 50% за исправление медицинской справки, рабочему завода «Фрезер» была уменьшена премия на 10% за оскорбление старшего мастера, наладчице завода «Калибр» была уменьшена премия на 5% за нарушение трудовой дисциплины[15]).

Производственным надо считать такое упущение, которое непосредственно связано с производственной работой предприятия или его подразделения, или с исполнением производственно-трудовой функции работника. Поэтому опоздание на работу не является производственным упущением, так как оно непосредственно не связано с производственным упущением, так как оно непосредственно не связано с производственной деятельностью, а нарушение технологического режима или это производственные упущения.

Работник может быть лишен премии только за виновное упущение. Производственное упущение, происшедшее не по вине работника, не может быть основанием для лишения его премии, так как в противном случае значительно снизилась бы воспитательная роль депремирования. Вина работника должна устанавливаться тем лицом, по представлению которого он может быть лишен премии, а в случае возникновения спора и органом по рассмотрению трудового спора. Не может иметь место депремирование работника, если производственное упущение имело место в результате правомерного действия (бездействия) работника.

Наконец, работник может быть лишен премии, если производственное упущение отрицательно сказалось на производственном процессе или на результатах производственной работы предприятия или его подразделения (цех, отдел, участок и т. п.)

Кроме того, все Типовые положения о премировании предусматривают лишение премии за прогул как за такое нарушение трудовой дисциплины, которое не может быть совмещено с производственной работой, достойной поощрения в виде премии. Однако представляется целе-

[15]) С. И. Шкурко. Премирование рабочих в промышленности, правовые вопросы, М., 1963, стр. 90.

сообразным предоставление Типовыми поощрениями о премировании права администрации полностью лишать работника премии за совершение прогула, так как такая возможность снижает стимулирующее воздействие на производственную работу работника. Работник, допустивший прогул в начале учетного периода, и зная о возможности полного риального стимулирования, создаваемого положением о премировании. Совершенно достаточно в воспитательных целях оставить в Типовых положениях обязанность администрации за прогул лишать работника премии частично (в зависимости от конкретных обстоятельств).

***

Наряду с материальным поощрением работников за высокое качество продукции (работы) большое значение в деле обеспечения высокого качества продукции имеют правила о пониженной оплате недоброкачественной продукции (брака) и правила о материальной ответственности работников за ущерб, нанесенный предприятию путем выпуска недоброкачественной продукции.

О необходимости сочетания материального поощрения с материальной ответственностью за результаты труда говорится в Постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О совершенствовании планирования и усилении экономического стимулирования промышленного производства» от 4 октября 1965 года: «Сочетать принцип материальной ответственности работников за результаты труда, для чего, наряду с повышением оплаты труда при улучшении качества продукции, уменьшать оплату труда при ухудшении качества продукции и выпуске брака по вине работников предприятия»[16]). Правильное сочетание материального поощрения за высокое качество производимой продукции с материальной ответственностью за ущерб, нанесенный предприятию путем выпуска брака и пониженной оплатой брака является действенным орудием в арсенале правовых средств борьбы за высокое качество продукции. Однако правовые нормы, регулирующие материальную ответственность за ущерб, причиненный путем выпуска брака, и пониженную оплату брака не могут быть признаны соответствующими современному уровню развития науки трудового права. В соответствии с Постановлением НКТ СССР от 25 февраля 1932 г. «О порядке оплаты простоя и брака»[17]) оплата брака производится в зависимости от наличия вины работника, допустившего брак. Двухчленное деление причин наступления брака — «по вине работника» и «не по вине работника» — представляется недостаточным.

Пункт 10 названного постановления следующим образом определяет понятие вины: «Под виною работника в настоящем постановлении разумеется: неисполнение работником даваемых указаний в работе, небрежность в работе, нераспорядительность и всякое другое нарушение внутреннего распорядка и технических правил»[18]). Таким образом, нарушение технологических правил является виновным так же, как и неправильное использование оборудования, инструмента (неисполнение технических правил), хотя такое нарушение может быть результатом недостаточной квалификации. Ненадлежащее исполнение работником трудовых обязанностей, в том числе и изготовление негодной продукции, в

[16]) СП СССР 1965, № 19—20, ст. 153. п. 30.
[17]) СЗАоТ, 1964, стр. 379.
[18]) СЗАоТ, 1964, стр. 381.

трудовом праве не считается виновным, если оно имеет место из-за недостаточной квалифицированности работника[19]). В этом случае вина должна быть отнесена к администрации, на которую возложена ответственность за правильную расстановку кадров[20]). Всякие другие действия, не указанные в п. 10 Постановления НКТ СССР «О порядке оплаты простоя и брака» от 25/II-1932 г., приведшие к браку не считаются виновными. Таким образом, в одной категории невиновны (со стороны работника) причины наступления брака оказываются такие разнородные причины как недостаточная квалификация и все другие, например, неисправное оборудование, недоброкачественное сырье, материалы и т. д.

Мало того, недостаточная квалифицированность как причина наступления брака, как мы только что убедились, может быть (исходя из содержания постановления НКТ СССР от 25/II-1932 г.) отнесена к числу виновных и невиновных действий работника, что совершенно недопустимо. Кроме того, если даже недостаток квалификации как причину выпуска недоброкачественной продукции определить как обстоятельство, которое не может быть поставлено в вину работнику, то и тогда одинаковый порядок оплаты брака недостаточно квалифицированным и квалифицированным (и не виновным) работникам за брак нельзя признать правильной. Поэтому при определении причин выпуска недоброкачественной продукции надо установить трехчленное деление: 1) выпуск брака не по вине работника, 2) выпуск брака по вине работника, 3) выпуск брака из-за недостатка квалификации работника. Допущение брака систематически вследствие третьей причины, кроме пониженной оплаты, может и должно повлечь и другие правовые последствия (перевод на другую работу, увольнение по п. «в» ст. 47 КЗОТ, постановка вопроса о снижении разряда и т. п.). Естественно возникает вопрос о размере оплаты брака, происшедшего из-за недостаточной квалифицированности работника. Совершенно очевидно, что размер такой оплаты должен быть ниже оплаты брака, происшедшего не по вине работника, но выше, нежели оплата виновника брака.

Другим, недостаточно урегулированным в законе, является вопрос об определении точного размера оплаты частичного брака. В Постановлении НКТ СССР от 25 февраля 1932 г. установлено, что частичный брак (происшедший как по вине, так и не по вине работника) оплачивается в пониженном размере. Процент годности и точный размер оплаты устанавливается администрацией. В постановлении установлен максимальный размер оплаты брака. Так, оплата брака, происшедшего по вине работника, не может превышать половины тарифной ставки данного работника. Из содержания ст. 6 п. «б» указанного постановления может быть сделан вывод, что оплата производится пропорционально проценту годности изготовленного изделия. Однако неясно, какая сумма должна быть исходной для определения точного размера оплаты: полная тарифная ставка данного работника или половина тарифной ставки (поскольку оплата не может быть выше половины тарифной ставки). Представляется необходимым установить в законе, что точный размер оплаты частичного брака по вине работника определяется администрацией пропорционально проценту годности изделия, исходя из половины тарифной

[19]) См., например, А. И. Ставцева. Восстановление на работе неправильно уволенных рабочих и служащих. М., 1962, стр. 44—46.

[20]) См.: п. 9а Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений.

ставки данного работника. В противном случае не может быть достигнута строгая пропорциональность оплаты проценту годности. Так, продукция 50% годности и 95% годности могла бы быть оплачена одинаково.

Совершенно необоснованным представляется установленный порядок определения размера оплаты брака из разных тарифных ставок (что касается практически только сдельщиков). Так, точный размер частичного брака, происшедшего по вине работника, определяется из «тарифной ставки данного работника», а частичный брак не по вине работника оплачивается из тарифной ставки повременщика[21]).

Выпуск брака, как правило, приводит к порче материалов, полуфабрикатов и изделий, чем наносится материальный ущерб предприятию. Поэтому в соответствии с инструкцией НКТ СССР «Об имущественной ответственности работников за материалы и изделия и за имущество предприятия или учреждения, выданное в пользование работникам» ст 1 июня 1932 г.[22]), работники, наряду с пониженной оплатой брака (при частичном браке) или полным лишением оплаты, несут имущественную ответственность. Таким образом, применение особых правил оплаты брака может сочетаться с материальной ответственностью за ущерб, нанесенный путем порчи материалов, полуфабрикатов и изделий. Возможность одновременного их применения обусловливается разными основаниями и задачами их введения. Если правила об оплате брака являются конкретным проявлением принципа оплаты по труду, то материальная ответственность преследует задачу возместить нанесенный ущерб. Поэтому пониженная оплата применяется независимо от наличия вины работника[23]), в то время, как имущественная ответственность наступает только при виновном нанесении ущерба. Вместе с этим оба эти института воспитывают у работников добросовестное отношение к труду, чувство ответственности за социалистическое имущество.

Материальная ответственность за ущерб, нанесенный путем выпуска брака установлена п. 3 названной инструкции НКТ СССР от 1/У1 — 1932 г. «За порчу по потребности материалов, полуфабрикатов или изделий работник несет ответственность в размере причиненного ущерба, но не свыше двух третей своего среднего заработка». О понятии материалов, полуфабрикатов и изделий в юридической литературе уже говорилось, и мы на этом останавливаться не будем, тем более, что разграничение этих понятий не имеет, в данном случае, принципиального юридического значения.

Необходимо отметить, что такая ответственность наступает при наличии вины только в форме небрежности. Неурегулированным является вопрос об исчислении среднего заработка для определения конкретной суммы, которую работник должен возместить. Поэтому в законе необходимо установить период, из которого должна определяться среднемесячная заработная плата. Этот период не должен превышать 3-х месяцев, причем в этот срок надо включить и тот расчетный период, в котором нанесен материальный ущерб. Это может быть обосновано тем, что за этот период работник (в случае выпуска частичного брака по вине) получал пониженную оплату, а размер ограниченной материальной ответственности находится в тесной связи с размером заработной платы.

---

[21]) См.: пп. 6 и 7 Постановления НКТ СССР «О порядке оплаты простоя и брака» от 25 февраля 1932 г. (СЗАоТ, 1964, стр. 380).

[22]) См. СЗАоТ, 1964, стр. 569.

[23]) В зависимости от наличия вины дифференцируется только конкретный размер оплаты.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ УБЕЖДЕНИЯ КАК СРЕДСТВА ВОСПИТАНИЯ ТРУДОВОЙ ДИСЦИПЛИНЫ

В. М. ЛЕБЕДЕВ

Воспитание дисциплины труда в социалистическом обществе достигается при помощи сочетания двух методов: убеждения и принуждения. Метод убеждения при социализме является и чем дальше, тем больше будет являться основным, главным методом воспитания большинства трудящихся. Сфера применения принуждения строго ограничена законом, и принуждение допускается, как правило, в тех случаях, когда убеждение не приводит к положительным результатам.

Несмотря на это, в литературе по трудовому праву мало уделяется внимания разработке проблем, связанных с убеждением (нет ни четкого определения понятия и содержания убеждения, ни основных форм его проявления).

Немногочисленные высказывания по этому вопросу в учебной и монографической литературе сделаны, как правило, вскользь при раскрытии смежных тем или конкретных форм убеждения и не достаточно аргументированы.

Так, Г. И. Гуляев определяет метод убеждения путем перечисления форм его проявления. К последним он относит: 1) организацию социалистического соревнования; 2) пропаганду передовых методов работы; 3) поощрение за добросовестный труд работников[1]). Аналогичной точки зрения придерживается и Ф. З. Кульборисов с той лишь разницей, что в качестве формы убеждения называет не пропаганду, а внедрение передовых методов труда[2]).

Бесспорно, что убеждение как метод воспитания трудовой дисциплины реализуется как в ходе организации социалистического соревнования, так и в пропаганде и внедрении передовых методов труда, в поощрении лучших работников. Однако эта попытка раскрыть содержание метода убеждения не может быть признана удачной, так как недопустимо сводить указанные формы к сравнительно узкой задаче воспитания трудовой дисциплины. Каждая из них имеет свое, более широкое содержание и назначение.

Следует заметить, что социалистическое соревнование ставит перед собою задачи в первую очередь производственного характера: выполне-

---

[1]) См.: Советское трудовое право, М., 1961, с. 229. Г. И. Гуляев. Роль права в воспитании коммунистического отношения к труду. «Советское государство и право в период развернутого строительства коммунизма». Тезисы докладов. Харьков, 1962, с. 144.

[2]) См.: Советское трудовое право. М., 1965, с. 244.

ние и перевыполнение планов по снижению себестоимости продукции при неприменном условии улучшения ее качества, производства продукции (строительства, перевозок) в заданной номенклатуре, внедрения новой техники, комплексной механизации и автоматизации производства, модернизации оборудования, плана по производительности труда и т. д.[3]). Совершенно очевидно, что эти цели социалистического соревнования не подчинены задаче воспитания трудовой дисциплины. Напротив, последняя является лишь необходимым условием достижения этих целей.

Наряду с этим все перечисленные формы проявления убеждения не могут внести надлежащей ясности в содержание и тем более в определение этого понятия в силу недостатков методического характера. Они, например, не только взаимно не исключают, а скорее предполагают одна другую. Так, социалистическое соревнование не мыслится без пропаганды и поощрения передовых методов труда. Более того, этот перечень можно продлить, указав на мероприятия по повышению производительности труда, организации и привлечению трудящихся к управлению производством и т. д. В силу этого форма и содержание метода убеждения остаются неопределенными, расплывчатыми.

Н. Г. Александров понимает под методом убеждения разъяснение необходимости прочной трудовой дисциплины для развития социалистического хозяйства[4]). Другие авторы сводят убеждение к материальному и моральному поощрению трудящихся за хорошую работу[5].) На наш взгляд, оба этих определения правильно отражают отдельные моменты проявления метода убеждения, но страдают известной односторонностью.

Убеждение — это воспитательное воздействие на психику воспитуемого с целью побудить его к добровольному (самостоятельному и сознательному) исполнению своих обязанностей и реализации своих прав. Указанное воспитательное воздействие проявляется путем разъяснения, поощрения и общественного воздействия. Ознакомление с практикой проведения воспитательной работы в производственных и бытовых коллективах показывает, что все эти способы проявления убеждения имеют очень широкое распространение и признание.

Вместо привлечения нарушителей общественного порядка в быту и на производстве к административной или дисциплинарной ответственности, материал в отношении таких лиц передается для обсуждения в коллективе или на товарищеском суде. Так, товарищеский суд прядильно-отделочного производства Барнаульского комбината искусственного и синтетического волокна в 1963 г. рассмотрел 77 таких материалов, в 1964 г. — 54, в 1965 г. — 68. На Алтайском моторном заводе создано 25 общественных судов, которые в течение 1964 года рассмотрели 176 дел.

Наряду с общественным воздействием в производственных коллективах уделяется большое внимание поощрению добросовестных рабочих и служащих, количество которых нередко достигает 50 и более процентов. Например, в 1965 году в одном из цехов завода Алтайского края было поощрено более половины (64%) всех работников, из которых 8-ми присвоено звание ударника коммунистического труда, 48 человек занесены на доску почета.

---

[3]) См.: Постановление Совета Министров СССР и ВЦСПС от 30 декабря 1959 г. СП СССР, 1960, № 1, ст. 4.

[4]) Советское трудовое право. М., 1963, с. 306.

[5]) См. трудовое право. Энциклопедический словарь. М., 1959, с. 110, и в редакции 1963, с. 114.

Разъяснение, поощрение и общественное воздействие не может быть сведено исключительно к выполнению задач укрепления трудовой дисциплины рабочих и служащих.

Убеждение как метод воспитания применяется как рабочим и служащим, так и другим гражданам (например, к колхозникам) и не только при воспитании трудовой дисциплины, но и в ряде других случаев (например, в ходе допроса свидетеля или рассмотрения уголовного дела в судебном заседании и т. п.).

Поэтому отличительными чертами убеждения как метода воспитания трудовой дисциплины является применение его, во-первых, с целью создания, укрепления или изменения общественных отношений, связанных с дисциплиной труда, и, во-вторых, к определенным субъектам — к рабочим и служащим.

Основной задачей разъяснительной работы является расширение и углубление восприятия каждым работником его непосредственного участия в коммунистическом строительстве, без чего немыслимо сознательное соблюдение общепринятых норм поведения в процессе производства.

Разъяснение осуществляется путем сообщения работнику определенных сведений о требованиях, предъявляемых к его поведению на работе, объяснения необходимости соблюдать эти требования, указания на способы соблюдения и укрепления дисциплины труда.

Правила поведения рабочих и служащих в процессе производства установлены в нормативном порядке или определяются нормами морали. Эти правила поведения доводятся до сведения работников администрацией предприятия (учреждения) в определенном порядке[6]).

Наряду с этим следует отметить, что нормативные акты, сами по себе являются формой разъяснения трудящимся необходимости соблюдать дисциплину труда.

Большую воспитательную роль в деле укрепления трудовой дисциплины имеет конституция СССР и ССР. «Статьи конституции являются не только юридическим оформлением прав и обязанностей, но и могучим фактором воспитания людей»[7]).

Так, ст. 130 Конституции СССР, разъясняя обязанности граждан, прямо указывает на необходимость «блюсти дисциплину труда», честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития».

В ряде случаев нормативные акты, регулирующие дисциплину труда, имеют общие положения. В этих положениях законодатель разъясняет необходимость установления и изменения определенных правил поведения рабочих и служащих. В общем положении типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих указано, что они изданы с целью обеспечить укрепление социалистической дисциплины труда, правильную организацию и безопасные условия труда, полное и рациональное использование рабочего времени, повышение производительности труда и выпуск доброкачественной продукции.

---

[6]) Обычно разъяснительную работу проводят должностные лица (директор, его заместители, мастера, бригадиры и др.) и общественные организации (ФЗМК, партком, комитет комсомола). Разъяснение, как правило, должно носить конкретный характер, иметь непосредственную связь с практикой укрепления трудовой дисциплины в пределах данного коллектива.

[7]) М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании. Избранные речи и статьи. 3-е издание, из-во ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1947, с. 75.

Широкое распространение как средство укрепления трудовой дисциплины получили различные формы правовой пропаганды и агитации среди рабочих и служащих.

В беседах, лекциях, на вечерах вопросов и ответов трудящиеся знакомятся не только с содержанием требований, предъявляемых к ним правом, но и с передовым опытом других предприятий в борьбе за укрепление трудовой дисциплины и, главное, побуждаются таким образом к добровольному исполнению своих обязанностей.

На ряде предприятий Алтайского края организуются постоянно действующие лектории по трудовому законодательству. Например, такой лекторий действовал в 1964 и 1965 гг. на Барнаульской ТЭЦ-2. В работе лектория вместе с юристами принимали активное участие и представители администрации (начальник отдела кадров, главный инженер и др.), правовый материал излагался с учетом задач предприятия, в частности, и в области укрепления трудовой дисциплины.

Таким образом, можно различать следующие формы разъяснения: правовую, т. е. обязательную для администрации предприятия (учреждения) и неправовую — организация и проведение разъяснения на общественных началах лекторами, пропагандистами и т. п.

Наряду с этим определенное воспитательное значение имеет нормотворческая деятельность Советского государства в области укрепления социалистической дисциплины труда. Нормативные акты в нашей стране издаются в доступной и понятной всем трудящимся форме и бесспорно содействуют воспитанию сознательного отношения рабочих и служащих к своим обязанностям.

Поощрение — это оказание общественного почета или публичное признание в установленном порядке и с определенными последствиями морального или материального характера трудовых заслуг (успехов) добросовестных (дисциплинированных) работников.

Уделяя большое внимание материальному поощрению трудящихся, партия и правительство постоянно заботятся о широком применении морального поощрения рабочих и служащих. «В новых условиях, — указал XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза, — необходимо также усилить внимание к моральным стимулам производства, к укреплению трудовой дисциплины, воспитанию отношения к труду как патриотическому долгу, личной ответственности каждого работника за положение дел на предприятии, стройке, в учреждении, максимально использовать широкие возможности, которые открывает для этого новая система экономического стимулирования производства»[8]).

Путем поощрения лучших представителей рабочих и служащих Советское государство стимулирует тем самым образцовое выполнение в будущем трудовых обязанностей не только этими работниками, но и всеми другими, с которыми они совместно работают. Этому способствует широкая гласность поощрения, популяризация и распространение передового опыта лучших работников.

Рабочие и служащие поощряются за новаторство в труде, за изобретения и рационализаторские предложения, за продолжительную и безупречную работу на одном предприятии и другие успехи в работе. Непременным условием для всякого поощрения является примерное соблюдение работником трудовой дисциплины. Следовательно, всякое поощрение косвенно поставлено на службу воспитания дисциплины труда. Рабочие

[8]) Резолюция XXIII съезда Коммунистической партии Советского Союза по отчетному докладу ЦК КПСС. «Известия», 9 апреля 1966 г.

и служащие в определенных случаях поощряются морально и материально только за старательное и примерное выполнение своих обязанностей (см., например, ст. 19 Типовых правил внутреннего трудового распорядка для рабочих и служащих... 1957 г.). Следовательно, поощрение рабочих и служащих в нормативном порядке не только косвенно, но и прямо признается средством воспитания трудовой дисциплины.

Наряду с правовыми формами определенную роль в деле укрепления трудовой дисциплины рабочих и служащих имеют и неправовые формы поощрения[9]).

Поощрение неправового характера осуществляется профсоюзными и другими общественными организациями. При решении вопроса о поощрении работника общественная организация непременно учитывает его добросовестное отношение к исполнению своих трудовых обязанностей.

Поэтому следует отметить, что формы поощрения как правового, так и неправового характера подчинены задаче укрепления социалистической дисциплины труда.

Товарищеское обсуждение антиобщественных поступков становится в настоящее время одним из эффективных средств воспитания трудовой дисциплины. Производственные коллективы успешно и охотно применяют общественное воздействие для воспитания своих членов. Именно поэтому вопросы, связанные с понятием и содержанием общественного воздействия, нуждаются в тщательной теоретической разработке.

В юридической литературе по трудовому праву общественное воздействие всякий раз указывается наряду с убеждением[10]), но при этом не делается попытка проанализировать существующую между ними взаимосвязь.

Для того, чтобы правильно решить эту проблему, необходимо исходить из содержания тех общественных отношений, которые возникают в ходе рассмотрения тем или иным органом самодисциплины трудящихся (общим собранием, товарищеским судом и т. д.) факта нарушения трудовой дисциплины, т. е. в процессе выработки и применении общественного воздействия.

В основном общественное воздействие на нарушителя оказывается путем разъяснения нарушителю антиобщественного характера его проступка, ошибочности, вредности допущенных им действий, а в некоторых случаях и путем применения к нему мер общественного воздействия и установления надлежащего контроля за их исполнением.

Меры общественного воздействия являются ничем иным, как определенным образом сформулированным общественным мнением, в кото-

---

[9]) Под формой поощрения необходимо понимать не различные блага материального и морального характера, а определенную совокупность общественных отношений между компетентным органом и трудящимися, выражающих публичное признание заслуг, оказание общественного почета и награждение работников и имеющую относительно самостоятельное значение.

С этой точки зрения можно говорить о следующих формах поощрения: предоставление наград отличившимся, оказание общественного почета, предоставление льгот и преимуществ, продвижение на более ответственную работу, досрочное снятие ранее наложенного дисциплинарного взыскания.

[10]) См. трудовое право. Энциклопедический словарь. М., 1963, с. 481 «Основное в работе товарищеского суда... воспитание людей путем убеждения и общественного воздействия». Н. Г. Александров. Советское трудовое право. М., 1963, с. 306, 320. А. Ф. Трошин. Соотношение правовых и общественных мер укрепления социалистической дисциплины труда, «Вопросы трудового права на современном этапе. Сборник статей. МГУ, 1964, с. 96. «Свою профилактическую работу товарищеские суды осуществляют путем убеждения и общественного воздействия и др.

ром дана оценка тем отношениям, которые сложились между коллективом и нарушителем трудовой дисциплины. Основным содержанием мер воздействия, применяемых товарищеским судом, общим собранием производственого коллектива и т. д. является не лишение материального или морального характера, а общественное мнение, доведенное до работника в такой форме.

Поэтому совершенно обоснованно правило ч. 1 ст. 16 Положения о товарищеских судах РСФСР 1961 г., которой товарищескому суду предоставлено право не применять указанные в ст. 15 Положения меры общественного воздействия к нарушителю, ограничившись только публичным рассмотрением дела, если виновный, чистосердечно раскаявшись, публично принесет извинение коллективу или потерпевшему и возместит причиненный ущерб.

Характерным в деятельности органов самодисциплины трудящихся по воспитанию трудовой дисциплины является не пресекающий, а убеждающий фактор (см. ст. 1 Положения о товарищеских судах РСФСР). Не наказать работника, а помочь ему исправиться — вот главная задача общественности.

По нашему мнению, общественное воздействие по своему направлению и содержанию является убеждением, сопровождаемое в определенных случаях и принуждением. Однако принуждение является не главным, а второстепенным и носит чисто организационно-завершающий характер.

Не состоятельной также, на наш взгляд, является трактовка общественного воздействия как определенным образом сформулированного общественного мнения[11]). Такое понимание противоречит практике выработки и применения общественного воздействия, так как сводит его к мерам общественного воздействия. Например, определенным образом сформулированное общественное мнение товарищеского суда, как правило, выражается не иначе, как в виде оформленной решением меры общественного воздействия.

Практика воспитания трудовой дисциплины знает разнообразные формы применения общественного воздействия. К таковым следует отнести деятельность товарищеских судов; общих собраний бригад, смен, цехов, предприятий и учреждений, в особенности коммунистического труда; общественных отделов кадров и др.

Деятельность большинства этих органов общественности в нормативном порядке не урегулирована. Однако социалистическому праву известен опыт правового урегулирования некоторых из них. Так, с первых лет своего существования Советское государство регулирует порядок организации и деятельности товарищеских судов.

Отличие правовых форм общественного воздействия от неправовых не вызывает особой трудности. Представляется, что на современном этапе единственной правовой формой общественного воздействия является деятельность товарищеского суда, которая урегулирована нормами права.

Последнее важно во многих отношениях и, в частности, в связи с толкованием п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 года «О судебной практике по гражданским трудовым делам»[12]), а так же при решении вопроса о целесообразности правового урегулирования других форм самодисциплины трудящихся.

---

[11]) См.: А. Ф. Трошин. Цитированная ранее работа, с. 97—98.

[12]) Бюллетень Верховного суда СССР, 1957, № 5, с. 18.

На наш взгляд, в п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 13 сентября 1957 года может идти речь только о правовой форме общественного воздействия и его мерах, т. е. о применении общественного воздействия товарищеским судом. Всякое другое утверждение противоречит п. «в» ст. 9 Положения о Верховном Суде СССР, так как приводит к выводу о создании Пленумов новой нормы права, которой признается правовой характер за определенными решениями различных форм самодисциплины трудящихся.

Итак, убеждение как метод воспитания трудовой дисциплины выражается в воспитательном воздействии на психику работника с целью побудить его к добровольному (самостоятельному и сознательному) исполнению своих обязанностей, а также реализации своих прав и осуществляется путем разъяснения, поощрения и общественного воздействия. Убеждение проявляется в конкретных формах правового и неправового характера (рассмотрение проступка нарушителя трудовой дисциплины на товарищеском суде или общем собрании коллектива, указание ему администрацией на необходимость соблюдения установленных правил внутреннего трудового распорядка, моральное и материальное поощрение и т. п.), умелое сочетание которых в настоящее время является необходимым условием воспитания социалистической дисциплины труда.

ТРУДЫ ТОМСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. В. В. КУЙБЫШЕВА

Том 194 Серия юридическая

О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ ПОДРЯДНЫХ СТРОИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В. Т. ВЕДЮШЕНКО

Директивами XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. в качестве основной задачи в области капитального строительства предусматривается более эффективное использование капитальных вложений, обеспечение ввода в действие новых мощностей, жилых домов и других объектов в короткие сроки и при наименьших затратах, повышение качества строительных работ. Решению данной задачи должны служить совершенствование планирования капитальных вложений, усиление экономического стимулирования строительного производства, предоставление строительно-монтажным организациям бо́льшей хозяйственной самостоятельности[1]). Полная реализация этих мер будет осуществлена в ходе новой экономической реформы в строительстве.

Первостепенная роль в претворении Директив XXIII съезда КПСС в области капитального строительства в жизнь принадлежит подрядным строительно-монтажным организациям[2]). В специальной литературе, когда говорят о подрядных строительно-монтажных организациях, то имеют в виду как строительно-монтажные управления и приравненные к ним организации, так и соответствующие тресты. Поэтому практически важно выяснить, какие из подрядных строительно-монтажных организаций являются строительными предприятиями и почему, что такое строительное предприятие.

Вопрос о понятии строительного предприятия имеет важное значение для характеристики правового положения данного предприятия. Это понятие позволяет выявить состав строительных организаций, на которых распространяется Положение о предприятии, их правосубъектность, специфику деятельности и т. д.

---

[1]) Директивы XXIII съезда КПСС по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. Политиздат, 1966, стр. 41—43.

[2]) Подрядные строительно-монтажные организации — это организации, которые непосредственно осуществляют основную производственную деятельность в строительстве путем подрядного способа ведения работ. «Подрядный способ строительства — основная организационная форма осуществления строительства, при которой строительные и монтажные работы выполняются строительными и монтажными организациями на основе заключаемых с заказчиками подрядных договоров в строительстве. Подрядные организации являются хозрасчетными организациями, имеющими необходимые основные производственные фонды (строительные машины, механизмы, технологический транспорт и т. д.), постоянные кадры рабочих строителей, оборотные средства, пользуются правами юридического лица». Экономическая энциклопедия. Промышленность и строительство, т. 2. Изд-во «Советская энциклопедия», М., 1964, стр. 514.

В нормативном порядке такого развернутого понятия не дается. В Особенностях применения Положения о предприятии, изданных в некоторых союзных республиках, дается лишь характеристика производственно-хозяйственной деятельности строительного предприятия (применительно к п. 29 Положения). Так, в Особенностях, принятых в Литовской ССР, указывается: «В соответствии с утвержденными планами подрядных работ, заключенными договорами и представленной заказчиками в установленном порядке проектной документации, строительная организация (предприятие) выполняет строительно-монтажные работы с соблюдением предусмотренных графиков строительства и качества работ и сдает объекты и мощности в эксплуатацию в установленные сроки[3]).

Эта характеристика является неполной, так как не включает указание, что считать строительным предприятием. Ею не охватывается деятельность специализированных строительных предприятий, которые сдают не объекты и мощности, а выполненные комплексы работ. Неточно говорится, что строительное предприятие сдает объекты в эксплуатацию. Обязанность сдать объект в эксплуатацию в основном лежит на заказчике[4]).

В связи с этим нужно указать на практически доступный и ясный перечень строительных организаций, являющихся строительными предприятиями, подготовленный Госстроем СССР[5]). В соответствии с ним строительным предприятием являются строительные, монтажные, специализированные управления и приравненные к ним организации, находящиеся на самостоятельном балансе и являющиеся юридическими лицами, а также строительные тресты или домостроительные комбинаты, если они имеют в своем составе строительные, монтажные, специализированные участки и управления и другие производственные подразделения, не являющиеся самостоятельными предприятиями.

Таким образом, государственным строительным предприятием является строительное (строительно-монтажное управление) или приравненная к нему организация, которая, используя закрепленное в ее оперативном управлении государственное имущество, непосредственно осуществляет силами своего коллектива под руководством вышестоящего органа в соответствии с народнохозяйственным планом и заключенными договорами выполнение общестроительных или специальных работ с соблюдением их качества и сдает законченные комплексы работ или готовые объекты заказчику в установленные сроки и порядки, действует на основе хозрасчета, выполняет обязанности и пользуется правами, связанными с осуществлением строительно-монтажных работ, имеет самостоятельный баланс и является юридическим лицом.

В связи с принятием Положения о предприятии в печати дискутировался вопрос о том, какие строительные организации должны пользоваться правами, предоставленными Положением. Одни выступали за то, чтобы строительным предприятием считать строительное (строительно-

---

[3]) Об особенностях применения Положения о социалистическом государственном производственном предприятии к строительным, сельскохозяйственным предприятиям и предприятиям транспорта. Ведомости Верховного Совета и правительства Литовской ССР, 1966, № 14, ст. 106. Аналогичные «Особенности» в отношении строительных предприятий применительно к пп. 29, 48, 58 и некоторым другим Положениям о предприятии установлены в Эстонской ССР и Узбекской ССР. Принципиально нового по сравнению с нормами Положения они ничего не вносят.

[4]) См., например, п. 1 Постановления Совета Министров СССР от 22 января 1966 г. «О порядке приемки в эксплуатацию законченных строительством объектов производственного назначения». СП СССР, 1966, № 3, ст. 29.

[5]) Трест или управление. «Экономика строительства», 1967, № 2, стр. 33—34.

монтажное) управление (СУ, СМУ) или приравненную к нему организацию. Другие — за предоставление прав строительного предприятия строительным трестам. Третьи — за распространение Положения о предприятии и на СУ (СМУ) и на соответствующие тресты[6]).

Мы полагаем, что этот вопрос в настоящее время правильно решен на практике в пользу строительно-монтажных (строительных) управлений и приравненных к ним организаций[7]) и, таким образом, проблема состоит не в том, чтобы распространить Положение о предприятии на строительные тресты, а в том, чтобы урегулировать правовое положение строительных трестов путем издания соответствующего Положения о них.

Следует пояснить, что в строительстве существуют тресты-хозяйственные объединения и тресты-предприятия. Большинство строительных трестов сейчас представляет собой хозяйственные объединения. Наряду с ними существуют тресты-площадки и такие тресты, которые состоят из несамостоятельных СУ (СМУ) и строительных участков. Тресты-площадки и тресты последнего типа являются предприятиями. Но трестов-предприятий сравнительно немного.

Что касается трестов первого вида, то нужно иметь в виду, что они выступают одновременно как хозяйственное объединение строительных и некоторых других производственно-хозяйственных единиц и как трест в узком смысле, т. е. управление трестом — хозяйственным объединением.

В первом случае такой трест должен рассматриваться как хозяйственная организация, во втором — как орган хозяйственного руководства. Сложность правового положения треста — хозяйственного объединения тем более не может быть разрешена путем механического применения Положения о предприятии к этим трестам[8]).

Ошибочным представляется вывод, в соответствии с которым под предприятием понимается не только самостоятельная производственно-хозяйственная единица, но и несамостоятельная производственно-хозяйственная единица (по признаку производства ею готовой продукции или осуществления полного производственного цикла), а также объединение самостоятельных производственно-хозяйственных единиц[9]). Неубедительна попытка упростить понятие такого сложного экономико-правового явления. как предприятие, и дать «экономическое» понятие предприятия путем выделения одного, являющегося весьма относительным, признака готовой продукции[10]). Нельзя согласиться и с отождествлением тех СУ (СМУ), которые в большинстве своем находятся на

---

[6]) См.: «Строительная газета», 1966 г., № 30, 63, 71, 74; «Экономическая газета», 1967, № 13, стр. 39; № 18, стр. 36; № 23, стр. 16.

[7]) См., например, приказ Министерства транспортного строительства СССР, № 36, от 17 февраля 1966 г. «Транспортное строительство», 1966, № 6, стр. 1—4. Аналогичные приказы изданы Министерством монтажных и специальных строительных работ СССР в 1966 г., Министерством строительства СССР в 1967 г., Министерством строительства предприятий тяжелой индустрии СССР в 1968 г.

[8]) Взгляд на тресты только как на чисто управленческие органы привел некоторых ученых к выводу о том, что тресты в строительстве следует ликвидировать (см., например, М. И. Барышев. Совершенствовать управление капитальным строительством. «Советское государство и право», 1962, № 11, стр. 60—61; «Советское гражданское право», т. 1, Изд-во «Юридическая литература», 1965, стр. 134—135. Однако необходимость планового руководства и контроля за деятельностью СУ (СМУ) на местах, а также централизация в трестах ряда важных хозяйственных функций свидетельствуют о жизненности такого звена, как строительные тресты, и обусловливают их дальнейшее существование.

[9]) Л. С. Джомарджидзе. Указ. статья, стр. 106, 107, 109, 110.

[10]) На относительность признака готовой продукции указывает, например, Т. Баскакова в статье «О показателях в строительстве». «Плановое хозяйство», 1966, № 1; Л. С. Джомарджидзе. Там же, стр. 108.

самостоятельном балансе и являются предприятиями, со строительным трестом-хозяйственным объединением, с предложением считать предприятием и то и другое. Строительный трест как хозяйственное объединение состоит из СУ (СМУ) и других производственно-хозяйственных единиц во главе с органом хозяйственного руководства — трестом в узком смысле.

А если целое (трест) состоит из частей, то часть не может быть приравнена к целому, и наоборот. В данном случае мы имеем дело с качественно различными явлениями.

***

Положение о предприятии составлено в основном применительно к деятельности промышленных предприятий и механически переносить действие его норм на строительные предприятия не всегда возможно. Более всего это касается таких подразделов Положения о предприятии, как права предприятия в области планирования, капитального строительства и капитального ремонта, в области материально-технического снабжения и сбыта и некоторых отдельных норм.

Особенности, изданные вышеупомянутыми советами министров союзных республик и строительными министерствами СССР, решают только вопросы установления перечня организаций, на которых распространяется Положение о предприятии, порядка перераспределения излишних и неиспользуемых основных и оборотных средств, порядка списания непригодных для дальнейшего использования оборудования, транспортных средств и порядка перечисления в бюджет отчислений от прибыли и некоторые другие. Разумеется, этого слишком мало для того, чтобы учесть специфику правового положения строительных предприятий. Ведь Положение о предприятии (п. 3) говорит, что особенности его применения к строительным и иным предприятиям устанавливаются... **на основе действующего законодательства по предприятиям соответствующей отрасли народного хозяйства** (курсив наш. *В. В.*). Между тем изданные Особенности ни в коей мере не затрагивают действующее законодательство в области капитального строительства и правового положения строительно-монтажных управлений или приравненных к ним организаций.

Положение о предприятии не устанавливает, в какой форме должны быть изданы Особенности его (Положения) применения. Ясно лишь, что эти Особенности должны быть достаточно подробны, поскольку они должны учитывать действующее законодательство по предприятиям соответствующей отрасли народного хозяйства (законодательство же по капитальному строительству достаточно обширно и специфично). А если это так, то мы оказываемся перед дилеммой разработки подробных Особенностей и пользования ими вместе с Положением о предприятии или разработки на основе Положения о предприятии и действующего законодательства по предприятиям строительства как отрасли народного хозяйства Положения о строительном предприятии.

Первый вариант практически труден, так как, разрабатывая «Особенности», советы министров союзных республик и министерства СССР должны затрагивать вопросы, относящиеся к компетенции Совета Министров СССР, Госплана СССР, Госстроя СССР и т. д.[11]).

---

[11]) На это указывает З. А. Ткач в ст. «Применение Положения о социалистическом государственном производственном предприятии». «Советское государство и право», 1967, № 1, стр. 95.

Практически неудобно было бы и пользоваться указанными двумя правовыми актами, касающимися одного вопроса. Предпочтительным, на наш взгляд, является второй вариант — разработка общего для всех строительных предприятий Положения. Проект такого Положения можно было бы поручить разработать, например, Госстрою СССР[12]) на основе Положения о социалистическом государственном производственном предприятии и наиболее специфичных и важных правовых актов, касающихся строительства, и внести на утверждение Совета Министров СССР.

Думается, что одновременно должно быть разработано Положение о строительном (строительно-монтажном) тресте — хозяйственном объединении в строительстве. Это позволило бы избежать некоторых пробелов, неясностей или ошибок, неизбежных в том случае, если разрабатывалось бы только какое-либо одно Положение — о строительном предприятии или строительном тресте.

Нужно отметить, что отделом Госстроя СССР и научно-исследовательским институтом экономики строительства Госстроя СССР разработаны Положения о правах и обязанностях основных структурных подразделений строительно-монтажного (специализированного) треста и Положения о правах и обязанностях основных структурных подразделений строительно-монтажного (специализированного) управления[13]). Несмотря на важность и практическое значение изданных Положений, следует сразу подчеркнуть, что ими решаются далеко не все проблемы и аспекты правового статуса строительных трестов и строительно-монтажных управлений и приравненных к ним организаций. Положения изданы как рекомендуемые и, следовательно, в каждом случае должны утверждаться руководителем предприятия (п. 93 Положения о предприятии). Сам принцип определения прав и обязанностей лишь основных структурных подразделений не может охватить всю совокупность прав, принадлежащих строительному тресту или СМУ, так как вне поля зрения остаются права и обязанности этих хозяйственных организаций в целом как юридических лиц и лиц, их возглавляющих — управляющих трестами, начальников СМУ, главных инженеров, главных бухгалтеров и т. д. Не регулируются при этом правовые отношения вовне — между трестом и СМУ, между СМУ и остальными подразделениями, входящими в состав треста, между трестом, СМУ и заказчиками и другие вопросы.

Каковы же те особенности, которые обусловливают необходимость разработки общего Положения о строительном предприятии? Наряду с названными выше коротко остановимся лишь на некоторых из них, наиболее важных.

В специальной литературе вплоть до последнего времени указывается, что СУ (СМУ) не имеют уставного фонда, а наделяются основными и оборотными средствами из имущества строительного треста[14]). Это устаревшее представление на практике бывает причиной необоснованно-

---

[12]) Предложение подобного рода было высказано на экономическом совещании, посвященном проблемам перевода строительных организаций на новую систему планирования и экономического стимулирования. См.: «Экономика строительства», 1967, № 2, стр. 33—34.

[13]) Положения о правах и обязанностях основных структурных подразделений строительно-монтажных (специализированных) организаций. Изд-во литературы по строительству, 1967.

[14]) См., например, «Правовые вопросы строительства в СССР», Госюриздат, 1960, стр. 48—49; «Экономика строительства», Госполитиздат, 1964, стр. 457—458; «Бухгалтерский учет в строительных организациях газовой промышленности», Изд-во «Недра», 1967, стр. 360—361.

го перераспределения строительным трестом основных и оборотных средств подчиненных СУ (СМУ)[15]. Следовательно, налицо необходимость четко закрепить правило о том, что СУ (СМУ) наделяются уставным фондом за счет средств органа (министерства, главка, край (обл) исполкома), принявшего решение о создании или реорганизации СУ (СМУ)[16] и что основные и оборотные средства уже существующих СУ (СМУ) являются их уставным фондом и не могут перераспределяться трестом, за исключением случаев, предусмотренных законом.

Можно перечислить другие, специфичные для строительства моменты, касающиеся имущества СУ (СМУ). В соответствии с Постановлением Совета Министров СССР от 7 августа 1964 г. № 659 подрядные строительные и монтажные организации и конторы бурения были наделены собственными оборотными средствами в пределах установленных нормативов и в связи с этим им была прекращена выдача авансов заказчиков[17].

Однако в настоящее время возникла проблема наделения подрядных строительных организаций собственными оборотными средствами в необходимом размере в связи с тем, что многие подрядчики и заказчики перешли на расчеты за готовый объект в целом. Порядок расчетов за полностью законченные объекты и этапы работ без промежуточных платежей играет важную роль в снижении сроков строительства.

Поскольку проблема, о которой идет речь, не решена окончательно до сих пор, постольку строители временно вынуждены пользоваться авансами заказчиков. Например, строители Белоруссии получают авансы от заказчиков в пределах до 22% от годового объема работ[18].

Заказчики обязаны обеспечить строительство, осуществляемое подрядчиком, техническим, энергетическим, электротехническим и общезаводским оборудованием и аппаратурой (ч. II, стр. 368 ГК РСФСР), а также предоставить железнодорожные пути, подвижной состав, собственное водо-паро-электроснабжение и другие вспомогательные устройства, если они у заказчика имеются в наличии (п. 15 Правил о подрядных договорах по строительству). СУ (СМУ), как правило, не имеют собственных машин, механизмов и оборудования. Они обеспечиваются ими через управление механизации на началах аренды и эксплуатации с обслуживающим персоналом.

Требует уточнения название фонда предприятия в строительстве. Сейчас он называется фондом строительно-монтажных организаций, что не совсем верно, ибо «организация» есть более широкое понятие, чем «предприятие» и включает в себя последнее. Организацией являются и строительные тресты, но у них данный фонд не создается. Должен быть урегулирован вопрос о создании централизованных фондов в трестах за счет части отчислений от соответствующих фондов строительных предприятий. Распоряжаться этими централизованными фондами, по нашему мнению, должны сами строительные предприятия и трест вместе через

---

[15]) См, например, И. Калашников. Управляющий приказом. «Строительная газета», 2 июля 1967 г.

[16]) С. М. Корнеев указывает, что основные фонды предоставляются предприятию при его создании вышестоящей организации (министерством, ведомством). С. М. Корнеев. Правовое положение имущества государственного предприятия. «Советская юстиция», 1967, № 3, стр. 3. Однако прямое указание об этом в соответствующих нормативных актах отсутствует. Поэтому при разработке Положения о строительном предприятии этот важный момент следовало бы урегулировать.

[17]) СП СССР, 1964, № 14, ст. 96.

[18]) «Контроль — рубль, выигрыш — качество» (Подборка) «Труд», 13 сентября 1967 г.

совет начальников (по типу совета директоров, создаваемых в некоторых промышленных хозяйственных объединениях, например, в «Сигме»). Представляется, что средства этих централизованных фондов должны храниться на специальных счетах и, таким образом, будут четко разграничиваться средства строительного треста как органа хозяйственного руководства, средства хозяйственного объединения в строительстве в целом и средства подчиненных тресту строительных, промышленных и других предприятий. Этим будет создана гарантия использования средств, принадлежащих хозяйственному объединению, именно на цели, определенные советом начальников.

Основной правовой формой, которая опосредствует производственно-хозяйственную деятельность СУ (СМУ) является договор порядка на капитальное строительство. В этом смысле нельзя преуменьшить значение и роль СУ (СМУ) — основного звена в строительстве. Между тем в типовом генеральном договоре по строительству и типовом годовом договоре по строительству в качестве подрядчика указывается строительный трест, что не соответствует задаче расширения и укрепления самостоятельности основного производственного звена в строительстве в настоящее время.

Наконец, имеются значительные особенности в правовой регламентации производственно-хозяйственной деятельности строительного предприятия. Мы уже говорили, что это более всего касается прав строительного предприятия в области планирования, капитального строительства и капитального ремонта, а также в области совершенствования техники и технологии производства, материально-технического снабжения и т. д. Например, неясно, имеет ли СУ (СМУ) право заключать в определенных случаях прямые договоры с поставщиками или во всех случаях должно обеспечиваться необходимыми материалами, конструкциями и деталями через отдел (контору) материально-технического снабжения треста. И следует ли с последними заключать договоры? Вообще проблема внутритрестовых отношений в строительстве никак не регулируется в правовых актах, а возникающие между отдельными подразделениями треста хозяйственные споры и вопросы решаются часто административным путем, в приказном порядке трестом, а самими подразделениями треста — путем согласования, порой не основанного на действующем законодательстве и не оформленного письменным договором.

Отсутствие договоров ставит под сомнение возможность применения различного рода санкций, предусмотренных в законодательстве. В результате многие хозяйственные правонарушения остаются безнаказанными.

Таким образом, мы считаем, что вопрос о разработке Положения о строительном предприятии и Положения о строительном тресте, безусловно, заслуживает внимания.[19])

[19]) В печати уже было высказано предложение о разработке Положения о строительно-монтажных трестах. См., например, «Еще раз о фондах стимулирования и уровне рентабельности» (Подборка). «Строительная газета», 27 сентября 1967 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

И. В. Федоров. Социалистические имущественные отношения как предмет правого регулирования 3

В. П. Шахматов. Социальная значимость несоответствия сделки требованиям норм права 36

Б. Л. Хаскельберг. Понятие обязательства железнодорожной перевозки груза 48

Б. Л. Хаскельберг. Права и обязанности субъектов обязательства железнодорожной перевозки грузов и их реализация 59

И. В. Федоров. Некоторые вопросы исполнения хозяйственно-договорных обязательств в капитальном строительстве 121

Е. И. Боровик. Определение размера возмещения ущерба, причиненного рабочим и служащим увечьем либо иным повреждением здоровья, связанным с их работой, при смешанной вине сторон 137

В. А. Носов. Развитие правового регулирования рационализаторских предложений 150

В. Н. Щеглов. Гражданское процессуальное отношение как правоотношения 160

В. Н. Щеглов. Гражданские процессуальные отношения и другие правоотношения 167

Н. А. Арапов. Порядок предъявления встречного иска 176

Г. С. Слободянюк. Понятие временной нетрудоспособности по советскому трудовому праву 186

В. И. Савич. Понятие материальной заинтересованности рабочих и служащих в общественно полезном труде 201

В. М. Лебедев. К вопросу о роли товарищеских судов в укреплении трудовой дисциплины на предприятии 208

В. М. Лебедев. К вопросу о понятии убеждения как средства воспитания трудовой дисциплины 230

В. Т. Ведюшенко. О правовом положении подрядных строительных организаций 237

В. И. Савич. К вопросу об усилении материальной заинтересованности рабочих в повышении качества продукции 218

Вопросы гражданского, правового и гражданско-процессуального права

Томск, Изд. ТГУ, 1969, 224 с.

Редактор издательства **Л. Г. Мордовина.**
Технический редактор **Э. Н. Страшкова.**
Корректоры **Г. А. Азовцева** и **Н. И. Завацкая.**

К300342. Сдано в набор 4/III-67 г. Подписано к печати 14/III-69 г.
Формат 70×108 1/16. печ. л. 14. усл.-л. 19,5. уч. изд. л. 19,1. бум. л. 7.
Тираж 700. Заказ 1809. Цена 1 руб. 91 коп.

Издательство ТГУ, Томск, 10, пр. Ленина, 36.
Типография № 1, г. Томск., Областного управления по печати, ул. Советская, 47

1-010194

Томский государственный университет
Научная библиотека 00283002